ЛИДИЯ РУСЛАНОВА

Сергей Михеенков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Есть такая русская пословица: от сумы и от тюрьмы не зарекайся. В жизни героини этой книги были и сума, и тюрьма, а ещё в ней были верность и предательство, нищета и богатство, и радости и горя было немерено. Но главное, что сопровождало её с малых лет и до последнего вздоха, — это поистине всенародная любовь. Писатель Сергей Михеенков рассказывает об уникальном явлении в русской культуре, о том, как сирота из поволжской деревни Даниловки Прасковья Лейкина, просившая Христа ради во дворах богатых саратовских домов, удивительным образом превратилась в гениальную певицу, непревзойдённую исполнительницу русских народных песен Лидию Русланову. Такая судьба просто не могла не породить легенд и даже небылиц. Новая биография, написанная на основе воспоминаний её близких, друзей и родственников, открывает многие неизвестные страницы жизни великой певицы.

знак информационной продукции 16 +

- С. Е. Михеенков
  - ОТ АВТОРА
  - ВВЕДЕНИЕ
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая «ВАЛЕНКИ»
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая

- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья
- Глава двадцать четвёртая
- Глава двадцать пятая
- Глава двадцать шестая
- Глава двадцать седьмая
- Глава двадцать восьмая
- Глава двадцать девятая
- Глава тридцатая
- Глава тридцать первая
- Глава тридцать вторая
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Л. А. РУСЛАНОВОЙ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

С. Е. Михеенков
Лидия Русланова. Душа-певица

ОТ АВТОРА

Мы за наше чувство дорого платили…

Благодарен обстоятельствам и людям, доброй помощью, советами и хлопотами которых появилась эта книга.

Землякам великой певицы Валерию Васильевичу Радаеву, Владимиру Ильичу Вардугину, Виктору Ивановичу Егорову, Инне Евгеньевне Кадуриной, Владимиру Григорьевичу Гурьянову, Василию Кузьмичу Бочкарёву, Надежде Ивановне Никулаенковой, Михаилу Сергеевичу Полубоярову, Сергею Александровичу Пчелинцеву.

Библиотечным работникам Калуги.

ВВЕДЕНИЕ

Однажды мне сказали, что бывший танкист-гвардеец Иван Аверьянович Старостин, к которому я ходил записывать фронтовые истории, встречался с Лидией Андреевной Руслановой, что слушал её концерт в 1943 или 1944 году. Иван Аверьянович прошёл всю войну от Ржева до Берлина, в последнее

время стал рассказывать о многом, что довелось повидать на фронте, особо не привирал. И вот в очередной свой приход к нему я его спросил и о ней.

— Русланова? Да, я её на фронте слушал. А как дело было… Наша танковая бригада только-только из боя вышла. Потеряли много машин. Некоторые экипажи полностью сгорели. Других в бинтах увезли. Ребята хмурые. Не все и к котлу пошли. И тут комбат бежит: «Ребята! Собирайтесь! Сейчас Русланова петь будет!» Мы думали, пластинку заведут, новую пластинку с Руслановой привезли, чтобы дух поднять, так как личный состав сильно потрёпан и приуныл. Нет. Подъезжает машина. Из машины выходит наш полковник, командир бригады. Китель на нём новый. Сапоги блестят. Мы сразу поняли: что-то сейчас будет… И вот за ним — какая-то баба. В нарядном платье. Неужто, думаем, и вправду она? Вроде простовата. И не особенно чтобы красивая. Баба и баба. А как за-пе-ла!.. Мы обо всём разом забыли. Что день такой был тяжёлый. Что всю ночь нам танки ремонтировать и что утром опять в бой. Ох, как она пела! Правду сказать, она нам тогда своими песнями всю душу перевернула. Наш комбат, капитан Максимцов, дядька уже пожилой был, годов под сорок, впереди сидел, рядом с командиром бригады. Так он, орёл наш бронированный, то заплачет, то засмеётся. Лейтенантом под Москвой войну начинал, на Т-26. Три раза горел. Сидит и слёзы утирает… Разобрало комбата. Мы, молодые, ещё не так близко к сердцу всё принимали… Жизнь нашу… Но и у нас — всё внутри ходуном ходило. Прямо как колдовство в ней какое-то было. Вот скажи ты мне, кто из нынешних певцов так может?.. Чтобы такой орёл, как комбат наш, заплакал? А отчего человек плачет, слушая песню? От счастья, от сильного душевного ликования. Я так понимаю…

Глава первая
ДЕТСТВО ПРАСКОВЬИ ЛЕЙКИНОЙ

«Повопи, баба, по тятеньке…»

Родилась великая русская певица на Волге под Саратовом, в деревне Чернавке Сердобского уезда, в семье поволжских староверов 27 октября (14 октября по старому стилю) 1900 года. И тогда звали её Агафьей Лейкиной. Под именем Агафьи окрестили её в приходском старообрядческом храме села Даниловки.

Лидией Руслановой она стала потом.

Так пишут искусствоведы, подтверждают это энциклопедии и справочники, им же вторят столичные журналисты, время от времени публикующие на страницах газет и журналов, обыкновенно к каким-нибудь датам и случаям, статьи о жизни великой певицы.

На родине же своих знают лучше. Так вот, по сведениям пензенских историков и краеведов, будущую великую певицу при рождении нарекли Прасковьей. Да и отчество у неё другое — Андриановна. А родиной было село Даниловка Петровского уезда Саратовской губернии. Ныне — Лопатинского района Пензенской области.

Некоторые саратовские краеведы утверждают, что родилась «Прасковья Андриановна Лейкина-Горшенина в деревне Александровке Даниловской волости Петровского уезда Саратовской губернии…». Теперь деревня Александровка и село Даниловка, к немалому огорчению саратовцев, действительно относятся к Лопатинскому району соседней Пензенской области.

Местные хроники повествуют такую историю. В конце XIX века, «лет за десять до рождения Руслановой из волостного села Даниловка Петровского уезда выселились несколько семей — старообрядцев поморского согласия, бывшие крепостные крестьяне. Обосновались они в четырёх верстах от прежнего места жительства, срубив избы на краю оврага, который и поныне прозывается Воровским, на берегу речки Чернавки. Деревеньку назвали Александровкой». Так вот откуда, возможно, пошло название родины Руслановой — от речки Чернавки. Название красивое, запоминающееся. Обронили раз-другой, и пошло гулять по свету — Чернавка, Чернавка…

На выселки, на новый надел пришёл и Дмитрий Алексеевич Горшенин, вдовец. Вскоре он сошёлся с Дарьей Лейкиной, тоже

вдовой, мордовкой из недальнего села. У Дарьи по смерти первого мужа, Маркела, осталось двое сыновей — Андриан и Федот. Старший станет отцом нашей героини. За него высватают дочь мельника Ивана Васильевича Нефёдова из Даниловки. Иван Фёдорович тоже старообрядец. И было у него три дочери: Елена, Степанида и Татьяна. Старших мельник скорёхонько выдал замуж. А вот младшая засиделась в девках. После оспы на лице у неё остались глубокие следы, и никто на рябую не зарился. Вот и отдали Татьяну за мордвина, батрачившего на мельнице, тоже старообрядца, Андриана Лейкина.

Андриан, женившись на дочери мельника, выделяться не стал, жил своей семьёй под общей крышей с главой семейства отчимом Дмитрием Алексеевичем Горшениным. Старик был невыносимо строг, крут на расправу и часто несправедлив. Строгий ревнитель старого обряда, он держал в кулаке всю семью, не допуская никаких вольностей. Горшенины, как и многие в окрестных деревнях и сёлах, держались «Древлеправославной Поморской церкви», происходившей «от отцов Соловецкого монастыря и Выговского общежительства».

От «большака» Горшенина, от его деспотизма, в котором он порой доходил до крайности, доставалось всей семье Лейкиных, послушно ходившей под его рукой. Особенно старшей дочери — Паньке.

Исследователь поморского согласия в Саратовском крае С. И. Быстров в монографии, изданной в 1923 году, писал: «Верования поморцев сводятся к следующим основным положениям: со времён патриарха Никона в русской церкви наступило царствование антихриста, который не есть определённое лицо, а совокупность нечестия и отступления от истины. А поэтому священство истинное в мире уничтожилось, нет также и причащения тела и крови Христовой; нет и крещения истинного, потому что „еретическое крещение не есть крещение, но паче осквернение“. В силу этого поморцы — все миряне; иерархия у них отсутствует. Богослужение совершается самими мирянами. Предстоятельствует при богослужениях наставник, избираемый из мирян, который и совершает у них соответствующие требы: крещение, исповедь, молебны при бракосочетании и проч. Всех приходящих к ним в общение они перекрещивают вновь, отсюда их называют иногда „перекрещенцами“».

Писатель Фёдор Гладков в «Повести о детстве», вспоминая свою родную Чернавку и церковь Дмитрия Солунского, что в селе Даниловке, писал: «Церковь у нас многие годы стояла пустая: наши „мирские“ хотели попа „благословенного“, то есть

молящегося двуперстием, по старообрядческому правилу, и ведущего службу по старопечатным книгам. Этих „мирских“ в нашем селе было меньше половины, и „благословенным“ попам, должно быть, было невыгодно служить здесь. За эти годы одна за другой „мирские“ семьи перекрещивались в „поморское единобрачное согласие“. Они, так же как и „поморцы“, презирали щепотников и считали их папистами. К лапотникам и чапанникам, ключевским и вырыпаевским мужикам, акающим и якающим, относились у нас брезгливо, как к мордвам и татарам. Потому и веру их отвергали, как еретическую. Но так как нужно было венчаться и крестить младенцев, выполнять всякие требы и справлять престольный праздник и Пасху, а в пост исповедоваться и причащаться, то волей-неволей, с натугой, приглашали ключевского попа, пропахшего табаком и сивухой».

Метрическая книга старообрядческой церкви села Даниловки за 1900 год не сохранилась. Так что записи о рождении детей Андриана и Татьяны Лейкиных не обнаружено.

Энциклопедии настаивают на том, что при рождении старшая дочь Андриана и Татьяны получила имя Агафья. На родине же в один голос твердят — Прасковья. Скорее всего, земляки правы, потому что в семье будущую певицу называли Панькой. Панькой её окликали и по прошествии лет, когда в начале 1930-х годов она приехала на родину уже Лидией Руслановой.

По поводу родной деревни можно предположить, что путаницу внёс писатель Фёдор Гладков, автор «Повести о детстве». Он-то как раз родом из Чернавки, вот и приписал в свою славную компанию знаменитую землячку. После Гладкова все авторы справочников и энциклопедий родиной Руслановой смело указывали Чернавку. Впрочем, ошибка невелика: Даниловка всего в 12 верстах от Большой Чернавки (полное название деревни).

Итак, Чернавка, Александровка, Даниловка… Которая из трёх деревень её родная, поди теперь, разберись! Однако в 1999 году в Саратове в Приволжском книжном издательстве вышло подробное исследование саратовского писателя и краеведа Владимира Вардугина «Легенды и жизнь Лидии Руслановой», и в нём он достаточно ясно просветлил некоторые тёмные места в жизни своей знаменитой землячки: родилась в Александровке, крещена в Даниловке. Что же, должно быть, так оно и есть, ведь приезжала потом на родину — именно в Даниловку.

В селе Даниловке была церковь во имя святого великомученика Дмитрия Солунского, а потому село порой именовали Дмитриевским. Но это ещё не вся разноголосица. Рядом с селом протекала речка Чердым. И по имени той речки село порой именовали Чердымом. В народе же — Усовкой. По

фамилии местного помещика и владельца богатого имения Алексея Сергеевича Усова. После отмены крепостного рабства здешние крестьяне писались так: «б. Усова» — бывшие Усова. Вот и пошло Усовка и Усовка… Со временем Даниловка распалась на концы и каждый из концов имел своё название.

Так что и мы, вслед за знатоком местной истории, станем именовать малой родиной Руслановой Даниловку. И пусть никому такое допущение не станет укором или причиной раздражения по поводу возможной неполноты исторической достоверности. А как же, мол, Александровка?.. Жизнь нашей героини полна тайн и легенд. Пусть эта станет первой.

По переписи 1911 года в волостном селе Даниловке числилось две церкви — православная и единоверческая, — земская школа, больница, ветеринарный пункт, почтовая контора, трактир и лавка[1]. В селе проживало 2266 душ, из них 1144 мужского пола и 1122 — женского. В деревне же Александровке Даниловской волости: 164 души мужского пола и 189 — женского.

Деревня и село. Жизнь в них текла разная. Любопытную запись в полицейском отчёте отыскали саратовские краеведы. Отчёт писал в начале прошлого века полицейский урядник Лебедев из села Жуковки, что неподалёку от родных мест Руслановой.

> «… Если посмотреть в один и тот же вечер деревню и село, то мы увидим две различные картины.
>
> Какая-то широкая волна весёлого смеха, весёлой песни обыкновенно несётся над селом в летний вечер. В ней чувствуется всё: и сила, и доброе сердце, и вера в будущее — и забыто горе. Точно целебный бальзам врывается этот сердечный размах сельской молодёжи в сердца всех сельчан и как-то помимо их воли заставляет за собою чувствовать известную долю силы, поднимает энергию, одним словом, „освежает“ крестьянина.
>
> Не то в деревне. Полная тишина царит кругом. Изредка, разве что вдруг вырвется какой-нибудь говор, или раздастся весёлый смех молодёжи, но тотчас всё и оборвётся или просто сменится какой-нибудь грустью, задушевной песнью. И в этой тиши, и в этих песнях сразу как-то чувствуется уже какая-то невольная тоска, одиночество и сердце давящая зачахлость. Здесь уже нет того весёлого смеха, этой волны веселья молодёжи, которая невольно заставляет встряхнуться сельчан».

И это написал в своём казённом отчёте полицейский урядник,

чин вроде нашего нынешнего участкового. Этому б Жуковскому уряднику не жандармскую «селёдку» на портупее таскать да не за пьяными мужиками на ярмарках присматривать, а добрые книги писать. О сельской жизни саратовского края. Невольно затоскуешь о нашем культурном и нравственном прошлом.

В 1762 году царица Екатерина II издала манифест, по которому прекращалось преследование раскольников. Им по тому же манифесту выделялись земли в Заволжье. Некоторая часть староверов, переселенцев из Поморья и северных губерний, осела на правом берегу близ столицы Поволжья Саратова. Так появились и Даниловка, и Александровка, и Чернавка. В деревнях было много мордвы. Возможно, Даниловка ими и была основана и первоначально заселена. Старообрядцы сюда пришли в конце XVIII века, а может, и немного раньше. Постепенно роды и кровь русских и мордвы перемешались. Хотя старая вера налагала строгий запрет на общение с чужаками. Но кто остановит молодость? Если русский парень выглядел на гулянье эрзянку или русская девушка затосковала по парню из мордовской слободы и тоска эта оказалась взаимной, то какие уставы им указ?

Андриан Маркелович Лейкин женился на Татьяне Ивановне Нефёдовой. Вернее: молодых поженили родители. Как решили «большаки» семьи жениха и семьи невесты, так тем и жить. Пошли дети. Прасковья (Агафья), Авдей, Юлия. Андриан Лейкин работал грузчиком на пристани. Жена занималась хозяйством и воспитывала детей. В бедности, в постоянной нужде и заботах о хлебе насущном шли дни. Хотя хозяйство Дмитрия Алексеевича Горшенина бедняцким не считалось. Старик ходил в зажиточных мужиках и шапку ломал не перед каждым. Но оказалось, что нужда в доме Лейкиных — ещё не вся беда.

В 1904 году Андриана Маркеловича, как и многих мужиков Петровского уезда, призвали в армию.

Служить должен был брат Андриана Федот. Повестку из уездного по воинской повинности присутствия в дом Горшениных принесли сперва ему. Но Дмитрий Алексеевич, человек в округе уважаемый, крепкий «большак» многочисленного семейства, сказал своё слово: «Служить будет Андриан!» Сходил к земскому начальству, похлопотал и выкрутил дело по-своему. Так что под красну шапку пошёл тот, на кого указал Дмитрий Алексеевич. Хотя согласно Уставу о воинской повинности от 1874 года Андриан подлежал изъятию — отсрочке по семейному положению: трое малых детей. Но тот же устав допускал замену одного призывника другим «в пределах близкого родства», и вместо одного брата, как это часто бывало, шинель надел другой.

О проводах отца в армию Русланова рассказывала так: «…Я вспоминаю своё детство, когда провожали моего отца в солдаты. Когда провожали в солдаты, пели обязательно „Уж ты сад, ты мой сад“. Песня грустная, любовная, но вместе с тем широкая, русская…»

В народной мифологии «зелёный сад» — символ цветущей жизни, весеннего обновления. Забирали у малых детей отца — какая уж тут цветущая жизнь…

Удивительно-то вот что: у Руслановой все самые яркие воспоминания прошлого, в том числе и детства, проецируются через народную песню, через её цветное прихотливое кружево, сотканное самой душой русского народа, его праздниками и буднями, радостями и страданиями, любовью и печалью, надеждами.

В Саратове новобранцев переодели, разбили по ротам, под музыку духового оркестра посадили в эшелон и отправили на восток… Шла Русско-японская война. Наступивший 1905 год для русской армии и флота оказался несчастным — он принёс поражения.

Точных сведений о военной службе Андриана Маркеловича Лейкина нет. Какого полка, в каком чине, где воевал… Можно лишь предположить, что попал он в самое пекло — в сражение при Мукдене. То, что семья получила извещение о гибели кормильца (по другим сведениям, Лейкиным сообщили о том, что их сын, муж и отец пропал без вести), а на самом деле солдат Андриан Лейкин лежал в госпитале после тяжёлого ранения, похоже именно на неразбериху после большого сражения. Мукденская битва длилась три недели, в ней с обеих сторон принимали участие 650 тысяч войск; потери русских убитыми, ранеными и пленными составили 90 тысяч человек, японцев — 75 тысяч человек. В эту статистику вошла и судьба солдата Андриана Лейкина.

«Погибший» вскоре объявится на родине, в губернском Саратове. Но об этом немного позже.

Татьяна, чтобы прокормить детей, вынуждена была пойти работать на кирпичный завод в Саратове. Дети оставались на руках у слепнущей бабушки.

На склоне лет Лидия Русланова будет вспоминать: «Зыбка. В зыбке той ребёнок — младший брат. Он пищит, не хочет лежать один. А матери некогда. Мать — сноха в мужней семье, с маленьким она не ходит в поле. Зато весь дом, всё хозяйство — на ней. Двигаясь по избе, мать толкает, подкачивает зыбку, а сама поёт. Двумя годами раньше я сама в этой зыбке лежала, и такой же песней мать меня убаюкивала. А теперь сижу, забравшись где-

нибудь в уголок — то ли на печке, то ли на полатях, — и слушаю материнское пение. У матери тяжело на душе. Мотив, на который она нижет бессвязные слова, заунывный, грустный. Мне и плакать хочется, и слушать бесконечно. И когда замолкает уснувший брат, прошу, спой ещё!»

Воспоминания Руслановой о детстве, о чём отчасти было уже сказано, совершенно органично вливаются в воспоминания первого впечатления об услышанной песне, о том, какие ощущения и чувства она, та песня, будила, какие струны души тревожила: «Совсем ребёнок, не слыша ещё ни одной настоящей песни, я уже знала, какое сильное вызывает она волнение, как действует на душу. Настоящая песня, которую я впервые услышала, был плач. Отца моего в солдаты увозили, бабушка цеплялась за телегу и голосила. Потом я часто забиралась к ней под бок и просила: „Повопи, баба, по тятеньке!“ И она вопила: „На кого ж ты нас, сокол ясный, покинул?..“ Бабушка не зря убивалась…»

Как тонко она чувствовала и как бережно сохранила язык своей родины с его образностью и лаконизмом! «Отца моего в солдаты увозили…» «В солдаты увозили…»

Мать Прасковьи вскоре заболела. И на плечи старшей дочери — неважно, сколько лет ей исполнилось — легли заботы о младших брате и сестре.

Татьяна лежала на лавке. Умирала она медленно, тая на глазах детей. У Прасковьи, глядя на догорающую, как свечечка, мать, всё внутри сжималось от жалости и тоски. Чтобы жалость и страх совсем не разорвали её маленькое сердце, шестилетняя Паня забиралась на печь к бабушке и, стоя на тёплых кирпичах, пела. Она пела, глядя на мать, те самые «стоны» и «вопли», которые часто слышала из уст бабушки. Ей было жалко и маму, и сгинувшего на войне отца, и бабушку, и брата, и сестру, и себя самоё, и всех на свете бедных, больных и покалеченных, обойдённых судьбой.

Такое воспитание, такие уроки получила её душа в самых своих началах. Впоследствии это скажется и на репертуаре руслановских песен, и на интонации многих из них, и на окраске, казалось бы, уже известных и знакомых публике мотивов, сделает их более глубокими, по-руслановски проникновенными и уже неповторимыми. Скажется и на манере исполнения, на отношении к песне — ни одно её выступление не повторяло предыдущее. Менялось настроение — менялся и окрас песни.

Вскоре даниловские старухи завопили и над телом Татьяны Лейкиной.

О смерти Татьяны Ивановны Лейкиной существуют

противоречивые сведения. В справочниках пишут: надорвалась на кирпичном заводе, выполняя тяжёлый, неженский труд, чтобы заработать копейку на пропитание своей семьи. Семейные предания сохранили другую правду: простудилась, полоская в проруби бельё. Но есть и третья, самая невероятная: Татьяну Ивановну убили в Петровске во время революционных событий 1905 года.

Можно предположить, что именно эта версия, невероятная, наиболее правдива.

Осенью 1905 года после объявления царского манифеста «О свободе»[2] заволновались крестьяне Саратовской губернии. Особую силу волнения приобрели в сёлах Петровского уезда. Дошло до насилия — громили и жгли помещичьи усадьбы. Как писал саратовский хроникёр начала прошлого века: «Вожди ударили в набат, дружинники разоружили полицейских, надели их портупеи» и повели народ громить богатые усадьбы. Были сожжены имение князей Гагариных, герцога Лихтенбергского, многие другие. Чтобы усмирить разбушевавшийся уезд, в Петровское прибыла сотня оренбургских казаков. Вот тут-то и гульнули ногайки. В иных деревнях дело дошло до стрельбы. Были убитые. Начались аресты. Допросы. Пытки. Хроникёр упоминает об умерших во время допроса и не доживших до суда. Арестованные показали: «Жгли люди пришлые, ничего общего с землёй не имеющие». И тут же: «Ближайшие к местам погромов крестьяне привлекались к грабежу и поджогам…» «Саратовская губерния по сумме нанесённого ущерба помещичьим экономиям стояла на первом месте в России». А ведь губернатором здесь служил не кто-нибудь, а Пётр Аркадьевич Столыпин, будущий реформатор России. Самым буйным в губернии оказался Петровский уезд. В списке населённых пунктов, где народ волновался особенно лихо, значились и село Чердым, и деревня Александровка.

Старик Дмитрий Алексеевич Горшенин, в семье которого жили дети, невзлюбил старшую внучку за её дерзость. Сказывалось, должно быть, и то, что девочка ему была всё же не родной. Вот что вспоминала сама Русланова: «Дед меня бил. Я залезу на солому, на крышу соломенную, а в кармане у меня — спички. Если дед меня бьёт, я говорю: „Запалю крышу!“ Однажды и запалила. Уж били меня смертным боем. А потом приехала бабушка, материна мать. Сказали: забирайте сейчас же, чтоб её духу не было. Бабушка меня увезла в деревню. И мальчика взяла. Итак, у неё было двое детей, а есть-то нам и нечего. Так мы с бабушкой и пошли по миру».

Бабушка сшила из старой дочерней юбки две перемётные

сумы — одну себе, другую Пане, — и пошли они, преодолев стыд и ведомые нуждой, по окрестным деревням христарадничать.

Некрасивая, малорослая и кривоногая, Паня вскоре поняла, чем надо брать публику, пусть и небогатую, но всё же готовую подать копеечку. Её надо брать голосом. И не просто голосом. А так проникнуть и разжалобить, что не только медного пятака за песню не жаль, а и серебряного гривенника. Случалось, добирались до какого-нибудь городка или богатого торгового села, а там ярмарка или воскресный базар. Люди, всегда в таких местах охочие до развлечений, сразу же окружали их, когда Паня расходилась в частушках. Уж их-то она знала превеликое множество. Ей аплодировали. А она, подзадоренная, озорно кричала публике:

— Это что! Это я только из карманов достала! А вот сейчас подшальник развяжу!..

И сыпала частушками из своего «подшальника». Уже тогда она знала, какой публике какие частушки по душе. Репертуар составляла по ходу выступления.

А то вдруг начинала кричать либо зайцем, либо утицей, смешно и озорно квакать лягушкой. И — снова песни да частушки! Не уставала. Не теряла голоса и силы. Только бы слушали…

— Чья ж такая?! Эка певунья! — крякали от удовольствия и восхищения зеваки, богатые мужики и купцы, доставая из кошелей мелочь.

— Видать, сирота. Вон и старуха с ней слепая…

А старуха, улучив удобную минуту, выводила жалостливым голосом свою партию:

— Подайте сиротам Христа ради, люди добрые! Мамка померла. Отец за веру, царя и отечество…

Сама Русланова о первых своих «концертах» на пару с бабушкой вспоминала так: «…А там купчихи. Вот под окошко подойдёшь, она (бабушка по матери. — *С. М.):* „Ну-ка, заводи!“ И я — „Подайте милостыньку Христа ради… Мы есть хотим, дай нам хлебушка, тётечка милая“. Открывается ставня, вылазит богатая толстая купчиха, говорит: „Ты чего, девочка, тут скулишь?“ — „Тётечка, мы есть хотим“. — „Ну, эт, что ж тебе есть, а ты чего умеешь?“ — „Я всё умею, — говорю. — Петь я умею, плясать. Ты нам только хлеба давай“. Принесли нам хлеба. Разделили мы этот хлеб, кусочек на троих: бабушке, брату и мне. Я очень горевала по брату».

Такими были первые концерты будущей великой певицы. Гонорар — хлеб, «кусочек на троих». Этот «кусочек» будет сидеть в ней, затаившись в глубинах подсознания, всю жизнь. Возможно,

именно он и поможет выжить там, где многие погибали.

Вскоре и бабушку отнесли на кладбище. Сирот разлучили.

Не сразу дети попали в приюты. Как рассказывают родственники Руслановой, которые до сих пор живут в Саратове и других волжских городах и селениях, сперва сироты жили в семье тётки по матери Елены Ивановны Мироновой. Жалко было Елене Ивановне сестриных детей — всё же родная кровь. Но муж её, Федот Иванович, невзлюбил детей свояченицы и сказал жене: «Или они, или я». Потом какое-то время сироты жили у другой материной сестры — Степаниды Ивановны. Но у той своих было шестеро…

Впоследствии, по тем же семейным рассказам, Анисим Александрович, муж Степаниды Ивановны, всю жизнь казнился: зачем не оставил сирот у себя?.. Однажды один из сыновей Анисима Александровича и Степаниды Ивановны и двоюродный брат Руслановой Афанасий попал на концерт сестры и после его окончания, оглушённый восторгом от её голоса и того, как певицу принимала публика, хотел было подойти к ней и «объявиться, да не посмел, памятуя вину отца…»[3].

Голос Прасковья унаследовала от родни по отцовской линии. Пела бабушка. Пел и дядя Яша. А душевной глубины зачерпнула из материнского рода. Да и бабушка тоже певала.

Яков Лейкин в Даниловке был местной знаменитостью. Ни одно деревенское веселье или иное торжество не обходилось без него. Песни Яши Лейкина были особенные, он умел их мастерски переделывать на разный манер и к случаю. И это впоследствии певица переняла.

Лидия Андреевна вспоминала: «Мужчины считали петь ниже своего достоинства. Один только был дядя рябой, брат отца. Звали его Яша. Из-за песен он был деревенской знаменитостью. Пел Яша на свадьбах, на посиделках. Приглашали его почтительно, как крупную персону. Песен он в голове держал миллион, но чаще импровизировал. Это больше всего ценилось. Под его пение все вокруг плакали и плясали. Когда он пел, я подходила поближе. Самородок очень высокой пробы…»

Подходя к дяде как можно ближе, Паня старалась заглянуть ему в рот.

— Ты что мне в рот смотришь? — спросил он её однажды.

— У тебя там дудочка? — спросила она.

Дядя Яша засмеялся:

— Не дудочка, а душа.

— А что такое душа — большая дудка?

«В деревне пели от души, свято веря в особую, надземную жизнь и заплачек, и песен радости», — с благодарностью

вспоминала Русланова своих земляков и тот мир, из которого вышла.

Верно говорят, что каждый род даёт своего кузнеца и хлебороба, воина и певца, да только не все выживают, но и, выжив, не все угадывают в себе природное предназначение и, что случается чаще всего, проводят лучшие свои дни и годы, усердствуя на чужом поприще. Ведь и у Прасковьи Лейкиной судьба могла бы сложиться иначе: вернулся бы весь в орденах отец, не заболела бы мать, и она сама, избрав более простой и надёжный жизненный путь, удачно бы вышла замуж, нарожала детей и пела бы им колыбельные, а односельчан веселила и радовала на свадьбах, как дядя Яша Лейкин.

Но судьба распорядилась иначе: отняв многое, почти всё, дала главное, огромное, что и нести-то было непросто. Но ноша с годами стала крыльями, и девочка-сирота из деревни Даниловки Петровского уезда Саратовской губернии — взлетела…

А пока длилось деревенское детство, которое порой казалось счастливым. В рассказах о той поре Русланова снова и снова напоминала и себе, и своим слушателям: «Родители мои крестьяне, а родилась я в деревне, у бабушки. Бабушка была песельница и ходила по свадьбам. И бабушка пела, и я по всем свадьбам ходила с ней. Я садилась в уголок и слушала. Настроение часто менялось: то пели грустную невестину песню, от которой плакали и мать, и невестки, и я с ними. Потом вдруг начинали когда плясать, то, конечно, всё кружилось. Не выходила я плясать, потому что меня бы там сапогами затоптали. Но мне очень хотелось плясать. И я вылазила на лавку и подплясывала. Но песня… песня мне врезалась в душу и в память навсегда».

И в другой раз — о той же своей поре: «Приучили нас ходить на свадьбу на весёлую… Я ходила с невестками, которые хотели плакать и плясать. Я старалась их как-то развлекать. Спрашивала: „А что ты любишь больше: плакать аль песни петь?“ Она говорила: „Да как тебе сказать? Ты вот сейчас поплачешь, а потом — попляшешь“. Так я и делала: и пела, и плясала. Ну, за это мне кто-нибудь что-нибудь там даст, я в восторге. Потом я научилась ходить на свадьбы, деревенские свадьбы. Они пляшут, поют, — и мне очень интересно. Скоро я научилась деревенские песни петь, — весёлые, плясовые. Начала всякие песни петь — „Утушку луговую“ там… Мне: „Да ты, никак, не умеешь плясать?“ Я говорила: „Да умею я, я всё умею: и петь, и плясать“. И вот я пою…»

«Научилась ходить на свадьбы…» Ведь *ходить* на деревенские свадьбы — это отнюдь не застольничать. Деревенская свадьба в прежние времена, когда была крепка сельская община и песня всё

ещё оставалась частью повседневной жизни, — это мистерия, народный театр, в котором менялись только главные персонажи — жених, невеста, родители. Всё же остальное было прежним. И эта народная мистерия переходила из дома в дом, повторяя одну и ту же пьесу под названием «Свадьба» снова и снова. И чем лучше были артисты, тем зрелищнее и проникновеннее получалось действо. Это действо потом вспоминали, восхищались им: «А вот у Горшениных была свадьба!..»

Вот откуда Русланова вынесла главные приёмы своей песенной игры, её драматургию, образность, проникновенность. Её народность не была наигранной, искусственной. Она взяла у своих земляков их песенную душу, облагородила её своим Божьим даром, талантом, мастерством и вынесла на сцену всё это одухотворённым, преображённым до уровня искусства.

Только и всего.

Глава вторая
СИРОТА

«А голос звучал всё сильнее, и
было в нём что-то мистическое…»

— Ты, девонька, прежде чем петь, публике о себе расскажи, — наставляла её хорошо одетая дама в одном из саратовских дворов, куда Паня забрела в поисках куска хлеба. — Так, мол, и так, остались мы с братиком и сестрой на свете одни-одинёшеньки, сиротинушки бесприютные… Подайте, люди добрые, копеечку ради Христа и на спасение ваших душ! А уже когда подадут, тогда и пой. Что ж ты задаром-то поёшь? Нечего петь задаром. Соловей и тот, поди, на тощий желудок не поёт…

Постепенно у Пани появились свои постоянные слушатели и даже поклонники. Сложился репертуар, который она меняла в зависимости от публики и иных обстоятельств. Уже тогда она научилась понимать, кому какая песня милее, какая душа по ком тоскует. За год со своей сумой и песнями она обошла весь Саратов и все его окрестности. Ходила теперь Прасковья одна. Бабушку похоронили. Но иногда брала с собой брата и сестру. Тогда им подавали больше.

И вот однажды во время очередного выступления в Саратове, как повествует ещё одна легенда из местных хроник, к певунье подошла вдова некоего чиновника, погибшего под Мукденом. Добрая женщина долго слушала её песни — они тронули её своей искренностью. Понравился и голос, сильный и в то же время детски-чистый, проникновенный. После того как девочка закончила свой концерт и собрала подаяние, женщина расспросила её, кто она и откуда. Затем привела к себе домой, накормила. Узнала о сиротстве Прасковьи, о её брате и сестре. Обладая большими связями, она вскоре всех троих пристроила в приюты. Заботясь о будущем Прасковьи, благородная женщина добилась того, чтобы маленькую певицу взяли в лучший саратовский приют, учреждённый при Киновийской церкви. Приют опекало Братство Святого Креста. Оно открыло учебно-заботный дом для сирот. Но принимали в тот дом детей не всех сословий. Крестьянских не брали.

Так появилась на сироту новая метрика, сочинённая той богатой вдовой. Девочке дали другое, более благородное имя, и с той поры, согласно новой грамоте, девочка значилась Лидией Руслановой.

Детей разлучили. Все трое были определены в разные приюты. Почему такое произошло, доподлинно неизвестно. У саратовских краеведов есть своя версия: в начале прошлого века в Саратове было 11 приютов, в одном воспитывались дворянские дети, в другом — дети духовенства, в третьем — те, чьи родители оказались в тюрьме или на каторге, четвёртый был для мальчиков, пятый — для девочек, для самых маленьких приют-ясли. Вот и разбросала их судьба.

Точно неизвестно и то, в каком именно приюте воспитывалась будущая певица. Возможно, в приюте Братства Святого Креста. Возможно, в Убежище Святого Хрисанфа.

> Последнее, имеющее столь необычное название, довольно подробно описано саратовским краеведом той поры А. Н. Минхом: «Приятно видеть образцовую чистоту в этом далеко не богатом заведении: у каждой девочки, на средства убежища, железная кровать, тюфячок, подушка и байковое одеяло, постельное бельё грубовато, но зато чисто; одежда, тоже от заведения, самая простая и однообразная: тёмные, одинакового покроя платья и белые холщовые пелеринки и фартучки; обстановка совершенно нероскошная, но зато выполняет назначение убежища — образовать, из призреваемой бедноты, неизбалованных излишней щеголеватостью девиц, но опрятных и трудолюбивых работниц. Пища простая, но из свежей провизии: утром дают детям чай с порцией калача, за обедом щи с говядиной, каша или гречневая густая кашица с маслом, ужин тоже состоит из двух блюд: условия стола с избытком удовлетворяющие бедняка.
>
> Дети обучаются здесь пять лет…
>
> …Я видел их вышивание гладью, шитьё всякого белья, вязание и проч., что требуется для обыденной жизни; при девочках две мастерицы, одна для кройки и шитья платьев, другая для белошвейной работы, обе они постоянно находятся в заведении и помогают смотрительнице в надзоре за детьми.
>
> Кроме занятий рукоделием девочки приучаются к самым простым работам, необходимым в домашнем обиходе: они сами по очереди метут и моют полы, прибирают в дортуарах и комнатах, стирают мелкое бельё, прислуживают за столом и помогают на кухне.
>
> При заведении есть небольшая библиотека, образовавшаяся преимущественно из пожертвований и

служащая подспорьем для вечерних чтений девочкам. Как пособие при обучении мастерства, находятся три швейные машины, ручные и стоячие пяльцы и другие необходимые вещи».

Такие заведения, как Убежище Святого Хрисанфа, принадлежали к привилегированным. Детей из крестьянской среды сюда принимали крайне редко, в виде исключений.

Примерно такая же обстановка царила и в приюте Братства Святого Креста при Киновийской церкви.

Вот откуда у Руслановой умение и даже страсть к шитью. Порой достаточно сложные концертные костюмы она шила себе сама, хотя уроками рукоделия, по её же признанию, тяготилась.

О приютских годах Лидия Андреевна вспоминала: «Лет семи попала я в сиротский приют, окончила три класса — программу церковно-приходской школы. Это было моё общее образование. Регент, который вёл в приюте уроки пения, взял меня в церковный хор: это было образование музыкальное. Вызвалась в приюте заправлять лампы керосином. Дело было кропотливое и не чересчур весёлое. Зато в те часы, когда все учились, я могла, сколько хотела, петь в пустых книжных комнатах. В церковном хоре я быстро стала солисткой. Со всего города стали ездить к нам купцы — „послушать, как сирота поёт“. Богомольные старушки совали мне лакомства, даже деньги — я не брала, нам это запрещалось. Пение выручало меня по-другому. На рукоделии, с которым ничего у меня не получалось, подружки выполняли мой урок, а я за это пела им».

Регент церковного хора Н. Н. Дмитриев, человек образованный, к тому же обладавший большими педагогическими способностями, сразу выделил из числа своих воспитанниц голосистую Лиду. Стал поручать ей отдельные партии, где бы, пусть и не продолжительно, звучал только её голос. Но и строг бывал этот первый её профессиональный наставник. Русланова не раз рассказывала, как однажды за неверно взятую ноту регент отхлестал её по рукам свечками. В хоре фальшивить было нельзя, а уж если тебе досталась сольная партия…

Саратовские прихожане стали ходить в Александро-Невский кафедральный собор не только для того, чтобы отстоять обедню и послушать проповедь владыки Гермогена, епископа Саратовского и Царицынского, но и насладиться чудным голосом Сироты.

Порой соседки, встречаясь на улице у колодца или в бакалейной лавке, заводили такой разговор:

— Митрофановна, в собор-то нынче пойдёшь?

— Ох, Никитишна, что-то нездоровится. Поостерегусь,

пожалуй.

— Гляди… А то ведь сегодня, народ говорит, Сирота будет петь.

— Ну, тогда пойду. Ангела светлого послушаю.

А с той вдовой, своей благодетельницей, определившей её в приют, где она получила первые настоящие уроки пения, Лида виделась ещё не раз. Приходила к ней в гости. Вместе слушали они через граммофон только что появившийся вальс «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии», написанный армейским капельмейстером Ильёй Шатровым[4]. Слушали и плакали. Вдова — о своём муже. Лида — об отце, от которого у неё остались отчество да светлое детское воспоминание.

Но однажды Лида увидела его на паперти. Отец в поношенной солдатской шинели с солдатским Георгием на груди стоял, опираясь на костыль, и просил подаяния. Когда она подошла к нему, вся трепеща от радости неожиданной встречи, солдат улыбнулся ей и приложил палец к губам.

Теперь Лида пела только для него. С тайным восторгом. С благодарностью Богу за то, что он охранил её отца от гибели, от японской пули и штыка. И хромой солдат с Георгием на груди тоже теперь не пропускал ни одной службы, где пела ангельским голосом Сирота, доводившаяся ему родной дочерью.

— Тятенька, миленький, почему ты не сказываешься? — пытала она его, когда им однажды удалось побыть наедине.

Их никто не слышал, и Андриан Маркелович торопливо сказал дочери:

— Доченька, Панюшка, нельзя мне сказываться. Видишь, какой я… Работы нет. Какой я теперь работник и кормилец для вас? Молчи, что я твой отец.

— Я поняла. Буду молчать. А я думала, ты беглый…

— Какой же я беглый? Я своё отбегал…

Теперь Лида знала, куда надо девать те копеечки, которые ей часто тайком совали прихожане.

Писатель, драматург и сценарист Иосиф Прут, а в ту пору мальчик из состоятельной купеческой еврейской семьи, приехавший с дедом в Саратов «по хлебным закупам», через годы так описал свои впечатления от пребывания в Саратове и чувства, испытанные в минуты пения Сироты:

> «1908 год. Город на великой русской реке. Страстная пасхальная неделя. Весенние каникулы я проводил у деда, и он взял меня с собой, приехав сюда по своим хлебным закупам. Остановились мы у его друга — купца Евстигнеева: дед служил с ним в одном взводе во время

последней турецкой кампании. Оба они — русский и еврей — были полными георгиевскими кавалерами, поэтому религиозных споров между бывшими воинами не было.

После завтрака хозяин предложил пойти к службе в кафедральный собор: там пел хор, в котором выделялся один удивительный детский голос. И город ходил слушать этого ребёнка. Так в Саратове и говорили: „Идём сегодня на Сироту!“

Пошли и мы, благо храм находился почти напротив.

Народу было очень много. Я пошёл, следуя за моими стариками, и сразу почему-то обратил внимание на стоявшего у двери солдата. Мне помнится, что он был инвалидом: опирался не то на костыль, не то на палку.

Евстигнеев прошёл вперёд, а мы с дедом задержались, устроившись почти у выхода.

Хор пел, но я, честно говоря, не слушал, а смотрел только на солдата: у меня с детства была тяга ко всему армейскому. И потом: солдат в церкви! Солдат должен быть в казарме или на войне! Почему он здесь? Непонятно! Никогда не видел я солдат на богослужении у нас — в Ростове: нянька водила меня в собор по всем существующим праздникам!

И я не спускал с него глаз. А солдат стоял ровно, обыкновенно, равнодушно. Но вдруг он весь преобразился, вытянул шею, подался вперёд, до предела напрягая слух. Тогда уже стал прислушиваться и я.

В полной тишине величественного храма, на угасающем фоне взрослого хора возник голос. Его звучание всё нарастало, ни на мгновение не теряя своей первоприродной чистоты. И мне показалось, что никто — и я в том числе — не дышал в этой массе народа. А голос звучал всё сильнее, и было в нём что-то мистическое, нечто такое непонятное… И я испугался, соприкоснувшись с этим волшебством, задрожал, услышав шёпот стоявшей рядом монашки: „Ангел! Ангел небесный!..“

Голос стал затихать, исчезая, он растворился под куполом храма, растаял так же неожиданно, как и возник. И я робел, смотрел в потолок, надеясь увидеть, как — через крышу — в свои небесные покои улетит этот маленький ангел, именуемый в городе Сиротой.

Я стоял как зачарованный и пришёл в себя лишь когда Евстигнеев, подмигнув моему деду, сказал мне:

— Ну, юноша, не желаете ли познакомиться с артисткой?

— С какой такой? — не понял я.

— С нашей знаменитостью! Пойдём, покажу её тебе!

Народ расходился, служба кончилась, и мы очутились в глубине храма, за алтарём, там, где собирался хор. У стены стояла девочка моих лет, темноволосая, аккуратно остриженная, в скромном ситцевом платьице.

— Ну, подай руку сиротинушке! — сказал мне Евстигнеев, не отличавшийся особой деликатностью. — Да ещё приложи полтинник ей — на конфеты, а то их в приюте этим продуктом не балуют!

Дед незаметно сунул мне в карман серебряную монету, и я, почувствовав это, сказал девочке:

— Здравствуйте.

Она ответила:

— С добрым вам днём, кавалер!

Дед толкнул меня в спину, и я подал девочке полтинник, но сказать больше ничего не мог. Она выручила меня:

— Спасибочки, господа хорошие. Это нам на ириски.

— Ну, буде! — сказал Евстигнеев. И мы ушли. Так закончилась моя первая встреча с этой девочкой, ставшей впоследствии Лидией Руслановой».

Как уже было упомянуто, в соборе Святого благоверного великого князя Александра Невского часто службы вёл епископ Гермоген (Долганов). Последовательный и ревностный монархист, он открыто выступал против революционных настроений, распространявшихся в губернии и Российской империи, в своих проповедях призывал саратовского губернатора «уберечь русское юношество от тёмной и злой силы». Покровительствовал иеромонаху Илиодору, личности весьма и весьма противоречивой.

Илиодор был одним из создателей Союза русского народа, основателем Свято-Духова монастыря в Царицыне. Однако вскоре раскаялся, попросил прощения у евреев и иноверцев, которых проклинал в своих проповедях и публицистических статьях, отрёкся от православия, был расстрижен и лишён сана. После революции уехал в США, но вскоре вернулся и служил в ЧК, исполняя самые деликатные поручения Дзержинского, затем снова эмигрировал в Америку и стал баптистом.

Гермоген же остался верным себе и своим убеждениям. Из-за

несогласий с царской семьёй был отправлен в Жировицкий монастырь, затем переведён в Николо-Угрешский под Москву. Покровительствовал Гермоген и старцу Григорию Распутину. Но затем уличил его в развратных действиях и потребовал, чтобы тот убрался из Санкт-Петербурга. До последних дней Гермоген сохранил монархические убеждения, призывал православных «сохранять верность вере отцов, не преклонять колена перед идолами революции и их современными жрецами, требующими от православных русских людей выветривания, искажения русской народной души космополитизмом, интернационализмом, коммунизмом, открытым безбожием и скотским гнусным развратом». В последние годы Гермоген руководил Тобольской епархией. В июле 1918 года был убит большевиками как «черносотенец и погромщик» — связанного, с камнем на шее, его сбросили с парохода в реку Туру. В 1981 году Гермоген был канонизирован Собором Русской православной и Зарубежной церквей. Служа в Саратовско-Царицынской епархии, как отмечают исследователи и биографы, он «значительное внимание уделял борьбе с сектантством, в рамках которой устраивал внебогослужебные пастырские беседы. В Саратове они проводились под руководством епископа во все воскресные и праздничные дни, предварялись кратким молебном, чередовались с духовными песнопениями в исполнении архиерейского хора и оканчивались пением всех присутствующих».

По всей вероятности, именно здесь и солировала обладательница дивного голоса и воспитанница одного из саратовских приютов. Можно сказать, что Русланова оказалась одной из лучших и последовательных учениц Гермогена: всю жизнь она пела русские народные песни, пытаясь удерживать, насколько могла, русскую народную душу от выветривания и искажения.

Церковный хор пел на похоронах, на свадьбах, на городских торжествах. Лида солировала. Публика ахала от восхищения.

По воскресеньям, когда хор пел в Александро-Невском соборе, у паперти Лиду всегда встречал загадочный солдат-инвалид.

Если бы в приюте стало известно, что вернулся с войны её отец, всё — и её настоящие имя и фамилия, и незаконное пребывание в сиротских домах её брата и сестры — сразу же открылось бы и их, всех троих, отдали бы нищему Андриану Маркеловичу Лейкину.

Как утверждают биографы Лидии Руслановой, Андриан Лейкин «после возвращения с фронта женился, но детей не забрал — не мог прокормить. В конце следующей зимы он

простудился, заболел воспалением лёгких и скончался в больнице для нищих».

Однако женился он после возвращения уже с другого фронта. Старый солдат, подлечившись после ранения на японском фронте, вскоре оказался на германском. Шла Первая мировая война, Империалистическая, как её долго называли в народе и в учебниках истории.

Когда Русланова встала на ноги и решила разыскать Авдея и Юлию, следы их уже исчезли. Ни брата, ни сестры она не увидит долгие годы. В душе надеялась, что хотя бы один из них, либо брат, либо сестра, узнает её голос, — ведь песни её уже звучали по Всесоюзному радио, расходились миллионными тиражами на пластинках, — узнает и объявится.

Она отыщет их в середине 1930-х годов. И не только Авдея и Юлию, но и единокровную сестру Александру, Шуру, дочь Андриана Маркеловича от второго брака. Они будут жить в Саратове. Авдею она купит дом. А Юлию перевезёт в Москву и устроит на жительство в столице, поможет с квартирой и работой, будет всегда по-родственному опекать. Шура тоже будет навещать свою знаменитую старшую сестру в Москве. В столице ей не понравится, и она, погостив, всегда будет возвращаться в родной Саратов, с подарками и обновками.

Правильно её называли в Саратове в самые первые годы её артистической карьеры — Сирота. Может, потому всю жизнь потом она так трепетно относилась к Слову, так любила книги, что мистическая, космическая магия и суть Слова открылись ей в самом начале её судьбы. Всю жизнь она будет вздрагивать от этого слова — «сирота».

Сиротство, так остро и буквально пережитое в детстве и юности, не могло не повлиять на мотивы и мелодику её песен, на репертуар — его отбирала сама жизнь — на ту работу перед выходом на сцену, которая помогала ей достигать таких глубин и высот, каких, кажется, и не предполагали в песне её изначальные творцы — поэт и композитор. И даже сам народ.

«Я тональности брала навзрыд», — вспоминала потом Русланова.

И ещё она вспоминала, как проходили в приюте уроки рукоделия. В рукоделии она была не особенно какая мастерица. Хотя постепенно освоила и этот предмет. И снова выручала её песня: «Подружки выполняли мой урок, а я за это им пела или „врала“, что в голову приходило, — рассказывала тут же сочинённые диковинные истории: как я сидела на нашем крылечке, а ко мне подошла старушка с козочкой, и та козочка превратилась в красивую барышню в чёрных чулочках. По ходу

этих историй кто-нибудь из персонажей обязательно должен был петь».

И она пела одну песню за другой. И сказка, послужившая поводом, была уже забыта недосказанной, но ни ей, ни её слушательницам до той сказки не было уже дела. Песни заменяли всё.

Однажды в Саратов приехала Надежда Плевицкая. Лида о ней уже слышала. И не только о ней, но и голос её — из волшебной трубы граммофона в богатых купеческих домах, куда порой приводили их попеть, повеселить хозяев. И до того полюбила этот голос, что он действительно казался ей волшебным. Подруги ей сказали:

— Лидка, вот бы тебе попасть на концерт!

Денег у Лиды не было. Но она решила всё же побывать на выступлении великой певицы, послушать, как она поёт на сцене.

Пошла. Контролёр, стоявший у дверей и проверявший билеты, не пропустил её.

— Дяденька, я очень хочу послушать. Мне очень нужно, дяденька.

— Постой, постой… — внимательно посмотрел на неё строгий контролёр и взгляд его потеплел. — А ты не Сирота ли будешь? А?

— Сирота, — призналась Лида.

— Тогда проходи. Тебе надо. Но мест в зале нет. Вон, видишь, на галёрке в проходе стулья стоят? Залезай и под ними сиди. Сиди тихо. Как мышь. Чтобы никто тебя не заметил. Иначе прогонят. И меня накажут. Поняла? Не подведёшь меня?

— Не подведу, дяденька.

Радостная, Лида метнулась на галёрку. Там забилась в тёмный угол и замерла. Весь концерт она просидела под стульями, почти что не видела, но слышала свою богиню хорошо.

Спустя многие годы, за чаем на даче в подмосковной Баковке или в гостиничном номере во время гастролей за весёлой рюмочкой винца, она не раз будет рассказывать молодым артистам эту историю.

Годы не ослабят любви Руслановой к своей великой предшественнице: божественный голос Плевицкой навсегда останется для неё сказкой, волшебством.

Глава третья
ПЕРВЫЕ КОНЦЕРТЫ И УЧЁБА

«И я пела им — прямо в раскрытую душу…»

Лида повзрослела. Из приюта её определили в работницы — на мебельную фабрику полировальщицей. Жила у дяди Якова. Часто они с даниловским певцом устраивали состязания — кто кого перепоёт. Дядя Яша брал импровизацией, неожиданно меняя тональность и порой даже слова песни. Племянница — силой и чистотой природного голоса, проникновенностью. Иногда на этих семейных турнирах присутствовали зрители и слушатели. Потому что их пение было не только концертом, но и спектаклем. Уже тогда она поняла, что песню нужно не просто петь, а играть. Вот почему в народе в старые времена говорили: сыграть песню…

По другим сведениям, нашу героиню на этот раз приютили Елена Ивановна и Федот Иванович Мироновы.

Фабричную работу Лида выполняла добросовестно. Правда, опять же благодаря своему таланту у неё появились некоторые поблажки.

Привыкшая с малых лет к труду и к тому, что кусок хлеба нужно заработать, старательно шлифовала деревянные детали для шкафов, комодов и диванов. На судьбу не роптала. Получалось у неё ловко, быстро. В коллективе таких же девушек-работниц, своих сверстниц и подружек, была весела, общительна. Часто в цеху, чтобы скоротать время и хоть как-то скрасить однообразную и нудную работу, девушки пели. Помещение цеха было просторным, голос звучал хорошо, и Лида давала ему полную свободу и волю…

Ничто её не пугало — ни тяжёлый воздух в цеху, насыщенный парами химических составов для полировки дерева, ни тяжёлая однообразная работа изо дня в день. Она как будто тогда уже знала свою судьбу и приняла её целиком — с её счастьем и страданиями. Ради главного — песни.

Уже там, в фабричном цехе, постепенно начал формироваться и её репертуар: «Шумел, горел пожар московский…», «Очаровательные глазки», «Златые горы», «На Муромской дорожке…», «Светит месяц…». Городской жестокий романс, входящий тогда в моду.

— Пой, Лидушка, пой, милая ты наша певунья! А работу твою мы за тебя сами сделаем, — упрашивали её девушки, и их

подруга прекращала работу и начинала выступать: входила в образ, по ходу песни меняла интонацию, одновременно и рассказывая, и изображая историю обманутой любви. И всё — в лицах!

Он клялся и божился
Одну меня любить,
На дальней на сторонушке
Меня не позабыть…

Она вкладывала в своё пение всё прожитое, одновременно озаряя песню мечтой и надеждой.

Не может того сбыться,
Чтоб мил забыл меня…

Всё у неё выходило так проникновенно, а великолепные природные данные и те уроки пения, которые она усвоила в церковном хоре, делали песню настолько близкой и душевной, что девушки аплодировали, бросались обнимать свою подружку, а потом дружно принимались доделывать и свою, и её работу.

Именно в то время, когда она работала на мебельной фабрике, состоялся первый сольный концерт певицы. Саратов всё ещё знал её как Сироту из церковного хора городского кафедрального собора, как голос, от которого вздрагивает душа. Не о таком ли пении Александр Блок в августе 1905 года написал свой знаменитый шедевр?

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел её голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, плакал ребёнок
О том, что никто не придёт назад.

Некоторые движения человеческой души, её волнения и потрясения, может выразить только поэзия. Или — песня.

В зале Саратовской оперы не протолкнуться. Слушатели — солдаты местного гарнизона и частей, дислоцированных в губернии. Из Саратова на фронт уходил эшелон. И вот перед отправкой — концерт Сироты. Этот первый концерт состоялся по инициативе её фабричных подруг, они буквально за руку привели в оперный театр свою певунью, зная, что лучше её солдатам никто из саратовских не споёт.

Ведущий объявил:

— Поёт Лидия Русланова! Русская народная песня…

«Пою, а чуть не плачу! — рассказывала потом Русланова о том первом своём концерте перед солдатами. — Посмотрю в глаза какому-нибудь молодцу, как он слушает: сам здесь, а душа — там, дома, в родной хате, возле родной матери… А я после этого и думаю: какая тебе судьба будет, молодец, лежать тебе в болотах с закрытыми очами…»

Лидии тогда было-то всего 16 лет. И в каждом молодом солдате она видела старшего брата, ещё даже и не жениха. А в каждом пожилом — отца. А солдаты, затаив дыхание, слушали Сироту, ещё не запомнив её имени и фамилии, и видели в ней младшую сестрёнку и дочь.

Спела она всё, что знала и что пела на фабрике своим подружкам. А публика ликует, рукоплещет, не отпускает. Поклонилась залу земным поклоном, который впоследствии тоже назовут «руслановским», и собралась было за кулисы…

— Браво, сестричка! — закричали ей из зала.

— Куда ж ты уходишь?!

— Пой ещё!

Вернулась она, залилась краской, растерянно и простодушно говорит:

— Да я вам уже всё спела. Больше ничего не знаю! Что ж мне теперь делать?

— А ты пой сызнова! — закричали ей солдаты.

— Сызнова начинай!

— Пой, милая, пой!

«Так всё сначала и пришлось повторить, — вспоминала Русланова. — А лет в семнадцать я была уже опытной певицей,

ничего не боялась — ни сцены, ни публики. У меня находили хорошие вокальные данные, обязательно велели учиться… Поступила в консерваторию. Земно кланяюсь профессору М. Медведеву[5], который учил меня, отдавал мне все свободные минуты. Но долго в консерватории я не пробыла. Поняла, что академической певицей мне не быть. Моя вся сила была в непосредственности, в естественном чувстве, в единстве с тем миром, где родилась песня. Я это в себе берегла. Когда пела, старалась прямо в зал перенести то, чем полна была с детства, — наше, деревенское. Такой я и была нужна. В городах так или иначе многие были связаны с деревней, и я пела им — прямо в раскрытую душу».

Над этим монологом стоит задуматься. Свидетельств о том, как Русланова провела два года в консерватории, не сохранилось. Сама она оставила в своих воспоминаниях-интервью лишь то, что процитировано выше. Можно предположить, что среди академических певцов и певиц ей было неуютно и нелегко. И уход из Саратовской Алексеевской консерватории для неё стал своего рода освобождением. Вот откуда это сокровенное: «Моя вся сила была в непосредственности, в естественном чувстве, в единстве с тем миром, где родилась песня…» «Наше деревенское» было чужим в чопорной академической среде. Друзей или подруг она себе тоже здесь не нашла. Должно быть, основная масса студентов, которая задавала тон в консерватории, была из другого теста…

Некоторые биографы Руслановой говорят о том, что профессор Медведев, приняв её в академическую группу с надеждой выпестовать из этого самородка оперную звезду, вскоре понял, что «самородок огранке не поддаётся — то ли сопрано, то ли меццо-сопрано, то ли колоратурное — не поймёшь…».

Однажды мэтры оперной сцены и зубры педагогики прослушивали студентов. После пения Лидии Руслановой коллеги с раздражением заявили профессору Медведеву:

— Да она же у вас до сих пор не умеет правильно петь! Она ведь не диафрагмой поёт!

— Не диафрагмой, — согласился профессор Медведев. — Лучше! Она поёт душой!

Учитель будущей великой русской певицы хотел сгладить ситуацию, объяснить коллегам уникальность голоса своей ученицы, который попросту не умещается в рамки академического пения. Но, увы, из консерватории Руслановой пришлось уйти. Да и сокурсники посматривали на фабричную свысока, иронично замечая порой, что от неё пахнет политурой, цехом. На французские духи на фабрике конечно же не

заработаешь. Но будут у неё ещё и французские духи. И духи, и всенародная слава, и хорошие сборы.

Иные критики, рассуждая о Руслановой, говорят порой: вот, мол, самородок самородком, а ведь нигде не училась, образования так и не получила. Известная история: вначале выдавили из аудитории, а потом стали пальцем показывать и пенять — мол, недоучка…

Но образование-то получить она успела. Всё, что нужно, получила. У профессора Михаила Ефимовича Медведева и получила. Медведев сам был прекрасным певцом, и всё, что мог, своей ученице, по её же признанию, дал. А то, что формально полного курса консерватории не окончила и диплома не получила, так что из того? Он ей и не нужен был. Не диплом поёт — певец. Кто помнит о тех, кто учился вместе с Руслановой и получил диплом об окончании полного курса Саратовской Алексеевской консерватории? Ей и звание народной артистки потом не дадут. Ну и что? Чиновничество, которое в те годы заведовало культурой в СССР, просто-напросто продемонстрировало своё невежество, а по сути дела отсутствие культуры как таковой.

Русланова училась много. Всю жизнь. И всякую науку постигала быстро, сокращённым курсом. А начала свою учёбу в пять-шесть лет. С перемётной сумой в саратовских дворах петь на морозе — это что, не учёба? А в церковном хоре, когда её, Сироту, слушал весь Саратов? А концерты в пыли и смоге мебельной фабрики?.. Жизнь протащила её через такие университеты, после которых любая академия может показаться пресной и отвлечённой наукой.

Однако ж — два курса консерватории у профессора Медведева. Потом — уроки у оперной певицы, солистки Большого театра Евгении Ивановны Збруевой. Как рассказывала сама Русланова, пришла она к Збруевой, поклонилась низко: «Научите…» Брала уроки и у других певцов и педагогов. Училась всю жизнь.

Саратовский период жизни и песенного творчества нашей героини заканчивался. Но лишь формально. Потому что родина, родной край, мелодия местного говорка, неповторимые речевые и языковые интонации волгарей, свет родных лиц земляков будут светить ей всегда, до последнего часа. И земляки тоже будут платить ей своей искренней и трогательной любовью.

Некогда блиставшая на сцене танцовщица Антонина Ревельс[6] в своих воспоминаниях рассказывает об одном любопытном эпизоде: «Как-то… мы приехали в Саратов.

Когда выпало свободное время, Лидия Андреевна пригласила несколько человек из тех, с кем дружила, прогуляться по городу.

— Дети мои, — сказала она, — пойдёмте посмотрим на приют, где я воспитывалась.

Мы ходили по городу, и она старалась припомнить места, где когда-то бывала… Долго ходили, она всё приглядывалась, а по дороге рассказывала нам о том, как жила в приюте. Никто ее не навещал, и только бабка одна, которая ходила к своим внукам, одаривала её иногда гостинцем. Зимой она приносила ей кисель… в платке. Он был замёрзший, а пока она его развязывала, снова расплывался.

— И всё-таки я успевала его съесть, — ещё и теперь радовалась Русланова, — и как же он был вкусен!

Когда мы поняли, что самостоятельно ничего не найдём, решили спросить у кого-нибудь из прохожих.

— А где здесь был когда-то приют? — обратилась Русланова к женщине средних лет.

Женщина начала объяснять, но мы никак не могли уяснить, как туда пройти.

— Как же всё-таки дойти туда, я не поняла? — ещё раз спросила Русланова.

— Какая же ты бестолковая, — подосадовала женщина.

— В моём возрасте это бывает, голубушка, — виновато-шутливо оправдывалась Русланова. — Когда-нибудь и с вами то же будет.

Женщина объяснила ещё раз, и мы пошли в указанном ею направлении. Но было обидно, что женщина так неприветливо говорила с Лидией Андреевной. Я догнала её и сказала, что не следовало бы так грубо говорить, ведь это же Русланова.

— Что вы! — всплеснула руками женщина. — Как же я её не узнала! — И бросилась было почему-то мне целовать руки. А потом подбежала к Руслановой, встала перед ней на колени, поцеловала её пальто и всё приговаривала: — Ты наша гордость! Ты наша гордость!

И довела нас до нужного дома».

Глава четвёртая
СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

«Забыл он клятву вековую, когда
другую полюбил…»

Замуж наша героиня вышла рано, ей тогда и семнадцати не исполнилось.

Шла Первая мировая война. Народ воевал за царя и отечество. Но и царь, и родимое отечество народную жертву принимали снисходительно. И народ это в конце концов почувствовал…

Лида, как и многие русские девушки, охваченные патриотическим порывом и христианским состраданием к ближнему, записалась сестрой милосердия в санитарный поезд.

Что такое санитарный поезд…

Четвёртого декабря 1876 года вышел императорский указ о формировании четырнадцати санитарных поездов «на случай войны». В соответствии с указом такой «поезд состоял из: 17 шестиколёсных или 12 восьмиколёсных санитарных вагонов, двух пассажирских — для медицинского персонала и прислуги и трёх товарных: кухонного, вагона-кладовой и вагона для грязного белья и умерших в пути». За 40 лет со времени окончания Русско-турецкой войны (1877–1878) в структуре санитарных поездов мало что изменилось. Они и во время Великой Отечественной войны были почти такими же. Вывозили раненых и больных с передовой в тыл, тут же, принимая пострадавших, в вагонах-операционных и в вагонах-перевязочных оказывали им медицинскую помощь. Во время Русско-японской войны санитарные поезда вывезли в тыл 87 тысяч раненых. Большинство из них выжили, хотя многие стали калеками. Среди выживших был и отец Лидии, «тятя», как она его называла.

В 1916–1917 годах Лидия служила в одном из таких поездов сестрой милосердия.

Сёстры милосердия в русской армии появились во время Крымской войны в период обороны Севастополя в 1854–1855 годах. У истоков этой миссии, полной не только благородного романтизма, но и кровавыми буднями и всеми остальными тяготами войны, стоял знаменитый русский хирург Николай Иванович Пирогов. «Белые голубки» — так называли этих женщин и девушек, которые ухаживали за ранеными, следили за их состоянием после проведённых операций, помогали им вставать

на ноги. Среди них были дочь петербургского губернатора Екатерина Бакунина, баронесса Юлия Вревская, кавалер двух георгиевских крестов Генриетта Сорокина, старшие дочери императора Николая 11 великие княжны Ольга и Татьяна. Но одно дело быть сестрой милосердия в тылу, а совсем другое — в санитарном поезде, который время от времени ездит за ранеными к фронту.

О том, как она, такая юная, попала в команду санитарного поезда, Русланова рассказала сама: «Вскоре моя жизнь резко изменилась. Началась империалистическая война. И как-то, провожая солдат, — мне так их было жалко! — я подошла и сказала: „Дяденька, возьмите меня с собой“. — „Да чего ж тебя с собой брать, что ты там делать будешь, девчонка?“ Я говорю: „Да кому водички подам попить, кому песенку спою, кому ласковое слово скажу, да мало ли чего можно сделать людям приятного“. — „Да-а, — сказал солдат, — пожалуй, поедем“. И взяли меня с собой. Приехала я на фронт, и действительно, кому водички подам, кому ласковое слово скажу. И песни стала петь. Песни всем очень понравились. Меня часто просили петь».

О том, что и её отец где-то здесь, на фронте, она тогда не знала.

О своей службе в команде санитарного поезде Русланова оставила очень лаконичные воспоминания: «В 1916 году поехала на фронт сестрой милосердия и до октября 1917 года служила в санитарном поезде. В этот период познакомилась и сошлась с неким Степановым Виталием Николаевичем, от которого в мае 1917 года у меня родился ребенок. В 1918 году Степанов от меня уехал, и я стала жить одна».

За этими сухими словами, столь нехарактерными для Руслановой, любившей рассказывать о прожитом и умевшей рассказывать, скрыт, как можно предположить, целый роман. Перелистать его страницы мы теперь, по прошествии многих лет, когда умерли все его герои, а также действующие лица второго плана и свидетели, к сожалению, не можем.

Первая её война… Санитарный поезд. Замужество. Рождение ребёнка.

Этот период жизни Руслановой, пожалуй, один из самых тёмных и трагичных. Она и сама рассказала о своём первом замужестве и рождении сына сухо, как разве что пишут в анкетах, где не место деталям и краскам жизни. Правда, рассказ её и взят из протокола допроса. Но это уже другая история.

О первом замужестве нашей героини известно немногое. Её избранником был офицер интендантской службы Виталий Николаевич Степанов, дворянин.

Когда она увидела его, белокурого красавца гвардейского роста, в узкой шинели, затянутой ремнями, когда заглянула в его серо-голубые глаза, тоже искрящиеся восторгом счастья, сердце её сжалось и она поняла, что пропала…

Всё произошло, как в старых романах. Они сошли с поезда в каком-то захолустном городке, остановились на постоялом дворе. А утром обвенчались в церкви. Звонили колокола, и тот торжественный звон делал сказку ещё ярче и безумнее.

После венчания в тесной комнатке постоялого двора она пела своему возлюбленному жестокие романсы. Они не похожи на сказки. Хотя тоже сказки. Но, как правило, с печальным, роковым финалом.

В положенные сроки родился сын. Малыш был крепеньким, здоровым. Лида была счастлива теперь уже двойным счастьем и втайне страшилась его: не верилось, что всё это — одной ей. Среди страданий и ужасов войны, среди волнений, которые после Февраля вскипали всё мощнее и страшнее.

Елена Ивановна Миронова, по её словам, гулявшая на свадьбе племянницы, рассказывала, что венчались молодые в Самаре, что там остановился их санитарный поезд, что из храма к карете жених нёс невесту на руках, что карета была запряжена тройкой лихих вороных коней, «а друзья молодого офицера, гусары, снимали с плеч свои шубы и кидали ему под ноги…».

В октябре в Петрограде произошло то, что изменило ход истории, страну и живущий в ней народ. Изменилось всё: отношение солдат к офицерам, цены в лавках и на базаре, рассуждения мужиков, характер газет, внешний вид солдат, массово дезертирующих с фронта в тыл, по домам. Не менялось только одно: люди по-прежнему жадно слушали песню, в которой пелось о любви, разлуке и тоске, о скорой встрече…

Грампластинки через нарядные раструбы граммофонов разносили голоса модных в ту пору певцов Дмитрия Богемского[7], Владимира Сабинина[8], Юрия Морфесси[9], Надежды Плевицкой, Марии Эмской[10]. На концертах патриотических песен уже не пели. Но из граммофонов ещё лилось:

Пойдёмте ж вперёд, под знамёна,
Желаньем единым горя,
Пасть по-геройски, без стона,
За Веру! За Русь! За Царя!

Шли дни, и Лидия стала замечать женским сердцем, что её «сероглазый рыцарь» стал холоден и неприветлив. Часто

тосковал. Вначале она связывала это с тем, что происходило вокруг. В городке, где они тогда снимали комнату, было пока тихо. Но возле железнодорожного пути и на вокзале часто находили офицеров, исколотых штыками с прибитыми к плечам погонами, с разрубленными головами и изуродованными лицами. Вскоре заметила, что муж стал захаживать к молоденькой цыганке, жившей на соседней улице. У неё часто собирались шумные компании, много бывших офицеров, которые маялись от безделья, играли в карты и прокучивали последнее, что имели, бранили большевиков и, казалось, совершенно не задумывались о том, что будет завтра.

Попыталась остановить мужа женским упрёком, но тот вспылил. А в один из дней исчез. Вернувшись с базара, Лидия не обнаружила в кроватке и сына. Кинулась на соседнюю улицу. Но цыганки и след простыл.

Соседи и те, кто знал Виталия Николаевича и его тоску, сказали, что его погубили доверчивость и любовь к кутежам, к весёлой жизни, что слишком часто он заглядывал в пропасть, так что пропасть стала глядеть в него… Что вроде бы растратил какие-то казённые деньги. То ли в карты проиграл, то ли — на цыганку свою роковую.

Пометалась, поплакала, погоревала, вспомнила маму, бабушку, тятю да и запела. Вначале это были надрывный стон и всхлипы без слов, но уже в них, в этих звуках, не было хаоса, а была мелодия, пока ещё без слов. А потом потекли и слова:

Ивушка, ивушка,
ракитовый кусток.
Что же ты, ивушка,
Невесела стоишь?

Или тебя, ивушка,
Солнышком печёт,
Солнышком печёт,
Частым дождичком сечёт?

Почему она запела об иве, плача и рыдая о своей горькой судьбе? В народном сознании ива — дерево печали, но гибкость её ветвей помогает пережить любую непогодь и бурю, припасть, прижаться к земле, а потом, когда снег растает, подняться, расправить свои ветви, устремить их к небу и солнцу.

Но пока ива клонилась, билась ветвями оземь, стонала, прибитая внезапно налетевшей бурей…

Тихо отворилась дверь, на пороге появилась хозяйка. Стояла

и слушала, как стенала её жиличка. Она всё уже знала. Дослушала Лидино пение-стон и сказала, горестно покачав головой:

— У кого душа песней увита, у того судьба слезами улита…

Делать нечего, надо как-то жить дальше. Лида смирилась со своей разнесчастной долей. Приняла минувшее счастье, как сон. Но забыть не забыла. Всю жизнь она ждала своего сына. Искала среди раненых в поездах и на вокзалах, высматривала в колоннах, идущих на смерть, — не мелькнёт ли где родное лицо. И хотя сына у неё отняли младенцем, была уверена, что, если встретится он ей, она сразу же узнает его.

Нет, не встретился.

И Авдея с Юлией тоже не нашла.

Виталий Николаевич Степанов, по всей вероятности, уехал вместе с цыганкой-разлучницей на Дон. Там собиралась белая кость уходящей России. Как написала, обречённо тоскуя, Марина Цветаева:

> Старого мира — последний сон:
> Молодость — Доблесть — Вандея — Дон.

Уехал, умчался офицерик. И сыночка увёз. Посчастливилось ли ему остаться в живых и потом благополучно бежать куда-нибудь в Константинополь или в Югославию, неизвестно. Может, зарыт где-нибудь в степи «под курганом, поросшим бурьяном…».

Лидия зла на своего «офицерика» не держала. Любила его безмерно. Так, как потом, казалось, не полюбит уже никого. И не любила. Пока не встретила другого «офицерика», уже постаревшего, прожившего полжизни с другой. Но эта песня ещё впереди… А о сбежавшем думала без злобы, с жалостью: пусть Господь его охранит и сыночка моего, может, ещё одумается, вернётся…

Не вернулся.

Русланова никогда не произносила имени своего сына. Так и кануло оно вместе с её печалью и любовью.

У этой истории есть, впрочем, и другая версия: «офицерик» погиб под Вольском в бою, когда отряд полковника Махина[11] прорывался к Самаре. А сын умер при родах. Не знаю почему, но верить в неё, особенно в то, что касается сына, не хочется. Говорят, что и фамилия — Русланова — у неё появилась после событий под Вольском и Самарой. И другое имя — Лидия — тоже. Потому что в семье тётки и другая родня её продолжали звать Панькой.

Если так, то у этого романа выстраивается совсем-таки

классический сюжет. После гибели мужа и смерти сына, сменив фамилию, метнулась на юг России, чтобы затеряться, чтобы победивший пролетариат не припомнил ей связь с социально чуждыми…

Многое в жизни Руслановой, особенно ранней поры, покрыто туманом недомолвок, умолчаний. Отсюда и множество легенд, версий, баек и откровенных сплетен.

Потеря сына жгла её всю жизнь. И если бы он действительно умер, она бы так не металась, не высматривала бы среди тысяч солдатских лиц родное.

Однажды, уже спустя годы, в 1941-м, под Вязьмой, когда Русланова в составе концертной бригады колесила по армиям и фронтам, командир дивизии привёл артистов в землянку, указал на троих бойцов в маскировочных комбинезонах, увешанных оружием, гранатами и другим снаряжением, которое обычно берут с собой в поиск разведчики, и сказал:

— Вот, товарищи артисты, спойте им. Им сейчас на смерть идти.

Артисты недоумённо переглянулись. Слушателей оказалось в три раза меньше, чем артистов. Но Русланова, мельком взглянув на разведчиков, при этом выделив среди них самого юного, сероглазого, русоволосого, высокого, сделала повелительный знак рукой своему аккомпаниатору, и очередной концерт для воинов начался.

Спела она им «стремянную». Поклонилась своим поклоном. Они сразу встали и тоже поклонились ей. Сказали:

— Спасибо за песню, за напутствие.

И ушли.

Ночевать артистам пришлось в той же землянке. Её отрыл для себя разведвзвод — дивизионная разведка.

Взводу неделю назад вышел приказ — взять «языка». Немцы перед дивизией оборону построили основательную. Сплошные линии окопов и пулемётные гнёзда, всё простреливается, колючая проволока в три кола. Попробуй, пройди. И вот за неделю от тридцати разведчиков осталось только трое.

Ночью в землянку принесли одного. Того самого, сероглазого. Тяжело ранен, весь в бинтах. «Он стонал в беспамятстве, — рассказывала после войны ту загадочную историю сама певица, — и всё звал маму. Села я возле него, взяла за руку и запела тихонечко колыбельную. „Зыбка“ называется. Пою и слёз не сдерживаю: кажется мне, что это мой сын умирает. Так хотелось с песней вдохнуть в него силу жизни! Перестал он метаться, а рука всё холодеет, холодеет… вскоре увезли. Часто я вспоминала о нём, но так и не могла узнать, жив ли или умер

тогда… Наступила поздняя осень. Наша бригада была уже на другом участке фронта. Выступали мы однажды на открытой лесной поляне. Только запела я, вдруг бросается ко мне боец с Золотой Звездой на гимнастёрке, кричит: „Мама, мама! Я узнал, я помню, это вы мне пели, когда я умирал!“».

И она, сквозь слёзы глядя на того солдата, запела:

В зыбке спи, мой хороший,
Как в стручочке горошек.
Станут ветры прилетать
Да горошину качать.

Заблестели щёки пожилых бойцов, закривились подбородки. Строже стали молодые. Полетели их исстрадавшиеся на войне души в родные просторы — в вологодские, красноярские, оренбургские, курские, саратовские — хоть на мгновение ощутить запах родины и тепло материнских рук…

Зашуршит горошинка…
Спи, мой хороший!

Спустя некоторое время, уже под Сухиничами, когда наши дивизии сдерживали наступление немецких танков и мотопехоты со стороны Брянска, Русланова снова встретила того бойца, и снова раненого.

«И опять я гладила его окровавленную руку, а он говорил мне: „Теперь я верю, что доживу до Победы, если я нашёл вас, если, раненый, дополз“. А утром попросили дать концерт на поляне перед солдатами, уходящими в бой. Помню, как мы выступали прямо на снегу. Гармонист сидел на пеньке. Я пела весёлую плясовую песню, и бойцы с автоматами за плечами плясали. Плясали, может быть, последний раз в жизни. Я понимала это, и сердце моё сжималось, но я старалась как можно больше задора внести в их пляску».

Она не раз видела поле боя после очередной атаки или контратаки, засеянное роковыми зёрнами войны — солдатскими телами. Недавно смеялись, ели кашу, писали домой письма, слушали её пение, аплодировали и кричали слова благодарности, а вот уже лежат, окоченевшие, в своих шинелишках, припорошённые снегом. «Занесло тебя снегом, Россия…» — вспоминала она слова романса своей любимой певицы. Но ни имени своей духовной учительницы и наставницы, ни слов того романса вслух произнести не могла. И рыдалось ей без слов, как в

Даниловке выли бабы над бедой, а слова кипели внутри:

Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило седою пургой.
И печальные ветры степные
Панихиду поют над тобой…

Какое-то время ходили слухи, что этот романс написала Ольга Николаевна Романова, старшая дочь покойного Николая II, убитого в Екатеринбурге вместе со всей семьёй. Но потом разошёлся другой слух: автор — какой-то запойный поэт, которого держат в «Кащенко»[12]. Романс «Россия», как рассказывали, пели за границей, он стал гимном русской эмиграции. Там его исполняла Надежда Васильевна Плевицкая. Её богиня.

Когда придёт долгожданная Победа, когда наши солдаты по телам своих погибших однополчан доберутся до Берлина, она — символ непобедимого русского духа — будет петь на ступеньках рейхстага. «Кончается концерт, — рассказывала финал той истории Русланова. — Я пою русскую песню „Степь широкая“ и вижу, что кто-то расталкивает людей, всё ближе пробивается к нам. И вдруг бросается ко мне прямо на ступени. Я сразу узнала его, хоть и возмужал он — офицером уже стал, вся грудь в орденах. Выжил. Подняла я его руку и крикнула: „Смотрите! Вот русский солдат! Умирая, он верил в победу. И он дошёл до Берлина! Он победил!“».

Все выжившие в той войне были её сыновьями…

Но всё это произойдёт через годы.

Глава пятая
САРАТОВСКАЯ ПТИЦА

«В такую шальную погоду нельзя
доверяться волнам…»

Что за судьба у русского человека — беда за бедой, война за войной!

Год 1919-й. Гражданская война.

Суровые времена в людях воспитывали волю и характер. Лидия Русланова — уже профессиональная певица. Редкое низкое контральто, переходящее в сопрано. Репертуар, состоящий из народных песен и городских романсов. И на сцену она выходит в своём неизменном ярком сарафане, изукрашенном традиционной русской вышивкой, иногда в лёгких сапожках, иногда в лаптях.

Слушатели её — снова солдаты. Теперь уже другой, очередной войны. Они бьются за свою земную долю, за пашни и заводы против эксплуататоров — помещиков, кулаков, заводчиков. Пока они объединены одной волей, мечтой в светлое будущее и жестоко противостоят своим же братьям, также неистово воюющим под белыми знамёнами против большевиков, против Антихриста, за Веру, Царя и Отечество. Схлестнулись две лавы, два непримиримых воинства.

Одни разворачивались в марше, затыкали кричащие от боли и ненависти рты, понимая, что в этих обстоятельствах словесной не место кляузе. Строились в колонны и под гармошечку, плюнув на всё, в предсмертной агонии отплясывали:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи благослови!

И вслед за неистовым Маяковским и умирающим от тоски, голода и сердечной недостаточности Блоком Господь благословлял обе рати на братское самоистребление. Русский философ и публицист белого стана Иван Ильин писал: «Гражданская война подобна землетрясению: всё колеблется, всё рушится, с тою только разницей, что люди сами вызывают это нескончаемое землетрясение и бушуют в нём. Создаётся впечатление, что люди так заражают друг друга ненавистью и

жаждой мести, что все нравственные тормоза и общественные устои постепенно парализуются или вовсе отбрасываются. Тогда торжествует злая воля. Никто более не думает о примирении. Товарищ из народа более не является таковым. Враг в интернациональной войне никогда не удостаивается такой ненависти, как враг-земляк в гражданской войне. Нигде так не борются за уничтожение врага, как здесь, где пленных часто уничтожают, где нередко встретишь людей, которые похваляются количеством убитых врагов-сограждан.

Это также время всеобщей потери нравственности. Законы молчат или непрестанно меняются. Правовое сознание не успевает за ними и сдаётся. Никто не знает, что правомерно, что должно, что разрешено, а что не разрешено. Уголовники открыто выступают и беспрепятственно бесчинствуют. Они стремятся присоединиться к обоим фронтам, что им и удаётся; они проникают повсюду и увлекают нравственно слабых. Поэтому это время малого и большого авантюризма. Этих людей, авантюристов гражданской войны, надо было наблюдать непосредственно, лично, чтобы понять их природу: честолюбивые и алчущие власти, совершенно лишённые корней, деморализованные, они делают из гражданской войны профессию; бедность собственного народа им ни о чём не говорит; всеобщую разруху страны они даже не замечают; разрушение национальной культуры им безразлично. Это безродные карьеристы, которые привыкают купаться в крови и которым всё равно, где добывать деньги».

И вот, дорогой читатель, в этом кроваво-красном тумане и месиве, где брат шёл на брата, а сын на отца, наша героиня поёт солдатам одного из станов — красногвардейцам:

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны шумели у скал.
— Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал.

— Я еду с тобою охотно,
Я волны морски*Я* люблю.
Дай парусу полн*А*ю волю,
Сама же я сяду к рулю.

Вольно, свободно разливается её голос. Трепещет, как косынка на ветру, её вибранта, прибавляя волнения и драматизма. И неправильности языка, эти невесть откуда взявшиеся гласные «А», «Я», «Ы», «И», наполняясь дыханием

сильного голоса певицы, становятся настолько естественными и единственно правильными, эмоционально и художественно верными, что слушателю и зрителю только и остаётся, что волноваться и восхищаться да втайне от командиров и комиссаров думать не о великой идее и мировой революции, а о родной деревне, о жене и детях, о родимой сторонке.

Солдаты-красногвардейцы сидели и стояли перед ней как заворожённые. В них, охваченных стихией войны «за рабочее дело», «за землю», «за лучшую долю», проступали черты сыновей своих матерей, женихов своих невест, мужей своих жён и отцов своих детей. Певица удивительным образом смешивала в этом, казалось бы, банальном, тысячу раз петом и слышанном жестоком романсе торжество бури, той самой, захватившей их и не отпускающей к семьям и земле, и трагедию личной человеческой любви.

— Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.

Трагедия нарастает. Наступает кульминация. Всем уже понятна судьба пловцов — они обречены. Но любовь выше. И ненависть — выше. И снова они, эти два сильных чувства, мятутся и пытаются одолеть характеры Её и Его.

Певица неожиданно чуть ослабляет голос и напряжение драматизма и спрашивает Его:

— Нельзя? Почему ж, дорогой мой?
А в прошл*Ы*й, минувш*И*й судьбе,
Ты вспомни, измен*Щ*ик коварный,
Как я доверялась тебе.

Особенно проникновенно звучит: «Почему ж, дорогой мой?» Певица словно замирает, оглядываясь в самую глубину своей души и видя там образы любимых, которые покинули её по своей и чужой воле, вопрошает с ещё не потерянной надеждой. Казалось, вот сейчас Он кинется ей в ноги, покается и их любовь и счастье будут спасены. Но: «Ты вспомни, изменщик…» — звучит как приговор судьбы, от которой не уйти — она сильнее и неотвратимее *волн* и *бури.*

Последний куплет звучит уже неким фоном трагедии. Тихий пейзаж после бури с обломками корабля на выглаженном

волнами песке и хлопьями пены на тихой воде…

Окрасился месяц багрянцАм,
Где волны шумели у скал.
— Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал.

Однако был в этом городском романсе и ещё один куплет:

И это сказавши, вонзила
В грудь ножик булатный ему.
Сама с обессиленным сердцем
Нырнула в морскую волну.

Его Русланова отмела. В сердечной и роковой песне, родившейся после обработки классического жестокого романса, поножовщина была лишней. Русланова одним махом буквально вырвала романс из блатного репертуара, наполнила светлыми мотивами. Вдохнула в него ту чистоту и благородство подлинно народного духа, без которого он так бы и остался среди «мурок» и «одесских кичманов».

Первоначально романс обработал некогда знаменитый музыкант Яков Пригожий[13]. В 70-е и 80-е годы XIX века Пригожий создал цыганский хор и с ним выступал в знаменитых московских ресторанах «Яр».

«Яр» тогда имел по Москве целую, как сейчас сказали бы, сеть: на Кузнецком Мосту, на Божедомке, в Петровском парке. И везде пели цыгане и модные русские певцы и певицы. Яков Пригожий был при «Яре» своего рода арт-директором. Обладая великолепным вкусом и даром музыканта, он прекрасно аранжировал для своих голосов те или иные песни, романсы, зачастую вытаскивая их почти из небытия. Именно он вернул на сцену и сделал популярными и вот уже второй век любимыми народом «Когда я на почте служил ямщиком…», «Мой костёр», «Коробейники», «Что ты жадно глядишь на дорогу…», «Не для меня придёт весна…» и многие другие песни. «Яр», а точнее «Яры» были любимым местом московской богемы. На протяжении лет здесь бывали Пушкин, Чехов, Горький, Куприн, Шаляпин, Распутин, Савва Морозов. Не одного офицера с роковой цыганкой на коленях увозили в метель бешеные кони именно отсюда. И пропадала удалая голова, шли с молотка целые состояния, проигрывались в карты дома, усадьбы и деревни…

Любопытно то, что Русланова, обладая прекрасными

вокальными и артистическими данными, всё же не пела в таких местах. Не тешила наша героиня жующую и хмелеющую публику. Ей достались гарнизоны, госпитали, санитарные поезда, армейские клубы, степь, заснеженные лесные полянки с замаскированными танками и артиллерийскими тягачами. И она полюбила и степь, и лесные полянки, и землянки, и чумазые лица солдат, только что вышедших из боя, их жажду песни, неожиданного и случайного счастья отдыха, душевного волнения.

В годы Гражданской войны судьба носила Русланову по западу и югу России. Она гастролировала с концертами по всей стране. Жизнь её проходила на колёсах, в пути, в странствиях. Как верная маркитантка, она шла вслед за Красной армией. Иногда вместе с ней. Это была взаимная любовь. Нигде так её не принимали, как в войсках. Никто её так не любил, как солдаты. И она для них готова была петь хоть в окопах, хоть в землянках, хоть под пулями на самолётном крыле и на корме танка.

Рассказывают такую историю. Однажды в Первую конную прибыли артисты. Семён Михайлович Будённый подкрутил свои лихие усы и тоже прибыл на концерт. Кавалеристы и батарейцы уже расселись на полянке. Сцена была готова. Вот-вот должны появиться на ней артисты. Будённый спрашивает своих кавалеристов-молодцов:

— А кто будет петь, ребята?

Ответственный за концерт начал перечислять артистов.

Будённый выслушал длинный список и удивился:

— А где же Русланова?

— Руслановой в программе нет, — ответил ему комиссар.

— Как же так? Обещали — русские народные песни.

— Русские песни будет петь другая певица.

— Другая?! Других я знать не хочу. Я знаю только Русланову.

Сел на коня и умчался. Только пыль столбом.

В 1919 году в Виннице Русланова познакомилась с чекистом Науминым и вскоре вышла за него замуж. Несмотря на свободу нравов, царившую в артистической среде, в которую к тому времени она окунулась с головой, любовников заводить она не умела. Должно быть, сказывались её крестьянская основа, старые заветы поморского толка. Не жили так ни в Даниловке, ни в Александровке Петровского уезда Саратовской губернии, и она не будет так жить. Замуж выходила четырежды. Много. Но любовников не имела. Никто из биографов, даже тех, кто с бранью обвинил её и в стяжательстве, и псевдорусскости, кто пытался уличить в безвкусице и приверженности блатному репертуару, не посмел бросить камень в сторону её личной жизни.

Один, первый, оставил её, двоих последующих оставила она, последнего, самого любимого и преданного, похоронила и жила потом с приёмной дочерью, зятем и внучками.

Наум Ионович (по другим сведениям — Ильич) был «влиятельным сотрудником ВЧК». В кратких биографических справках, которыми заполнены различного рода энциклопедии и Интернет, о втором замужестве Руслановой говорится скупо. Буквально, что «удачно вышла замуж» и что Наум Наумин был «прямолинейный, фанатичный, для которого мир делился на товарищей и врагов».

Имя второго мужа Руслановой мне удалось отыскать в так называемом «Расстрельном списке», который опубликовали в 2002 году общество «Мемориал» и Архив Президента РФ. Наум Ионович Наумин числится в довольно длинном списке «Москва-центр». Арестован 21 ноября 1937 года — «является участником террористической организации и имел намерение совершить террористический акт над руководителями Советской власти». Осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР по статьям 58–8 и 58–11 УК РСФСР к расстрелу. Приговор приведён в исполнение в тот же день 3 января 1938 года. Тело захоронено на территории совхоза «Коммунарка» Ленинского района Московской области. В советской истории наступил такой период, когда в затылок стреляли тем, кто стрелял в затылок ещё вчера. Свирепая машина самоистребления ломала кости своим конструкторам и механикам…

В июне 1957 года Военной коллегией Верховного суда СССР Наумин был полностью реабилитирован.

По всей вероятности, второй муж Руслановой всё же не был таким примитивным существом, каковым показывают его биографы великой певицы. Хотя бы потому, что, приехав в Москву, Русланова и Наумин сразу же начали собирать библиотеку. Ездили по букинистическим магазинам, книжным развалам, знакомились с коллекционерами и знатоками книги. Да и в Москву из Винницы Наумина перевели, должно быть, не только за верность большевистской идее. Верных и преданных тогда хватало и в самой столице. Саратовский краевед Владимир Вардугин отыскал некоторые сведения о чекисте Наумине. Из «Управління служби безпеки України по Віницкій області» в Саратов пришло официальное письмо, в котором сообщалось: «Наумин Н. И. состоянием на 25.12.1925 г. в возрасте 21 года[14], еврей по национальности, уроженец Волынской губернии, г. Житомир, в 1917 году окончил гимназию, по профессии артист, член УКПБ с 10.08.1918 года, вместе с женой — Лидией Андреевной (фамилия не указана) проживал по ул.

Шевченковской, 43. Наумин Н. И. прибыл в г. Винницу в 1921 году из г. Каменец-Подольского. В автобиографической анкете за 1920 г. значился холостым».

Но пока продолжались концерты на юге России. Красноармейцы принимали молодую певицу с восторгом.

Русланова уже почувствовала свой талант и силу русской песни. В каждую песню вкладывала всю свою душу, без остатка. Пела столько, сколько хватало сил. Завершала всегда «Саратовскими страданиями» — гроздью задиристых, искрящихся частушек, в которых выплёскивала и злобу дня, и напоминала публике о непреходящем. Потом кланялась земным поклоном и уходила с достоинством.

Солдаты провожали её восхищёнными взглядами и громом аплодисментов. Покачивали головами:

— Ишь, какова!..

— Сила!

— Саратовская птица.

Так и пошло по войскам — Саратовская птица… Везде встречали и провожали с любовью и уважением.

Новый муж следовал за ней. Ведь его и приставили от Винницкой ВЧК к концертной бригаде в качестве охранника.

За охранника Саратовская птица и вышла. И с ним благополучно перебралась в Москву и пережила лихие времена после Гражданской войны. Она к тому времени уже многое понимала: «В такую шальную погоду нельзя доверяться волнам…»

Нельзя. Те, кто доверился, попали под железный скребок «красного террора». «Бывших» и всяческих «сочувствующих» выскребали из народа жестоко и последовательно. Сперва этим скребком была ВЧК, потом ГПУ, вскоре реорганизованная в ОГПУ, затем НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ…

В Москве Русланова занялась самообразованием. Наконец появилось свободное время. Его она всецело посвятила чтению. Тогда это было и модно, и необходимо. Молодёжь тянулась к образованию. Новая власть это всячески поощряла. Доступ к книгам, в театры, в музеи, наконец, появился для всех.

Русланова и Наумин жили в Москве и ни в чём не нуждались. Наумин получал неплохое жалованье. Ведомство, в котором он служил далеко не рядовым сотрудником, умело заботиться о своих работниках. Русланова тоже приехала в столицу не с пустыми руками. На гастролях успела заработать кое-какие деньги.

Первую библиотеку она собирала с любовью. Вспоминала: «Шла Гражданская война, когда мы с мужем стали собирать библиотеку. Торговля книгами велась в те годы не совсем обычно.

Букинисты, студенты, архитекторы, врачи — люди самых различных профессий выносили на Моховую улицу в Москве книги. Здесь можно было встретить библиографические редкости и лубочные издания, классиков русской и мировой литературы, альбомы с видами и фотографии всех 499 членов Государственной думы в роскошной папке, с биографиями. Случайно мне тогда удалось приобрести журнал „Современник“, издававшийся Пушкиным, с автографом поэта, а также прижизненное издание „Путешествия из Петербурга в Москву“ Александра Радищева».

И пушкинский «Современник» с автографом поэта, и прижизненное издание «Путешествия…» тогда конечно же стоили денег.

Что такое 1921–1923 годы в истории России?

В стране политический кризис. Кронштадтский мятеж. Волнения рабочих в Иваново-Вознесенске, Туле, Петрограде, Москве. Совет народных комиссаров, не справившись с разрухой, наступившей после окончания Гражданской войны, с инфляцией рубля, вводит рыночные отношения — нэп. От недоедания и сердечной недостаточности умирает Александр Блок. Сергей Есенин пишет свои шедевры: «Не жалею, не зову, не плачу…», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут…», «Заметался пожар голубой…». В Москву из Киева приезжает Михаил Булгаков и пишет повесть «Записки на манжетах». Выходят книги: «Хождение по мукам» Алексея Толстого, «В тупике» Викентия Вересаева, «Чапаев» Дмитрия Фурманова, «Огненный конь» Фёдора Гладкова. Михаил Шолохов на Дону пишет свои «Донские рассказы». В литературе создаются группы: акмеисты, футуристы, имажинисты, обэриуты. В живописи формируются свои направления: супрематисты (Казимир Малевич), Общество московских живописцев (Роберт Фальк, Игорь Грабарь, Аристарх Лентулов), «Мир искусства» (Кузьма Петров-Водкин, Мартирос Сарьян, Анна Остроумова-Лебедева, Алексей Щусев). В театре и на сценах царило оживление — мистерии, поиски новых форм, смесь балагана и безвкусицы… Значительная часть труппы Художественного театра во главе со Станиславским отправляется в двухгодичные гастроли по странам Европы (Германия, Чехословакия, Франция, Югославия), откуда многие не возвращаются. Умирает идеолог русского анархизма князь Пётр Кропоткин, и в Москве происходит последняя демонстрация анархистов по случаю его похорон. Закончилась советско-польская война, в которой Красная армия потерпела поражение — тысячи убитых и пленных. Подписан мирный договор между советской Россией и Германией. Ленин окончательно разбит

параличом, пишет свои последние статьи и «завещание». Сталин избран генеральным секретарём партии большевиков. Продолжаются военные действия в Приморье, в Дальневосточной республике, Красная армия теснит японцев. Готовится первая конституция СССР. В Москве открывается первая сельскохозяйственная выставка. А в Поволжье царит повальный голод. Вначале засуха и неурожай, одновременно продотряды выгребают подчистую хлебные запасы у крестьян, угоняют скот. Пять миллионов умерших от голода. Случаи людоедства. Работники местных ВЧК, выражая своё недовольство грубыми методами работы продотрядов, в те дни слали в Москву тревожные радиограммы. Согласно докладной, отправленной 5 января 1920 года в Москву особым отделом Саратовской губчека, «при развёрстке наблюдается множество недоразумений. Продотряды безжалостно выметают всё до зерна, и даже бывают такие случаи, когда в заложники берут людей, уже выполнивших продразвёрстку. На основании таких невнимательных отношений к развёрстке недовольство крестьянских масс растёт. Нередко оказывалось, что сдано было всё, даже семена для следующего посева». К весне 1921 года положение ухудшилось. Остатки зерна съели, сеять было нечего. В марте 1921 года начальник Саратовской губчека докладывал в Москву: в двух уездах массовая смертность от голода. Особенно страдало сельское население. Хроники тех дней сообщают: «В селах Саратовской, Самарской и особенно Симбирской губернии люди атаковали местные советы, требуя выдачи пайков. Съели всю скотину, принялись за собак и кошек, а потом и за людей. Дом в то время можно было купить за ведро квашеной капусты».

Руслановой дом был ни к чему. А вот дорогие книги она покупала. Инфляция обесценивала деньги, заработанные бесконечными поездками и концертами. Её можно понять: жаль своего труда. Деньги — что? Деньги дело наживное. Прожитое не вернёшь. А концерты, песня были её жизнью.

На столичных сценах в те годы блистали лучшие голоса страны. Леонид Собинов[15]. Мужественный лирический тенор Сергей Юдин[16]. Антонина Нежданова[17]. Надежда Обухова[18]. Уже появлялся удивительный лирический тенор Сергей Лемешев.

Москва встретила провинциалку холодно. «Вольный стиль» её народного пения коробил московскую публику. Столица взглянула на приезжую свысока и… не заметила её.

Она не делала карьеры весьма распространённым в те годы способом — по партийной линии. В партию не вступит ни в 1920-е, ни в 1930-е годы, ни потом. Чувствовала свою силу и силу русской песни и знала, что её время ещё наступит.

Однажды Наумин спросил её:

— Лида, а почему ты не подашь заявление с просьбой принять тебя кандидатом в партию?

Она засмеялась и шутливо ответила:

— Хватит нам в семье и одного члена партии.

Муж принял её шутку и больше на эту тему не заговаривал.

А чопорной Москве тогда она сказала: что ж, не хочешь слушать, так и не надо. И «хлыстнув занавеской»[19], Саратовская птица умчалась в полюбившийся и, самое главное, полюбивший её город на Дону.

В 1923 году она провела свой первый большой сольный концерт в Ростове-на-Дону. Казачья столица её приняла с тем же восторгом, с каким принимали маленькие армейские гарнизоны и солдаты, идущие в бой.

Двумя годами раньше Русланова дебютировала в Ростове-на-Дону в составе солистки местного эстрадного театра «Скоморохи». Это было её первое официальное место работы.

Пройдут годы, и, чувствуя, что сроки её пребывания на земле истекают, именно здесь, в Ростове-на-Дону, она проведёт заключительный концерт и попрощается со своими зрителями и поклонниками.

А птицей она себя чувствовала всегда. Во всяком случае, до лагерей точно. И даже после лагерей был у неё период вольного песенного полёта, когда она возвращалась к человеческой жизни, восстанавливала голос и чувствовала, что снова в силе.

Однажды, случилось это уже после войны, году в 1946-м, «великая старуха Малого театра» Евдокия Дмитриевна Турчанинова[20] устроила у себя званый обед для самых близких друзей. В их числе оказалась и Русланова.

Именно там, на вечеринке у Турчаниновой, и произошёл тот эпизод, который любит на разные лады цитировать и пересказывать артистический мир. Но, мне кажется, лучше дать слово свидетелю и участнику, одному из гостей того вечера артисту и декламатору Фёдору Мишину[21]: «Особенно запомнилась мне одна из сред… Тогда у Евдокии Дмитриевны собрались К. Ф. Юон, К. Э. Эрдели, академик А. Н. Бакулев, Н. А. Обухова, А. А. Остужев, профессор В. А. Филиппов и профессор А. Н. Рыжик, профессор А. В. Герасимова и Лидия Андреевна Русланова. Беседовали, обсуждали новости, рассказывали интересные истории, читали стихи и, конечно, пели. Остужев прочитал из „Скупого рыцаря“, Обухова, аккомпанируя себе на пианино, исполнила несколько романсов. Попросили спеть и Лидию Андреевну.

— Простите, — сказала она, — но после великой Обуховой я

петь не могу, не смею.

В этих словах не было ни кокетства, ни подобострастия. Она сказала это естественно и просто, точно выразив своё душевное состояние. Слова её произвели на всех большое впечатление.

Надежда Андреевна встала и поблагодарила Русланову:

— Спасибо вам, Лидия Андреевна, за такие высокие слова обо мне. Но чистосердечно скажу, что, как бы я ни пела, если бы мы стали выступать вместе в одном концерте, то больший успех всё равно был бы у вас.

Тут мы все дружно подхватили:

— Вы обе великие певицы, каждая в своём роде, каждая по-своему…

И тогда Лидия Андреевна сразу, без всяких слов запела:

Выйду, выйду в чисто поле,
Посмотрю, какая даль.
Ветры буйные сказали:
Ты по милой не скучай.

Дайте лодочку-моторочку, моторочку, мотор,
Перееду на ту сторону, где милый ухажёр, —

и привела гостей, в том числе и Обухову, в восторг.

Обычно дома или в гостях она пела русские романсы „Ямщик, не гони лошадей“, „Не пробуждай воспоминанья“ и многие другие, но теперь, после романса Обуховой, спела эту бесхитростную народную песню.

— И откуда вы берёте такие интонации зажигательные, такой тон сердечный? — проговорила Евдокия Дмитриевна.

— У народа… Вы же знаете, какое детство было у меня.

Евдокия Дмитриевна встала и поцеловала Лидию Андреевну, а та посмеялась:

— Да говорят мне, что неправильно пою, не на диафрагме. А кому какое дело, как я пою: нравится — слушайте, не нравится — не слушайте.

— Пусть их поют на диафрагме, дорогая, — сказала Евдокия Дмитриевна, — а я буду слушать вас.

Неверно думать, что Русланова пела стихийно, как бог на душу положит. Хотя сама она говорила не раз, что поёт как птица, которую выпустили из клетки.

— Я выхожу на сцену и ощущаю себя птицей. Мне хочется петь, и я пою.

Это верно, в её песнях была вольность и самозабвение».

Что ещё можно прибавить к словам Фёдора Васильевича

Мишина? Пожалуй, разве что то, что стихия птицы — это полёт, небо.

Глава шестая
СЦЕНИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПЕВИЦЫ

«Каждая песня превращалась у Руслановой в маленькое представление, где были свои завязка, кульминация и развязка…»

Наряд её никогда не походил на сценический костюм. Русланова одевалась так, как по праздникам и в церковь одевались женщины деревень Даниловки, Александровки, Малой Чернавки и окрестностей. Ничто, ни огонь-вода, ни медные трубы, ни намёки и ухмылки некоторой части артистической богемы, ни товарищеские советы друзей-артистов не могли пошатнуть в ней убеждения в том, что русскую песню надо петь в русской народной одежде. Отсюда и та неповторимая, лаконичная, но чрезвычайно выразительная пластика её жестов во время исполнения той или иной песни. Песню надобно *играть*, вот что твёрдо знала она. И тогда песня из души певца так же естественно войдёт в душу зрителя, слушателя.

Сарафан, панёва, рубаха, занавеска, душегрейка-коротуш. Голова покрыта платком или шалью. Чай не девица, чтобы на народ простоволосой выходить… Долго обувалась в лапти, обматывала ноги оборами, но потом, уступив своим критикам и советчикам, да и газетчики совсем одолели, заказала лёгкие сафьяновые сапожки и щеголяла на сцене в них. Никаких излишеств. Только спустя годы появились две нитки жемчужных бус, а затем яркие коралловые мониста, нарядно и естественно дополнявшие её сценический образ. И уже позднее, когда слава её стала огромной, надевала порой бриллиантовое колье — прямо поверх сарафана. И в этом тоже была некая дерзость — знай, мол, наших, саратовских, раз за своих не признаёте! И ещё: мол, русский сарафан вполне заслуживает того, чтобы его украшали бриллиантами!

Природа одарила её не только редким голосом, но и особой, я бы сказал, утончённой музыкальностью. Она улавливала малейшие нюансы мелодии, чувствовала, когда та пошла не туда. Ещё в раннем детстве саратовские дворы научили её ставить песню.

Каждая песня — это маленький спектакль, который может быть и драмой, и водевилем, и свадьбой, и сватовством, и прощанием с любимым на росстанях, и долгожданной встречей.

Русланова полюбила театр. В Москве часто ходила в Малый художественный академический. Пожалуй, не пропустила ни одной новой постановки. Друзья-актёры, глядя на её реакцию, на жесты, слушая её реплики после очередного спектакля, когда все собирались в чьей-нибудь гримёрке или в кафе, говорили ей:

— У вас, Лидия Андреевна, явный драматический талант. Как хорошо бы получилась у вас Анисья в спектакле «Власть тьмы» Льва Толстого!

Она отмахивалась, отговариваясь, что, мол, каждый жнец должен свою полоску жать…

Но однажды в Малом театре шла «Васса Железнова»[22]. Вассу играла Вера Пашенная[23]. Русланова весь спектакль просидела молча, сосредоточенная. Обычно любившая обмениваться репликами, на этот раз не проронила ни слова. Когда опустился занавес, сдержанно сказала, что пьеса ей очень понравилась, что характер Вассы Железновой хорошо понимает и чувствует, что Васса ей необычайно близка.

— Завидую Пашенной! — чуть позже призналась певица. — Такая богатая роль! Такой характер! В нём столько ещё нераскрытого…

— Лидия Андреевна, а вы бы смогли сыграть Вассу Железнову? — спросил один из молодых актёров, сопровождавших её в том походе во МХАТ.

Она задумалась. Ответила не сразу. И ответила утвердительно. Но осторожно.

— Пожалуй, — сказала она и тут же перевела разговор на другую тему.

В Малом театре Русланова не пропустила ни одного спектакля с участием Евдокии Дмитриевны Турчаниновой. Особенно любила актрису в пьесах А. Н. Островского «Гроза», «Свои люди — сочтёмся», «Правда — хорошо, а счастье — лучше». Когда на сцену выходили «волжские купцы и приказчики», для Руслановой сам воздух театра наполнялся запахами и звуками великой русской реки, где прошло её детство и где, как говаривали старики, пуп зарыт. В Малом играли её любимые актёры — Яблочкина, Остужев, Рыжова, Яковлев, Массалитинова, Ильинский, Гоголева, Бабочкин, Жаров. Ей казалось, именно Малый очень точно выражает русский характер. «Его творчество близко мне по духу, — признавалась Русланова, — я чувствую в нём много родственного, нераздельно связанного с судьбой русского народа. А русское искусство я люблю за раздольность».

Малый театр, с его глубокой драматургией, образами, которые он создавал на своих подмостках, был настоящей школой и для неё, певицы. У своих друзей-актёров и у тех, кого любила на

сцене, она училась жесту, движению, выразительности интонации, выходу, поклону, уходу.

Русланова воспитывала свою душу, создавала себя, певицу и человека, всю жизнь. Из костной материи бытия и быта. Из осколков и кусков тех образцов, подобранных там и тут, на великих сценах и в толпе народа. Всё, что ей казалось подходящим материалом, она подбирала, примеряла к себе и оставляла лучшее. Из детских воспоминаний. Из щемящей жалости к матери, так рано покинувшей земную юдоль. Из горечи бесплодных поисков брата и сестры. Из несчастной любви к «офицерику». Из неизбывной тоски по несбывшемуся материнству. Из ощущения крыльев, когда к ней попадали новые слова и новая мелодия народной песни и она чувствовала, что это — её. Из волнующих звуков саратовской гармошки. Из родного волжского говорка, подслушанного где-нибудь в дороге, на перроне вокзала, в поезде. Всё это, как дорогие и бесценные кораллы, она грела в бережных руках и нанизывала на нить своей судьбы.

Фёдор Мишин вспоминал: «…каждая песня превращалась у Руслановой в маленькое представление, где были свои завязка, кульминация и развязка, своя кода. Причём она сама себе была режиссёром — и надо только удивляться, как безукоризненно точно находились ею детали, колорит, общий стиль. Вероятно потому, что певица обладала тонким вкусом и пониманием задач, целей и средств своего искусства».

После одного из концертов Фёдор Васильевич спросил Русланову:

— Лидия Андреевна, почему вы в песне на стихи Некрасова поёте: «Меж двумя хлебородными нивами небольшой протекал ручеёк»? У автора это место звучит так: «…небольшой расстилался долóк».

— Феденька, — сказала Русланова, — у Некрасова действительно «долóк». Но у Некрасова так: «…где прошёл нешироκий долóк». Но посмотри в зал, ведь мало кто из нынешних городских людей знает, что такое «долóк». А «ручеёк» — понятно всем. Думаю, Некрасов простит мне этот грех. Я делаю это для того, чтобы во время исполнения публика не спрашивала друг у друга, что такое «долóк»?

Выразительности она добивалась удивительной, недосягаемой — не только голосом, но и благодаря своему, в общем-то, скромному, простому, но очень продуманному и сценически правильному костюму. Русская песня выходила к публике в своём исконном, народном наряде и обличье. И это вовсе не походило на стилизацию.

Образ русской крестьянки, русской сестры милосердия, белой голубки с годами трансформировался в образ русской матери. В годы Великой Отечественной войны, во время очередного концерта фронтовой бригады в полувыгоревшем и полувырубленном артиллерийским налётом лесу к ней подошли молодые бойцы. Они только что вернулись с передовой и снова должны были уйти туда. Один из них сказал ей:

— Видишь, какие мы чумазые после боя. Но песней своей ты нас умыла, как мать умывает своих детей. Спасибо. Сердце оттаяло. Спой ещё.

И она, сдёрнув с плеч платок, запела раздольную русскую песню «Вот мчится тройка удалая».

И снова родная Волга хлынула ей в душу и затопила все берега. Она пела им так, как пела бы только мать, которая изо всех сил и всей своей любовью хочет охранить их, защитить, уберечь от вражьей пули.

Вот мчится тройка удалая
Вдоль по дорожке столбовой,
И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой.

Ямщик лихой — он встал с полночи,
Ему взгрустнулося в тиши.
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:

«Вы, очи, очи голубые,
Вы сокрушили молодца.
Зачем, зачем, о люди злые,
Вы их разрознили сердца!

Теперь я горькАй сиротина!..»
И вдруг махнул по всем по трём!
Так тройкой тешился детина,
Сам заливался он слезой.

В каноническом тексте последняя строка другая: «…и заливался соловьём». Но Русланова изменила мажорную концовку на минорную. Песня в её трактовке получила грустно-поэтический финал. Эта печаль в изменённом тексте выглядит более естественной и, как это ни парадоксально, слеза ямщика превращается в слезу утешения и даже надежды.

Русланова допела, поклонилась солдатам. И они ушли на

передовую, в окопы.

«В любой песне у неё была своя трактовка, и музыкальная, и текстовая, — вспоминал Фёдор Мишин. — В песне „Вот мчится тройка удалая“ певица не изображала „колокольчик — дар Валдая“, но оставалось впечатление, что эти колокольчики звучат. Звенел и переливался тёплый человеческий голос, а в нём слышался металлический перезвон колокольчиков.

Особенно чистым и ясным голос становится в самых драматичных местах. „И он запел про ясны очи“ — тут он мощно взлетал вверх, и в чистоте его звучания как бы отчётливее слышалось горе и кручина ямщика, потому что эта фраза вырывалась из груди как крик, почти как вопль. На словах „… тройкой тешился детина“ голос, обретая форте, стремился заглушить отчаяние, безысходность навсегда сломанной жизни ямщика. А слова, в которых слышится укор: „…зачем, зачем, о люди злые, вы их разрознили сердца“, звучали тихо и устало. Такие краски создавали необходимый драматический контраст, напряжённость атмосферы.

Но в другой раз эту же песню Русланова могла спеть на улыбке — как бы не всерьёз принимая историю, а словно намекая, что в таких рассказах всегда сгущаются краски. В третий — очень мажорно, даже оптимистично, утверждая, что страдающий „детина“ молод и силён, в конце концов преодолеет горе и ещё будет счастлив».

Она всякий раз исполняла песню по-разному. И одевалась к публике по-разному. Хотя, казалось, на ней всё тот же сарафан и расшитая по пышным рукавам рубаха, плисовая душегрейка и цветастый платок. Когда пела перед учителями и публикой более разборчивой, надевала костюм в более спокойных тонах. А к родной деревенской публике выходила в сарафане поярче и платок накидывала поцветастее. Родные — не просудят, а песня заиграет более яркими тонами.

Фронтовые кинооператоры запечатлели фрагмент, когда Русланова готовится к выступлению — надевает сарафан прямо на платье — некогда, да и холодновато, видимо.

Отсюда, с фронта, пошла привычка подкрашивать губы без зеркала, почти наугад. Но всегда — верно. По поводу своего грима говорила:

— Я всё лицо наизусть знаю. И без зеркала обойдусь.

Но однажды в новогоднюю ночь в 1946-м, выступая в Москве в клубе МГБ, возмущённая тем, что ей дали тесную, неуютную гримёрную с подтекающим умывальником, да ещё и без зеркала, хлопнула дверью так, что прибежал дежурный администратор, объявлявший артистам выход. Она уже шла в сторону сцены.

— Вы куда? Вам ещё рано! — сказал он так, как разговаривают разве что с подчинёнными.

— К зеркалу! — тем же тоном заявила она и повелительным жестом указала дежурному администратору — уйди с дороги.

И тот отступил в сторону. Решительно шурша своим сарафаном, она прошла к зеркалу. Дежурный не спускал с неё глаз, пока она не вернулась в гримёрку: мало ли что выкинет, от этой всего можно ждать…

Позже, когда Русланова гастролировала по стране в составе больших концертных групп, над её манерой подкрашивать губы, не глядя в зеркало, часто подшучивала молодёжь. Но и сами молодые артистки вскоре перенимали её приёмы и манеры, стараясь подражать неподражаемой хоть в чём-то.

Однажды она всё же заказала роскошный костюм в народном стиле, но уже не крестьянский, а боярский. Русланову убеждали, что боярской роскошью она окончательно покорит сердца публики. Костюм получился действительно нарядный, внушительный. Тяжёлый. Несколько раз она выходила в нём на сцену. Но, видя некоторое отчуждение, взгляды из зала, с любопытством и иронией изучающие её богатые одеяния, сняла своё «боярство» и больше к нему не притрагивалась. Не пошло. И слава богу, подумала она с облегчением.

Зять Руслановой Георгий Волочков в своей книге «Лидия Русланова» написал: «Часто в сольных концертах Русланова в первом отделении исполняла русские песни, а во втором — городские романсы. И тогда в первом отделении выходила в русском костюме, а во втором — в вечернем туалете».

Её консерватизм — путь постепенного совершенствования того, что избрано когда-то. Она совершенствовала свои песни, варьировала, подбирала новые интонации к, казалось бы, уже знакомым и отработанным песням, которые публика и без того хорошо принимала. Она прекрасно понимала, что песни, репертуар певца — это, ни много ни мало, его судьба. Каждая песня — часть судьбы. Случайного в репертуаре быть не должно.

Она много пела о разлуке. Среди русских народных песен «разлучных» песен вообще много. Русланова их особенно любила. Возможно, слово «любила» здесь не совсем точное. Песни о разлуке сами приходили к ней, а она их не отвергала. Потому что они, разлучные, так и льнули к ней. Есть среди них «Мальчишечка-разбедняжечка…».

Лирическая песня. Монолог девушки, расстающейся со своим любимым.

Мальчиш*А*чка-разбедняж*И*чка,

Он склонил свою головушку,
Он склонил свою головушку,
Ох, на прав*А*ю на сторонушку.

Её лирическая героиня полна такой нежной и сильной любви, что и, расставаясь, трепещет от своего светлого чувства. И разлука не в силах омрачить его. Она снова и снова переживает то лучшее, что у них было и что останется теперь навсегда, что бы с ними ни случилось в дальнейшем.

Ох, на прав*А*ю да на левую,
Ох, на грудь на мою
Да на бел*А*ю.

На груди мальчик лежал,
Тяж*А*ло вздыхал.
И в последний раз сказал: «Прощай».
Ой, прощай, раскрасавица,
Красота ли мне твоя
Очень нравится.

Красота ли мне твоя
Очень нравится.
А любовь наша разлуча*И*тся.

Грезила, грезила её памятливое сердце по тому, который разбудил в ней первое сильное чувство. Серо-голубые глаза «офицерика» сияли ей, пронзая реальность незабытым светом издалека. В «Мальчишечке-разбедняжечке…» сквозь девичье явно прорывается материнское, более сильное, что уже не могут погасить ни время, ни обстоятельства. Любовь невесты, и даже жены, забывчива, она временна. Пусть не всегда, но всё-таки такова. А любовь матери вечна и нерушима, как сама земля.

Не прожив песню, не выплакав всю её, не выстрадав, в самом буквальном смысле, не споёшь так, чтобы зал трепетал тем же трепетом, что и певец.

Песня жила в её голосе. С первых нот и живым преображённым светом захватывала всё пространство вокруг. Люди слушали затаив дыхание. В концертных залах во время выступления Руслановой возникало столь сложное и необъяснимое слияние певицы и её зрителей, что разойтись им сразу, без повторов, без выходов на «бис» не получалось. Это отмечают многие, кто бывал на её концертах.

Что-то похожее на молитву звучало в зале. Но молилась не одна певица. Молилась каждая душа и все сразу, одновременно, единым дыханием, охваченные единым чувством.

Люди, близко знавшие Русланову, общавшиеся с ней на протяжении длительного времени, отмечали её человеческие качества: доброту, простоту, юмор, непритязательность. И в то же время неприятие панибратства. Могла резко осадить назойливого и теряющего чувство меры. И ещё она была смелой. Даже после длительных изнурительных допросов и угроз применения мер физического воздействия могла довольно резко отвечать следователю, не боясь очередной вспышки его садистского гнева. На фронте выступала в непосредственной близости от передовой, под обстрелом. Иногда неподалёку рвались снаряды. Гармонист невольно сбивался с ряда, а она хоть бы что, пела и пела.

«Настоящая русская красавица!» — порой восхищённо говорили о ней, имея в виду вовсе не внешность. Красавицей она не была, это общеизвестно. Но обладала таким обаянием, в жестах её было столько царственности, что производила впечатление очень сильное, особенно на мужчин.

Она была русской женщиной из народа. Вот почему так любила поэзию Некрасова. Пела многие песни на его стихи: «Меж высоких хлебов…», «Коробейники», «Что ты жадно глядишь на дорогу…». Иногда на средах-посиделках у Турчаниновой, словно пробуя себя в другом жанре, читала наизусть какое-нибудь стихотворение Некрасова. Любила слушать, когда читали Некрасова другие, порой пришёптывала следом. Свою поющую поэтическую душу она растила всю жизнь.

Драматург и сценарист Иосиф Прут вспоминал: «К отдельным сторонам житейского обихода Русланова была совершенно равнодушна. У неё никогда не было чисто женского беспокойства, касающегося, к примеру, культа одежды, в этом отношении она была более чем скромна, хотя на официальных приёмах выглядела царственно. Будучи женщиной среднего роста, она казалась высокой — такая была в ней стать и особая, присущая только ей одухотворённость. Русланова не была красавицей, но, когда она появлялась, все видели её таковой. Поэтому она приносила на сцену величавость женского обаяния, нечто такое чисто народное, сельское, что описать стихами мог бы только великий Некрасов».

Глава седьмая
С МИХАИЛОМ ГАРКАВИ

«Что толст он, это не беда, беда, что тонок не всегда…»

В 1929 году Русланова встретилась с Михаилом Наумовичем Гаркави. Они, как говорят в народе, сошлись и стали жить в гражданском браке. Известная певица, любимица публики и не менее известный и популярный конферансье. Сейчас артистов разговорного жанра называют несколько иначе — ведущий.

Семейная лодка с Наумом Науминым давно уже дала течь и медленно оседала в пучину. Видимо, роман с Гаркави не был уже тайной. Русланова сама, годы спустя, когда осталась вдовой после смерти генерала Крюкова, с юмором рассказывала такую историю.

В подъезде дома, где она в то время жила с Науминым, в одной из соседних квартир проживала сумасшедшая женщина. По утрам за Науминым приезжал служебный автомобиль, чёрная «эмка», и он с портфелем важно шёл к машине. Тем временем сумасшедшая заступала ему дорогу и, уперев «руки в боки» и покачивая головой, выразительно декламировала:

— Коммунист, коммунист, а у твоей жены любовник — то-о-лстый!..

Популярность Гаркави была огромна, доходы соответствовали и его популярности, и темпераменту. Они сразу же начали совместные концерты. И жили — не тужили. Работали много.

Михаил Гаркави родился в Москве. Родители прочили ему медицинское поприще, но артистическая натура взяла своё. С медицинского факультета Московского университета он перешёл на театральное отделение Московского филармонического училища. Окончил его в 1916 году и сразу же был принят в труппу МХАТа. У него всегда всё складывалось хорошо. Кроме личной жизни. Да и в личной жизни был период, когда он был счастлив — 13 лет рядом с Руслановой. С 1919 года работал в Камерном театре. В 1928 году окончательно определился как конферансье.

Был знаком с Владимиром Маяковским и, находясь под его влиянием, стал на сцене применять излюбленный приём поэта — импровизировать, разговаривать с залом на самые неожиданные темы. В 1945 году Гаркави был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1949 году он сыграл роль Геринга в фильме «Сталинградская

битва». В 1957-м — эпизодическую роль в фильме «Девушка без адреса». К концу жизни на сцене появлялся всё реже и реже, популярность его таяла.

Высокий, толстый, но удивительно, почти неестественно подвижный, он появлялся на сцене стремительной походкой, улыбающийся, с широко разведёнными руками и обрушивал на зрителей ливень шуток-прибауток, мгновенно располагая к себе. Читал короткие фельетоны, исполнял куплеты. Иногда затевал рискованный разговор с залом. Ему задавали вопросы, а он мгновенно отвечал.

Правда, однажды самонадеянность подвела обаятельного конферансье. Концерт уже начался, а публика продолжала входить в зал, рассаживаться в свои кресла. Гаркави уже вышел на сцену и вынужден был сделать паузу, чтобы люди, наконец, расселись. И когда он уже собрался начать, в зале появилась ещё одна запоздавшая пара.

— Пожалуйста, пожалуйста, проходите, а то я уже думал, что вы вообще не придёте, — произнёс конферансье.

На этом надо было бы и остановиться, но куда там, Гаркави закусил удила.

Опоздавшая пара была довольно красивой, и на неё многие обратили внимание. Они двигались не суетясь, с достоинством. Он вёл её за руку, всячески оберегая. Она была со вкусом одета и выглядела настоящей красавицей.

— Ну, когда женщина опаздывает — это понятно, она хочет показать свой туалет, — продолжил Гаркави, почувствовав настроение зала. — Вот интересно, что хочет показать нам сегодня этот мужчина?

И тут произошло то, чего никак не ожидал бедный Гаркави, но что от души позабавило публику. Мужчина замедлил шаг и, глядя в билеты, как будто про себя, но довольно громко произнёс:

— Боже мой! Боже мой! Такие дорогие билеты и такие дешёвые остроты!

Зал взорвался хохотом, который начал переходить в аплодисменты, закончившиеся почти овациями в адрес опоздавших.

Гаркави смутился, сразу не нашёлся чем ответить, что-то пробормотал и, окончательно стушевавшись, ретировался за спасительный занавес. Это был провал.

Русланова, тем временем стоя за кулисами в ожидании своего выхода, давилась от смеха.

Вскоре после того злополучного концерта на Гаркави кто-то из острословов написал эпиграмму:

Что толст он, это не беда,
Беда, что тонок не всегда.

Гаркави был знаком со всем театральным миром Москвы, состоял в приятельских отношениях с известными писателями, художниками, музыкантами. И если у Руслановой и был какой-то расчёт, когда она связала с ним свою жизнь, то Гаркави вполне оправдал его: новый муж ввёл её в артистический свет столицы, в богему. Чего ей порой, при всей её независимости, всё же не хватало. Говорят, что Гаркави стрелялся на дуэли — из-за Руслановой. Но с кем? Когда? Неизвестно. Хотя поверить в это можно — вполне в характере благородного толстяка.

Владимир Иванович Немирович-Данченко после одного из концертов Руслановой в беседе с Гаркави сказал: «Замечательная певица! Кое-кто считает, что она вульгарна. Но большинство наших зрителей от неё в восторге. Была у нас в театре одна драматическая актриса. Мнения о ней тоже разделялись подобным образом. Но и она, и ваша жена самобытны! Не все это понимают. Отсюда и разброс в мнениях. У нас ещё не привыкли к актёрам, которые никого не повторяют, ни на кого не похожи. Ваша жена — чудо! Передайте ей от меня низкий поклон! Придёт время — её оценят, поймут! Вспомните мои слова!»

Гаркави передал Руслановой отзыв театрального режиссёра, педагога и критика первой величины. Русланова была счастлива этим признанием великого маэстро. Гаркави, добродушный и весёлый, тоже сиял от удовольствия. Он признался жене, что завидует ей. Что о нём, игравшем в Художественном и в московском Камерном театрах, Немирович-Данченко ничего подобного, к сожалению, не говорил и никогда уже не скажет.

Зато кое-что ему сказал сотрудник ВЧК, включённый в труппу на время зарубежных гастролей Камерного театра. За границу артистов, как известно, безнадзорными не выпускали. Однажды чекист, выпив лишнего, развязал язык:

— Прёт из тебя, Миша, дворянство, хотя ты и наш человек. И фигура, и взгляд, и манеры — всё насквозь дворянское. Избавляйся от этого как можно быстрее!

Из Камерного Гаркави ушёл в Театр им. В. Ф. Комиссаржевской. Но и там долго не продержался, перебрался в Ленинград, где в Театре сатиры и комедии он и нашёл себя как куплетист и конферансье.

Легендарный Буба Касторский[24] о Гаркави написал в одной из своих книг: «Он был, что называется, конферансье от Бога». При этом особо отмечал одну особенность своего приятеля и

учителя: «У Михаила Наумовича была страсть к вранью, причём абсолютно бескорыстная. Он не преследовал никакой цели, а просто любил придумать историю, долго её рассказывать и верить в это».

Бубе Гаркави чистосердечно признавался в том, что в Гражданскую был главным хирургом фронта, что в первой сборной Советского Союза по футболу был центральным нападающим, что дружил с Рихардом Зорге, шахматистом Алёхиным, шпионом ЦРУ Пеньковским, был личным врагом Гитлера и сбил во время войны несколько «мессершмиттов»…

Актриса Мария Миронова об этом явно артистическом качестве Гаркави говорила: «Миша такой врун, что если он скажет „Здрасьте!“, это надо ещё десять раз проверить».

Но то, что он был первым исполнителем знаменитых шлягеров 1940-х годов «Синий платочек» и «Песня старого извозчика» — это совершенная правда. Хотя именно на этом Гаркави никогда не настаивал.

С новым мужем Руслановой было легко. Во-первых, он всегда в нужную минуту оказывался рядом. Во-вторых, они прекрасно работали в паре. Хорошо зарабатывали. В-третьих и остальных, Гаркави умел превращать жизнь в праздник. Немножко обжора, любитель хороших сигарет и всяческих розыгрышей, он каждый случайный угол мог преобразовать в сцену. Правда, от этого Русланова порой уставала и могла грубовато одёрнуть мужа: «Прекрати. Хватит».

Если с Науминым Русланова увлекалась собирательством и коллекционированием редких книг, то Гаркави пристрастил её к более, как сейчас сказали бы, бюджетному коллекционированию.

Концертов они давали много. Работали с утра до ночи. Гонорары и сборы, как правило, были высокими. Всегда — аншлаг. Так что могли себе позволить и весьма дорогие покупки.

Гаркави знал толк в редких книгах. Их Русланова покупала по-прежнему, не жалея денег. И, надо заметить, все потом прочитывала.

Неплохо он разбирался и в драгоценностях, и в живописи. Правда, по части знания живописи, особенно русских мастеров, жена его очень скоро превзошла. Она общалась со многими художниками. Всерьёз увлёкшись русской живописью, прочитывала все каталоги и альбомы периода, который её интересовал. Не ради ведь красного словца на вопрос журналистов, что, кроме песни, она любит в жизни, неизменно отвечала: «Книгу».

Русланова завела знакомство с директорами всех антикварных и букинистических магазинов Москвы. И когда

вдруг появлялась какая-нибудь редкая старинная вещь, которая могла её заинтересовать, или картина, ей сразу же звонили. Она приезжала и смотрела товар. Иногда привозила с собой кого-нибудь из своих знакомых, кто хорошо разбирался в живописи и предметах старины.

Очень часто во время таких походов её сопровождал Игорь Грабарь[25].

В 1943 году, после Сталинградской битвы, он обратился в Совет народных комиссаров с предложением компенсировать потери советских музеев во время войны «за счёт конфискации произведений искусства из музеев Германии и её союзников».

Немецкие войска ещё стояли под Вязьмой и Харьковом, а в Москве, в Академии наук СССР, в Главном архивном управлении и Комитете по делам искусств формировались трофейные бригады, которые комплектовались высококлассными специалистами, готовились к отправке в действующую армию.

Грабарь был ключевой фигурой в этой ещё одной масштабной и весьма удачной операции, проведённой нашими войсками в ходе Великой Отечественной войны. Его назначили главой так называемого Бюро экспертов. Ещё когда немецкие танки маневрировали в районах Курска и Белгорода, Грабарь со своими подчинёнными из Бюро экспертов составил реестры и каталоги лучших произведений искусства — живописных полотен, гобеленов, коллекций фарфора, серебра, скульптур малой формы, — которые хранились в музеях Европы и могли оказаться в полосе действий наших войск. Искусствоведы и научные сотрудники музеев работали днями и ночами, чтобы составить сводный, наиболее полный каталог сокровищ Европы, а также предметов искусства, которые оккупанты вывезли с территории СССР.

Отвлекаясь от темы, скажу, что, судя по этой работе, вступление Красной армии в Европу было не нашествием гуннов и варваров, как это сейчас пытаются представить некоторые публицисты и политологи, а походом армии-победительницы государства, которое вполне отдавало себе отчёт в том, какая задача стоит перед солдатами. А задача стояла непростая: и противника добить «в его логове», и фарфоровую чашечку при этом не разбить.

На завершающем этапе войны Грабарь и его ближайшие помощники принимали прибывающие с запада эшелоны с трофейными произведениями искусства, музейными коллекциями и другими ценностями. Среди них было много предметов, вывезенных с территории Советского Союза немецкими войсками и специальными командами.

Дело в том, что именно немецкая сторона первой поставила дело отъёма культурных ценностей на уровень государственной политики.

Ещё до вторжения на территорию СССР по приказу Гитлера была создана особая миссия под кодовым названием «Линц». Фюреру в голову пришла потрясающая, как ему казалось, идея: создать в Линце, городе его детства, роскошный квартал — музеи, библиотеки, галереи, наполненные трофеями, взятыми в поверженных странах и в землях завоёванных народов в ходе Второй мировой войны. Была сформирована отдельная команда, впоследствии развёрнутая в батальон СС, наделённая особыми полномочиями и имевшая задачу наладить по всей Европе агентурную сеть по выявлению особо ценных артефактов с последующей их скупкой и вывозом в пункт сбора — Мюнхен. Зачастую не продать тот или иной предмет, картину или коллекцию сотрудникам миссии «Линц» было попросту нельзя. Офицеры СС являлись к владельцам артефакта и, расстегнув кобуру пистолета, выкладывали суммы, по их мнению, вполне достаточные для оплаты предмета, забирали его, оформляли нужные бумаги и уходили. Батальоном командовал штурмбаннфюрер СС барон Эберхард фон Кюнсберг. Зондеркоманда Кюнсберга основательно поработала и в Польше, и в Западной Украине, и в оккупированных областях РСФСР. Литература пропагандистского характера, как правило, уничтожалась, книги и журналы по экономике, технике, проблемам производства и технологий передавались в разведывательные органы, старинные издания, рукописи, уникальные книги, научная литература отправлялись спецвагонами в Германию.

В 1942 году в торговых залах фирмы «Адлер» в Берлине открылась выставка культурных ценностей, захваченных на востоке в качестве трофеев. Немцы не стеснялись своих побед.

В Линце немцы хотели устроить в числе прочего также музей уничтоженных народов. Своеобразное напоминание о том, что на земле жили когда-то славяне, евреи, цыгане и пр.

Когда маятник истории Красная армия качнула в другую сторону, по части сбора ценностей начала активно промышлять другая сторона, а вернее — стороны. Союзники зачастую оказывались более проворными, когда дело дошло до трофеев. Победитель получает всё, как говорили древние европейцы.

Демонтировались и увозились в СССР целые заводы, склады готовой продукции, полуфабрикатов и сырья, стада скота.

За годы войны трофейные команды собрали 24 615 немецких танков и самоходных артиллерийских установок, более 98 тысяч

орудий и миномётов, 114 миллионов снарядов, 16 миллионов мин, 257 тысяч пулемётов, 3 миллиона винтовок, около двух миллиардов винтовочных патронов и 50 тысяч автомобилей. Общий вес трофейного металла, доставленного из прифронтовых районов для вторичного использования, составлял порядка десяти миллионов тонн. Было вывезено 21 834 вагона вещевого и обозно-хозяйственного имущества; 73 493 вагона строительных материалов и «квартирного имущества», в том числе: 60 149 роялей, пианино и фисгармоний, 458 612 радиоприёмников, 188 071 ковёр, 941 605 единиц мебели, 264 441 настенных и настольных часов; 6370 вагонов бумаги и 588 вагонов разной посуды, в основном фарфоровой; 3 338 348 пар различной гражданской обуви, 1 203 169 женских и мужских пальто, 2 546 919 платьев, 4 618 631 предмет белья, 1 052 503 головных убора; 154 вагона мехов, тканей и шерсти; 18 217 вагонов с сельскохозяйственным оборудованием в количестве 260 068 единиц. Чёрные, цветные и прочие металлы в промышленном виде 447 741 тонна на сумму 1 миллиард 38 миллионов рублей по государственным ценам; золота, серебра, платины — 174 151 килограмм; зернопродуктов — 2 миллиона 259 тысяч тонн; мясопродуктов — 430 тысяч тонн; рыбопродуктов — 10 тысяч тонн; жиров — 30 тысяч тонн; маслосемян — 35 тысяч тонн; сахара — 390 тысяч тонн; табака — 16 тысяч тонн; картофеля и овощей — 988 тысяч тонн; 20 миллионов литров спирта; 186 вагонов вина и др.

А теперь наша скромная статистика, по линии Бюро экспертов Грабаря: 24 вагона музейных ценностей. В сущности, немного — всего около двух небольших составов. Или один большой. Немцы из миссии «Линц» действовали куда масштабнее. Хотя их теперь не упрекают.

Правды ради надо заметить, что добрую половину вывезенного впоследствии, в реставрированном виде, советское правительство в разные годы вернуло музеям и предприятиям ГДР. Была возвращена «Сикстинская мадонна» Рафаэля. «Девушка, читающая письмо у раскрытого окна» Вермеера. «Спящая Венера» Джорджоне. В 1960 году к 250-летию основания мануфактуры в Мейсен была возвращена коллекция мейсенского фарфора.

Искусствоведы Грабаря, переодетые в военную форму, колесили по Германии, разбирали завалы на месте музеев, вытаскивали из подвалов шедевры старых мастеров. Иногда прямо из воды. Немцы сражались до последнего. Гибнущему солдату не до Рубенса, не до хрупких пастушек и пастушков мейсенского фарфорового завода.

Трофейные команды на месте принимали решения об изъятии и вывозе обнаруженных культурных ценностей, как «брошенного» или «бесхозяйного» имущества, в целях их сохранности от порчи, разрушения или расхищения. Так же, как и зондергруппы штурмбаннфюрера Кюнсберга, люди Грабаря свозили найденное на специальные склады, там производили отбор на вывоз. Упаковывали, делали опись, грузили в вагоны. Можно предположить, что многое из музейных предметов, минуя склады Бюро экспертов, уходило в вагоны, где распоряжались другие люди, настоящие военные — адъютанты и порученцы генералов и маршалов.

В трофейной кампании будет принимать деятельное участие генерал Крюков, четвёртый муж Руслановой. В его гараж в Москве попадут четыре трофейных легковых автомобиля. Из пятидесяти тысяч захваченных. Но вот картин в руслановском собрании, к тому времени уже большом, довольно изысканном и цельном, отражающем вкус и стиль владелицы, из поверженных немецких городов не оказалось. Ни одной! А ведь они, полотна европейских мастеров, всегда, и тогда тоже, ценились выше и дороже. Ни возвышенных немцев, ни утончённых итальянцев, ни изысканных голландцев в свой дом она не впустила. Только русская живопись! Торжество русского духа! И все работы купила на честно заработанные деньги.

На формирование собрания картин любимых художников у Руслановой ушло почти 20 лет. Гонорары порой почти целиком тратила на покупку очередной картины. Русланова была не просто коллекционером или богатой дамой, которая вкладывала лишние деньги в картины, поскольку они всегда будут в цене. Она создавала мир своего дома таким, чтобы всё в нём помогало главному — песне.

В её коллекции были картины Нестерова, Кустодиева, Серова, Малявина, Сурикова, Врубеля, Сомова, Шишкина, Репина, Поленова, Васнецова, Верещагина, Айвазовского, Тропинина, Левитана, Маковского, Крамского, Брюллова. Этот ряд, кажется, говорит сам за себя.

Общение с Грабарём и другими художниками, чтение литературы по искусству дали свои плоды. Русланова стала прекрасно разбираться в живописи, в художественных направлениях. Знала биографии художников. Чувствовала их манеру, стиль. Обладала поистине феноменальной интуицией, которая и была результатом воспитания души, признаком изысканного вкуса.

Порой подолгу и горячо спорила со специалистами, и те нередко ей уступали. Либо потом оказывалось, что права всё же

она.

— Не профессор, — говорила она не без гордости, — но подлинник от копии отличить всегда сумею.

Как-то во время концертов в Ленинграде супруги Нина Васильевна Пельцер[26] и Николай Яковлевич Янет[27] пригласили Русланову на обед. Зная увлечение певицы и своей приятельницы, хозяин во время обеда вышел в другую комнату, снял со стены своё любимое полотно «Пастушок» кисти Репина и вынес, чтобы показать его Руслановой.

Она залюбовалась. Потом сказала:

— Вещь, что и говорить, преотличная! Только вот ноги у мальчонки не Илья Ефимович писал.

— А кто же?! — спросил обескураженный Янет.

— Брат его родной. Ведь работа эта из псковской коллекции…

Хозяин пожал плечами и растерянно сказал:

— Да уж не знаю…

— Ну, зато я знаю точно — из псковской.

Впоследствии супруги пригласили эксперта, и тот подтвердил слова Руслановой.

Другую историю в артистической среде часто рассказывают в качестве анекдота.

Актёр Владимир Хенкин[28], зная любовь Руслановой к русским мастерам, тоже купил старинную картину и решил поразить певицу своим приобретением. Как конферансье он в последнее время часто выступал в одних концертах с Руслановой.

Хенкин встретил дорогую гостью в прихожей, помог снять шубу.

— Ну, где твоё добро? Показывай! — Со своим конферансье она была накоротке, не церемонилась.

Хенкин сдёрнул материю со старинной рамы и торжественно объявил:

— Тропинин! Портрет Ивана Андреевича Крылова! Уникум! А?!

Русланова восторга товарища по сцене не разделила, внимательно осмотрела картину, вздохнула и, покачав головой, сказала:

— Ну, что не Тропинин, так это и необязательно. Ошибиться может каждый. Но изображён-то и не Крылов!

— А кто же? — растерялся расстроенный Хенкин.

— Это, Володя, собственной персоной Михаил Семёнович Щепкин! Был у тебя в прошлом такой коллега!..

Гаркави пристрастил нашу героиню и к коллекционированию драгоценностей.

В то время этим были увлечены многие состоятельные граждане СССР. Нам известны только некоторые коллекционеры из артистической среды. Если разложить все камешки и золотые украшения по мешочкам и выставить эти мешочки в ряд по ранжиру — вот забавное зрелище было бы! — то мешочек Руслановой оказался где-нибудь в конце этой длинной шеренги.

«Бриллиантовую» историю мы на время оставим, поскольку посвятим ей отдельную главу.

Гаркави внёс в жизнь Руслановой лёгкость, изящество и ту соль, которой конечно же не хватало ей, когда она жила с чекистом Науминым. Полного счастья по-прежнему не было, но некое ощущение его или чего-то похожего она получала. Во всяком случае, её концертной деятельности, росту артистической карьеры союз со знаменитым конферансье помогал немало. И она дорожила этим.

У них в доме часто собирались дружеские компании, устраивались весёлые вечеринки. Это были своего рода пиры единомышленников, людей одной профессии. А потому зачастую они носили характер капустников. Но — ничего вычурного и искусственного. Пошлой драматургии Русланова терпеть не могла, а уж в своём доме ничего подобного никогда не позволила бы.

И она, и Гаркави любили гостей. Угощали щедро и вкусно.

На стол целиком подавались окорока, запечённые гуси и индейки, рыбы и горы румяных пирогов. Её столы и её гости были буквально живым олицетворением кустодиевских «Чаепитий в Мытищах» и «Мещанских радостей». Только радости эти наполнялись ещё особым отношением друг к другу, общим уважением к профессии, обаянием любимого дела.

На такие посиделки за рюмкой чаю в прежние времена собирались поэты и писатели, художники, музыканты и артисты. У всех было своё застолье. Их объединяли дружество, творчество и то, что теперь назвали бы корпоративными интересами. Пили, пели, бранили, превозносили, ниспровергали и с радостью близкой родни смотрели друг другу в глаза…

Руслановские пироги. О них ходили легенды. Отведать их и конечно же провести вечер с хозяйкой, потолковать о том о сём мечтали многие. И многие в её доме бывали.

Пироги она пекла сама. А секреты вынесла из саратовской деревни, от бабушки. Подавала пироги с яблоками, с грибами. Но истинным шедевром её кулинарного искусства были пироги с капустой. Вся артистическая Москва гудела о руслановских пирогах с капустой.

Пили, ели, шутили, смеялись, рассказывали анекдоты.

Одна из актрис, бывавших на руслановских посиделках, обладала даром пародировать своих коллег, причём делала это с таким безжалостным юмором, что хоть смейся, хоть плачь.

Когда гости уже переходили в стадию безудержного веселья, Русланова просила её изобразить кого-нибудь из присутствующих. Та изображала, и тогда хохот переходил в стон.

Затем хозяйка просила:

— Ну покажи меня! Покажи меня!

Та брала непродолжительную паузу, чтобы войти в роль, и *показывала.*

Русланова, как рассказывали участники этих вечеров, первой заливалась смехом.

Сцены и мини-интермедии всякий раз были разные, за что Русланова их и любила. Вот одна из них.

Подруга изображала Русланову, готовящуюся в гости или к выходу на сцену. Не глядя в зеркало, красит брови и губы, как всегда, безукоризненно точно, при этом говорит: «Я своё лицо наизусть знаю. А зеркало теперь уж поздно заводить. Кого я там увижу?»

Другая сцена. Певица, готовясь к приёму гостей, пробует угощения и вдруг находит то или иное блюдо недостаточно солёным или недостаточно острым; щедрой рукой сыплет на блюда то и другое, приговаривая: «Вот теперь — полная кульминация!»

Рассказывала разные истории и сама Русланова. Рассказывала о своём детстве, о деревне, о первых концертах, о санитарном поезде. Даже самое печальное и горькое, видя, как приуныли гости, она вдруг завершала курьёзом или неожиданной шуткой. Юмор любила и ценила его в людях.

Не шутила только об одном — о первом муже и сыне.

В последние годы говорила: вот пропадёт голос, буду со сцены читать стихи любимых поэтов и русские былины… Не дошло до стихов и былин, всю жизнь пела, голос не изменял ей до конца.

Рассказывала она всегда в лицах. Мастерски меняла голос. Мимику! А какие жесты сопровождали её интермедию! Гости от души смеялись и восхищались артистическим даром рассказчицы. «Рыдали от смеха», — вспоминал один из участников этих вечеров.

Гаркави, как уже было сказано, ввёл Русланову в артистическую среду Москвы и Ленинграда, на самый высший её уровень. С одной стороны, Русланова в эту богемную мистерию не особенно-то и стремилась. С другой…

Во всякой истории есть другая сторона.

Некоторые биографы намекают на сотрудничество Гаркави с ГПУ-НКВД-МГБ. Документов, свидетельствующих о том, что третий муж Руслановой занимался весьма распространённой в те годы общественной работой, которая порой становилась второй профессией, и довольно прибыльной, нет. Во всяком случае, они не опубликованы. Был ли он секретным сотрудником органов безопасности, нет ли? Конечно, если принять во внимание непотопляемость Гаркави во все времена, при всех правителях, то можно и призадуматься. Но, с другой стороны, нигде, ни в каких документах доносов Михаила Наумовича не обнаружено. Никого он не потопил, даже невольно не погубил. Никого напрасно не оговорил. Однако эта самая другая сторона всё же выглядывает, как шило из мешка… Когда Гаркави заболел, в клинику для привилегированных совслужащих и партийных работников не пошёл — лёг в простую больницу, главным врачом которой был его друг, надёжный человек. Хорошо знал, что всё контролируется, что именно в больнице человек, ставший пациентом, практически беспомощен. Артистка Рина Зелёная, воздавая почести умершему, сказала, что это был «замечательный артист и человек, за спиной которого мы, его коллеги, в самые трудные моменты жизни чувствовали себя спокойно». Значит, мог прикрыть? Мог. И — прикрывал.

Писатель Иосиф Прут, кажется, всё расставил на свои места: «Это был человек, который никому не сделал зла».

Глава восьмая
ФИНСКАЯ ВОЙНА

«Среди большой войны жестокой…»

Советско-финляндская война, которую в народе назовут Финской или Зимней, была проверкой прочности и Советского государства, и его Красной армии, и способностей Генштаба, и вооружения, и солдат, и генералов.

Свою проверку на прочность прошла и Русланова. И здесь, на этой «войне незнаменитой», окончательно определилось для неё многое. И её амплуа — петь для солдата, для труженика войны, ежедневно, ежечасно глядящего в глаза смерти. И её зритель. И её любовь. И судьба.

Должно быть, судьба отца, старого служаки, битого-перебитого войнами то на одной границе, то на другой, стояла перед её взором как образ самого главного действующего лица любой войны, её героя и страдальца — солдата.

Личная же её судьба — генерал Крюков — ходила рядом. Как рядом ходила она во время Гражданской войны, когда Русланова пела для солдат Южного фронта, а он, молодой командир эскадрона Отдельной кавалерийской бригады 38-й стрелковой дивизии, метался по степи, рубая «офицериков», отступающих в Крым и к Новороссийску. Ходила рядом и теперь: с февраля 1940 года полковник РККА Крюков командовал 306-м стрелковым полком 62-й стрелковой дивизии, а затем возглавил 8-ю стрелковую бригаду Ленинградского военного округа. Но ни там, ни здесь, под Ханко, они не встретились. Встреча произойдёт позже, уже совсем скоро.

Финская война оставила в русской душе много горечи. Войну начали дивизии Ленинградского военного округа. Потом пошли резервисты из Московского, Орловского и др. В Центральную Россию похоронки летели потоком. В декабре 1939 года бабы в русских деревнях как заголосили, так и лили слёзы до мая 1945 года.

Русланова пела и об этих слезах. О судьбах солдат. За что её и любили. И на фронтах, и в деревнях. В городках и столицах. За правду человеческой души, страдающей от невзгод и нашествий, за сердечную проникновенность и сострадание народному горю.

Пожалуй, наиболее точно выразил трагедию этой войны Александр Твардовский в стихотворении «Две строчки».

Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А всё ещё бегом бежал,
Да лёд за полу придержал…

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далёкой,
Как будто мёртвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примёрзший, маленький, убитый
На той войне незнаменитой,
Забытый, маленький, лежу.

У этого стихотворения, как у всякой большой поэзии, огромная энергия, обращённая к каждому, и одновременно обобщение, расходящееся сильной волной, бег которой не имеет конца и захлёстывает весь народ. Образ маленького солдата, убитого большой войной и вмёрзшего в лёд, потрясает своей хрупкой беззащитностью живого, существовавшего в единственном числе, перед железным колесом общей трагедии. И этот образ был очень близок Руслановой. Она всегда несла в своих песнях-моноспектаклях печаль и радость одинокой души в человеческом море, которое пусть не всегда враждебно этой душе, но и не всегда к ней ласково.

Уже через месяц после начала боевых действий на Карельском перешейке и по всей линии соприкосновения на фронт прибыла концертная бригада Руслановой и Гаркави и начала выступления для бойцов. Чаще всего концерты проходили прямо в лесу, под открытым небом, в метель.

Для Руслановой эта война была уже третьей. Тогда она ещё не предполагала, что будет и четвёртая, самая долгая и самая страшная, и очень скоро.

За 28 дней фронтовых гастролей их группа дала 101 концерт. По три-четыре концерта в день. Побывали почти во всех армиях.

Заполярье. Жестокие морозы под 30 градусов. Леса, заваленные снегами. Замёрзшие озёра и реки. Из дивизии в дивизию перебирались то на машине, то на дрезине, то на самолёте, то на гужевом транспорте. Иногда туда, куда предстояло добраться, дороги не было, и тогда артисты становились на лыжи и шли по лыжне, проложенной разведчиками-проводниками. Чтобы не замёрзнуть и не простудиться, и передвигались, выступали в ватных армейских штанах и телогрейках.

На ночь останавливались то в ближайшей тыловой деревне, то в армейских фанерных домиках, то в палатках в лесу. Палатки обогревались железными печурками. Печурки топили по очереди. Очередь распределяли на всех без исключения. Вставала среди ночи и Русланова, дежурила возле железной печки, сделанной солдатами из бочки из-под бензина, подбрасывала сухие поленца, чтобы пламя в топке не угасло и палатка не остыла.

Укладываясь спать, ватников не снимали. Некоторые артисты после двух-трёх суток таких гастролей начинали ныть, с тоской вспоминать Москву.

Спасал ситуацию Гаркави. Начинал шутить, поднимать людям настроение очередными своими безумными историями. Все понимали, что — врёт, снова сочиняет небылицы, но люди начинали смеяться и тоже включаться в разговор.

В новогоднюю ночь артист Илья Набатов[29] решил подшутить над Руслановой и Гаркави. Ему давно хотелось вернуть Гаркави его розыгрыши. Выпросил у красноармейца маскировочный халат, шапку и винтовку. На лесном перекрёстке стал поджидать своих друзей. Когда машина с Руслановой и Гаркави поравнялась с Набатовым, он крикнул: «Стой!» — и вскинул винтовку. Машина остановилась. Из кабины вывалился огромный человек в каске с пистолетом в руке и крикнул с ярко выраженным финским акцентом: «Рус, ставайса-а!» Набатов испугался, бросил винтовку и поднял руки. Когда услышал в кабине хохот Руслановой, начал приходить в себя и руки опустил.

О своём розыгрыше они потом долго никому не рассказывали. Дело в том, что винтовка, которую красноармейцы дали Набатову, была трофейная, финская, и ехавшие в машине поначалу своего коллегу действительно приняли за финна. А чтобы тот пропустил их дальше, Гаркави решил сыграть под финна в трофейной каске, что на фронте тогда было распространено. Набатова он узнал, только когда тот бросил винтовку и поднял руки.

Так два конферансье сыграли, быть может, самую талантливую свою репризу. Жаль, что повторить её перед

зрителями было нельзя.

Чтобы не простудиться и не потерять голос, Русланова принимала стрептоцид. Это противомикробный препарат очень широкого спектра действия. Активно применялся до появления антибиотиков. По силе воздействия антибиотикам он уступает, но зато безвреден для организма. Применялся для лечения ангины, пневмонии, энтероколита, цистита и раневой инфекции. Не требовал употребления большого количества воды. Действие таблетки истекало через четыре-пять часов, поэтому принимать препарат Руслановой приходилось пять-шесть раз в сутки.

Эту руслановскую медицинскую процедуру неунывающий Гаркави обыграл в придуманной им полудетской забаве, которую назвал «Ночлежный дом». Играли каждый вечер после концерта и ужина. Играли, чтобы не одуреть от холода и фронтовых условий. Игра была «интеллектуальная». Каждому «ночлежнику» придумывалось какое-нибудь смешное прозвище. И оно постоянно обыгрывалось. Руслановой дали прозвище «Лидка-Стрептоцид». Это веселило всех, а нашу героиню в первую очередь. Она охотно откликалась на «Лидку-Стрептоцид» и вне игры.

Когда приезжали в незнакомое, новое место и до концерта оставалось время, Русланова заходила погреться либо в какие-нибудь походные мастерские, либо в передвижной полевой госпиталь. Её сразу узнавали. Отовсюду неслось: «Лидия Андреевна!.. Лидия Андреевна!..» Она им: «Голубчики мои!..» И начинала рассказывать какую-нибудь смешную историю, в которую попала сама либо которую слышала у соседей. Сразу — смех, шутки. Настроение у солдат поднималось. И она чувствовала, что хоть чем-то скрасила их унылое существование.

Бойцы крутили усы, восхищённо слушали великую певицу, которая и на слово оказывалась легка и приветлива. Своя! Ну в доску своя!.. И не было в этом со стороны певицы никакого снисходительного заигрывания с солдатами. Просто шёл задушевный разговор.

А потом, как обычно, начинался концерт. Где-нибудь среди заснеженных сосен и елей. Перед концертом она глотала очередную красную таблетку и — вперёд, на сцену. Чаще всего сценой служила небольшая лесная полянка. Бойцы за несколько минут тщательно утаптывали снег, и — готово! Где там певица? Просим!

И вот среди этой калёной стужи, под сенью карельских елей под заливистые переборы саратовской гармошки разносилось от души к душе:

Выйду ль я ль на реченьку,
Погляжу на быстр*А*ю,
Не увижу ль я свово милова,
Любезн*А*го своего.

То ли стрептоцид помогал, то ли сила воли и житейская непритязательность, но горлу её ни мороз, ни ветер оказались нипочём.

Когда у человека закалён характер, голосовые связки выдерживают любые погодные условия.

Однажды ехали в повозке по полю. Пролетел самолёт. Возница проводил его настороженным взглядом и сказал:

— Финский.

А минуту спустя с неба посыпались разноцветные бумажки.

— Что это такое? — спросила Русланова.

— Листовки кидает. — И возница выругался. Потом перекинул вожжи, выскочил из пошевней и поймал одну из листовок. Подал Руслановой.

На четвертушке листа был изображён комиссар в чёрной шинели, стреляющий в спину солдата в серой шинели. И подпись: «Политрук хуже врага. Он стреляет в спину». Она прочитала листовку и бросила в снег.

— Каждый день бросают. А мы их на раскур пускаем, — усмехнулся возница.

Пришло время принимать очередную таблетку стрептоцида. Через несколько минут — концерт. Она будет песней поднимать дух бойцов. Чтобы не верили родные солдатики финским листовкам.

Глава девятая
РУСЛАНОВА И СТАЛИН

«Я-то сыта. А вот моих земляков в Поволжье накормите. Голодают!..»

История взаимоотношений этих двух личностей, имевших в те годы столь огромное влияние на миллионы людей, настолько непродолжительна, что эта глава в биографии нашей героини станет, должно быть, самой короткой.

На ночные посиделки, которые Сталин какое-то время любил устраивать в Кремле, приглашая туда знаменитых писателей, артистов, людей искусства, Русланова попала всего один раз. Кто-то из её биографов написал: мол, не любила она этих вечеров…

Там любви и не требовалось. Если приглашали, то ослушаться никто не смел.

И вот пригласили её.

Как известно, Сталин был человеком просвещённым. В юности писал стихи. Позже написал работу по языкознанию. Любил читать. Читал много. Русланова знала, что книги всех кандидатов на Сталинскую премию по литературе Хозяин прочитывал сам. Любил театр, часто бывал на спектаклях.

Театр не просто любил, а всячески его опекал. Особенно Большой. Ничего для него не жалел, никаких миллионов. Зарплаты, премии, звания, награды, всяческие привилегии и бытовые блага в виде квартир в центре Москвы, дач в живописных районах Подмосковья, путёвок в дома отдыха и санатории.

Сталин ходил в основном в оперу. На постановки «Князь Игорь», «Садко», «Борис Годунов», «Хованщина», «Иван Сусанин» (до революции «Жизнь за царя»), «Пиковая дама». Его особая любовь к опере была известна, и поэтому в этих спектаклях всегда были заняты лучшие голоса Большого театра, да, пожалуй, и всей страны. Лучшее в оперном пении, в балете концентрировалось здесь.

Помпезный облик зала Большого театра, богатое и тяжёлое убранство сцены, капитальные декорации, подчёркнуто торжественное пение артистов — всё это соответствовало внутреннему миру Хозяина настолько, что он мог приезжать на некоторые спектакли по нескольку раз подряд.

Сталин награждал своих фаворитов при каждом подходящем случае и зачастую делал это собственноручно. Впрочем, ничего

плохого в этом не было, тем более что, в отличие от последующих эпох, тогда награждались и поощрялись действительно лучшие голоса.

Хотя — не без исключения. Русланова так и не была награждена правительственным орденом. Вернее, орден был, но его почти сразу же отняли. Но эта история ещё впереди.

Сталин обожал бас Максима Михайлова[30]. Ценил постановки Леонида Баратова[31]. Главный режиссёр Большого театра Баратов благодаря его любви к опере получил пять Сталинских премий, три — первой степени и две — второй.

Благоволил Сталин и певицам Наталье Шпиллер[32] и Вере Давыдовой[33]. И та и другая имели по три Сталинские премии. Пели на банкетах вождя. Ему нравилось быть покровителем таких талантливых певиц и при этом поистине царственных женщин.

Галина Вишневская, пришедшая в Большой театр ещё совсем юной, в своей книге воспоминаний писала:

> «Любил ли Сталин музыку? Нет. Он любил именно Большой театр, его пышность, помпезность; там он чувствовал себя императором. Он любил покровительствовать театру, артистам — ведь это были его крепостные артисты, и ему нравилось быть добрым к ним, по-царски награждать отличившихся. Вот только в царскую — центральную — ложу Сталин не садился. Царь не боялся сидеть перед народом, а этот боялся и прятался за тряпкой.
>
> Почему он любил бывать именно в опере? Видимо, это доступное искусство давало ему возможность вообразить себя тем или иным героем, и особенно русская опера, с её историческими сюжетами и пышными костюмами, давала пищу фантазии. Вероятно, не раз, сидя в ложе и слушая „Бориса Годунова“, мысленно менял он свой серый скромный френч на пышное царское облачение и сжимал в руках скипетр и державу.
>
> Когда Сталин присутствовал на спектакле, все артисты очень волновались, старались петь и играть как можно лучше — произвести впечатление: ведь от того, как понравишься Сталину, зависела вся дальнейшая жизнь. В особых случаях великий вождь мог вызвать артиста к себе в ложу, и удостоить чести лицезреть себя, и даже несколько слов подарить. Артисты от волнения — от величия момента! — совершенно немели, и Сталину приятно было видеть, какое он производит впечатление на этих больших, талантливых певцов, только что так

> естественно и правдиво изображавших на сцене царей и героев, а перед ним распластавшихся от одного его слова или взгляда, ожидающих подачки, любую кость готовых подхватить с его стола. И хотя он давно привык к холуйству окружающих его, но особой сладостью было холуйство людей, отмеченных Божьим даром, людей искусства. Их унижения, заискивания еще больше убеждали его в том, что он не простой смертный, а божество».

Вишневская в этом «сталинском» фрагменте конечно же пристрастна. Но во многом права. Если бы, к примеру, оставил свои воспоминания о Большом театре и тех годах бас-профундо Михайлов, то это были бы совершенно другие впечатления и оценки. Что тут поделаешь — воспоминания! Каждый вспоминает своё и по-своему.

И вот в середине 1930-х годов (точная дата неизвестна) приглашения к Хозяину удостоилась Русланова. Был какой-то очередной банкет. По установившейся традиции завершался он выступлениями самых лучших певцов страны.

О том, что значило понравиться Сталину, Русланова уже была наслышана. Да и Гаркави наставлял: «Лидочка… Лидочка… Только придержи свой характер! И твоё великолепное будущее будет обеспечено».

Любовь Сталина, как и любовь всякого диктатора, была изменчивой. Он мог возвысить, а мог и столкнуть в самый низ. В артистической среде тогда рассказывали историю, произошедшую с Иваном Козловским.

Сталину пришлась по душе «Песенка герцога» из оперы «Риголетто». Её исполнял Козловский. Сталин попросил: «Повторите, пожалуйста, ещё раз». Козловский поднёс руку к горлу, давая понять, что не сможет второй раз подряд вытянуть «знаменитое заключительное фермато». Тогда Сталин указательным пальцем на лацкане пиджака очертил кружок и улыбнулся. Козловский всё мгновенно понял и, оценив ситуацию и собрав волю в кулак, запел «Сердце красавицы склонно к измене…». Он довёл арию до конца с той же силой и чистотой, что и в первый раз. Вскоре получил орден Ленина, место солиста в Большом и немыслимую ставку.

Русланова спела. Члены политбюро и ближайшее окружение Сталина бурно аплодировали. Сталину тоже понравилось её выступление. Какие песни она пела тогда, на «царском» банкете, история не сохранила.

Сталин пригласил её к своему столу. Она села рядом. По

обыкновению, Хозяин начал угощать свою гостью фруктами. Придвинул к ней вазу с виноградом и сказал:

— Угощайтесь.

То, что произошло в следующие мгновения, могло закончиться для Руслановой весьма плачевно. Конечно, если бы она вежливо угостилась из рук вождя, Сталин, следуя традиции и своему характеру, спросил бы у певицы, чего она желает…

Но к винограду она не притронулась. И сказала:

— Я-то сыта. А вот моих земляков в Поволжье накормите. Голодают!

Их дальнейшая беседа сразу и необратимо отклонилась в сторону от народной песни и проблем творчества Руслановой. Когда певица ушла к своему столу, Сталин посмотрел ей вслед, усмехнулся и сказал:

— Рэчистая.

Ну вот и всё. Больше они не встречались. Русланову на подобные концерты больше не приглашали. Но последствия этой встречи Русланова ещё почувствует — в 1948 году.

Говорят, когда Сталин слышал имя Руслановой, морщился, делал пренебрежительный жест и говорил: «Мужицкая певица».

Глава десятая
РУСЛАНОВА И ШАЛЯПИН

«Уж очень правдиво пела. Если знаешь её, передай от меня большое русское спасибо…»

«Мужицкая певица…»

И правда, одному русскому мужику, жившему в то время в Париже и тосковавшему по родине смертной тоской, она очень нравилась. Да что там нравилась — душу перевернула!

Фёдор Иванович Шаляпин[34] в 1921 году поехал на гастроли за границу да так оттуда в советскую Россию и не вернулся. Уехал великий певец вместе со своей женой Марией Валентиновной.

В 1926 году Русланова где-то в газете или журнале прочитала стихотворение Владимира Маяковского:

Или жить
вам,
как живёт Шаляпин,
раздушенными аплодисментами оляпан?
Вернись
теперь
такой артист
назад
на русские рублики —
я первый
крикну:
— Обратно катись,
Народный артист Республики!

Было о чём подумать.

Русланова покупала у букинистов пластинки Шаляпина и слушала через граммофон голос своего вологжанина-земляка. Саратов, Самара, Нижний Новгород, да и мордва тоже считали Шаляпина своим. А уж после песни «Вниз по матушке по Волге…» тем более.

Как выяснилось впоследствии, в 1927 году сборы от одного из благотворительных концертов Шаляпин передал в фонд помощи детям эмигрантов. В советскую Россию эта информация пришла в искажённом виде, и Шаляпин был представлен как человек,

поддерживающий белогвардейцев. Сразу же было принято постановление Совета народных комиссаров о лишении Шаляпина звания народного артиста и права возвращаться в СССР. Так и не пустили его на родину. Хотя вернуться ему хотелось. Ох, как ему, русскому человеку, хотелось петь для русских людей в России, на родной сцене!

В 1935–1936 годах Шаляпин поехал на гастроли на Дальний Восток. Но не советский — в Маньчжурию, Китай, Японию. Это были последние гастроли. Последние встречи с русскими, размётанными эмиграцией по окрестностям советской России. Через год врачи обнаружили у певца лейкоз.

В 1933 году Руслановy зачислили в штат музыкально-эстрадного управления Государственного объединения музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий. Слава певицы росла. Везде она была желанна. Конферансье Лев Миров рассказывал, как в 1930-е годы она поехала с концертом в подмосковный Серпухов. Афиши по городу расклеили заранее, все билеты раскупили в один день. Стояла лютая зима. Народ приехал из дальних деревень на санях. Мужики стояли возле местного драмтеатра, где должен был состояться концерт Руслановой, всю ночь. Жгли костры. Кормили сеном коней, укрытых заиндевелыми попонами. Ждали, что утром можно будет купить билеты, кому они не достались. Концерты шли один за другим, иногда по два-три в день. Везде — аншлаг. Сборы огромны.

Такие, как Русланова, были выгодны для государства, для учреждённого в январе 1936 года Всесоюзного комитета по делам искусств при Совете народных комиссаров СССР. На вновь созданную структуру возлагалось руководство всеми учреждениями культуры и искусства. Сами учреждения культуры — наиболее крупные из них, имевшие общесоюзное значение, «изымались из ведения республик (главным образом РСФСР) и поступали в непосредственное подчинение Всесоюзному комитету».

Партия и правительство наконец-то решили централизованно навести порядок в культуре и искусстве. В апреле 1932 года вышло постановление ЦК ВКП(б) о создании Союза писателей СССР и Союза композиторов СССР. В том же 1932 году было учреждено Всероссийское театральное общество. А годом раньше в Москве на Кузнецком Мосту в выставочном зале товарищества «Художник» прошла первая выставка Союза советских художников.

Таким образом, партия довольно энергично — год-два — создала «в области руководства наукой и искусством

общесоюзные органы управления, а сами учреждения были изъяты из ведения наркомпросов союзных республик». Как отмечают исследователи этого периода, в советском искусстве «ужесточилась репертуарная политика и цензура, всепроникающая регламентация сковывала деятельность мастеров искусств». Ещё в 1929 году Сталин, размышляя о советской литературе и литераторах, чётко сформулировал рамки дозволенного в искусстве: «Вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка, или даже понятиями „советское“, „антисоветское“, „революционное“, „антиреволюционное“ и т. д.».

В 1933 году был создан Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР. Появился знаменитый Радиокомитет, с которым у Руслановой сложатся прекрасные творческие отношения, и её голос будет звучать по всей стране, по всем широтам от Минска до Петропавловска-Камчатского, и слушать её пение будут миллионы. В феврале 1937 года по всей стране была введена единая всесоюзная сетка вещания. Началось так называемое иновещание на тринадцати языках народов союзных республик. И по всем этим каналам звучали русские народные песни Лидии Руслановой. Радиосигналы, посылаемые из Советского Союза, не зная границ, стали достигать и европейских широт.

И однажды в Париже в своём доме на улице д'Эйло, 22, Фёдор Иванович Шаляпин крутил ручку радиоприёмника, который иногда ловил передачи из СССР. Он тосковал по родине и искал в эфире русскую речь — а дикторами на Всесоюзном радио с самого начала работали лучшие чтецы, актёры театров Василий Топорков, Осип Абдулов, Зинаида Ремизова. И вдруг сквозь шум и шорох эфира стала проникать песня.

Из письма Фёдора Ивановича Шаляпина Александру Менделевичу[35]: «Вчера вечером слушал радио. Поймал Москву. Пела русская баба. Пела по-нашему, по-волжскому. И голос сам деревенский. Песня окончилась, я только тогда заметил, что реву белугой. И вдруг рванула озорная саратовская гармошка, и понеслись саратовские припевки. Всё детство передо мной встало. Объявили, что исполняла Лидия Русланова. Кто она? Крестьянка, наверное. Талантливая. Уж очень правдиво пела. Если знаешь её, передай от меня большое русское спасибо».

Говорят, что Шаляпин не раз просил друзей и знакомых привезти из советской России ему в Париж грампластинки с записями песен Руслановой. Он её поистине полюбил. Потому что она, как никто другой из певцов и певиц той поры, выразила в народной песне русскую душу.

В 1930-е годы Русланова много гастролировала — по линии Всесоюзного комитета по делам искусств, а точнее, его подразделения — Музыкально-эстрадного управления Государственного объединения музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий. Советская бюрократия от культуры росла, расползалась вширь. Её надо было кормить. А кормили бесчисленный штат чиновников писатели — большими тиражами своих книг и артисты, собиравшие полные залы на свои концертные выступления и спектакли.

Лёгкая на подъём, неутомимая, энергичная и деятельная, Русланова объездила всю страну. Случались и так называемые «левые» концерты. Гаркави, управлявший своими и её делами ловко и умело, с изяществом конферансье мог манипулировать не только публикой, но и ответственными товарищами на местах, которые занимались проведением концертов в городах, районах, войсковых частях, колхозах. Вся выручка от «левых» концертов шла артистам. Такие выступления, понятное дело, были более выгодными для них. Бригады артистов, которые ездили с Гаркави на гастроли, боготворили его. Зарабатывали хорошо. Но и работали на износ. Не у всех выдерживали нервы, голосовые связки. Некоторые пропускали выступление-другое, чтобы хоть немного отдохнуть, эмоционально восполниться. Только не Русланова. Она не пропускала ни одного концерта.

В те годы в составе концертных бригад, а также с сольными концертами колесили по стране очень многие певцы, артисты, музыканты. 1930-е годы — период своего рода концертно-театрального гастрольного бума. Сцены возводились на лесосеках и на опалубке строек, в поле и на полигонах. Но таких нагрузок, как у «Русланихи», как её начали называть в народе и в артистической среде, никто из артистов выдержать не мог.

Но те и другие в это прозвище вкладывали разное. Если для первых «Русланиха» была любимой, желанной, простой, то вторые подчёркивали её простонародность, сермяжность. Этим прозвищем её как бы выталкивали из круга столичной артистической элиты, указывали ей место.

За спиной порой шушукались. Русланова отвечала на подобное шипение очень резко. Могла и запустить по матушке. И продолжала делать своё дело. Петь так, как Бог сподобил.

Лапти, правда, уступила. Бог с ними, с лаптями. Не век Росси в лаптях ходить… Но песню, интонации, репертуар — нет.

Когда Руслановой рассказали, что сам Фёдор Иванович Шаляпин слушает её пластинки и плачет над её пением в Париже, она засияла от счастья. Сердце её ликовало. Самолюбие артистки было удовлетворено. Так что окрестное шипение её мало

задевало. Что и говорить, в советской России много великолепных голосов, известных певиц, признанных публикой и критикой. В одном только Большом театре сколько. А он отметил её. Признание самого Шаляпина, что бы о нём ни говорили тогда партийные товарищи и журналисты, многого стоило.

Так и пели они свои русские песни, печальные и развесёлые, удалые и хмельные, в разных концах света. И ни разу судьба не свела их.

Глава одиннадцатая
ПЛАСТИНКА С РУСЛАНОВОЙ

«И она запела „Липу вековую“»…

Это сейчас у нас — цифровые музыкальные центры. Домашние кинотеатры. Компьютеры. Шлёп по клавише — и пошла музыка, да ещё с видеорядом.

До недавнего времени были магнитофоны. На небольшой кассете размером в два спичечных коробка помещалось до двух дюжин песен. А до них — плёночные магнитофоны. И проигрыватели с долгоиграющими пластинками.

Первые пластинки были размером поменьше, толстые, тяжёлые, в простеньких конвертах. Так называемые шеллачные. Хрупкие, как стекло. Уронишь — и вдребезги. И проигрывались они на патефонах.

Патефоны ещё можно купить в комиссионных магазинах. Пластинки тоже. Каждая третья из них — песни Лидии Руслановой, Клавдии Шульженко или Леонида Утёсова.

Массовое производство патефонов и грампластинок в советское время началось в 1930-е годы. Патефоны производились на заводах в Вятских Полянах Кировской области, в Коломне и Ленинграде. Там же, в Ленинграде на заводе «Грампласттрест» начали выпускать шеллачные грампластинки. Метод горячей прессовки с матрицы. Пластинка вращалась со скоростью 78 оборотов в минуту. Игла, вставленная в головку, опускалась в звуковую бороздку. Движение, вибрация, посредством электрического сигнала рождалась звуковая волна. Затем эта волна проходила через усилитель к динамику. Звук патефона был довольно громким. На многих пластинках в конце песни звучат аплодисменты — это значит, что запись сделана прямо на концерте.

В 1942 году заработал Апрелевский завод грампластинок. Впоследствии пластинки стали выходить на других материалах, с применением другой технологии. На каждой стороне было записано по нескольку песен. Их называли долгоиграющими. И скорость уменьшилась до 33 оборотов. На них стоял логотип фирмы «Мелодия». Кстати, некоторое время наша отечественная радиопромышленность выпускала проигрыватели с переключателями скоростей — на «78» и на «33», чтобы можно было прослушивать любые грампластинки.

Русланова очень скоро стала настоящей королевой

грампластинки. С нею она вошла в каждую деревню, на каждый хутор, в каждый дом. Патефоны были советской роскошью. В деревнях, где на всю округу было два-три патефона, их выносили на улицу и слушали всей улицей. В городах заводили во дворах. Солдаты слушали пластинки в казармах и клубах. В каждой роте в Ленинской комнате была небольшая библиотечка, полки с газетами и журналами и на отдельном столе стоял патефон. Я служил с 1973 по 1975 год, когда в моде уже был переносной магнитофон «Романтик», а на Рижском радиозаводе производились роскошные и дорогие проигрыватели с выносными колонками стереодинамиков. Но в нашей роте, как памятник эпохе послевоенных призывов, стоял патефон с набором пластинок. Иногда вечерами, в личное время, мы заводили его и слушали песни наших отцов.

«Светит месяц, светит ясный…» — пела Русланова, и мы вспоминали своё детство, родителей, родню и свою родину. Потому что голос Руслановой для нашего поколения был голосом из детства. Вот отчего солдатской душе, пусть уже и другого поколения, эта певица оставалась очень близка.

Когда песни Руслановой стали расходиться по стране на грампластинках, её популярность стала ещё больше. Тиражи пластинок исчислялись миллионами. Огромная страна требовала огромных тиражей.

Однажды во время гастрольной поездки по Сибири Русланова решила побродить по тайге. Пошла, увлеклась красотой берегов таёжной речки, потом свернула в распадок, в другой, и — заблудилась. На счастье, встретился человек. Оказалось — здешний лесник. Он как раз завершал очередной обход, услышал чей-то заполошный крик и вот пришёл на выручку…

— Подумал, не иначе кто-то заблудился, — сказал он, внимательно оглядывая незнакомку.

— А я и правда заблудилась, мил человек, — призналась она.

— Ну, то не беда. Сейчас выйдем на дорогу, а там недалеко и жильё, — успокоил он её.

Пошли по едва заметной тропинке, вскоре выбрались на другую.

— А я слышу, вроде зовёт кто… Голос-то у вас знатный, — усмехнулся лесник. — Иду-иду, а всё никак до вас не дойду…

И правда, вскоре вышли к деревне — большой, богатой. Дома рублены из матёрой ели. С подклетями. С высокими крылечками. С множеством надворных построек для домашней живности. С амбарами. Двери массивные, на кованых петлях. Всё сделано добротно и красиво. Сибирь!

Лесник привёл Русланову в свой дом. Хозяева напоили её

чаем, угостили пирогами. Потом, чтобы не думала, что они тут медведями живут, вынесли в белую горницу, где чаёвничали, патефон и пластинки. Хозяин приказал старшей из своих дочерей:

— Поставь, доня, нашу любимую — Русланову.

Послушали Русланову. Всем песня понравилась. Гостье тоже.

— Ну, пластинку послушали, спасибо ей, этой чудесной машине, — сказала Русланова, когда хозяева спросили, а кто ж она есть и как в их краях оказалась, — а теперь *я* вас отблагодарю.

И — запела ту же песню. Да так, что все ахнули. Стали сбегаться в просторную избу лесника люди со всей деревни. Места не хватило, стояли под окнами. А она всё пела и пела. Вначале без аккомпанемента, так осиливала. А потом и гармонист нашёлся. Быстро подладился под её тональность. Она подмигнула ему — и пошёл концерт в запал!

Долго она потом вспоминала то своё таёжное выступление и чай лесника.

Вечером запрягли лошадей и отвезли певицу в соседний леспромхоз, где должен был состояться её концерт. И он состоялся в объявленный срок.

Другой случай с патефоном произошёл на фронте.

Выступала Русланова в одном из прифронтовых госпиталей. После концерта отпустила всех своих коллег домой, то есть в часть, где им отвели землянку, а сама решила пройтись пешком. Дорога не дальняя, с километр лесом.

Идёт. Дело было поздней осенью. Лес уже сбросил листву, приготовился к зиме, но кое-где ещё запоздало сиял то багрецом молодых осин, то золотом берёз и ив. Шла, поглядывала по сторонам, любовалась окрестностями.

Впереди на перекрестье дорог — пост. Солдаты где-то раздобыли патефон — видимо, во время наступления захватили в немецких окопах или нашли в брошенной деревне, откуда немцы всегда перед боями отселяли жителей. Крутят её «Липу вековую». Свою песню издали узнала.

Одета она была по-фронтовому хорошо: стёганая солдатская телогрейка, на голове платок, по-деревенски перехваченный через грудь и завязанный за спиной.

Подошла к посту. Посмотрела на бойцов и сказала им с укоризной:

— Слушаете? Да?

— Не, мы на посту, — простодушно ответил тот, что помоложе.

— На посту, а патефон крутите…

Тут вмешался другой, постарше и, видать, поопытнее:

— Ну, слушаем. Не твоё дело, тётка, что мы тут делаем. Идёшь — проходи. Не мешай слушать, не порть настроение. — И боец кивнул на вращающуюся пластинку. — Давай, Петя, подкрути, — сказал он своему напарнику.

Тот аккуратно, чтобы игла не поехала поперёк звуковых бороздок, подкрутил ручку патефона.

Русланова поняла, что её не узнали, и решила подыграть ситуации. Спрашивает:

— А кто же это поёт у вас?

— Кто… — усмехнулся старший. — Ты вообще откуда, тётка, тут взялась, такая тёмная? Это же поёт… сама Русланова!

— Русланова?

— Ну да. Неужели не слыхала?

— Как не слыхала, когда я и есть Русланова, — отвечает она бойцам.

Тут они подняли её на смех.

— Не верите? Могу документы показать, — предложила Русланова.

— Да документы у тебя, может, фальшивые, — отвечали они.

— Документы-то?.. Ну да, документам, и правда, лучше не верить. Бумага, она — что?.. Бумага она и есть бумага. Но голос-то — настоящий!

— А ну, давай, тётка, пой! — махнул рукой старший и бережно снял с пластинки никелированную головку. Ты, может, шпионка с поддельными документами.

И она, немного ослабив узел шали, запела «Липу вековую».

Липа вековая
Под окном шумит.
Песня удалая
Вдалеке звучит.

Луг покрыт туманом,
Словно пеленой.
Слышен за курганом
Звон сторожевой.

Этот звон унылый
Давно, с прошлых дней
Пробудил, что было
В памяти моей.

Но всё миновало,
И я под венцом.

Молодца сковали
Золотым кольцом.

На твоей могиле
Соловей поёт.
Липа вековая
Весной расцветёт.

Солдаты остолбенели, а потом обрадовались. Дослушивали песню, стоя перед певицей навытяжку. Вот что такое русская песня! Русланова допела. И все расхохотались и обнялись, как родные.

Немцы тоже слушали песни Руслановой. И патефоны у них были, и трофейные пластинки.

Один из бойцов 33-й армии генерала Ефремова, армии, которая была почти целиком истреблена в окружении под Вязьмой в 1942 году, рассказывал, как они, остатки растрёпанных дивизий, пробивались к Юхнову на соединение со своими:

— До Угры совсем немного оставалось. Бежим по лесу. Куда бежим? Командир говорит: туда надо. Бежим, куда он показывает. Вышли к Угре. Угра разлилась, берегов не видать. Море, а не река. Стали мы заходить в воду, а с берега, с высотки, ударили пулемёты. Кто поплыл, никто до того берега не доплыл. Командир кричит: «Назад! А то всех побьют!» Вернулись в лес. И тут нас окружили со всех сторон. Звуковую установку подвезли. Пластинки начали крутить. Зашипела пластинка, пошла. Слышим, Русланова запела. Ох, как тут тягостно на душе стало… И вдруг прервалась песня и голос, один из наших, почти рыдает: «Братцы! Тут ничего! Жить можно! Кормят! Братцы!..» А мы уже четвёртые сутки ничего не ели…

Автор слов «Катюши» поэт Михаил Исаковский[36] рассказывал о таком случае: «Однажды под вечер, в часы затишья, наши бойцы услышали из немецкого окопа, расположенного поблизости, „Катюшу“. Немцы покрутили её раз, потом поставили второй раз, потом третий… Это разозлило наших бойцов: мол, как это подлые фашисты могут играть нашу „Катюшу“?! Не бывать этому! Надо отобрать у них „Катюшу“! В общем, дело кончилось тем, что группа наших солдат совершенно неожиданно бросилась в атаку на немецкий окоп. Завязалась короткая, молниеносная схватка. В результате — немцы ещё и опомниться не успели, как „Катюша“ — пластинка с патефоном — была доставлена к своим».

По степени популярности среди солдат воюющих армий с

Руслановой могла соперничать разве что Лале Андерсен. Её пластинку с песней «Лили Марлен» немцы, когда стояли в обороне, крутили с утра до вечера. А для немецких танкистов эту песню в определённое время на объявленной частоте передавало «Солдатское радио Белграда». Но Андерсен пела всего одну песню. Других, столь же популярных, как «Лили Марлен», в репертуаре немецкой певицы не было. Не так-то просто наполнить репертуар хорошими песнями.

Русланова любила повторять (повторим и мы): «Хорошо петь — очень трудно. Изведёшься, пока постигнешь душу песни, пока разгадаешь её загадку».

Наша героиня — великая труженица. Работала много. Изводилась. Изводила своих музыкантов и своего добивалась. Репертуар постоянно пополнялся. Почти каждая новая песня становилась шлягером. «За горою у колодца…», «Катюша», «Валенки». И грампластинки её появлялись одна за другой.

Шеллачная пластинка с Руслановой в стареньком потрёпанном конверте — это теперь коллекционный предмет. Раритет! Недешёвый и очень ходовой товар антикварных магазинов. Это к вопросу о том, стареет ли её песня…

Глава двенадцатая
«КАТЮША»

«Поплыли туманы над рекой…»

В 1938 году поэт Михаил Исаковский начал писать очередное стихотворение. Только что отгремели первые пушки на Халхин-Голе, неспокойно было на западе страны и на севере в районе Ленинграда на границе с Финляндией. Запахло новой войной. На западе, в Европе, она уже бушевала.

Поэт всегда очень тонко чувствует время и улавливает любое волнение в народной душе. Что такое война для простых людей? Война — это расставания, разлука родных и любимых сердец. Разлука зачастую трагична, потому что — навсегда.

Михаил Исаковский был поэт, о которых говорят — милостью Божией. Его стихи, по точному определению критика и литературоведа, профессора Литературного института им. М. Горького Владимира Смирнова, в море русской поэзии отличает «мощный напор лиризма». Исаковский — «поэт человеческого счастья», «создатель величайших русских песен, песен нашего народа».

Исаковский написал две строфы и остановился. Дальше не шло.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла.
Про того, которого любила,

Про того, чьи письма берегла.

«Я не знал, — признавался впоследствии сам поэт, — что же дальше делать с Катюшей, которую я заставил выйти на „высокий берег на крутой“ и запеть песню. Поэтому стихи пришлось отложить…»

Вскоре произошла встреча поэта с композитором Матвеем Блантером[37]. Состоялся обычный разговор двух творческих людей. Над чем работаешь и так далее… Исаковский показал

наброски стихотворения. Блантер несколько раз перечитал их и сказал:

— Стихи мне очень нравятся. Хороший зачин. А что дальше?

Исаковский пожал плечами.

«Теперь я буквально не находил себе места, — вспоминал композитор. — „Катюша“ без остатка заняла моё воображение. Вслушиваясь в слова Исаковского, я заметил, что в стихотворении его очень звонкая интонация. И в частности вот что: бе́рег, на́ берег! Какая причудливая игра ударений! Ну прямо-таки как в весёлой народной припевке. Не исключено, что эта деталь окончательно определила подвижной жанр „Катюши“».

Исаковский тем временем работал над заключительными строфами стихотворения. В трижды причёсанных и цензурой, и самим автором биографических заметках поэт рассказывал: «Мы как бы уже предчувствовали войну, хотя и не знали точно, когда и откуда она может прийти. Впрочем, мы не только предчувствовали, что война будет, но в известной мере уже переживали её: ведь в 1938 году ещё пылало пламя войны в Испании; в том же году Красная армия вынуждена была вести и вела тяжёлые бои с японскими самураями у озера Хасан; не очень спокойно было и на западных наших границах. По этим причинам тема Родины, тема защиты её от посягательств врага была темой самой важной, самой первостепенной, и я, конечно, никак не мог пройти мимо неё даже в лирической песне».

Вот именно потому, что песня не загружена риторикой и пафосом ходульного патриотизма, а наполнена простым и настоящим чувством любви девушки Катюши и её жениха, который с винтовкой в руках «землю бережёт родную», наполнена верностью и надеждой на встречу, она стала любимой во всей стране, а потом и в мире. «Катюша» стала символом нашей страны, своего рода позывным. Теперь это именуют иностранным словом — «бренд».

Версию создания песни, оставленную нам поэтом и композитором, надо конечно же воспринимать как своего рода официальную, написанную двумя героями Социалистического Труда, лауреатами Сталинских премий, кавалерами орденов Ленина и Трудового Красного Знамени. Не надо забывать, что многие мемуары, статьи и интервью писались и публиковались, когда часть публики и действующих лиц той или иной истории сидела в тюрьмах, лагерях, находилась в ссылке, на поселениях и была вычеркнута из жизни, из творчества, из искусства.

Но есть и другая версия появления и первого исполнения «Катюши». И она непосредственно связана с нашей героиней.

Однажды на очередных посиделках у Руслановой, после

окороков, чая и пирогов с капустой, разговорились о сцене. Русланова начала пенять мастерам разговорного жанра, что они совсем засушили на сцене юмор.

— Стареет ваш юмор, — сказала она им.

Это было время, когда Русланова запоем читала русскую классику и современную литературу, стихи Есенина, Ахматовой, рассказы Аверченко, Тэффи, Зощенко. Словом, тех авторов, которые теперь числятся в великом списке классиков отечественной литературы начала XX века. О прочитанном она не делилась ни с кем, только с мужем. В её библиотеке было много книг, ставших в Советской стране редкими, потому что их авторы уехали за рубеж и жили теперь кто в Париже, кто в Берлине, кто в Белграде, а кто и вовсе перебрался в Америку. Книги она покупала у знакомых букинистов, которые знали её вкус и зачастую припрятывали то, что ей могло быть по душе и за что она охотно и хорошо платила.

Русланова похвалила Хенкина:

— Вот Володя — изумительный артист. Читает Зощенко. Юмор Зощенко — современен. Но я понимаю и тот… Ведь я застала то время… Многое помню… Иногда даже страшно становится от того, что я знаю и помню…

Гаркави, чувствуя, что жена может сказать лишнее, попытался остановить её. Но Русланова сделала властный жест и продолжила:

— Политика… Политика… У нас слишком много песен про политику. Маршевые… Походные… И все — похожи. На что похожи? На гимны. А гимн должен быть один. Остальные — песни. И юмор должен быть не такой сухой. Вот расскажу вам историю… Я такой юмор больше люблю. И людям он больше по душе.

И Русланова стала рассказывать историю, как она уверяла, произошедшую с ней несколько лет назад во время гастролей по югу советской России. Рассказывала она эмоционально, в лицах, артистично. Став артисткой «разговорного жанра» ещё в детском приюте, она знала, как надо «врать», чтобы тебя слушали даже свои. На своих-то, кто знает тебя как облупленную, произвести впечатление куда труднее.

Рассказывала о молоденькой польке, о певице. Они встретились у кассы, получали гонорарные за концерт, в котором принимали участие обе. Полька — совсем небольшую сумму. Русланова — значительно большую. Та заметила разницу, и её это уязвило. Руслановой стало неловко за то, что она получила больше, и она пыталась ей объяснить, что это — и за прежние концерты. Но полька оборвала её на полуслове и в отчаянии

рассказала «о своей жизни в Варшаве: сколько и как она в былое время зарабатывала…»:

— Вы можете мувич по-польску? Ну ладно, я буду шпарить на русски. Варшаву знаете? Не были? Тогда вы не были нигде. Рим, Париж, Афины — это камни и анекдоты. Выброшенные деньги. Варшава! О, эти польские пани! Там есть на что тратить деньги. Я пела… Не помню уж где… Рядом с шампанским. Получала с пробки. Чем больше пробок… Тем сильнее кружится голова. Один пан у меня интересуется, сколько я получаю в час. Я говорю: «Сто пятьдесят злотых»…

А «свои» уже лежали на стульях, давясь от смеха, оставив в покое и окорока, и пироги с капустой. Русланова же, чувствуя кураж, продолжала:

— Он говорит: «Я вам дам эти деньги, но только не пойте». Я ему говорю, что не могу жить без песни. А он говорит, что песня его не возбуждает, даже наоборот. Предлагает двести злотых с условием, чтобы я помолчала. Вызывает извозчика. Я сажусь рядом с паном и небрежно, словно от дуновения ветра, показываю ему место, откуда у меня выходят звуки. Понимаете, какое место? Как это звучит музыкально… Показываю ему свою мембрану… Он говорит: «Чудесная грудь» — и начинает её гладить. Абсолютно невежественный в музыке человек! Я возмущена, но любезно говорю пану, что он мало образован для меня, что я ради его культурного развития буду всё-таки петь. Он кладёт на мою мембрану триста злотых. Я вам говорила, что в Варшаве есть куда бросать деньги. Я их ловко смахиваю с мембраны в сумочку. Кружится голова… Через час я снова рядом с шампанским. Летят пробки. Кружится голова. Я снова куда-то еду. Пан просит меня петь. Умоляет петь. Становится на колени. Поднимает мою юбку, а я продолжаю петь. Пан в восторге. «Вы чудесно поёте!» — говорит он и кладёт опять на мембрану две сотни злотых. Я делаю вид, что падаю в обморок, а на самом деле падаю на кровать от излишне выпитого шампанского. При чём здесь кровать? Откуда кровать? Не помню. Но я пою! Я пою ровно час! За временем я слежу. Певица не должна перепевать или перепивать… Не знаю… Как правильно будет по-русски, но по-польски я зарабатываю неплохо… О! Варшава!

Когда гости успокоились, Алексей Алексеев[38] внимательно посмотрел на хозяйку и спросил:

— Лидочка! Я что-то не совсем, видимо, понял: это ты — про нас?

— Господь с тобой. Это я — про нас… Думаю-то я вот о чём: хочу спеть современную песню о любви, о девушке, которая любит и верит в своё счастье. Не романс, нет. Песню! Широкую,

раздольную, чтобы дух захватывало и сердце ликовало! Чтобы ноги просились в пляс!

— К Блантеру надо ехать, — сразу сказал Гаркави, довольный тем, что тема пошла, наконец, в более спокойное и безопасное русло.

Поехали. Блантер жил на даче в посёлке Кратово Раменского района. Полчаса на электричке. Прекрасная природа Подмосковья. Хвойный лес. Озеро. Чистый воздух. Тишина. Покой. Все условия для творчества.

Блантер встретил их, хоть и непрошеных, гостеприимно. Угостил огурцами со своего огорода. За чаем разговорились. И, наконец, перешли к главному. Блантер признался, что есть одна мелодия. Но пока работа над ней продолжается. Стихи пишет Исаковский.

— Многое зависит от слов, — уклончиво сказал композитор. — Так что надо подождать.

Встреча грозила закончиться ничем.

— Конечно, — согласился Гаркави и в свойственной ему манере пошутил: — Песен без слов Лида не поёт.

Через неделю Блантер позвонил. По телефону прочитал первый куплет песни:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходили Настя и Андрюша
На высокий берег на крутой.

Русланова выслушала. Слух у неё был цепкий, особенно к стихам. И тут же отреагировала:

— Андрюша… Андрюша-то уже есть.

Песню «Эх, Андрюша, ты помнишь наши встречи…» пели Изабелла Юрьева и Клавдия Шульженко. В ней сквозило что-то одесско-приморское, чуждое и манере, и всему творческому стилю Руслановой, и выйти на сцену с ещё одним «Андрюшей» она ни за что бы не решилась.

— Хотелось бы не воспоминаний о любви. Что о ней вздыхать в который уж раз? Хотелось бы спеть о любви настоящей. Да и Настя — не поётся. Пусть в песне будет девушка и её распрекрасная любовь. А первые две строчки хороши!

— Может, Катюша? Груши — Катюша… А?

— Хорошее русское имя! — согласилась Русланова. — Звучит нежно, ласково. Народу понравится. Передайте Исаковскому, что мы с Гаркави — за Катюшу.

Когда появилась песня в том виде, в котором мы её теперь

знаем и поём, Руслановой она понравилась необыкновенно. Певица была в восторге.

Но Блантер ей премьеру не доверил. Впервые «Катюшу» исполнила Валентина Батищева[39], солистка джаз-оркестра Союза ССР. Оркестром руководили Виктор Кнушевицкий и сам маэстро Матвей Блантер. Публика новую песню приняла хорошо. Певица два раза повторяла её на «бис». Блантер и Кнушевицкий от выступления к выступлению всё больше подчиняли мотив общей манере джаз-оркестра. У песни появился танцевальный припев. Так возник по существу новый её вариант под названием «Русский казачок». Это была уже совершенно другая музыкальная композиция.

Руслановой же больше пришёлся по душе её первый вариант — «Катюша».

— Пусть его играют в ресторанах, — махнула она рукой на модную вариацию, которая авторам мелодии и музыкальной обработки казалась более перспективной, — а мне «Катюша» хороша.

Вскоре она записала новую песню на пластинку. И — пошла «Катюша» по стране! Руслановская!

Существует и третья версия того, как «Катюша» попала к Руслановой. Её рассказал в своей книге «Тайны граммофона» известный музыковед Глеб Скороходов: «Песня трижды вызывалась на „бис“. Но первое исполнение произошло ещё раньше, случайно: на последней репетиции Госджаза присутствовала исполнительница народных песен Лидия Русланова. Она не удержалась и через несколько часов спела песню по памяти на концерте в том же самом Колонном зале.

— Как же так? — спросили Лидию Андреевну музыканты. — Ведь у вас не было даже нот?!

— А зачем ноты? Я запомнила песню мгновенно! — ответила певица.

— Но ведь вы поёте русские песни, а это фокстрот, — продолжали недоумевать музыканты.

— Это прекрасная русская песня, — сказала Лидия Андреевна. — И простите меня, она так понравилась мне, что я не могла удержаться и не спеть её — песня требовала немедленного выхода!»

По опыту знаю, что, когда существует множество версий, недостоверна ни одна из них. Из этого множества надо лепить ещё одну, и она станет правдой. Пусть читатель сам это сделает.

После Руслановой народный, а не джазовый вариант «Катюши» запели лучшие эстрадные голоса страны — Георгий Виноградов[40], Вера Красовицкая[41].

«Катюша» звучала на фронте. Русланова включала её почти в каждое своё выступление перед солдатами. Порой они просили певицу повторить «Катюшу» ещё и ещё.

Именно по имени популярной песни и великого её образа получила своё второе, народное имя ракетная установка М-13.

Песня «Катюша» помогала громить врага и выживать в самых невероятных условиях. Восстанавливать разрушенные дома и растить хлеба на земле, только что очищенной от мин и снарядов.

Сразу появились переделки песни.

Шли бои на море и на суше,
Грохотали выстрелы кругом —
Распевала песенки «катюша»
Под Калугой, Тулой и Орлом.

Один из вариантов, наполненный ракетно-артиллерийским содержанием, стал гимном гвардейцев-миномётчиков.

Стихотворение Михаила Исаковского на одну строфу больше. Во время репетиций и работы над драматургией песни Русланова отбросила последнее четверостишие:

Отцветали яблони и груши,
Уплыли туманы над рекой.
Уходила с берега Катюша,
Уносила песенку домой.

Сейчас иногда песню поют с шестой строфой. При этом последний стих имеет вариант: «…Уносила песню за собой».

Русланова не хотела *расставаться* со своей героиней. Говорила, что не надо людей разлучать с Катюшей, не надо *уносить* от людей полюбившуюся песню. Так авторские песни становятся народными. В работе над этим шедевром счастливо сошлись все три составляющие: великолепные стихи, прекрасная мелодия и поистине гениальная первая исполнительница, которая определила звучание песни, её народный стиль и драматургию.

В те годы советские композиторы действительно написали много хороших песен, ставших народными. Потому что за основу брали русские народные напевы и мотивы. В буквальном смысле черпали из родника богатейшей культуры.

Песня «Катюша» жива до сих пор. И до сих пор любима народом. Живёт именно руслановский вариант, с её названием. Если брать за историческую правду одну из вышеизложенных

версий.

Знатоки, упрекая Блантера в неоригинальности, утверждают, что «похожая мелодия звучит у Игоря Стравинского[42] в опере „Мавра“. Сюжет комической оперы вкратце таков: гусар, влюблённый в скромную девушку Парашу, которая проживает со строгой матерью, проникает к ним в дом под видом новой кухарки по имени Мавра. Развязка носит комедийный характер: „переодетый в женское платье кавалер застигнут за бритьём и с позором изгнан“». Стравинский необыкновенно органично совместил в опере «черты лирического романса, разудалой цыганской песни и плясовых ритмов типа русской кадрили». Премьера оперы состоялась в 1922 году в Париже, в Гранд-опера, в рамках «Русских сезонов» Сергея Дягилева. В советской России опера была поставлена в Ленинграде в 1929 году. А затем только в 1973 году в Москве на сцене Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Что ж, такое в музыкальном мире случается часто. Мотив, тема, рождённая одним композитором, развивается другим в мелодию, становясь известным романсом, песней, вальсом, танго.

Земляки Михаила Исаковского летом 1985 года в посёлке Всходы Угранского района Смоленской области неподалёку от родной деревни поэта открыли Музей песни. Музейная экспозиция и зал для выступлений и встреч размещены в Доме культуры. Когда-то Михаил Исаковский дал землякам деньги для строительства этого Дома культуры. Здание срубили из здешней вековой ели. Строили самые лучшие местные плотники. Теперь на родине поэта проводится фестиваль народной песни, который так и называется — «Катюша». Особое место в музейной экспозиции уделено Руслановой.

Глава тринадцатая
ЛИРИКА НОВОЙ ДЕРЕВНИ

«За горою у колодца, где студёная вода…»

Жизнь в стране стремительно менялась. Индустриализация, великие стройки молодой Советской страны. Коллективизация. На село приходит электричество, шагает от села до села и от избы и до избы высокими столбами с белыми блестящими катушками изоляторов. В полях неутомимыми тружениками, помощниками колхозников, гудят тракторы и комбайны. Жизнь меняется к лучшему. Передовицы газет наполнены пафосом великих свершений и руководящей роли партии большевиков в успешном построении первого в мире социалистического государства. Одновременно в обстоятельствах обостряющейся классовой борьбы и диктатуры пролетариата разрастается и набирает гипертрофированно огромную силу репрессивный аппарат государства. Сибирь, Север, Дальний Восток, Магадан опутываются колючей проволокой, и в бараки ГУЛАГа в колоннах преступников идут и тысячи невинных, осуждённых по ложным доносам. Сталинский суд скор и жесток.

Искусство об этой стороне советской жизни помалкивает. Кое-где, из-под глыб, пробиваются ростки правды в литературе. Но писатели, которые осмелились говорить правду или просто намекали на то, что в нашем отечестве не всё ладно, тоже вскоре оказываются в лагерях. И первыми туда попадают поэты есенинского круга, певцы русской деревни — Алексей Ганин, Сергей Клычков, Пётр Орешин, Николай Клюев. Поэт Василий Наседкин однажды воскликнул: «Всё крестьянство бесправно и экономически угнетаемо!» — и сразу же был арестован и расстрелян. Расстреливают многих. Во дворах тюрем. Судят спешно. Никаких отсрочек для рассмотрения прошений о помиловании, пуля в затылок в тот же день, через час после оглашения приговора…

Страна переживала сложный период своей истории. До сих пор о нём идут непримиримые споры.

Эстрадные певцы, чтецы и даже музыканты должны были менять свой репертуар в зависимости от задач, поставленных партией перед творческими организациями и союзами.

Поэты строчили хвалебные гимны, композиторы сочиняли торжественные кантаты, живописцы писали Ленина и Сталина,

скульпторы заполняли площади городов монументами, прославляющими торжество новой, счастливой жизни, и фигурами вождей. Певцы не отставали. Даже говорливые конферансье начали произносить монологи, больше похожие на застольные заздравные тосты. И многим из них было не до юмора.

Вскоре в репертуаре Руслановой появился целый цикл колхозных песен. Среди них — «Колхозная трудовая»:

За горою у колодца,
Где студёная вода,
Вслед за жнейкою вязала
Снопы девка молода.

Ой, вязала, песни пела,
Что на свете любо жить,
Если честно делать дело,
Если труд свой полюбить.

А в ответ хлеба шумели,
Говорили ей о том,
Что колхозное богатство
Смело входит в каждый дом.

Эх, могуча наша сила,
Широки у нас поля!
Изобильная родная,
Славься, русская земля!

На концертах колхозный репертуар она перемежала со своим постоянным, народным, отработанным годами. Но и песни про «колхозное богатство» люди слушали с огнём в глазах, с улыбкой благодарности и восхищения. Как же, и их труд не забыт, песни о нём сложили, а поёт их сама «Русланиха».

А «Русланиха» думала: уж лучше «Колхозная трудовая», чем кантата о вожде, о революции и т. д.

Другая, из того же современного репертуара, — «Колхозная полька» — яркая, задиристая, как деревенское девичье гулянье где-нибудь в клубе или на току:

Хорошо мне с милым в поле
О любви поговорить.
Рожь густая, золотая
Расколхозная шумит!

Казалось бы, ну что тут такого, в этой частушке? Но поэзия сельской жизни по-настоящему одухотворяет жизнь её героини. И — никакой наигранности. Отношения двух любящих сердец развёртываются на фоне ржаного поля. А может быть, и во ржи?.. Последняя строка настолько руслановская, что заставляет улыбнуться: «Расколхозная шумит…» Ну не может быть у аббревиатуры «колхоз» (коллективное хозяйство) приставки! По всем языковым правилам — не может! У Руслановой — может! И как здорово, озорно и удало это получилось!

Дайте ходу пароходу,
Растяните паруса!
Я колхозная девчоночка,
У меня русая коса!

Играй, играй, гармошечка,
Играй, играй, баян!
Мы в колхозе выполняем
Пятилетний новый план!

Ну что ж, не без агитки. Чтобы не говорили, не писали без конца в газетах, что Русланова только жестокие романсы поёт да мещанские песенки…

Колхозы, созданные советской властью большей частью насильно, вскоре действительно преобразили жизнь деревни. Русланова приезжала в сельский клуб или прямо на тракторный стан, в поле, и видела лица юношей и девушек, освещённые энергией новой жизни. Родившаяся в крестьянской семье, впитавшая с молоком матери и песнями бабушки поэзию сельской жизни, она жадно всматривалась в черты новой, советской деревни, в новые отношения. Колхозы вернули селянам кое-какие черты вековой общины.

Но не всё было так радужно. Тех, кто не принял новых порядков и не смог разделить с односельчанами колхозного счастья, она увидит после войны, в конце 1940-х, когда с очередным этапом её привезут в столыпинском вагоне в Забайкалье, в Озерлаг. Там хлеборобы и животноводы, высланные из средней полосы и чернозёмных областей, будут крепить своим трудом колхозы и совхозы в окрестностях лагерных зон, окружённых колючей проволокой.

А пока она видела счастливых людей, здоровых, полных сил и желания *«свой труд влить в труд моей республики»*.

Позже, в 1960-е годы, в одном из интервью, Русланова будет рассуждать о русской песне, о своей жизни в ней, о зрителе: «Мы с ней, с русской песней, приросли друг к другу, едва я начала что-то соображать. Мне всё в ней было понятно, близко, всё в ней было моё — как и в жизни старших, в их трудах и заботах, частых огорчениях и редких радостях.

А могут ли такие отношения, — рассуждала певица, — сложиться со старой песней у человека, который родился в наши дни? В деревне или в городе растёт он, все обстоятельства у него другие, настроение другое и другое будущее. Даже сравнивать нас дико!

Конечно, прекрасная русская песня, да ещё в отличном исполнении не может не взволновать человека, если у него хоть мало-мальски чувствительная душа. Он, будь хоть архисовременных взглядов, и заслушается, и задумается, и сам, может быть, захочет подтянуть. Но это — иное волнение, и тут мы с ним друг друга не поймём. Он, современный человек, слушает песню, а я ею жила.

И потом — современный человек, любя песню, уважая её, всё же отмечает: вот эта песня для него чересчур длинна, эта — грубовата, та — заунывна. Происходит очень жёсткий отбор. Переберёшь по названиям — и поразишься: сколько песен, оказывается, отзвучало навсегда! Для песни ведь не жизнь, если кто-нибудь раз в десять лет о ней вспомнит и пропоёт — как в музей на полочку поставит…»

Отзвучала и часть «колхозных» песен. Но отыщешь порой среди старых записей какую-нибудь «Колхозную польку» — и душа встрепенётся. Что ж, и музей надо посещать, хотя бы время от времени, пусть даже изредка. Ведь это твой музей, твоей истории, часть культуры твоего народа. А культура никогда не бывает застывшей материей.

Глава четырнадцатая
ВОЙНА

«Даёшь концерт! Концерт! Лидия Андреевна, спойте нам ещё!..»

Двадцать второго июня началось… Атаки пограничных застав, гибель гарнизонов и целых дивизий, оказавшихся на направлении главных ударов немецких войск, бомбардировка городов, железнодорожных станций, мобилизация резервистов. Вставай, страна огромная…

А через месяц в районе Ельни Русланова уже пела солдатам «Катюшу», «Окрасился месяц багрянцем…» и «Саратовские страдания». Всё, казалось, возвращалось назад и двигалось, летело в тартарары по какому-то заведённому кругу. Те же серые шинели усталых солдат на дорогах, те же запахи и те же звуки, те же страдания народа, захваченного вихрем очередной войны. Эта для нашей героини стала четвёртой и оказалась самой кровопролитной для народа.

Русланова, гармонист Максаков, Гаркави, Хенкин и другие артисты летом 1941 года с первой же фронтовой бригадой отбыли в действующую армию.

Из путевых заметок артиста Владимира Хенкина:

> «22 августа. Получаем приказ выступать в авиачастях. Садимся на самолёт „дуглас“. Летим двадцать минут. Темно. Лес. Посадочной площадки не видно. Наш самолёт делает шесть кругов, затем лётчик искусно совершает посадку. 41-й концерт в N-ской части. Гаркави исполняет песню „Синий платочек“[43].
>
> В это время незаметно входит командир авиачасти. Он спокойно говорит:
>
> — Благодарю вас, товарищи актёры, за концерт. Технический персонал — по самолётам. Лётчики — ко мне.
>
> Вынужденный антракт. Через две минуты в небо взмывают восемнадцать советских бомбардировщиков. Вскоре мы слышим далёкие отзвуки боя. Прошло три часа. Бой закончен. Советские самолёты возвращаются назад. Надо было видеть командиров лётной части, когда они всматривались в небо, считали 11, 14, 16 и, наконец, 18… Молодцы, ребята! Все восемнадцать

советских бомбардировщиков благополучно приземляются. Лётчики выскакивают из машин и первым делом дружно кричат:

— Даёшь концерт! Концерт! Лидия Андреевна, спойте нам ещё!

Один из лётчиков, смеясь, обращается к Михаилу Гаркави:

— Товарищ Гаркави, вот вы пели нам песню „Синий платочек“. Я запомнил первые слова и летел с песней. Только не все слова знаю. Напишите, пожалуйста, чтобы в следующий раз, как полечу в бой, подольше хватило.

…Пятнадцать дней пробыли мы на фронте. Наша бригада проехала тысячу восемьсот двадцать километров на грузовом автомобиле. Восемьсот километров мы летели на самолёте».

Четвёртого сентября артисты вернулись в Москву. Но отдыхали недолго, вскоре снова отбыли в действующую армию.

Первый военный концерт Руслановой состоялся в районе Ельни. О нём она сама не раз рассказывала журналистам и своим друзьям. Самолёт «Дуглас», развивающий скорость 400 километров в час, дальше Ельни с любого подмосковного аэродрома за 20 минут улететь не мог. Дальше бригада передвигалась на машине — от подразделения к подразделению. Чаще всего на грузовике, на безотказной труженице войны «полуторке».

Не всегда поездки артистов на фронт завершались возвращением в Москву. В октябре 1941-го в окружение вместе с войсками 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского попала одна из фронтовых бригад. Погибли артисты Московского театра сатиры Рафаил Корф[44] и Яков Рудин[45], артисты Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко Надежда Политикина и Виктор Мирсков, руководитель концертной бригады № 13 Лев Лебедев.

Бригада № 13 попала в окружение севернее Вязьмы во время операции «Тайфун», когда немецкие войска группы армий «Центр» устремились на Москву. Артисты Театра сатиры Рафаил Корф и Яков Рудин попали в плен и были повешены немцами в Ельне в концлагере. Лев Лебедев, Надежда Политикина и Виктор Мирсков погибли во время попытки прорыва, когда красноармейцы атаковали немецкие заслоны, чтобы выйти к своим. Артисты легли под огнём немецких пулемётов рядом с солдатами.

По-иному сложилась судьба других участников концертной

группы артистов Московского театра сатиры Валентины Токарской и Рафаила Холодова, а также артиста цирка клоуна Александра Бугрова. Они попали в плен. Артистка Театра им. Ленинского комсомола Руфина Бригиневич тоже оказалась в плену.

Бригиневич вскоре оказалась в РННА[46], в Осинторфе. Выступала с концертами не только перед солдатами Русской национальной народной армии, но и в немецких подразделениях. Несмотря на то, что Бригиневич была еврейкой, немцы высоко ценили её артистический талант, предоставили ей хорошие бытовые условия и самую широкую возможность выступать. Слух об артистке, развлекающей немцев и предателей родины, дошёл до партизан. Они начали за ней охоту. Для охраны немцы выделили актрисе специальный бронеавтомобиль с автоматчиками. Но это не помогло — в 1942 году партизаны устроили засаду на агитационно-концертный автомобиль и уничтожили всех, находящихся в нём, — и артистов, и автоматчиков.

Валентина Токарская[47] и Рафаил Холодов, захваченные в плен, вскоре оказались в Вязьме в концентрационном лагере для военнопленных. Немецкому офицеру, который их допрашивал, они сказали, что — артисты. Тот не поверил. Тогда они дуэтом запели «Волга, Волга, мать родная…». Немецкий офицер был поражён, особенно красотой актрисы, её прекрасным голосом и приятными манерами. Он сразу сообразил, что эта пара даром германский хлеб есть не будет. Так и случилось. Всю войну красавица Валентина Токарская выступала перед немецкими солдатами, исполняла арии из оперетт, пела популярные песни, в том числе и на немецком языке, вдохновляла сынов Рейна, Одера и Эльбы на подвиги во имя Великой Германии.

Так что свой хлеб насущный артисты на войне зарабатывали по-разному.

Русланова, по другую сторону фронта, тоже всю войну была рядом с солдатами, но другой армии — Красной. И тоже вдохновляла их на подвиги — во имя освобождения своей родины.

И родина их впоследствии отблагодарит примерно одним и тем же. Но не одинаково. Обе будут осуждены по знаменитой 58-й статье. Токарской, правда, дадут щадящий срок — четыре года. Но и те она в основном проведёт в лагерном медпункте, будет ставить больным зэкам клизмы, а потом её обучат более квалифицированной работе, и она начнёт делать больным уколы. Впрочем, вскоре и это подначалие будет заменено более лёгким — её переведут в Воркуту «для прохождения наказания в

областном театре», и там она станет королевой сцены Воркутинского драматического театра, которым руководил бывший режиссёр Большого театра и профессор Московской консерватории Борис Мордвинов. В 1949 году её освободят, но ещё четыре года она будет работать в Воркуте и только в 1953 году вернётся в Москву. В 1990-е годы ей дадут президентскую пенсию, вручат орден Дружбы народов и присвоят звание народной артистки России.

Русланова будет арестована в 1948 году, получит стандартную «десятку» без права переписки. А дальше — знаменитый своими жестокими условиями Озерлаг под Тайшетом. Потом её направят во Владимирский централ на исправление. Из централа она выйдет только в 1953 году по реабилитации, то есть отсутствию в её деле состава преступления. Никаких орденов, званий и льготных пенсий она не получит.

Русланова отсидит в два раза больше своей «немецкой» коллеги. И условия у неё будут пожёстче, чем прохождение наказания в областном театре города Воркуты. У неё на какое-то время даже пропадёт голос. Токарская же получит в Воркуте такие роли, каких не имела и не будет иметь уже никогда. Вот почему она не станет торопиться уезжать из Воркуты.

У Руслановой отнимут орден, который она заслужила на войне. Народная любимица и лучшая исполнительница народных песен, звания народной артистки она так и не получит.

Парадоксы истории. Или закономерность?

Узнав о горькой участи своих коллег, Русланова и все артисты концертной бригады Бориса Филиппова очень переживали за них. Считали всех невернувшихся погибшими. И только позднее всплывёт жестокая и непростая правда, которая разделит и людей, и таланты.

Руководитель концертной бригады Борис Филиппов делал беглые записи во время поездок на фронт. Вот некоторые фрагменты из них:

> «Девятого августа — сбор в сквере у ЦДКА. Волнуется Александр Васильевич Александров, руководитель и главный дирижёр Краснознамённого ансамбля песни и пляски Красной Армии.
>
> — Друзья мои! Пробил час. Будет трудно. Очень трудно. Будет много опасностей. Но наше место там, в огненном пекле. Там, где решается судьба Родины.
>
> И вот — отъезд. В машину садятся В. Я. Хенкин, конферансье М. Н. Гаркави, артисты театра оперетты

Е. Калашникова и И. Гедройц, солист радио Г. Кипиани, солисты балета Большого театра Т. Ткаченко и И. Леонтовский. Место в кабине занимает Лидия Русланова».

Руслановой уже за сорок. Молодёжь уступает ей место в кабине грузовика. Остальные — на кузове. Там же весь реквизит и музыкальные инструменты.

Героиня наша всегда была очень домовитой и хозяйственной. Предусмотрительной. В дорогу брала достаточное количество снеди, чтобы не только ей, но и прожорливому Гаркави и всем, кто окажется рядом, было чем утолить голод, пока они не доберутся до ближайшего пункта назначения, где их ждут и, возможно, покормят. Обычно это была внушительных размеров корзина, где, аккуратно переложенные бумагой и холстинками, лежали куски говядины, обжаренная курочка или две, нарезанная тонкими ломтиками колбаса, ветчина, сало и конечно же знаменитые руслановские пироги. На самом дне — бутылочка водки под пробкой, залитой сургучом, или вина. В дорогу Русланова готовилась основательно.

Корзина со снедью в дальний путь была частью её культуры. Её она тоже вынесла из своего саратовского детства. Узелок с едой мать носила отцу на пристань. Так же аккуратно, в холстинки, закладывала куски холодного мяса, сало, нарезанный полными краюхами-полумесяцами хлеб. Хлеб в дороге — не ноша, хлеб себя сам несёт, говорили в Даниловке.

Из записок Бориса Филиппова:

«Летят километры Можайского шоссе. Вот и Гжатск. Первая остановка. Зал Дома Красной Армии. Ни одного свободного места.

У Хенкина — шумный успех. Рассказ „На даче“ исполняется по заказу. Потом на „бис“ пародия на цыганские романсы».

«Сигнал „воздушной тревоги“. Артистов приглашают в укрытие. Находчив Михаил Гаркави:

— Лучше побыть десять минут в укрытии, чем всю жизнь быть покойником!»

«27 сентября. Утро. Вместе с политруком Аптекаревым едем на передовые позиции. В 9 утра на грузовой машине прибываем на огневую точку. Слева, метрах в двухстах от нас, слышатся разрывы немецких снарядов.

Батарея, в которую мы прибыли, расположена в трёх километрах от Красноград, занятого немцами…

Обстановка далеко не безопасная. Спрашиваю мнение бригады: ехать на огневую точку или нет. Все как один заявляют: „Ехать!“

На грузовике, поданном специально для этой поездки, устраиваются Русланова, Хенкин, Гаркави, Кипиани, баянисты, Аптекарев, я и фоторепортёр тов. Попелянский.

В орудийном расчёте нас встречают необычайно тепло.

Среди бойцов есть и женщины. Концерт проходит не столько под аккомпанемент баянистов, сколько под грохот орудийных выстрелов и разрывы фашистских снарядов. Чтобы отвлечь внимание противника от нашей батареи, все соседние огневые точки артдивизиона капитана Королёва открыли огонь и приняли на себя ответные удары фашистской артиллерии.

Концерт закончен. Капитан благодарит нас и неожиданно даёт команду:

— Батарея! В честь московских артистов по фашистам — огонь!»

«Когда престарелый гармонист Руслановой В. Максаков потребовал, чтобы я ему раздобыл какое-либо оружие на случай нападения на нас фашистов, Хенкин поддержал эту просьбу весьма своеобразно:

— Достань ему пулемёт! Вооружи старика до его стальных зубов!»

В тех же фронтовых записях есть характеристика нашей героини: «Русланова Лидия Андреевна, женщина своенравная, трудная, порой капризная, внешне как будто некрасивая, но пение преображает её до неузнаваемости. Задушевная русская песня, исполняемая низким, широким, как Волга, контральто, пленяет до глубины души.

Вначале она, привыкшая быть главной гастролёршей, не могла примириться с соседством ещё одного премьера — В. Я. Хенкина, с которым, кстати, дружила домами, но не на концертах. Были кое-какие взаимные колкости даже здесь, в условиях фронтовой обстановки. Но потом каждый нашёл себя, и всё обошлось».

Характер у Руслановой был. Ещё бы! Разве можно, не имея твёрдого характера, добиться в жизни и на сцене того, чего добилась к сорока годам она? Талантливый, уважительный и

услужливый муж. Всесоюзная любовь. Лучшие сцены страны. Полные залы. Сборы, какие имеют немногие её коллеги. Пластинки, пластинки, пластинки… Конечно же зависть, и как следствие — интриги, наветы, козни… Но это только подстёгивало её, закаляло нрав. Действительно делая его подчас излишне крутоватым. Но песня размягчала её душу, примиряла со многим, умиротворяла. И многое она умела прощать ради песни, ради сцены, и своим коллегам-артистам, и начальству, и невольным соперникам, но и себе в том числе.

> «Танковой частью, в которой мы находимся, командует Герой Советского Союза полковник Лизюков[48]. Часть дислоцирована на „бойком месте“[49]. Начался концерт, Русланова посвящает своё выступление Лизюкову.
>
> — Сколько простора в её голосе! — шёпотом говорит сероглазая шатенка, военврач 3-го ранга Нонна Тимофеевна Якушева, с которой нас познакомил за обедом командир части.
>
> Эта красивая русская девушка представлена к награждению орденом Красного Знамени за отвагу и мужество, проявленные ею на фронте. Она получила медицинское образование в Воронеже и в первые же дни войны была призвана в армию. Перевязывая раненых бойцов во время боя, отстала от части. Отступая вместе с двенадцатью ранеными бойцами, встретила отряд фашистов и вступила с ними в бой. Застрелила из нагана фашистского офицера.
>
> Вырвавшись из окружения и подбирая по пути отставших красноармейцев, она возглавила отряд, насчитывающий уже пятьдесят человек. Отряд попал в „мешок“, выйти из которого можно было только пройдя через деревню, занятую фашистами. С криками „ура“ красноармейцы пробились без всяких потерь. Операцию эту возглавила Нонна Якушева, самоотверженный военный врач и к тому же отличная спортсменка.
>
> Гаркави сочинил про неё песенку и всячески восхвалял её, как бывший врач. Всё-таки приятно иметь такого „коллегу“, как Якушева! Очевидно, она очень популярна в этой воинской части, потому что посвящение Гаркави все красноармейцы и командиры встречают с горячим одобрением. Только Нонна Тимофеевна вспыхивает ярким пламенем и даже немного сердится».

Вот та атмосфера общения с бойцами и командирами во время концертов. Куплетисты и конферансье тут же, в перерывах между выступлениями, сочиняли тексты своих выступлений, частушки, порой целые фельетоны и короткие рассказы. Обстановка везде была разной, и приходилось постоянно импровизировать. И Русланова, при том что репертуар её оставался примерно тем же, каждое своё выступление делала несколько иным. Одно дело — петь солдатам, идущим в бой. Другое — раненым в госпитале. Третье — в тылу, где её слушатели и военнослужащие, и вольнонаёмные, и местные жители.

Глава пятнадцатая
ВОЙНА-II

«Обычная наша площадка — два грузовика, сдвинутых вместе…»

Летом 1942 года в популярном тогда журнале «Огонёк» в тридцатом номере был опубликован очерк писателя Валентина Катаева «Концерт перед боем». Вот наиболее значимые для нас фрагменты этого очерка:

> «Она только что приехала с фронта. Через четыре дня она снова уезжает на фронт. Мы сидим в её номере в гостинице „Москва“. За окном громадные дома и асфальтовые перекрёстки московского центра. Мчатся закамуфлированные машины, рассыпают искры трамваи и троллейбусы. Торопятся пешеходы. Серый весенний деловой московский денёк.
>
> Она ещё полна фронтовых впечатлений.
>
> Это известная исполнительница русских народных песен Лидия Русланова. На ней скромное коричневое платье. Волосы просто и гладко убраны. Лицо чисто русское, крестьянское. Она и есть крестьянка-мордовка.
>
> Почти с первых же дней войны она разъезжает по частям героической Красной Армии, выступая перед бойцами. Она ездит с маленькой труппой, в которую входят фокусник, баянист, скрипач, конферансье.
>
> Где только они не побывали! И на юге, и на юго-западе, и на севере! Они дали сотни концертов».
>
> «— Ну, как вам съездилось, Лидия Андреевна? — спрашиваю я.
>
> — Замечательно! — с воодушевлением отвечает она.
>
> И конечно, следующий же мой вопрос:
>
> — Как дела на фронте?
>
> — Бьём врага, — коротко говорит Лидия Русланова. — Упорно, ежедневно».

Далеко не каждый артист, даже менее известный, мог в то время войны сказать: «Бьём врага!» Сказать именно так, от первого лица и во множественном числе. Русланова на войне себя чувствовала одновременно и певицей, той яркой индивидуальностью, которой она в действительности являлась, и

частью того множества, которое зовётся народом. В этом, кстати, один из секретов её искусства вообще. Выходя на сцену, она не чувствовала себя на пьедестале настолько, чтобы потерять связь со слушателями и зрителями. Поэтому-то всегда стремилась к ним навстречу. И сцена, как таковая, ей не всегда была нужна. Фронтовые концерты ещё сильнее сблизили её с народом. Здесь она пела, что называется, глаза в глаза.

«Она охотно рассказывает о своей поездке. Особенное впечатление производит её рассказ о концерте в трёхстах метрах от линии огня, данном за тридцать минут до атаки на укреплённый пункт N. И перед моими глазами возникает незабываемая, волнующая картина.

Лес. В лесу ещё сыро. Маленький, разбитый снарядами и полусожжённый домик лесника. Совсем недалеко идёт бой — артиллерийская подготовка. Осколки срезают сучья деревьев. Прямо на земле стоит Лидия Русланова. На пенёчке сидит её аккомпаниатор с гармоникой. На певице мордовский яркий сарафан, лапти. На голове цветной платок — по алому полю зелёные розы. И что-то жёлтое, что-то ультрамариновое. На шее бусы. Она поёт. Её окружает сто или полтораста бойцов. Это пехотинцы. Они в маскировочных костюмах. Их лица черны, как у марокканцев. На шее автоматы. Они только что вышли из боя и через тридцать минут снова должны идти в атаку. Это концерт перед боем.

Горят яркие краски народного костюма Лидии Руслановой. Летит над лесом широкая русская песня. Звуки чистого и сильного голоса смешиваются с взрывами и свистом вражеских мин, летящих через голову.

Бойцы как зачарованные слушают любимую песню.

Рядом западная дорога, по которой идут транспорты, автомобили, сани, походная кухня, и вот, услышав голос певицы, один за другим люди и машины сворачивают к домику лесничего.

Лидия Русланова поёт уже перед громадной толпой».

«…А к певице уже подходит хирург. Он просит певицу спеть раненому лейтенанту, которого везут в санбат.

Певица идёт к раненому. На носилках лежит тяжело раненный лейтенант. Голова забинтована. Виден только один голубой блестящий глаз. Рот запёкся. Лейтенанту

трудно говорить. Но поворот его забинтованной головы и голубой глаз выражают просьбу: „Спойте!“

Она ласково наклоняется над ним. Тихо говорит:

— Может быть, вам тяжело будет слушать? Может быть, это вредно?

Губы лейтенанта шевелятся. Он еле слышно говорит:

— Нет, пожалуйста. Спойте. Для меня это будет лучшее лекарство.

И она поёт. Поёт тихо, как мать над постелью больного сына. Она поёт:

Ах ты, степь широкая,
Степь раздольная.
Ой да Волга-матушка,
Волга вольная…

И радостно блестит голубой глаз лейтенанта, и рука его благодарно жмёт руку певицы.

Где только не выступают фронтовые артисты!

В хлевах, в банях, в избах, в лесах, в окопах, в блиндажах. Они живут трудной и славной фронтовой жизнью. Они делят с армией всё. И армия их обожает — от рядового до генерала.

Пехотинцы несут им свои котелки с огненным борщом, танкисты предлагают им свой паёк — сто граммов водки. Казаки заботливо кутают их в свои чёрные косматые бурки и яркие, алые и синие, башлыки.

С песней, с широкой русской песней идёт армия в бой. И побеждает…»

Приподнятый и даже порой пафосный стиль очерка вполне оправдан. Катаев точно передаёт факты, слегка лишь придавая им те необходимые тона, которыми были окрашены тогда все корреспонденции и статьи с фронта и касающиеся событий, связанных с войной.

Однажды под Брянском Русланова стала свидетельницей жуткой сцены. Впрочем, на войне такое случалось часто и было делом почти обыденным. Она рассказывала эту историю после поездки на фронт. Кто-то из коллег-артистов посоветовал ей: «Лида, а ты напиши об этом. Пусть люди знают. Пусть солдаты почитают. Им в бой идти. Укрепи им сердца».

И она написала статью, изложив в ней в строгой последовательности всё, чему была свидетельницей. Статью назвала «Вслед за минёрами».

«Вслед за минёрами, расчищавшими улицы деревни Михайловки под Брянском, наша артистическая бригада вступила в разрушенное врагами русское село. За околицей гремела перестрелка. К нам подбежал солдат. На руках у него двое маленьких детей. Он обратился ко мне:

— Кто вы и откуда?

Я назвалась. На закоптелом от боя лице сверкнули белые зубы.

— Бесконечно рад видеть вас здесь, — и, сунув мне в руки детей, он крикнул на ходу: — Бегу продолжать бой.

Мальчик плакал навзрыд и тянул меня к дому невдалеке. С девочкой на руках я последовала за ним. На земле, куда меня привели ребята, лежала растерзанная, изуродованная женщина. Я наклонилась над ней, пощупала пульс. Она была мертва. Я оправила на ней платье, сняла со своей головы платок, закрыла им лицо женщины. Это оказалась 26-летняя мать „моих“ ребят, изнасилованная и расстрелянная немцами. Я накормила и уложила детей в свой спальный мешок, долго сидела над ними, плакала.

…Моя специальность — русская народная песня. Не знаю, сумела бы я переключиться на другие виды вокальной музыки. Скорее всего — нет. Здесь дело не только в моей привязанности к песням родного народа. Самобытность, выразительность, душевность русской песни — вот что решает дело.

В наши дни, когда фашисты со свойственной им тупостью разрушают памятники русской национальной культуры, наша песня как бы окрылена новым глубочайшим содержанием — гневом, гордым протестом, глубокой верой в победу…

Русская песня на всём огромном пространстве моей Родины напоминает и бойцам на фронте, и работникам в тылу о величии нашей Родины.

Часто приходится мне ездить по фронтовым дорогам, простреливаемым врагами. Обычная наша площадка — два грузовика, сдвинутых вместе. Но я певала и стоя на крыле самолёта, и под крылом самолёта (во время дождя), и просто на холме, покрытом первым снегом.

Однажды я давала концерт под Смоленском. Нашей площадкой был хорошо замаскированный аэродром. Неожиданно показались бомбардировщики.

Мы не прервали выступление.

Они покрутились над нами и, не обнаружив среди копен сена боевых машин и землянок, улетели.

А песня продолжала звучать…»

Статья датирована 10 декабря 1943 года.

Вот что удивительно. В предвоенные годы о Руслановой писали нечасто и не всегда доброе. После войны будут писать очень сдержанно. А на какой-то период и вовсе изгонят с газетных и журнальных полос, ни словом не вспомнят на Всесоюзном радио и даже пластинки изымут из торговли. Но в годы войны писали много и охотно.

Её выступления, её постоянное присутствие на фронте, её фронтовой путь «вслед за минёрами» отражены в десятках корреспонденций, в путевых очерках и статьях. О Руслановой писали литераторы, фронтовые и армейские корреспонденты. Её много фотографировали.

Есть кадры кинохроники, запечатлевшие фрагменты одного из концертов фронтовых артистов. Лето 1943 года. Самый канун сражения на Орловско-Курской дуге. Выступает Лидия Русланова. Кадры немые. Не слышно, что она поёт, какую песню. Но судя по движениям, по скупым, выразительным жестам, что-то протяжное, печальное. Вот солдат смахивает слезу. Значит, вздрогнула, затрепетала душа.

В 1942 году режиссёр Михаил Слуцкий по сценарию Алексея Каплера снял фильм «Концерт фронту. День войны». В нём участвовали молодые актёры Михаил Пуговкин и Аркадий Райкин. В фильме хорошо показано, как солдаты воспринимали на фронте появление певицы Руслановой, с каким душевным волнением слушали её песни.

В том же году вновь начала работать студия звукозаписи. Одной из первых на студию пригласили Русланову. Она сразу записала целую серию своих лучших песен. Среди них «Липа вековая», «Имел бы я златые горы…», «Частушки», «Окрасился месяц багрянцем…», «Ой ты, степь широкая…», «Светит месяц, светит ясный…». И вновь полетели по стране, по фронтам и дивизиям, по ротным и взводным землянкам, по госпиталям и каютам кораблей и подводных лодок руслановские мотивы.

Однажды концерт начался в непосредственной близости от первой линии окопов. Командир части попросил Русланову петь как можно громче и дольше. Она заметила, что и сцена была развёрнута в сторону нейтральной полосы. Довольно опасно. Но немцы вели себя тихо. Ни выстрела, ни звука.

— Что, тоже будут слушать? — спросила Русланова

командира дивизии.

— Будут, — ответил он.

Русланова решила, что это шутка. Но про себя отметила: командир дивизии как-то уж слишком напряжён…

Звук усиливали через походную радиостанцию. Так что на этот раз она пела с «микрофоном» — в опрокинутую телефонную трубку. Получалось здорово.

Концерт действительно транслировался благодаря приспособленной армейской радиотехнике сразу на две стороны. Немцы настолько увлеклись, что забыли обо всём. Наша героиня пела три часа! Пользуясь этим, командир дивизии энергично провёл необходимую передислокацию подразделений и подготовил внезапную атаку, которая завершилась полным успехом.

Говорили, что за этот концерт Русланова была награждена орденом Красной Звезды. Среди её наград такого ордена нет. Но это неважно. Красивая легенда, придуманная солдатами, дороже ордена.

Зато осталось ценное свидетельство артистки Надежды Ник-Калнышевской[50]:

> «Самые памятные мои воспоминания связаны с поездками на фронт в составе фронтовой бригады артистов. Никогда не забуду концерт в Воронеже. В то время Воронеж стал основной базой художественных коллективов, обслуживавших части Юго-Западного фронта. В столовой военторга, куда нас прикрепили, можно было встретить актёров всех жанров. Там же формировались и отправлялись на фронт новые части. Вот мы и решили, по инициативе Александра Довженко, объединиться с московской эстрадой и выступить перед солдатами, уходящими на фронт. Это было зимой 1942 года, был страшный мороз, а выступать надо было на улице, и некоторые артисты от выступления категорически отказались. Вступительное слово сказал Довженко, затем выступил конферансье Михаил Гаркави, я что-то прочитала, и вдруг к удивлению всех на импровизированной сцене появилась Лидия Андреевна Русланова в своём русском наряде. Не буду описывать, как принимали певицу, восторг был неописуемый. Пела она много, её долго не отпускали слушатели. Но когда она зашла в помещение, которое служило нам как бы кулисами, где мы отогревались у буржуйки, я увидела Русланову такой, какая она в жизни, — откровенной и

прямой. Таких слов, с какими она обращалась к артистам, отказавшимся выступать, в словаре Даля не найдёшь. И те, видно, зная её крутой нрав, уже готовились к выходу на сцену. А Лидия Андреевна подсела к буржуйке и, отогревая свои посиневшие от холода руки, повторяла про себя: „Ребятки на смерть идут, а они, видите ли, боятся замёрзнуть. Ишь ты, какие…“ Посмотрела на меня, улыбнулась: „А мне холод нипочём. Я ведь еще в Гражданскую солдатикам нашим пела. Вот сейчас отогреюсь и ещё им что-нибудь спою“».

Песня на фронте — радость и опора солдатской душе. А хорошая песня — двойная радость. Командиры частей прекрасно понимали, какую помощь своими концертами оказывают московские артисты их подразделениям.

«ПРИКАЗ

Частям гвардейской кавалерийской дивизии

1 марта 1942 года Село Язвише Московской области

За хорошее обслуживание и постановку концертов для бойцов 3-й гвардейской кавдивизии объявляю благодарность группе артистов: Руслановой, Гаркави, Шукевичу, Першину, Липковской и Липковскому, Максакову, Егубову, Исакову.

Командир дивизии — полковник Ягодин

Военный комиссар — ст. батальонный комиссар Фёдоров Начштаба — подполковник Жмуров».

Глава шестнадцатая
ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

«И опять я молодёшенькой была,
и опять я целу ночку не спала…»

Только что закончилась самая тяжёлая военная зима 1941/42 года. Немцев отбросили от Москвы. В подмосковных полях, в лесах и перелесках в чёрном закопчённом снегу повсюду вытаивали трупы солдат двух противоборствующих армий. Кто убит, кто был ранен, но не замеченный санитарами истёк кровью, кто замёрз…

Русланова видела эти поля и перелески, устланные солдатскими телами. Сердце замирало при виде таких жутких картин, вторгнувшихся в столь любимый ею природный пейзаж средней полосы России.

В мае концертную бригаду направили во 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

Кавкорпус храбро дрался в период Битвы под Москвой. Потерял своего командира — генерала Л. М. Доватора. После гибели Доватора какое-то непродолжительное время корпусом командовал генерал И. А. Плиев. В марте 1942 года его сменил генерал-майор В. В. Крюков, назначенный на эту должность командующим войсками Западного фронта генералом армии Г. К. Жуковым.

В апреле закончилась неудачей очередная наступательная операция под Вязьмой и Юхновом. В неимоверно тяжёлых боях, уже на спаде московского контрнаступления, были освобождены Можайск, Верея, Боровск, Малоярославец, Юхнов. Но Вязьма, Ржев, Спас-Деменск всё ещё оставались в руках противника.

Корпус вышел из зимних боёв изрядно потрёпанным, с большими потерями. Весной его отвели во второй эшелон на отдых и доукомплектование. Эскадроны пополнялись людьми. Маршевые роты поступали из тыловых районов и тут же распределялись по эскадронам. Шли эшелоны с лошадьми, в том числе монгольскими, низкорослыми. Кавалеристы пошучивали: на таких, мол, как на ишаках, далеко не уедешь… Но первые же бои показали выносливость и неприхотливость монгольских лошадок, которые к тому же и корм себе умели добывать из-под снега.

Новый командир корпуса со своим штабом день и ночь занимался приведением в порядок частей и подразделений.

Восстанавливал, сколачивал крепкую и манёвренную боевую единицу, способную, как предписывалось в приказе, «самостоятельно решать самые сложные тактические задачи».

Кавалерийский корпус — это не просто всадник на коне с саблей и винтовкой. Уже с весны 1942 года кавкорпуса начали усиливать артиллерией, зенитками, бронетанковыми частями.

Кавкорпус генерала Крюкова в разные периоды войны имел три кавдивизии: 3-ю, 4-ю гвардейские и 20-ю горно-кавалерийскую, а также 160, 148 и 189-й танковые полки и 1459-й самоходно-артиллерийский полк. В дивизиях были истребительно-противотанковые дивизионы, зенитные и миномётные подразделения. Кавалерия, как правило, дралась в пешем строю. Но передвигалась на лошадях. Это позволяло командованию оперативно, с максимальной быстротой маневрировать довольно крупными массами войск, ведь положение на отдельных участках фронта менялось стремительно. Применение кавалерии, вопреки расхожему мнению, что, мол, всадник танку не соперник, давало огромный эффект. Постепенно кавалерийские корпуса, как уже говорилось, реорганизовывались в конно-механизированные группы. В условиях обороны они выполняли роль пожарных команд — их бросали туда, где создавалась угроза прорыва или окружения. Во время наступательных операций конно-механизированные группы запечатывали последние бреши «котлов», перехватывали отходящие немецкие группировки и принуждали их к капитуляции или, если те сдаваться не хотели, вели бой на уничтожение.

Генерал Крюков пройдёт со своими гвардейцами-молодцами долгий путь от Подмосковья до Берлина. «Едут, едут по Берлину наши казаки…» — это о нём и его конниках.

Перед выездом, ещё в Москве, Гаркави, всегда весёлый и полный уверенности в том, что и эта поездка закончится благополучно, торжественно объявил:

— Едем в гвардейский кавалерийский корпус!

Не знала наша героиня, что едет навстречу своей судьбе.

Концерт состоялся в Спас-Нуделе под Волоколамском. Концерт как концерт. Русланова в этот день была в ударе. И что на неё нашло? Какая вдруг волна накатила? Быстренько изменила репертуар. Вставила в него песню, которую исполняла редко.

В первом ряду, где сидели офицеры и политработники, она увидела командира корпуса. С генералом она познакомилась перед концертом. С подчёркнутой вежливостью, которая показалась ей обычным проявлением уважения, тот встречал московских артистов в расположении своих войск, отдавал

помощникам необходимые распоряжения. Руслановой подал руку, когда она открыла дверцу кабины.

Но мало ли кто ей руку подавал, когда она приезжала на фронт? Рука генерала была тёплой, бережной. Он посмотрел ей в глаза и улыбнулся. Ну и что из того?..

Теперь он сидел в зале и с той же улыбкой смотрел на неё.

Кто-то из молоденьких артисток шепнул ей:

— Генерал-то, Лидия Андреевна, говорят, вдовец…

Другая поддакнула:

— Каков орёл! И все офицеры вокруг него — как на пружинах. Видать, строгий дядька…

Русланова внутренне встрепенулась. Но виду не подала.

Гаркави объявил. Она вышла. Кивнула гармонисту. И запела:

Помню, я ещё молодушкой была,
Наша армия в поход куда-то шла,
Вечерело, я сидела у ворот,
А по улице всё конница идёт.

Генерал не отрывал от неё восхищённых глаз. Многие на концертах смотрели на неё с восхищением и благодарностью. Но те взгляды были иные. Она их знала и ценила. А этот… Этот смотрел не так… Особенно смотрел…

Раза два и она взглянула на него. Сердце колыхнулось. Как будто не генерал сидел там, а её «офицерик», тот, незабытый, из санитарного поезда…

Тут подъехал ко мне барин молодой,
Говорит: «Напой, красавица, водой».
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал.

Долго я тогда смотрела ему вслед,
Обернулся — помутился белый свет.
Всю-то ноченьку мне спать было невмочь,
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

Снова посмотрела она на генерала. Сколько лет тому уж прошло, как узнала своё первое женское счастье, — все двадцать пять. Уже и сама немолода. Нет той свежести в лице и гибкости в движениях. Да и он постарел… Но ведь как похож…

А потом, уж как я вдовушкой была,

Пятерых я дочек замуж отдала.
К нам приехал на квартиру генерал,
Весь израненный, так жалобно стонал.

Пригляделась, встрепенулася душой:
Это тот же, прежний барин молодой,
Та же удаль, тот же блеск в его глазах,
Только много седины в его усах.

Генерал ловил каждый её жест. И она это чувствовала. Э, подумала, будь что будет, а судьбу и на вороных не объедешь…

И опять я молодёшенькой была,
И опять я целу ночку не спала,
Целу ноченьку мне спать было невмочь,
Раскрасавец-барин снился мне всю ночь.

После концерта — вот чудо небывалое! — генерал подарил ей… туфли! Разные подарки и подношения случались у неё после концертов, в том числе и на фронте. Но чтобы — туфли!..

После войны рассказывала, вспоминая их первую встречу, что Владимир Викторович нашёл где-то на складе старинные туфли на французском каблуке и преподнёс их ей в знак великой благодарности от всего корпуса. «Он этим своим вниманием меня и взял. А туфли что? Тьфу! Я такие домработнице не отдала бы».

Уж это верно. Мне недорог твой подарок, дорога твоя любовь…

После этого выступления концертная бригада зачастила в расположение 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Принимали их здесь хорошо. Артистам эти поездки нравились. А кавалеристы были просто в восторге.

Некоторые биографы утверждают, что с Гаркави Русланова развелась ещё накануне войны. Однако подтверждений этому нет. Скорее всего, они развелись, вернее, разошлись летом того же 1942 года.

Вот что пишет один из биографов великой певицы: «Несколько раз Русланова по приглашению генерала приезжала в корпус Крюкова. Чтобы Гаркави не мешал ухаживаниям, его подпаивали и укладывали спать. В июле Лидия Русланова развелась с Гаркави».

По поводу развода она говорила: «Ну что делать: генерала люблю, люблю всей душой, и Мишку жалко…»

Мишке она так и заявила:

— Ничего не могу с собой поделать, генерала люблю!

Во время второго или третьего приезда в корпус, после концерта Крюков пригласил её на прогулку. Своей взаимной особой приязни они уже не скрывали.

Наступило лето. Корпус уже перебросили на передовую. Полки занимали оборону, окапывались. Лес, где разместился штаб корпуса, был наполнен радостным птичьим гамом. Шли лесной тропкой вдоль небольшой речушки. Разговаривали. За речкой виднелись поле, деревня.

Он расспрашивал её о детстве, о первых концертах, о жизни в Москве. Старался быть корректным, не переступить незримую черту её возможной тайны или того, о чём женщину спрашивать нельзя. В таком возрасте все женщины с прошлым, с тайнами.

Неожиданно он остановился, прервав разговор на полуслове.

— Тише, — сказал он, почти шёпотом. — Послушайте…

— Ничего не слышу, — сказала она.

— Ребёнок плачет.

— Нет, ничего не слышу.

Они стояли молча, слушая звуки, доносившиеся из-за речки.

— Вам показалось, — сказала она.

— Нет-нет, плачет. Вот, слышите? Девочка… Это девочка плачет.

Действительно, вскоре и она уловила детский плач. Но девочка ли это плакала, различить она не могла. И снова встрепенулось её сердце. Как мог он, человек, привыкший к грубой силе войны, к грохоту и скрежету, уловить этот едва различимый, прерывающийся за далью и посторонними звуками плач ребёнка? Девочки…

— Да, слышу, — призналась она. — Но как вы это услышали?

Они снова пошли по тропинке. Какое-то время после её вопроса шли молча. Он думал, что-то переживал в себе. А она терпеливо ждала.

— У меня дочка в Ташкенте… Одна… Совсем маленькая… Так тоскую по ней! И очень волнуюсь — ведь без матери осталась. Маргоша… — Он вздохнул. — Так мне её не хватает! Вы просто не представляете.

Что её заставило произнести те слова в следующее мгновение? Как она в ней сложилась, эта фраза, которая и решила всё?..

— А давайте я за вас замуж выйду? И девочку к себе возьму. А? — вдруг сказала она.

Сказала и замерла. Как отреагирует он? Ведь не должна женщина первой говорить об этом. Эх, характер, характер…

Он опустился на колено, снял фуражку, поцеловал её руку и

сказал:

— Не верю этому. Неужели правда, выйдете? Если правда, вы никогда об этом не пожалеете.

Гаркави конечно же сразу всё понял. Коллеги-актёры, чтобы смягчить ситуацию, а заодно и не мешать свиданиям Руслановой с генералом Крюковым, действительно подпаивали простодушного и доброго Михаила Наумовича. Но, узнав об этом, Русланова пьянки пресекла: «Не сметь!» В тот же день она и открылась перед Гаркави, не желая, чтобы её отношения с генералом Крюковым походили на нечто из народного фольклора.

Летом случилась ещё одна радость — Руслановой наконец-то было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР.

В архивах удалось отыскать полный список деятелей искусства, удостоенных в 1942 году этого звания. Вот он в алфавитном порядке:

Актриса оперетты Мария Викс.

Балерина Софья Головкина.

Актёр театра и кино Николай Крючков.

Балерина Ольга Лепешинская.

Актриса кино Тамара Макарова.

Хореограф, балетмейстер Игорь Моисеев.

Певица Лидия Русланова.

Киноактёр Аркадий Трусов.

Певец, актёр Леонид Утёсов.

В подобные списки наша героиня больше не попадёт. Власти не удостоят, так сказать, большей чести.

Балерина Ольга Лепешинская уже в 1951 году станет народной артисткой СССР. Годом раньше — актриса кино Тамара Макарова. Певцам, исполняющим русские народные песни, подобные звания присваивали крайне редко. Власть всячески ублажала, баловала артистов балета, оперных певцов, актёров кино, режиссёров. Даже мастера разговорного жанра звания и награды получали гораздо чаще. Лишь в 1947 году звание народной артистки РСФСР присвоят исполнительнице народных песен и землячке Руслановой Ольге Ковалёвой[51].

Если сравнить судьбу Клавдии Шульженко, пришедшей на сцену гораздо позже Руслановой, то сильные мира сего, надо заметить, воздали её певческому дару и трудолюбию достойно: в 1945 году — заслуженная артистка РСФСР; в 1962-м — народная артистка РСФСР; в 1971 году — народная артистка СССР; награждена орденами Ленина и Красного Знамени.

Шульженко и Русланова будут дружны. Клавдия Ивановна любила Русланову и считала её своей учительницей.

Русланова не отличалась покладистостью, подобострастием по отношению к начальству. При случае могла, как не раз отмечали её коллеги, показать свой нрав. И тому, кто распределял звания и награды, это конечно же не нравилось.

Звания и награды, за которыми следовали различные блага в виде квартир, должностей и больших окладов, а также положения в обществе, во все времена служили властям своего рода поводками, на которых придерживали в Советской стране, да и теперь тоже, людей искусства, артистов, художников, музыкантов, писателей. Смиряли их гордыню, делали покладистыми, лояльными. Но поводок, как известно, можно пристегнуть только к ошейнику, а его-то у Руслановой никогда не было… (Не в обиду будет сказано тем, кто своим трудом и талантом заслужил те или иные звания.)

В начале войны, когда немцы подошли к столице на расстояние пушечного выстрела, а потом, отброшенные на сотни километров, по-прежнему не оставляли надежды и намерений атаковать Москву, Сталин отпустил вожжи и позволил некоторые послабления для творческих людей и союзов. 8 марта 1942 года газета «Правда» вышла со стихотворением Анны Ахматовой «Мужество». Власть искала опору и в среде интеллигенции, в том числе творческой. На страницы печатных изданий хлынула лирика. На фронтах льётся кровь, а в журналах печатают стихи о любви, по радио читают целые поэмы, в которых нет привычной для довоенных лет гражданской риторики, барабанной дроби и гимнов строителям коммунизма.

Потом, когда враг будет разбит, всё это постепенно снова прикроют. Но пока и «мужицкой певице» не только разрешили вольно петь её жестокие романсы и песни о любви, а присвоили высокое звание. Правда, ни на вторую ступень (народная артистка РСФСР), ни на третью (народная артистка СССР) ей ступить уже не позволят.

Да и плевать она хотела на эти звания!

В 1950-е она ещё сидела во Владимирском централе. А в 1960-е заниматься карьерой было уже поздно. Министерству культуры надо было ублажать тех, кто постоянно мелькал перед глазами и требовал заботы и внимания. Кто был покладист и предсказуем. И кто нравился не только в своей стране, но и на Западе. Последнее было немаловажным фактором популярности молодых певцов, и с каждым годом всё больше.

Русланова имела главное — сцену и любимую русскую песню. Она искренне считала — этого вполне достаточно для певицы.

И вот жизнь дарит ей семью. Что же ещё, какие звания ей нужны, кроме звания жены и матери…

Глава семнадцатая
МАРГОША

«Так мы и стояли втроём,
обнявшись, и вместе плакали…»

В июле 1942 года Русланова и генерал Крюков расписались.

Как только появилась пауза между концертами, Русланова поехала в Ташкент. Дочь генерала Крюкова, Маргарита, жила в эвакуации «с тётками».

О приезде Руслановой в Ташкент и своих ощущениях и впечатлениях детства Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова вспоминает очень живо:

> «Вскоре мама приехала в Ташкент, где я находилась в эвакуации с тётками. Как раз выдалась суровая для Ташкента зима. Тётки мне предложили, что пока у меня мама больна, пусть будет вторая мама. Мне понравилось: так хорошо! У всех одна мама, а у меня целых две. Вторая мама сразу меня к себе расположила, мы обнялись. Она мне сразу что-то смешное рассказала, сказку — это она умела. Ещё сказала такое: „Знаешь, Маргоша, вот так складывается жизнь, что мы теперь будем одной семьёй, одним домом, всегда вместе“. Нашла простые, сердечные слова, держалась очень естественно. И потом всю жизнь она была ко мне очень доброй, но и требовательной, во всём любила порядок, как и папа. В театральных мастерских какие-то тряпочки заказала красивые пошить для меня. Я никогда не боялась своих родителей, делилась с ними всеми секретами. Меня всегда выслушивали. Всегда разрешали, чтобы ко мне и девочки приходили, и мальчики. Мама говорила, что мальчишки в дружбе лучше девчонок. Когда я уже была взрослой, не успею прийти на работу, как раздаётся звонок — мама интересуется, дошла ли».

И далее:

> «В Ташкенте было в то время много эвакуированных москвичей. Лидия Андреевна встретила там много знакомых, в том числе Марию Владимировну Миронову, у которой тяжело болел, кажется краснухой, ещё совсем маленький Андрей. Она подарила Марии Владимировне

красный шерстяной башлык генерала, из которого что-то смастерили, и это помогло вылечить заболевшего Андрея. Много позже Мария Владимировна часто напоминала сыну: „Андрюша, помни: тебя спас генерал Крюков“. Мария Владимировна любила и высоко ценила талант Лидии Андреевны и называла её не иначе как „Шаляпин в юбке“. „Зачем ей выходить замуж за генерала? Она сама фельдмаршал!“ — любила повторять Мария Владимировна».

Первая жена генерала Крюкова Клавдия Ивановна умерла в 1940 году. Версия её гибели такова. Кто-то из знакомых жестоко пошутил, что, дескать, мужа её арестовали органы НКВД… Тогда многих брали. Арестовывали прямо на службе. Не поверить такому было трудно. У Клавдии Ивановны случилась истерика, в таком состоянии она хватила уксусной эссенции и вскоре умерла от отравления.

Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова в одной из публикаций рассказывала:

«Моя первая мама Клавдия Ивановна умерла внезапно. Мы с папой возвращались из Финляндии, и я даже не знала, что в соседнем вагоне едет гроб. Мне долгое время твердили, что мама тяжело больна. Мне врали, что она в больнице. Я жила с папиными сёстрами, и когда я заявляла, что хочу к маме, то тётки развлекали как могли: и кукарекали, и мекали. Я такая была избалованная, что страшно. Папа, бедный, не знал, как меня развлечь. Он вообще был хорошим отцом и мужем, добрым от природы. Моим воспитанием занималась родная сестра папы — Клавдия Викторовна Былова, которая специально приехала из Москвы в Ленинград с младшим сыном. Через полгода началась война. Летом 1941-го папа отправился на Ленинградский фронт, он к тому времени был уже генералом. Папу перевели в корпус под Москву, а моя будущая мама приехала туда с фронтовой бригадой. Русланова — молодая женщина сорока двух лет, папа — вдовец сорока пяти. До войны Лидия Андреевна была много лет замужем за известным конферансье Михаилом Гаркави[52]. Перед началом войны они разошлись по-доброму, ничего не „распиливая“. Мы с Гаркави дружили: и папа, и я, он был вхож в дом. Он даже пытался устроить мою дочку в английскую школу. Мама позвонила ему, чтоб помог справиться с безобразием, что „Лидку в школу не берут“.

Потом мы плюнули на ту школу и пошли в другую».

То, что при устройстве внучки в школу с углублённым изучением английского языка не хватило авторитета Руслановой и пришлось подключать пробивную силу самого известного конферансье страны, говорит о многом. Какие уж там звания и награды… Да, не умела дружить с сильными мира сего. Обычно такие проблемы решаются за несколько минут — один звонок из высокого кабинета, и не только что взяли бы ребёнка в школу, а ещё и опекали бы во всё время учёбы.

Весной 1943 года войска Центрального фронта генерал-полковника К. К. Рокоссовского (член Военного совета генерал-майор К. Ф. Телегин[53]), действуя в направлении Севск — Унеча, «с ближайшей задачей перерезать железную дорогу Брянск — Гомель», совместно с армиями Брянского и Западного фронтов должны были нанести удар по сходящимся направлениям на Смоленск и перехватить пути отхода ржевско-вяземской группировки противника. Однако войска, перебрасываемые из-под Сталинграда, не смогли в назначенные сроки прибыть в район боевых действий, и Севская наступательная операция штабом генерала Рокоссовского была фактически провалена. Немцы контратаковали крупными силами при поддержке танков и самоходной артиллерии из района Севска, опасно потеснили порядки 65-й и 70-й армий, ослабленных в сражении под Сталинградом, и угрожали прорывом и опасным выходом во фланг нашему фронту. 21 марта 1943 года Центральный фронт перешёл к обороне, оставил часть занятой территории и отошёл на рубежи, сформировавшие так называемый северный фас Курской дуги.

Отход войск фронта прикрывал 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Крюкова. Участь кавалеристов была незавидной. Рокоссовскому нечем было закрыть пробиваемые противником бреши. Бросил свежий корпус.

Только в районе Севска при обороне города корпус потерял убитыми более 15 тысяч человек кавалеристов и лыжников. Командир 3-й гвардейской Кубанской дивизии генерал-майор М. Д. Ягодин в своём донесении писал: «…в полках уцелело по 25–30 человек. И то, в основном, расчёты миномётов. Люди смертельно уставшие, но готовые выполнить любое задание».

В военной литературе можно встретить резкие упрёки в адрес генерала Крюкова: вот, мол, бездарно командовал своими кавалеристами и угробил корпус… Если всерьёз вникнуть в суть операции под Севском, то упрёк сам собой окажется переадресованным другому генералу — Рокоссовскому. Но

Рокоссовского бранить не принято.

Генерал Крюков, как дисциплинированный и храбрый солдат, выполнил приказ командующего войсками фронта, остановил противника, занял глухую оборону по периметру северного фаса Курского выступа и дальше его не пустил. Вскоре гвардейцев сменили свежие части. Генерал Крюков вывел остатки дивизий и артполков во второй эшелон. Корпус предстояло формировать заново. Формировали его на Дону в городе Задонске. Пополняли маршевыми эскадронами из Воронежской, Оренбургской, Северо-Казахстанской областей, Ставрополья. Очень скоро ему снова предстоит вернуться на Брянщину, чтобы принять участие в гигантской битве на Орловско-Курском выступе. Отважный генерал поведёт свои дивизии под Карачев, Дятьково, Жуковку. Благодаря этому смелому рейду кавалеристов наши войска в середине сентября 1943 года прорвут оборонительные полосы на линии «Хаген» и освободят Брянск и Бежицу. А корпус генерала Крюкова, выполняя частные задачи Смоленско-Рославльской наступательной операции, выйдет на станцию Бетлица и форсирует реку Десну.

Но пока корпус формировался на Дону, эскадроны и дивизионы доводились до штатной численности, генерал Крюков на несколько дней задержался в Москве, чтобы повидаться с семьёй.

Из рассказа Маргариты Владимировны Крюковой: «Мы втроём пришли на Новодевичье кладбище. Они показали мне могилу, и мы поплакали вместе. Я, естественно, заревела и ткнулась „второй маме“ в пузо. Потом мы все обнялись. Так мы и стояли втроём, обнявшись, и вместе плакали».

Приёмная дочь Руслановой сохранила о своей «второй маме» самые лучшие, самые нежные воспоминания. Ведь, по сути дела, первой мамы она почти не знала. В пять лет, как и сама Прасковья Лейкина, осталась сиротой. Но Паню никто не пригрел по-матерински. Так и выросла одинокой сиротой.

И когда генерал Крюков в начале лета 1942 года у той безымянной деревеньки услышал плач ребёнка, девочки, и вдруг начал рассказывать о своей дочери, сердце Руслановой прорвалось не только женской тоской, но и материнской.

Их узы были настолько крепки и безупречны, что ни одна, ни другая никогда не обнаруживала в своих родственных и семейных отношениях абсолютно никаких изъянов.

Во время разлуки Русланова порой получала письма от своей Маргоши и очень гордилась ими. Получая, целовала их и читала своим подругам и тем, кто случался рядом и с кем могла разделить своё сокровенное: «Дорогая мамочка, вдали от тебя

мне так печально и так не хватает твоих мудрых советов и твоей доброй ласки».

В своей любви к чему-либо и кому-либо Русланова умела доводить всё до совершенства. Не сразу, не одним наскоком, а кропотливо, день за днём и год за годом. Брать характером, упорством, постоянством. Величайшим тактом. Так она шлифовала свои песни и свой песенный дар. Так строила и новые семейные отношения, становясь для сироты матерью.

Дочь прибегала со двора с разбитыми коленками, в испачканном платьице. Русланова обрабатывала ей царапины, мазала йодом и зелёнкой. Бранила и жалела одновременно. Снимала платьишко, замачивала в тазу, потом стирала, стараясь, чтобы ни пятнышка нигде не осталось, ни затяжки. Всё делала сама. Хотя и домработницу имела. Вещи дорогих ей людей она и стирала, и штопала своими руками. Знала, помнила народное поверье: не позволяй чужой женщине пришивать пуговицу к мужней рубахе…

Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова: «Никогда не возникало даже ощущения: падчерица — мачеха… Нет-нет! Было одно ощущение и полное убеждение: у мамы никогда не было детей, других, а у меня — другой мамы. Самая лучшая — мама, какая есть — она моя, как у каждого ребёнка. Когда я выросла, у меня было полно ухажёров. Все приходили домой, и тайны из этого не делалось. Кто приходил, мама приглашала чайку попить, спрашивала, куда пойдём, и наказывала привести девочку, то есть меня, вовремя. Никаких секретов. И — полное доверие».

Когда Маргоше исполнилось шестнадцать и она пошла получать паспорт, в заявлении о фамилии она написала: «Крюкова-Русланова».

Замужество — генеральская жена, генеральша — сразу изменили статус Руслановой в обществе. Она это заметила. Вспоминала: «Я впервые почувствовала особое к себе отношение в обществе, когда вышла замуж за Владимира Викторовича. Теперь, когда я появляюсь с ним на людях, меня представляют в первую очередь как жену генерала Крюкова, а не певицу Русланову!» Её это нисколько не смущало. Порой даже забавляло.

Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова: «Папу арестовали в пять утра. Мы должны были в то субботнее утро встречать маму на аэродроме, собирались ехать на дачу. Папа понял, что маму арестовали, она — что его. Из всего Жуковского окружения их арестовали последними. Из жён посадили только маму, потому что знали её характер, знали, что она кричала бы на каждом углу. В это время арестовали жён Молотова[54], Калинина[55]. Калинин — Председатель Верховного Совета, а

жена вшей давит… Знали, что Русланова устроит сраму на весь мир. Её просто убрали, она не сидела бы тихо, как Молотов или Калинин. Папа сидел в тюрьме на Лубянке, четыре года длилось следствие. В лагере пробыл меньше года. У мамы следствие длилось год. Дали 58-ю, пункт 10 — антисоветская агитация и пропаганда. Такую статью можно приписать каждому второму. Как „особо опасную“ преступницу отправили в лагерь в Тайшет».

После ареста родителей несовершеннолетнюю Маргариту Крюкову должны были отправить в детский приют. Квартира, все вещи, мебель конфисковывались.

«Я должна была жить в детском доме, — рассказывала Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова. — Но когда папу из нашего дома писателей в Лаврушинском везли на Лубянку, он этих полковников уговорил, чтобы меня отдали тётям, папиным сёстрам. Они жили на Арбатской площади. Мне было почти тринадцать».

У тех полковников была незавидная работёнка. Хотя они ею наверняка гордились. Но Бог им, должно быть, засчитал на Страшном суде тот поступок: они всё же пожалели дочь генерала и певицы…

Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова:

> «Из дома я ушла с чемоданчиком личных вещей. Когда нам дали квартиру, то папа, мама и я вошли туда в чём стояли. Начинай заново. А пока квартиру не дали, мы жили в гостинице. Мама сразу же начала работать. Очень быстро, меньше чем через месяц. И понеслось! Гастроли, гастроли — нужно зарабатывать на жизнь. Помню, что первым купили буфетик для кухни с выдвижными отделениями для ножей-вилок. Из них мы пили чай — даже чашек не было. Папу направили на курсы в Академию Генштаба. Мама возмущалась, что он вынужден ездить на общественном транспорте, считала, что это неуважение к генеральской форме. Первое, что мама купила, — машина. И какую! ЗИМ! Она стоила большие деньги. В общем, чай пьём не из чашек, но ездим на ЗИМе. Мама очень не хотела, чтобы её кто-то жалел. У неё было невероятное чувство человеческого достоинства. Это не мещанская позиция. Оскорбительно, унизительно, когда ни за что ни про что сажают в тюрьму, когда вслед каждое дерьмо могло прошептать: „Тюрьма“. Мама никогда не подавала вида, что страдала внутри. Оскорблялась за отца, русского воина, прошедшего три войны».

Глава восемнадцатая «ВАЛЕНКИ»

«Валенки да валенки, ой, да не подшиты, стареньки…»

Во время войны Русланова работала очень много. Кроме выступлений в составе концертной бригады, она, как уже говорилось, записала серию грампластинок.

В 1943 году вышли её пластинки серии «гранд» с песнями «Златые горы» («Имел бы я златые горы…») (музыка и слова народные). Л. Комлев — аккордеон; «Окрасился месяц багрянцем…» (Я. Пригожий). Л. Комлев — аккордеон; «Частушки» (музыка и слова народные). В. Максаков — саратовская гармонь; «Меж высоких хлебов затерялося…» (музыка народная, слова Н. Некрасова). Секстет домр под управлением Н. Н. Некрасова; «Липа вековая» (музыка и слова народные). Секстет домр под управлением Н. Н. Некрасова; «Выхожу один я на дорогу…» (музыка народная, слова М. Лермонтова). Секстет домр под управлением Н. Н. Некрасова; «Коробейники» (музыка и слова народные). Секстет домр под управлением Н. Н. Некрасова; «Посею лебеду на берегу…» (музыка и слова народные). Секстет домр под управлением Н. Н. Некрасова; «Валенки» (музыка и слова народные). Л. Комлев — баян; «Синий платочек» (Е. Петербургский — Я. Галицкий). Л. Комлев — баян; «В землянке» (К. Листов — А. Сурков). Л. Комлев — баян.

Запись на грампластинки шла в хорошем музыкальном сопровождении. Записывали не сразу. Делали несколько дублей. Отбирали лучший вариант. Во время записей Русланова старалась не импровизировать, а следовать заранее обдуманной версии. Но это не всегда у неё получалось. Работа кропотливая, напряжённая. Это не концерт на крыле самолёта в дождь или снег, когда некоторые недочёты в песне вполне простительны…

Итак, именно в 1943 году, в самый разгар войны, Русланова записывает свою, пожалуй, самую знаменитую песню. Через год пластинку «гранд» с этой песней запишет Ленинградская экспериментальная фабрика грампластинок. С тем же баянистом Л. Комлевым. В 1960 году выйдет пластинка-«миньон» Всесоюзной студии грамзаписи. Это будет новая запись с аккомпанементом инструментального квартета. В 1970 году музыкальный журнал «Кругозор» опубликует воспоминания Л. А. Руслановой о концерте у рейхстага и Бранденбургских ворот. Там же, в журнале, будет гибкая пластинка с тремя песнями: «Я на горку шла…», «По улице мостовой…» и «Валенки».

Сейчас любой компакт-диск с записями Руслановой невозможно представить без её знаменитых «Валенок».

Как же появилась эта песня? И почему судьба её оказалась такой счастливой?

История «Валенок» такова.

Первой её записала на грампластинку некогда знаменитая цыганская певица Настя Полякова[56]. Она исполняла её как цыганскую плясовую. Это было в 1913 году. Звукозаписывающая фирма «Граммофон» выпустила тогда огромный тираж, и он разошёлся мгновенно. Когда матрицы, с которых штамповали пластинки, были вконец изношены, а спрос не понижался, Настя Полякова записала эту песню в Германии в обществе «Бека-Гранд-Пластинка». Фирма успешно поставляла свою продукцию в Россию. Завезена была и эта пластинка, причём в больших количествах.

У коллекционеров вышеперечисленные пластинки есть. Теперь они стоят больших денег. Редкость!

«Валенки» имели небывалый успех. Пластинки расхватывались любителями музыки и владельцами граммофонов. И фирма «Зонофон» осуществила новую запись песни, уже сопроводив её подзаголовком «Ах ты, Коля, Николай…». Исполнила песню известная питерская певица Нина Дулькевич[57]. В 1939 году солистка Государственного академического Большого театра, заслуженная артистка РСФСР Вера Макарова-Шевченко[58] записала «Валенки» на Апрелевском заводе грампластинок.

Но это была несколько другая песня. Помните историю с «Катюшей»? Там Русланова взяла первый вариант песни, отброшенный джаз-оркестром как архаичный, и довела её до совершенства, сделав поистине народной.

С «Валенками» произошла та же история.

Рассказывают, что однажды к Руслановой на концерт опаздывали разведчики. Ушли на задание и всё никак не возвращались. И вот, наконец, вернулись. Пришли из-за линии фронта не с пустыми руками, притащили «языка». И вот умылись, прибрались, как могли, и пришли на концерт. Место им оставили в первом ряду. Как раз напротив сцены оказался молодой разведчик в валенках. Его валенки были до того изношены, что через дыры виднелись портянки.

И Михаил Гаркави, который вёл концерт, и Русланова, и все другие артисты невольно обратили внимание на эти солдатские валенки-труженики, изношенные до последней крайности.

Разведчик тоже заметил, что его валенки привлекли внимание артистов. Ему стало неловко, и после выступления он

подошёл к Руслановой и извинился за свой неопрятный вид.

— Ничего, сынок. Ты сколько в них прошёл?

— От Можайска в них иду, — ответил солдат. — Вот уже больше двухсот километров. И ещё столько пройду. Они ещё у меня ничего, потерпят. Терпеливые…

— Терпеливые — это верно. Как всякий русский человек. А коли так, то и до Берлина дойдут. Дойдут?

— Дойдут! — улыбнулся солдат.

Вечером, после концерта, в землянке, отведённой для постоя артистов, только и разговоров было, что о том опоздавшем разведчике и его валенках. Наконец уполномочили Гаркави, как самого пробивного и авторитетного, сходить к командованию и попросить выдать солдату новые валенки. Гаркави, добрая душа, действительно куда-то ходил и перед кем-то ходатайствовал.

А Русланова задумалась. Она уже давно тосковала о новой песне. Специально для солдат. Для таких вот концертов. Она понимала, что не последнюю зиму воевать солдатикам в мороз и вьюгу в чистом поле и в лесу. Вспомнила старинную песню. С гармонистом Максаковым начала перекладывать её мотив под свой голос и свой темп. Песня вначале не шла, не давалась.

Не сразу она включила в свой репертуар новую песню. Ей казалось, что она не звучит, что нет в её исполнении того внутреннего огня, без которого песня — не песня. Какое-то время даже хотела вывести из репертуара как неудавшуюся. Раз не пошла…

Но однажды выступать пришлось в госпитале. Огромное кирпичное здание, то ли бывший склад, то ли церковь, то ли какой-то цех, откуда вывезли оборудование. Снаружи наполовину разрушенное. Натопить невозможно. Раненые и больные лежат на кроватях прямо в валенках, чтобы не замёрзнуть окончательно. Лица унылые, обречённые. Их бы потеплее укрыть, одеть-обуть получше… Ну как поднять их настроение? Разве что «Валенками»?

Кивнула гармонисту. Тот заиграл.

Валенки да валенки,
Ой, да не подшиты, стареньки.
Нельзя валенки носить,
Не в чем к миленьк*Ы*й ходить.

Валенки, валенки,
Эх, не подшиты, стареньки.

Ой ты, Коля — Коля-Николай,

Сиди дома, не гуляй.
Не ходи на тот конец,
Ох, не носи девкам колец.

Валенки, валенки…

Чем подарочки носить,
Лучше валенки подшить.

Валенки, валенки,
Эх, не подшиты, стареньки.

Суди люди, суди Бог,
Как же я любила:
По морозу босиком
К милому ходила.

Валенки, валенки,
Эх, не подшиты, стареньки.

Загорелись глаза раненых. Зашевелился народ под грубыми солдатскими одеялами и шинелями. Ожил.

— Лидия Андреевна! Матушка вы наша! Спойте ещё раз!

— Сызнова! Сызнова! — услышала она родные голоса, которые будто окликали её из прошлого.

И она пела им ещё и ещё.

Песня звучала. Певица каждый раз находила в ней новые и новые глубины и смело шла туда, в эту глубину.

Так Русланова очистила от штампованного «цыганизма», по выражению некоторых её критиков, старинную песню, вернула её в лоно народного пения, сделала лёгкой для исполнения, популярной в народе. Порой в застолье кто-нибудь вдруг воскликнет: «А давайте-ка — Русланову! Русланову споём!» — и тут же:

Валенки да валенки…

Что ж, всё верно: Русланову — это значит «Валенки».

Подлинную популярность песня «Валенки» завоевала, когда миллионными тиражами разошлись по стране пластинки.

Иногда песня опережала свою исполнительницу: концертная бригада идёт к сцене, а там уже звучит:

Ой ты, Коля — Коля-Николай,
Сиди дома, не гуляй…

Это бойцы в ожидании артистов поставили патефон и гоняют одну и ту же любимую пластинку.

Авторство «Валенок» после непревзойдённого руслановского исполнения с чьей-то лёгкой руки начали приписывать ей. И она, как это часто происходит, привыкла к этому и иных толкований просто не допускала.

Как-то, уже в 1960-е годы, когда Русланова снова прочно закрепилась на сцене после лагерей и Владимирского централа, известный некогда музыкальный коллекционер и страстный поклонник певицы Валерий Сафошкин зашёл к ней в гримёрку и завёл такой разговор: мол, зная происхождение этой песни, он советовал бы «в следующих концертах… фрагмент с утверждением авторства песни о валенках опустить…».

Русланова отвлеклась от зеркала и стала слушать коллекционера. А тот увлечённо рассказывал ей о первых исполнителях «Валенок» Нине Дулькевич и Насте Поляковой, о том, что в 1939 году солистка Государственного академического Большого театра заслуженная артистка Российской Федерации Макарова-Шевченко записала «Валенки» на грампластинку Апрелевского завода и что аккомпанемент у Макаровой-Шевченко был гитарный… И вдруг небеса обрушились на бедную голову страстного поклонника, осмелившегося просвещать певицу по поводу её сомнительного авторства:

— Какая на х… Полякова! Какая Дулькевич! Какая там ещё б… Шевченко!

Ох и сердита ж порой бывала! Разила наповал!

Глава девятнадцатая
ГВАРДИИ ПЕВИЦА

«Пиши, мой дружочек, хоть несколько строчек, милый, хороший, родной…»

Как-то раз случилась такая история.

Лётчикам одного из авиаполков просто не везло: как они ни просили, как ни заказывали артистов, но ни одна из фронтовых бригад к ним так и не ехала. И решились воздушные асы на крайнее: раз Магомед не идёт к горе, то мы её уводом доставим…

Разузнали, что на их участок фронта прибывает бригада артистов с Руслановой, разведали маршрут движения этой бригады. Прибыли на нескольких самолётах к концу выступления и… похитили всю бригаду вместе с Руслановой, её гармонистом и конферансье. Как говорил герой одного известного кинофильма об асах кубанского неба: «После боя сердце просит музыки вдвойне…»

После концерта благодарные лётчики, узнав, что артисты уже больше недели колесят от одной воинской части к другой, что душ принимали в последний раз в Москве, быстро истопили баню, устроенную в одном из железнодорожных вагонов, стоящих в тупике, выставили охрану и занялись приготовлением хорошего ужина.

Эту тёплую встречу и доброту лётчиков N-ской части артисты вспоминали и после войны.

«Гвардии певицей» её стали называть не сразу. Что и говорить, зачастила она во 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

В то время в тылу по всей стране прокатилась волна жертвенного патриотизма. Люди собирали средства и строили на личные сбережения танки, самолёты, экипировали целые роты и батальоны.

Писатель Леонид Леонов передал Сталинскую премию в Фонд обороны, и на эти деньги построили тяжёлый танк КВ «Леонид Леонов». Именной.

На фронт поступили эскадрильи истребителей «Саратовский колхозник», «Калужский комсомолец», «Советский артист». Под Тулой на одном из фронтовых аэродромов базировалась эскадрилья тяжёлых бомбардировщиков дальнего действия «Мещовский колхозник».

Как правило, писатели, артисты, деятели искусств передавали в Фонд обороны Сталинские премии. Народ, пуская шапку по кругу, собирал деньги в складчину, и на эти деньги строили танки, самолёты, одевали и обували солдат, закупали махорку и медикаменты.

Русланова Сталинских премий никогда не получала. Вряд ли она и претендовала на них. Первая и последняя её встреча с вождём произошла задолго до войны и, как мы помним, не привела к взаимной симпатии. Она решила внести свой вклад в победу и построила две батареи «катюш». Это хорошее русское имя ей очень нравилось. Песню «Катюша» исполняла почти в каждом концерте.

Две батареи — это ни много ни мало восемь машин — знаменитых реактивных метательных установок. Целый дивизион. Их совокупный залп равен залпу 120 гаубиц калибра 152 миллиметра.

Боевые машины Русланова передала во 2-й гвардейский кавалерийский корпус, солдатам своего «офицерика». Говорят, они дошли до Берлина, и реактивные снаряды для последних залпов расчёты ставили на рельсы установок уже в самом «логове» с надписями «От Руслановой».

Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова как-то в одном из интервью упомянула и о том, что её мама передала в кавкорпус, помимо дивизиона «катюш», ещё и танк.

Перед тем как корпус вступил на землю Германии, Русланова приехала к кавалеристам с очередным концертом. Среди уже полюбившихся песен была новая: «Напою коней я в Шпрее» композитора Константина Листова. Корпус был в восторге. Политработникам незачем было читать бойцам статьи Эренбурга и стихи Симонова с воззванием: «Убей немца!» Фраза «Напою коней я в Шпрее», которую весело и задорно, с лихой уверенностью бросала в солдатские души великая певица, действовала сильнее любой пропаганды.

Должно быть, именно тогда, в то лето 1942 года, когда Русланова стала законной женой генерала Крюкова, а затем передала корпусу тяжёлое вооружение и при этом спела «Напою коней я в Шпрее», благодарные кавалеристы и присвоили ей звание «гвардии певицы». В определённых обстоятельствах такое звание признавалось куда выше Сталинской премии или титула вроде заслуженной или народной. Премии назначал Сталин, титулы — наркомы или люди, сидящие в высоких кабинетах рядом с ними. А звание «гвардии певица» ей присвоили на фронте солдаты первого эшелона. Никто из певцов или артистов за свою работу в войсках в действующей армии такого звания

удостоен не был.

Бойцы и офицеры дивизиона называли подаренные певицей установки «лидушами». На дверях машин артиллеристы сделали надписи: «Смерть немецким захватчикам!» Чуть ниже: «10-му гвардейскому миномётному полку — на средства Заслуженной артистки республики Лидии Андреевны Руслановой».

10-й гвардейский полк храбро дрался во всех наступательных операциях, в которых участвовал 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Освобождал украинский Ковель, польский Сандомир, поддерживал кавалеристов во время форсирования Одера.

В августе того же 1942 года Русланова записала на студии звукозаписи две песни: «Синий платочек» и «Землянка». Судьба записей станет такой же нелёгкой, как и судьба их исполнительницы.

История появления песни «Синий платочек» довольно любопытна.

Жил в Белостоке бывший российский подданный польского происхождения музыкант Ежи Петерсбургский. В 1939 году Белосток и окрестности снова отошли к России, а вернее, теперь уже к СССР. Талантливый музыкант и хороший организатор, Ежи Петерсбургский возглавил Белорусский республиканский джаз-оркестр. В те годы именно джаз-оркестры были особенно популярны среди взыскательной публики больших городов. В 1940 году его коллектив «Голубой джаз» гастролировал в Москве. Выступал в столичном театре «Эрмитаж». Московская публика жадно ловила новые ритмы и мелодии оркестра, приехавшего, по сути дела, из Европы. В программе было много неизвестных песен. Среди них прозвучал вальс, сочинённый самим маэстро. Пока без слов. Однако слова вскоре появились.

Поэт и драматург Яков Галицкий прямо во время одного из концертов «Голубого джаза», слушая мелодию вальса, сделал набросок стихов:

Кончилась зимняя стужа.
В дверь постучалась весна.
Лаской согрета зелень всего леса.
Даль голубая ясна.
И той порой
под любимой
зелёной сосной
мелькнул, как цветочек,
синий платочек,
милый, хороший,
родной.

Скромненький синий платочек
падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забыла
ласковых радужных встреч.
Ночной
порой
под любимой
зелёной сосной
счастья кусочек —
синий платочек,
милый, хороший,
родной.

Ты уезжаешь далёко.
Вновь беспощадны слова.
И у вагонов ночью бессонной
ты уже странно далёк.
Ночной порой
мы распрощались
с тобой.
Пиши,
мой дружочек,
хоть несколько
строчек,
милый, хороший,
родной.

Пиши,
мой дружочек,
хоть несколько
строчек,
милый, хороший,
родной.

Уже через несколько дней «Голубой джаз» Ежи Петербургского представил публике песню «Синий платочек».

До войны вышла грампластинка Ленинградского завода. «Синий платочек» исполняла популярная эстрадная певица Екатерина Юровская[59]. Песня была принята критически. На первых порах публике претили несколько простоватая мелодия и такие же незатейливые слова. Но при всей её простоте песня оказалась очень лиричной. А на вальс у публики всегда спрос.

Вскоре оказалось, что именно простота, запоминаемость и сделали песню столь популярной и любимой в народе. Случилось то, что случается часто с новыми песнями: чем больше её исполняли, тем сильнее в неё влюблялись.

Когда загремела война и станционные перроны заполнили толпы уходящих на фронт солдат, окружённых рыдающими матерями, жёнами и невестами, именно «Синий платочек» стал той прощальной мелодией, которая давала человеческой душе хоть какую-то надежду на встречу. Простенькая вальсовая песенка мирного времени неожиданно наполнилась новым смыслом и своеобразным залогом того, что оно, это прекрасное время, ещё вернётся. Поэт Алексей Сурков[60], автор слов другой столь же популярной солдатской песни, писал: «Уже с первых дней войны стало слышно, что рядом с кованными строками „Идёт война народная, священная война“ в солдатском сердце теплятся тихие лирические слова песенки „Синенький скромный платочек…“».

Как только народ запел эту песню, сразу же появились переделки. Одна из них, наиболее известная:

Двадцать второго июня,
ровно в четыре часа
Киев бомбили,
нам объявили,
что началася война.
Дрогнут колёса вагона,
поезд умчится стрелой.
Ты мне с перрона,
я — с эшелона
грустно помашем рукой…

Русланова слышала эту песню, знала её варианты: на концертах её часто исполнял Гаркави, обладавший безупречным слухом и приятным голосом. Пробовала петь и сама. Но ни один из существующих вариантов её не устраивал. И тогда появился совершенно новый. Его-то она и вынесла на публику.

Пластинку записала в августе, вскоре после четвёртого, последнего и самого счастливого своего замужества.

Однако тогда в студии успели изготовить только матрицы. Тираж по каким-то причинам был отложен. Все дефицитные материалы шли на военные заводы. Спустя какое-то время небольшой тираж, так называемый пробный, всё же выпустили. В 1948 году, после ареста и суда, все записи Руслановой подлежали изъятию из производства и торговли. Были уничтожены многие матрицы. Удивительное дело, именно эти — «Синий платочек» и

«Землянка» — уничтожения каким-то чудесным образом избежали.

В 1976 году их разыщет филофонист В. П. Донцов. Запись продемонстрируют как сенсационную находку по телевидению в популярной передаче тех лет «Песня далёкая и близкая». Матрицы и запись реставрируют, и вскоре пластинка выйдет на фирме «Мелодия» огромным тиражом.

В 1940-е годы песня «Синий платочек» была особенно популярна и в народе, и среди певцов. Её исполняли, кроме Екатерины Юровской, Руслановой, и Михаил Гаркави, Вадим Козин[61], Изабелла Юрьева[62]. Как правило, каждый исполнитель либо брал свой вариант слов песни, либо исполнял вариант изменённый. К примеру, для Клавдии Шульженко[63] фронтовой корреспондент и поэт лейтенант Михаил Максимов написал совершенно оригинальный текст:

Синенький, скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.
Порой ночной
Мы распрощались с тобой…
Нет больше ночек!
Где ты, платочек,
Милый, желанный, родной?

Вариант, который пела Клавдия Шульженко, нравился пулемётчикам. Да что там нравился, пулемётчики на фронте считали «Синий платочек» своей песней, которую написали о них и для них. Потому что в нём были такие слова: «Строчит пулемётчик за синий платочек, что был на плечах дорогих…» Это была песня эпохи. Она ходила в бой. Порой в буквальном смысле. Недавно мне довелось читать в Архиве Министерства обороны Российской Федерации в Подольске донесения штаба одной из дивизий 10-й армии. В августе 1943 года, когда началась Смоленско-Рославльская наступательная операция Западного фронта, один из командиров стрелковых рот повёл на штурм высоты своих солдат с криком: «За Родину! За синий платочек!» И рота ворвалась в немецкие окопы, отбила их и впоследствии удержала высоту до подхода основных сил.

Русланова снова возвысилась над всей этой разноголосицей, избрав самый, возможно, простой и даже простоватый вариант слов. Так она порой поступала с народными песнями — усекала текст до двух-трёх куплетов и оставляла самую суть. Краткость и

простота, доступная пониманию каждого. Но в них было главное и самое дорогое для человека, которого либо уже разлучили, либо вот-вот разлучат с любимой и отправят в самое пекло. Мелодия вполне соответствовала словам — лёгкая, задушевная, как тогда говорили. И эта лёгкость снимала гнетущую тоску неизбежного, оставляла желанную надежду.

И снова наша «гвардии певица» колесила по фронтам, армиям, корпусам, дивизиям, батальонам и ротам. По госпиталям и дивизионам. Эскадрильям и полкам. Бригада оставалась в основном та же. И Гаркави всегда был рядом. Но теперь их объединяло лишь творчество.

Постепенно условия для фронтовых артистических бригад налаживались. Когда советские войска пошли на запад, фронты, армии и даже корпуса начали создавать свои ансамбли, оркестры, концертные бригады. Вскоре такая бригада появится и во 2-м гвардейском кавалерийском корпусе. Потом она перерастёт в ансамбль. Русланова иногда будет выступать вместе с этим боевым и талантливым коллективом. Совместное выступление состоится и в конце войны, в победные дни, в Берлине. Но всё это будет потом.

А пока она работала в прежнем режиме. К середине войны число её концертов перевалило уже за 500. Известно, что некоторые певцы и певицы после войны не без гордости говорили: «Да я все фронты исколесил(ла)! Почти пятьсот концертов дал(ла)!» Она эти 500 дала, когда впереди оставались ещё неотнятые у врага Белоруссия, Украина, Прибалтика, когда немцы ещё были полны решимости и надежд снова двинуть фронт на восток, к Москве, Ленинграду и Сталинграду.

Условия у всех артистов и бригад — теперь это не секрет — были разными. Лирический тенор Вадим Козин, к примеру, имел в своём распоряжении целый железнодорожный вагон, специально оборудованный для его концертной бригады. Со спальными местами. Со столовой. С умывальником и прочими удобствами. С отоплением.

«Гвардии певица» стойко, по-солдатски переносила все тяготы армейской жизни, давала концерт за концертом в самых неконцертных условиях.

Правды ради надо заметить, что время от времени Русланова навещала своих московских и ленинградских компаньонов по страстному увлечению, которое после войны чуть не погубит её, а именно художников и искусствоведов, торговцев антиквариатом. В блокадном Ленинграде не была. Слухи об этих её поездках с целью скупки у голодных ленинградцев картин и дорогого антиквариата — вздор, выдумка людей невежественных и злых. В

Москве и Ленинграде, уже освобождённом от блокады, она порой гостила у друзей, отдыхала после концертных поездок на фронт.

Камушки и драгоценности она скупала машинально. Консультанты, к услугам которых она прибегала всякий раз, когда объявлялась ценная и редкая вещица, были людьми надёжными. Они дорожили своим ремеслом и держали язык за зубами. Да и комиссионные брали необременительные — не больше десяти процентов, что считалось обычным условием. Драгоценные камни не были её страстью. Ненадёжность рубля, страх перед очередной реформой и возможной потерей части денег — вот что заставляло хранить заработанное не в банке и не в рублях. Так делали многие.

Живопись русских художников конца XIX — начала XX века — вот что её волновало по-настоящему. Образы близкие и её собственному искусству. Русские пейзажи, русские типы, русские лица. Россия.

Общение с Игорем Грабарём, Филиппом Тоскиным, Степаном Ярёмичем[64], реставратором Сосновским, Станиславом Бельвиным и другими, кто консультировал её, помогало подбирать в коллекцию более ценные работы, развивало её знания, оттачивало интуицию. Без тонкой интуиции любой коллекционер — дилетант.

В Ленинграде жил её посредник или, говоря языком военных, порученец художник Станислав Бельвин. За те же десять процентов комиссионных он разыскивал картины художников, которые интересовали или могли заинтересовать Русланову. Он прекрасно знал её вкус и финансовые возможности.

В последние годы на читателя хлынул буквально обвальный ливень публикаций «разоблачительного» характера. Много недостойного вылито не только на маршала Жукова, но и на его окружение, в том числе и на Русланову, которая была вхожа в семью Жуковых, дружила с первой женой Георгия Константиновича Александрой Диевной. В этих лёгких сочинениях нашу героиню недвусмысленно упрекают в том, что якобы она, пользуясь трагическими обстоятельствами блокадного Ленинграда, скупала у голодающих ленинградцев по дешёвке картины и драгоценности. Никаких доказательств своим обвинениям не приводят. Не нашёл их и я, работая над настоящей биографией великой певицы.

Точных сведений о пребывании Руслановой в блокадном Ленинграде нет. Даже следователи МГБ, которые вели её дело, не нашли доказательств того, что их подследственная сама ездила в Ленинград для скупки картин и ценностей.

Если наша героиня и покупала что-то в голодающем городе,

то делала это, скорее всего, через своего «порученца» Станислава Бельвина. Однако и этого опытные и дотошные следователи в её недавней биографии не нашли. А ведь тоже искали, да ещё как. Особенно в тот момент, когда шкатулка с камушками была ещё не в их руках, когда драгоценности Руслановой им ещё только хотелось заполучить. А для этого подследственную надо было как следует прижать, в том числе и уликами, документами, свидетельствами, фактами. Ничего из вышеперечисленного в «Деле Руслановой-Крюковой Лидии Андреевны» не оказалось.

Глава двадцатая
ГЕНЕРАЛ

«За умелое руководство частями корпуса и проявленные при этом отвагу и мужество…»

Генерал Крюков был добросовестным служакой, настоящим красным командиром, из которого Великая Отечественная война сделала неплохого офицера и фронтового командира. Он умел управлять крупными массами войск и понимал душу солдата. Хотя особо ярких эпизодов действий частей и подразделений под его командованием история Великой Отечественной войны, какой она написана, мы не знаем. Более того, некоторые исследователи Великой Отечественной войны упрекают генерала Крюкова, мягко говоря, в недостаточно искусном командовании вверенным ему кавалерийским корпусом. Славу же, дескать, стяжал на несколько другом поприще — был закадычным другом-товарищем Жукова, который покровительствовал своему непосредственному подчинённому, продвигал его по службе и заботливо не обходил наградами…

Что тут скажешь? На каждый роток не накинешь платок.

Командиром Крюков был, судя по документам и свидетельствам, а также действиям вверенного ему кавкорпуса, средним. Особо выдающихся подвигов не совершил. Но и больших провалов на своём фронте не допустил. Когда корпус немцы оттрепали под Севском, делал что мог. Корпус вывел. Противника остановил. Немцы тогда были ещё очень сильны и могли нанести на участке действий 2-го гвардейского кавалерийского корпуса мощнейший удар и поставить в критическую ситуацию весь Западный фронт. Но Крюков свой корпус удержал. Не дал немцам развить удар во фланг соседям. Так что дрался честно.

Что рассуждать? Надо вначале открыть военные архивы. Дать возможность исследователям, историкам и краеведам разгрести и опубликовать многие документы, которые по-прежнему таятся от народа под грифом «секретно», а потом уже рассуждать, кто, когда и как действовал. А пока нам война во многом просто неизвестна.

Родился Владимир Викторович Крюков в крестьянской семье в слободе Бутурлиновка Бобровского уезда Воронежской губернии. Бывшая слобода ныне стала городом. В 1914 году в

Рязани окончил реальное училище и сразу же, на волне патриотизма, записался вольноопределяющимся в русскую армию.

В 1915 году окончил учебную команду запасного полка и поступил во 2-ю Московскую школу прапорщиков. Получил первый офицерский чин и отбыл на Западный фронт. В бой пошёл командиром взвода 26-го Сибирского пехотного полка. Юный прапорщик отличился в первом же бою. Вскоре был переведён в штаб и назначен начальником конной разведки. Произведён в чин поручика. В декабре 1917 года, после Октябрьской революции, демобилизовался. Вернулся в Рязань. Поступил в красногвардейский отряд. Командовал кавалерийской сотней. Вскоре со своей сотней отбыл на Дон, затем на Южный фронт и там участвовал в боях против белогвардейцев и махновцев. В 1918 году вступил в Красную армию. Служил адъютантом штаба красногвардейского отряда в Баку. С декабря 1918 года командовал взводом отдельного кавалерийского дивизиона 2-й стрелковой дивизии. Через год стал командиром эскадрона. Потом был начальником хозяйственной команды, помощником начальника штаба отдельной кавбригады. Командовал отрядом особого назначения по борьбе с бандитами на Северном Кавказе. В 1924 году окончил отделение старшего комсостава при Высшей кавалерийской школе РККА в Петрограде. Был начальником полковой школы 67-го кавполка. Затем исполнял обязанности начальника штаба полка, дивизии. В 1932 году окончил курс Военной академии им. М. В. Фрунзе. С 1933 года — командир 20-го Сальского Краснознамённого кавалерийского полка 4-й кавдивизии. С октября 1937 года преподавал тактику на Краснознамённых кавалерийских курсах усовершенствования командного состава РККА (Новочеркасск). В феврале 1940 года отправился на советско-финляндский фронт командиром 306-го стрелкового полка 62-й дивизии. С мая 1940 года командовал 8-й стрелковой бригадой Ленинградского военного округа в районе Ханко. С 4 июня 1940 года — генерал-майор. В 1941 году вступил в ВКП(б). С 11 марта 1941 года командовал 198-й моторизованной дивизией. С ней встретил войну. Дивизия сражалась с начала июля 1941 года против финских войск на Карельском перешейке, понесла большие потери и была эвакуирована по Ладожскому озеру. С сентября 1941 года в составе 54-й армии на Северном и Ленинградском фронтах дивизия, ставшая 198-й стрелковой, участвовала в самых первых попытках прорыва блокады Ленинграда на Колпинском направлении, затем в Тихвинской оборонительной и Тихвинской наступательной операциях. С 12 января по 3 февраля 1942 года

Крюков командовал 10-м кавалерийским корпусом на Западном фронте. 5 марта принял 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Участвовал в Брянской и Севской наступательных операциях в феврале — марте 1943 года. Затем Курское сражение, наступление на Брянском и Рославльском направлении, операция «Багратион» в Белоруссии, Висло-Одерская операция. 1-й Белорусский фронт. Фронтом в тот период последовательно командовали маршал К. К. Рокоссовский и маршал Г. К. Жуков. Потом, на заключительном этапе войны, была Восточно-Померанская операция. Корпус вошёл в столицу Польши Варшаву. Ему сопутствовала удача: конники уничтожили и захватили в плен более трёх тысяч немецких солдат и офицеров. 5 марта 1945 года совместно с танковыми частями фронта кавалеристы генерала Крюкова овладели важным опорным пунктом противника городом Польцин (Полчин-Здруй) в Польше. За умелое руководство частями корпуса и приданными подразделениями и проявленные при этом отвагу и мужество 6 апреля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии генерал-лейтенанту Владимиру Викторовичу Крюкову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» (№ 5792).

Прославленный ас генерал Михаил Громов в своей книге «На земле и в небе» оставил такую характеристику генерала Крюкова: «Во время операции на Курской дуге, когда наши войска готовились нанести удар с северного фланга, в направлении на Брянск, наша авиация снова успешно работала по переднему краю противника, помогая наземным войскам продвигаться вперёд.

Здесь мне выпало удовольствие познакомиться с удивительным человеком, незабываемо колоритной фигурой, лихим кавалеристом генерал-лейтенантом В. В. Крюковым. Его гвардейский конный корпус действовал очень активно и двигался, часто опережая технические войска, которые застревали в нашем чернозёме. Этот человек вообще не ведал страха, попадая со своими конниками в очень тяжёлые положения».

После окончания войны генерал Крюков будет какое-то время стоять со своим корпусом в Особом военном округе в районе Кёнигсберга. В декабре 1945 года 2-й гвардейский Померанский Краснознамённый ордена Суворова 2-й степени кавалерийский корпус 1-го Белорусского фронта будет расформирован. Состоится торжественное прощание с боевым знаменем. Солдаты поедут домой. Часть офицеров тоже демобилизуют. Часть наиболее подходящих к строевой службе, молодых и здоровых, разбросают по другим частям и военным округам. Генерал Крюков какое-то время будет находиться в распоряжении

командующего кавалерией Сухопутных войск. В мае 1946 года его назначат начальником Высшей офицерской кавалерийской школы им. С. М. Будённого. С июня 1947 года он вновь окажется в распоряжении главнокомандующего Сухопутными войсками. С октября того же года займёт должность заместителя командира 36-го гвардейского стрелкового корпуса.

Но из седла боевого генерала судьба выбьет чуть позже. Век кавалерии закончился победой в самой жестокой войне. Дело было сделано. В армии стало необычайно тесно. Части расформировывались. Солдат эшелонами отправляли домой, в народное хозяйство. А куда было девать офицеров? Профессиональных военных? Генералов?

Спецслужбы занялись *своим* делом. Приказ был дан из Кремля. Раскручивалось «дело Жукова». Чтобы «поставить на своё место» военных и избавить их и всю страну от иллюзий возможно иного послевоенного устройства страны, от слухов о всяческих послаблениях и вольностях в отношении колхозов и вообще жизни села, Сталин решил рубануть по самому высокому дереву. Рассказ об этом впереди.

Вернёмся в середину войны.

Во время войны Крюков в своём корпусе создал казачий ансамбль под управлением талантливого артиста цирка, прекрасного наездника осетина Михаила Туганова[65]. Иногда, приезжая во 2-й гвардейский кавалерийский корпус с шефскими (бесплатными) концертами, Русланова выступала вместе с ансамблем Туганова.

Когда арестовали генерала Крюкова по «делу Жукова», следователи интересовались и ансамблем. Ничего противоправного и аморального в действиях бывшего командира корпуса в создании казачьего ансамбля и покровительстве ему ни следствие, ни суд не нашли. Тем не менее это не помешало некоторым «историкам» называть казачий ансамбль Михаила Туганова «фронтовым борделем», которым якобы заведовала сама Русланова, будучи, мол, женой командира корпуса…

Летом 1941 года из Московского цирка добровольцами на фронт ушли 25 артистов. Это была конная группа Михаила Туганова. Осетины и донские казаки. Их направили в кавалерию. Артисты-наездники участвовали в Битве под Москвой. Воевали под Ржевом и Вереёй. Дрались в районе Севска и Орла, на Десне и за станцию Бетлица на подступах к Рославлю. Впоследствии им, уже казачьему ансамблю 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, пришлось взяться за оружие в самом Берлине.

Когда Красная армия начала наступать на всех фронтах, когда вперёд пошёл и корпус, генерал Крюков приказал — для

поднятия духа в эскадронах и дивизионах — отозвать с передовой артистов, пополнить ансамбль самодеятельными талантами и в минуты затишья организовать выступления перед войсками.

Однако война есть война. Когда под Севском начались упорные бои и кавалерийские полки понесли большие потери, прозвучал приказ: «Горнисты в первую шеренгу!» Известен эпизод, когда Туганов, будучи офицером связи при штабе корпуса, повёз в дивизию донесение. Ехал просёлком на своём верном скакуне Энзели по проверенной дороге, не подозревая, что она уже несколько часов как перехвачена противником, что в деревне, к которой он приближался, немцы.

Когда он увидел немецких солдат, которые спешно устанавливали пулемёт возле крайней хаты, быстро развернул коня и бросил его в намёт. Очереди хлестали выше крупа коня. Немцы оценили жеребца, решили снять седока и завладеть ценным трофеем. Туганов сделал «обрыв» — один из самых эффектных приёмов джигитовки — откинулся всем корпусом назад, при этом закрепившись ногами в стременах и волочась руками по земле. Его верный Энзели, подбадриваемый голосом хозяина, мчался всё быстрее и быстрее. Так они пролетели мимо немцев, миновали поле и благополучно исчезли в лесу. Немцы, выскочившие наперехват, чтобы поймать коня под «убитым» седоком, конечно же не разглядели в нём артиста. Уж очень натурально «оборвался» из седла джигит. В лесу капитан Туганов подтянулся в стременах, сел в седло, огляделся, вытер окровавленные руки о полы гимнастёрки и поскакал дальше, лесом огибая занятую противником деревню. Через несколько часов донесение было доставлено. Доложил и о прорыве немцев в тыл корпуса.

Войну Михаил Туганов закончил гвардии майором. В победный день казачий ансамбль выступал вместе с Руслановой на ступеньках рейхстага. Это правда. Другой, на которую намекают «историки»-«правдорубы», по всей вероятности, не существует.

«За заслуги в творческой работе и высокое художественное мастерство» командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал К. К. Рокоссовский приказом от 9 октября 1944 года объявил благодарность всему личному составу ансамбля и наградил Туганова именными часами.

Другой случай. Лето 1943 года. 2-й гвардейский кавалерийский корпус рейдирует по тылам противника в районе Десны. Попадает в полуокружение, затем в полное окружение, которое, к счастью и к чести командования корпуса, оказалось кратковременным. Случилась заминка: тылы, обозы с

боеприпасами отстали от основных сил корпуса, бойцам не хватало патронов, артиллеристам — снарядов, миномётчикам — мин. Тогда генерал Крюков приказал небольшой ударной группе — танки и кавалерия — пробиться к обозам и расчистить путь. В сёдла вскочили и артисты казачьего ансамбля. Часть из них, у кого не было коней, сели на броню танков и пошли в бой. Обозы удалось выручить — их выхватили буквально из-под носа у немцев и вывели по пробитому коридору в расположение основных сил.

За эту операцию многие десантники и танкисты были награждены орденами и медалями, в том числе и казаки капитана Туганова.

Вот описание боёв 2-го гвардейского кавкорпуса в Смоленской, Брянской и Гомельско-Речицкой наступательных операциях 1943 года, сделанное бывшим офицером одного из кавалерийских полков Сергеем Николаевичем Севрюговым:

> «В середине августа 1943 года войска Брянского фронта подошли к оборонительному рубежу в районе Брянска и Бежицы и по линии реки Болвы. Командующий фронтом генерал армии Маркиан Попов приказал генералу Крюкову нанести удар силами его кавкорпуса в направлении Хвастовичи, Любохна, форсировать Болву и развивать наступление в направлении на Бежицу и Брянск, охватывая их с северо-востока.
>
> 16 августа авангарды 3-й и 4-й кавдивизий с ходу овладели железнодорожными станциями Озёрская и Судимир, перехватили железную дорогу Сухиничи — Брянск, вышли к шоссе Жиздра — Бежица и уткнулись в оборону 134-й пехотной дивизии немцев.
>
> Это была вторая линия немецкой обороны. Её противник сдавать не хотел ни при каких обстоятельствах. Бои приняли ожесточённый характер. Продвижение ударных частей корпуса с каждым днём замедлялось. Положение осложняла болотистая местность и лесные массивы. Танки не могли свободно маневрировать среди болот. Артиллерия тоже отстала.
>
> К счастью, разведка отыскала небольшой разрыв в порядках 134-й пехотной дивизии противника. Генерал Крюков с офицерами оперативного отдела штаба выехал в район предполагаемого прорыва, осмотрел местность. В тот же день отдал приказ: объединить танковые полки кавдивизий в один кулак, усилить их десантом и ударить

именно здесь. Наступление началось после десятиминутной артподготовки по заранее разведанным целям.

Командование ударной группой он поручил командиру 4-й кавдивизии генералу Панкратову. 3-я кавдивизия генерала Ягодина тем временем наступала правее в направлении Орля, Улемль.

С утра 17 августа части 3-й гвардейской кавалерийской дивизии овладели узлами сопротивления Яровщина и Орля и разгромили два батальона 445-го гренадерского полка. Дальнейшее продвижение спешенных полков было остановлено огнём с главной полосы обороны противника. Артиллерия отстала от боевых порядков, эскадроны залегли и начали окапываться.

На следующее утро части дивизии перешли в наступление в семикилометровой полосе от Кресты до Калинино, но прорвать главную полосу обороны врага не смогли. Только на левом фланге наступления корпуса части 20-й кавалерийской дивизии овладели узлами сопротивления Стайки и Калинино и удерживали их, отбив несколько контратак противника.

Немцы так и не смогли удержать наступление наших войск в жиздринско-карачевском районе. С огромными потерями в живой силе и технике они отступали на новые рубежи обороны, в район непосредственно Бежицы и Брянска.

Стало ясно, что лобовая атака нового укрепрайона успеха не принесёт. Западные берега рек Болвы и Десны имели мощные укрепления, напичканы тяжёлым вооружением. Немцы стянули сюда крупные резервы. Ставка Верховного Главнокомандования приказала прекратить фронтальное наступление. Брянскому фронту было приказано наносить главный удар из района Кирова (50-я армия генерала Василия Попова). Это давало возможность обойти с севера сильные укрепления противника на Болве и Десне, избавляло от необходимости форсировать Болву и создавало угрозу глубоким тылам всей вражеской группировки, оборонявшейся в районе Бежицы и Брянска.

Корпус получил ближайшую задачу: прорваться в район Бутчино, Вороненка — а это в тридцати километрах за линией фронта — и отрезать гитлеровским войскам, оборонявшимся на участке

Киров, Людиново, пути отхода на запад.

К рассвету 7 сентября 1943 года части дивизии сосредоточились в исходном районе — Семирёво, Воронцово, Ковалёвка.

Согласно боевому приказу 3-я и 4-я гвардейские кавалерийские дивизии должны были перейти в наступление в направлении Хотожка, Михайловский, пройти через боевые порядки пехоты, уничтожить противника и к исходу дня выйти в район Гуличи, Воронёнка, Бутчино; 20-я кавалерийская дивизия наступала за боевыми порядками гвардейских дивизий.

Пытаясь задержать марш кавалерийских частей, немцы бросили против них свою авиацию.

7 сентября авангарды корпуса столкнулись с обороной подразделений 588-го и 589-го гренадерских полков. Для того, чтобы сбить их оборону, части дивизии были вынуждены несколько раз спешиваться для боя и развёртывать артиллерию. К 23 часам дивизия вышли в район хут. Михайловского и Хотожки, продвинувшись за день боя всего на 10 километров[66].

Ввод 2-го гвардейского кавалерийского корпуса в прорыв начался около 18 часов 7 сентября. Кавалерия имела светлого времени четыре — пять часов, а задача первого дня наступления предусматривала 30–35-километровый бросок с допрорывом вражеской обороны совместно со стрелковыми дивизиями[67].

Однако в результате упорных боев 2-й гвардейский кавалерийский корпус задачу первого дня наступления не выполнил. Путь частям дивизий на оперативный простор был преграждён вражескими резервами, сосредоточивавшимися в районе станции Бетлица.

Несмотря на это, кавалерийскому корпусу была поставлена задача захватить плацдарм на западном берегу реки Десны в районе Энергия и Троицкое.

Кавалерийские разъезды ночью установили, что в районе станции Бетлица сосредоточились два батальона 254-го гренадерского полка 110-й пехотной дивизии и остатки 321-й пехотной дивизии врага. Пленные показывали, что немецко-фашистские войска начали общий отход со своих позиций на западном берегу Болвы.

В 24 часа 7 сентября генерал Крюков приказал генералам Ягодину и Панкратову окружить и ликвидировать группу противника в районе Бетлицы и

продолжать выполнять свою задачу.

Ночью части дивизии занимают исходное положение.

Рано утром началась артиллерийская подготовка атаки.

Первыми сблизились с противником эскадроны 9-го гвардейского кавалерийского полка, наступавшие с северо-востока. Они с хода бросились в атаку, но, встреченные сильным огнём, залегли.

Эскадроны 12-го гвардейского кавалерийского полка поспешно выходили из-за фланга головного полка. Третий эскадрон наступал на станцию с востока вдоль железнодорожной линии, остальные развёртывались правее и левее. Ещё восточнее один за другим рысью перескакивали через насыпь эскадроны 10-го гвардейского кавалерийского полка. Вся 3-я гвардейская кавалерийская дивизия вступила в бой.

В этом бою кавалеристы 3-й и 4-й гвардейских кавдивизий захватили четырнадцать орудий, тридцать три пулёмета, три эшелона с различными грузами, шесть воинских складов, много других трофеев.

Конница вырвалась на оперативный простор и устремилась к Десне.

В ночь на 9 сентября 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу была поставлена задача: выйти к Десне, отрезая пути отхода противника к переправам у Троицкого и Владимировки, захватить плацдарм на западном берегу реки, перерезать железную дорогу Брянск — Смоленск и удерживать плацдарм до подхода пехоты.

3-я гв. кавдивизия, усиленная артиллерией, получает приказ совершить марш на главном направлении корпуса в непосредственной близости от линии фронта, составляя левую колонну. Дивизии предстояло следовать по основному маршруту — Колпа, Косилово. В дальнейшем сосредоточиться в лесу Олуфьевский, захватить плацдарм на западном берегу Десны.

В течение дня 9 и в ночь на 10 сентября 1943 года кавалерийские дивизии корпуса несколько раз вступали в бой, отражая попытки вражеских колонн прорваться к Десне.

В боях при прорыве генерал Ягодин и начальник штаба полковник Русс получили ранение. Командование

дивизией было временно возложено на полковника Ласовского.

10 сентября авангард 3-й гвардейской кавалерийской дивизии подтянулся к Десне.

Части 339-й и 110-й вражеских пехотных дивизий попытались было прорваться к переправам, но были отброшены с большими потерями.

Так, к 10 сентября, на третьи сутки после ввода в прорыв, 2-й гвардейский кавалерийский корпус продвинулся в оперативной глубине противника более чем на семьдесят километров. Корпус отрезал пути отхода трём вражеским дивизиям, вышел на восточный берег Десны и навис над железнодорожной магистралью Брянск — Смоленск в глубоком тылу Бежицы и Брянска. Гитлеровцы, заняв сильным заслоном северный берег реки Каменки, в свою очередь отрезали конногвардейцев от главных сил 50-й армии и отбивали попытки стрелковых частей прорваться на соединение с конницей.

В полдень 10 сентября главные силы 2-го гвардейского кавалерийского корпуса сосредоточились на восточном берегу Десны. Генерал Крюков приказал 20-й и 3-й гвардейской кавалерийским дивизиям главными силами форсировать реку и овладеть плацдармом на её западном берегу в районе Рековичи, Коробки. 4-я гвардейская кавалерийская дивизия сосредоточивалась в лесу у колхоза „Прогресс“ в готовности развить успех первого эшелона корпуса. Командный пункт корпуса развёртывался у колхоза „Новый мир“.

Части дивизии заканчивают последние приготовления к форсированию Десны. Ей предстояло форсировать Десну в районе железнодорожного моста. Разъезды не смогли найти ни одного брода во всей полосе переправы. Гитлеровцы освещали реку прожекторами и ракетами и встречали сильным огнём все попытки разведчиков приблизиться к воде. Ночью один разъезд обнаружил, что около станции Олсуфьева находится полевая посадочная площадка с самолётами.

Полковник Ласовский приказал командиру 12-го авангардного полка подполковнику Алиеву захватить вражеский аэродром, а полку главных сил дивизии форсировать реку с боем.

Вечером 10 сентября головной отряд 10-го

гвардейского кавалерийского полка (подполковник Филиппов) вышел на восточный берег реки Десны в районе железнодорожного моста, попал под пулемётный огонь с противоположного берега; немного позже начали бить вражеские зенитные батареи. Подполковник Филиппов повёл свой полк вдоль берега в поисках переправы и перед рассветом вышел к броду у колхоза „Красный маяк“, где переправлялись части 20-й кавалерийской дивизии. Переправившись вслед за ними, полк в ночь на 12 сентября принял от 124-го кавалерийского полка участок Голубея, Дубовец, назначенный ему приказом. Один эскадрон стал заслоном в сторону железнодорожного моста, который удерживался противником.

12-й гвардейский кавалерийский полк ночью 10 сентября шёл лесом, который тянется к северо-востоку от станции Олсуфьева.

Первый эскадрон, наступая на станцию Олсуфьева, был встречен огнём противника. На станции находились военные эшелоны с заводским оборудованием. Командир дивизии для их захвата направил 9-й гвардейский кавалерийский полк под командованием полковника Красношапки. Утром 11 сентября эскадроны ворвались на станцию и отрезали поездам путь отхода по мосту. Однако противник продолжал упорно удерживать железнодорожный мост и огнём отбил две атаки кавалеристов.

Около полудня 9-й и 12-й гвардейские кавалерийские полки окопались по восточному берегу Десны от моста до устья реки Ветьмы. Главные силы 3-й гвардейской кавалерийской дивизии своей основной задачи не выполнили — на западный берег Десны не переправились — и вели огневой бой с противником. Только 10-й гвардейский кавалерийский полк без артиллерии переправился на свой участок плацдарма.

Удар 2-го гвардейского кавалерийского корпуса по вражеским тылам поставил под угрозу срыва план гитлеровского командования организовать оборону на рубеже реки Десны северо-западнее Брянска. В связи с этим противник предпринял решительные меры, чтобы восстановить положение и вывести из окружения части 55-го армейского корпуса.

На рассвете 12 сентября гитлеровцы перешли к активным действиям, имевшим целью отбросить наши

части, переправившиеся на западный берег Десны в районе Рековичи, восстановить движение по железнодорожной магистрали Брянск — Смоленск и прорваться из района Бацкино к переправам через Десну у Троицкого и Владимировки.

За день эскадроны 20-й кавалерийской дивизии и 10-го гвардейского кавалерийского полка отбили пять вражеских атак на берегу реки Десны. Гитлеровцы бросили против плацдарма 320-й, 549-й, 747-й и 852-й охранные батальоны, маршевый батальон 72-й пехотной дивизии и 15–20 танков, но кавалеристы удержали захваченные накануне рубежи.

Командир корпуса был вынужден отвести на север по одному полку из первого эшелона кавалерийских дивизий. 12-й гвардейский кавалерийский полк и мотострелковый батальон 29-й танковой бригады были подчинены командиру 4-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Положение 2-го гвардейского кавалерийского корпуса было весьма серьёзным. Главные силы — 20-я и 3-я гвардейская кавалерийские дивизии со всеми корпусными артиллерийскими и миномётными частями — перешли к обороне фронтом на юго-запад, юг и юго-восток. Противник, удерживая железнодорожный мост через Десну, вклинился в боевые порядки 3-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Противник окончательно отрезал кавалерийский корпус от главных сил 50-й армии, сильными заслонами преградил путь на юг 238-й и 108-й стрелковым дивизиям и сосредоточивал свои части, готовя прорыв к переправам через реку Десну в районе Троицкого и Владимировки — через район, занятый нашей кавалерией.

Военный Совет Брянского фронта подтвердил по радио приказ генералу Крюкову: упорно удерживать плацдарм за Десной до подхода пехоты и не дать противнику вырваться из окружения.

К рассвету 12 сентября 519-й, 520-й гренадерские полки и двадцать два танка в полосе обороны 3-й гвардейской кавалерийской дивизии начали атаку в направлении Жуковки на левый фланг 9-го гвардейского кавалерийского полка.

В течение дня противник ещё раз перешёл в атаку, но вынужден был отойти, потеряв шесть танков.

Кавалеристы удержали свои позиции.

Полковник Ласовский получил приказ упорно обороняться в междуречье Десны и Ветьмы, имея в резерве один кавалерийский и один танковый полки, которые должны находиться в готовности развернуть действия в северном направлении.

14 сентября противник предпринял решительные попытки прорваться к Десне в направлении Троицкое. До полка пехоты и одиннадцать танков атаковали эскадроны 12-го гвардейского кавалерийского полка.

Гитлеровцы сосредоточили на этом узком участке четыре батальона пехоты, шестнадцать танков и штурмовых орудий. Под натиском численно превосходящего противника эскадроны оставили горевшие развалины хутора Крутой Лог, отошли на опушку леса и снова окопались.

В полдень гитлеровцы возобновили атаки с целью прорыва. В эти последние атаки они вкладывали всю свою энергию, все свои силы.

Кольцо советских войск продолжало сжиматься. Войска 50-й армии форсировали речку Каменку. Им оставалось пройти всего восемь километров до оборонительных позиций кавалерии. Войска 3-й армии переправились через реку Ветьму, захватили Бацкино, Ивановичи и развивали наступление на запад.

Противник напрягал последние усилия.

С утра 15 сентября по всему фронту наступления советских войск загремела артиллерийская канонада. Стрелковые дивизии продолжали гнать остатки 55-го немецкого армейского корпуса на позиции конницы.

Около полудня части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса соединились с наступающими войсками 50-й армии. Лишь отдельным частям 110-й и 339-й пехотных дивизий без материальной части удалось вырваться из окружения.

Брянские леса стали могилой главных сил 55-го армейского корпуса.

17 сентября войска 11-й армии овладели городами Брянск и Бежица, превращёнными гитлеровцами в сильнейшие узлы обороны на рубеже реки Десны.

Наступление Советской Армии приобретало всё более широкий размах. Перешли в наступление войска Калининского фронта, овладевшие Духовщиной, Демидовом, Рудней. Войска Западного фронта

освободили Смоленск и Рославль. Войска Брянского фронта овладели Унечей, войска Центрального фронта — Новозыбковом. Группа вражеских армий „Центр“ была выбита из района Бежицы и Брянска, с сильных оборонительных позиций по рекам Болве и Десне и поспешно отходила на рубеж рек Проня и Сож, к верхнему течению Днепра.

В ночь на 19 сентября части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса начали преследование противника.

Командующий фронтом приказал коннице форсировать реки Ипуть и Беседь, сильными передовыми отрядами захватить плацдарм на западном берегу реки Сож, севернее Гомеля, и удерживать его до подхода стрелковых соединений.

В ночь на 28 сентября конница переправилась через Ипуть. 30 сентября передовые отряды 17-й гв. кд корпуса завязали бои с противником.

2 октября гитлеровцы начали контратаки, бросив в бой три батальона пехоты с пятнадцатью танками и штурмовыми орудиями. Части 17-й дивизии отбросили врага в исходное положение. На следующий день гитлеровцы снова несколько раз переходили в атаку, но успеха не добились.

В ночь на 4 октября части 4-й Орловской стрелковой дивизии переправились через Сож и сменили конницу. Кавкорпус был передан в состав Центрального фронта и получил приказ сосредоточиться на восточном берегу Днепра, южнее устья реки Сож.

В ночь на 21 октября конница выступила к днепровским переправам.

Началась подготовка к прорыву вражеских оборонительных позиций на западном берегу Днепра. Ночами переправлялись пехота, танки, артиллерия, реактивные миномётные части, колонны автомашин с боеприпасами, продовольствием, горючим. Кавалеристы укрывались в лесах, вели разведку, уточняли группировку, систему огня и инженерных сооружений противника. Шла кропотливая работа по организации современного наступательного боя с прорывом сильной полевой обороны противника.

10 ноября 1943 года командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский приказал 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу прорвать оборону немецко-

фашистских войск на западном берегу Днепра в стыке двух вражеских дивизий, оборонявшихся восточнее Речицы до Овруча, развивать наступление и форсированным маршем выйти к реке Припять.

Противник упорно оборонялся. Продвижение кавалерийских частей затрудняла совершенно открытая, местами заболоченная местность, простреливаемая перекрёстным огнём врага. Танки не могли двигаться по болотам, полковые пушки отставали от спешенных эскадронов; приходилось выбивать гитлеровцев из траншей и блиндажей гранатами и автоматным огнём. Только в полдень эскадроны 17-й гвардейской кавалерийской передовой дивизии прорвали первую линию вражеских окопов.

Полки 3-й гвардейской кавалерийской дивизии атаковали Борщовку, занятую двумя пехотными батальонами противника с пятью танками, превращёнными в неподвижные огневые точки. Бой был чрезвычайно упорным. Лишь к утру спешенные эскадроны ворвались в изрезанные траншеями, перегороженные баррикадами улицы. Гитлеровцы несколько раз переходили в контратаку, но были сломлены и покатились на запад, стремясь зацепиться на втором оборонительном рубеже.

Части 2-го гвардейского кавалерийского корпуса прорвали оборону в стыке 102-й и 216-й немецких пехотных дивизий и перерезали важнейшую рокаду противника — большак Холмечь — Брагин.

В ночь на 14 ноября кавалеристы генерала Ягодина выбили гитлеровцев из Заразова и теснили противника, прижимая его к Брагинскому болоту.

22 ноября части 17-й и 3-й гвардейских кавалерийских дивизий поднялись в атаку и сломили сопротивление 216-й пехотной дивизии врага. Вражеское соединение было разгромлено.

На рассвете 23 ноября кавалеристы захватили ст. Авраамовскую.

Командир корпуса приказал 17-й гвардейской кавалерийской дивизии маршем через лесные массивы в общем направлении Великий Бор, Моклище, Ужинец выйти в район Юревичи, отрезая пути отхода частям противника. Полки 3-й гвардейской кавалерийской дивизии выходили правее.

Противник укрепился в лесных дефиле, среди болот,

стремясь задержать наступление конников и упорно обороняя подступы к важному железнодорожному узлу Калинковичи.

24 ноября 3-я гвардейская кавалерийская дивизия после упорного боя овладела развалинами села Ужинец, превращённого противником в сильный опорный пункт.

Попытка вражеского командования задержать наступление гвардейской кавалерии в лесисто-болотистых массивах Полесья и организовать оборону на восточном берегу реки Припять потерпела крах. Совершив марш через болота, конногвардейцы генерала Крюкова пробились к Припяти и разъединили войска противника, оборонявшиеся восточнее Калинковичей и в районе Хойники. Гитлеровцы были вынуждены поспешно отойти за реку Припять, прикрывая железную дорогу Калинковичи — Коростень — Житомир, соединявшую группы армий „Центр“ и „Юг“.

В результате Гомельско-Речицкой операции советские войска прорвали оборонительный рубеж на реках Сож и Днепр на фронте более ста километров. Войска Белорусского фронта вышли на подступы к Жлобину и Мозырю и положили начало освобождению Советской Белоруссии».

В ходе боёв в междуречье Днепра и Припяти генерал-майору Крюкову было присвоено очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

Надо заметить, что звёзд он с неба не хватал (кроме разве что одной, которую звали «Русланова»), звания получал в определённые сроки, ордена только за явные успехи. Продвижения по служебной лестнице за всю войну имел небольшие: от командира моторизованной дивизии до командира кавалерийского корпуса, а затем конно-механизированной группы — шаг, надо заметить, небольшой. В истории войны есть несколько генералов, как правило, это добросовестные служаки, любимцы солдат, которых по разным причинам не особо жаловало высшее начальство. Но они и не лезли в первые ряды, в командармы да в маршалы. Среди них командующий 61-й армией генерал Павел Белов, командующий 10-й армией генерал Василий Попов, командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал Виктор Баранов. В отличие от этих солдатских генералов, к примеру, подполковник Павел Ротмистров, который в 1941 году командовал танковой бригадой на Калининском фронте, в 1944 году стал маршалом бронетанковых войск, но не

продержался на фронте Великой Отечественной войны до победного конца: в начале июля 1944 года был снят с должности командующего 5-й гвардейской танковой армией за провал операции командующим войсками 3-го Белорусского фронта генералом Иваном Черняховским, направлен в тыл и больше на передовую не возвращался. Так что лучше с генеральскими погонами, но — до Победы, чем с позором в тыл, пусть и с маршальскими звёздами.

Двадцатого июня 1944 года приказом командующего войсками 1-го Белорусского фронта К. К. Рокоссовского генерал Крюков был назначен командиром конно-механизированной группы. Кавкорпусу был придан 11-й танковый корпус генерала Ивана Ющука. На всех фронтах тогда создавали конно-механизированные группы. Они по существу приравнивались к армиям. Были хорошо оснащены, мобильны, применялись для развития наступления в глубину обороны противника, для перехвата отступающих группировок, для овладения важными стратегическими объектами на направлении главных ударов войсковых групп, армий и фронтов. Ответственность на них, таким образом, возлагалась весьма и весьма большая.

Конно-механизированная группа генерала Крюкова успешно и одной из первых форсировала Западный Буг и вступила на территорию Польши. Затем были такие же успешные Висло-Одерская и Восточно-Померанская операции. И штурм Берлина.

Кроме звания Героя Советского Союза, генерал Крюков был награждён тремя орденами Ленина (1940,1941,1943), двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, двумя орденами Суворова 2-й степени, медалями. Все ордена, заметьте, боевые, полученные во время войны. Говорят, когда к концу войны начались различные послабления, генерал Крюков надевал Георгиевский крест, который получил во время Первой мировой.

Награды были изъяты во время ареста 18 сентября 1948 года. После возвращения генерала из лагерей и полной реабилитации боевые ордена и медали ему вернули. В торжественные дни, выбираясь куда-нибудь на приём вместе с женой Лидией Андреевной, Крюков надевал на парадный китель из всего своего многочисленного иконостаса только две награды, самые для него дорогие — звезду героя и гвардейский значок.

Последний, как известно, наградой не является, а вручается каждому военнослужащему, от рядового до генерала, зачисленному в гвардейскую часть. Это правило действует и доныне.

Глава двадцать первая «БРАНДЕНБУРГСКИЙ КОНЦЕРТ»

Все войны когда-нибудь кончаются.

Как бы ни была длинна и кровава та, Вторая мировая, а для нас Великая Отечественная, закончилась и она.

Закончилась Великой Победой. Ликовала армия. Ликовал весь советский народ. Правда, и дни великого всенародного ликования, пришедшие вместе с Победой, тоже миновали быстро.

И победители вернулись на родные пепелища. Пришли они на родину с невеликими своими трофеями — кто без руки, кто без ноги, кто с медалью за Будапешт, кто за Вену… Их ждали голодные дети, измученные непосильным трудом рано постаревшие жёны. Солдат, сняв погоны, впрягся в работу. Главной наградой в победной войне для него была жизнь. Но за такую ли жизнь он на пузе полз от Москвы до Берлина?..

Вначале были ликование и надежда на то, что жизнь теперь, когда враг повержен, будет совершенно другой — счастливой, с достатком в каждом доме и на каждом столе, весёлой, вольной. Ведь победители заслуживали именно такого мира!

Русланова вместе со своей концертной бригадой ехала на запад с наступающей армией, как некогда, пусть в другую эпоху, но точно подметил поэт: «по дымному следу отступающего врага»[68].

Но не все русские поэты были в СССР разрешены. Не все песни можно было петь и ей, всенародно любимой певице.

Русланова пела о любви. Вечная тема была проходной во все времена. И разве это не феномен, что шуточная песня «Валенки» стала самой патриотичной песней в наступавшей армии, в побеждающей стране, символом стойкости советского солдата и его неиссякаемой жизнеутверждающей энергии. Песня утоляла солдатскую тоску по дому, примиряла его с разлукой, давала надежду, что она, эта разлука, какой бы тяжкой ни была, но — временна. Ведь до «логова» осталось совсем ничего, вот она, проклятая Германия, откуда приходило на родную землю кровавое зло фашизма…

Правда, после войны, когда атмосфера в культуре резко изменится, в прессе начнут потихоньку теснить и Русланову, и её «Валенки». В 1948 году в одной из популярных московских газет появится рецензия, в ней вот это:

«Ряд серьёзных упреков можно предъявить к такой популярной артистке эстрады, как Лидия Русланова. Кое-кто продолжает называть русскими певицами артисток, которые появляются на сцене в сарафанах и лаптях и исполняют частушки под саратовскую гармонь. Но эти наряды выходят из моды даже в самых глухих деревнях, а ещё больше выходят из моды „раздолье удалое и сердечная тоска“. Неслучайно Л. Русланова, продолжающая линию этих певиц, с таким трудом осваивает новый репертуар. Ей надо очень серьёзно подумать о своём положении на советской эстраде».

Автор рецензии, по всей вероятности, не стоял на ступеньках разрушенного рейхстага, когда Русланова пела ликующим победителям свою коронную песню. Если бы он побывал там, хотя бы мысленно, написать такое ему бы и в голову не пришло.

Эта рецензия появится, когда начнётся травля по поводу «незаконного» ордена, когда…

Впрочем, всё по порядку.

Ещё в Белоруссии генерал Крюков начал мечтать о берлинском концерте. Всем уже становилось ясно, что именно 1-му Белорусскому фронту предстоит штурмовать берлинский укрепрайон и брать сам город. С каждым днём войска всё ближе и ближе подходили к «логову».

Артист ансамбля майора Туганова бывший музыкант мосэстрады Борис Уваров вспоминал:

«Прежде чем рассказать об этом победном берлинском аккорде, хочу кратко вспомнить о том, как мы познакомились с Руслановой и как у меня появился аккордеон, про который мои друзья, глядя на этот снимок у рейхстага, шутят: „Самое светлое пятно на фотографии…“

Белоруссия. Штаб 2-го корпуса. Просторная хата. Меня вызывает комкор генерал-лейтенант Владимир Викторович Крюков. Во время доклада замечаю нечто на лавке, прикрытое рушником. Разговор сразу — с места в карьер, по-кавалерийски:

— Извини, рояль не достали… Ты ведь пианист?

— Так точно.

— Стало быть, специалист по клавишам?

Я неуверенно киваю, туго соображая, что к чему.

— Ладно, — командующий указал рукой на это „нечто на лавке“, — бери и играй от души.

Я робко иду к загадочному предмету, приподнимаю

полотенце, и… белой, ослепительно белой костью и перламутром ослепляет меня роскошный, в полные октавы, трофейный „Хонер“[69].

— А ну, испробуй машину, — тут же попросил Владимир Викторович.

Только было я заиграл, распахивается дверь — на пороге Русланова, жена Крюкова.

— Вот, Лидия Андреевна, и помощник твоему гармонисту Максакову. Чего на одной саратовской гармонике пахать…

На следующий день я в „светёлке“ у Руслановой. Лидия Андреевна у зеркальца.

— А на гармошке умеешь?

— Не умею.

Глянула на меня колко, может, даже презрительно.

— Эх, без гармошки наши саратовские частушки уж не частушки. Ну да что поделаешь… Песни народные знаешь? „Липу вековую“, „Меж высоких хлебов“, „Окрасился месяц“… — И выпалила на мою голову ещё с дюжину названий, часть из которых слыхал я впервые. Но кое-что я знал.

Начали с „Липы вековой“. Завела она вполголоса, чуть с речитативом. Но, видно, почувствовав, что я понимаю её манеру пения, ритм её особый, прибавила в голосе, прикрыла глаза, встала, руку вскинула. Потом, конечно, дошло дело и до „Валенок“. Они, правда, не сразу у нас пошли.

— Ты, милок, сыпь больше мелких ноток, озоруй, соревнуйся со мной… Да и встань с табуретки, разверни плечи, пройдись следом за мной. Иль не играл в деревне?.. Не играл… Я так и знала. Тогда учись.

Первое публичное выступление с Руслановой смутно помню. Как вышла она — все не то что захлопали, обрушились шквалом хлопков, „ура!“ грянули. Она пела. Я прятался за её колышущимся волной цветастым сарафаном, стараясь вовсю. Русланова мне лишь платочком отмахнёт, даст команду насчёт ритма, ногой притопнет и „косо“ так, скрытно песню вполголоса обозначит.

И вот — Берлин. Победное выступление прославленной певицы. Мы, воины 2-го кавкорпуса, северней Берлина поставили последнюю боевую точку. Едем туда уже как на экскурсию.

У рейхстага людно, шумно, пёстро. Русский солдат,

он, знаете, уж если отойдёт душой, шутка у него выйдет такая!.. Словом, праздник — рекой. Взошли внутрь логова. Обломки мебели, шкафы, ящики и прочий баррикадный хлам эсэсовцев догорал, нещадно чадя. Гарь душила, густой пепел под ногами. Над центральным мраморным залом провалившийся купол, вроде шатра. Увидели из других фронтовых частей Русланову — кто её тогда не знал! — стали просить спеть. И непременно русскую песню. Сначала запел наш казачий хор, потом Русланова. „Степь да степь кругом…“ Ком в горле встал, слёз не сдержать. Но не только со мной такое. Герои, орлы фронтовые, на груди тесно от наград, — плакали не стыдясь. И заказывали, заказывали свои песни — кто сибирские, кто про Волгу-матушку, кто калужских мест, кто частушку саратовскую… А петь было трудно в таком дыму. Решили выйти на свежий воздух. Концерт продолжили на ступеньках рейхстага, перед щербатыми колоннами, уже густо расписанными понизу победителями. После выступления Русланова, а следом за ней и мы ставим на память свои автографы на рябом теле здания…»

Некоторые биографы утверждают, что «тогда же» в Берлине был издан приказ по войскам 1-го Белорусского фронта № 109/н: «За успешное выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленное мужество, за активную личную помощь в деле вооружения Красной Армии новейшими техническими средствами наградить орденом Отечественной войны I степени Русланову Лидию Андреевну».

Однако известно, что приказ этот был датирован более поздним числом, а именно 24 августа 1945 года.

У этого несоответствия есть объяснение. По всей вероятности, орден был вручён действительно в день, когда поверженный рейхстаг ещё тлел. А приказ издали позже, когда писали наградные списки на отличившихся в уличных боях в Берлине. Так ведь было всегда. Когда шли бои, некогда писать реляции, воевать надо.

Орден Отечественной войны 1-й степени в годы войны считался очень высокой наградой. Выше ордена Красной Звезды и даже Красного Знамени. Выше его был только орден Ленина. По архивным документам знаю, что довольно часто представления к Герою, по каким-либо причинам, заменяли либо на орден Ленина, либо на — Отечественной войны 1-й степени.

Орден Отечественной войны двух степеней учреждён Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 года. Вторая степень — две совмещённые серебряные звезды. Первая — одна звезда золотая, другая серебряная.

Фронтовики орден ценили. За него платили ежемесячно 20 рублей. Кроме того, после войны к ордену полагались некоторые льготы по квартплате, проезду в общественном транспорте и пр. Для сравнения: героям Советского Союза ежемесячно доплачивали 50 рублей, кавалерам ордена Ленина — 25 рублей. С 1 января 1948 года выплаты за ордена и льготы были отменены и «освобождающиеся средства направлены на восстановление и развитие народного хозяйства СССР». Фронтовикам ещё раз сказали: война закончена, забудьте…

Писатель-фронтовик автор повести «Навеки девятнадцатилетние» Григорий Бакланов вспоминал:

> «После войны ветераны войны, тот, кто воевал на фронте и вернулся — это были самые уважаемые люди. И первый, конечно, удар по ним нанёс гений всех народов, наш вождь и учитель, который года через два после войны отменил деньги за ордена. За „Звезду“ платили 10 рублей, за орден „Красного Знамени“ — 20… Для колхозника это было много. И даже вот я был студент, месяца два не получаешь, придёшь — это деньги. Но дело не в деньгах — это был нанесён удар по чести. Вы, мол, теперь не нужны, отвоевали и всё, гуляйте, ребята».

За годы войны орденом Отечественной войны 1-й степени было награждено 350 тысяч человек. Многие — посмертно. Им ничего не надо было платить, мёртвые не требовали о себе никакой заботы.

Статут ордена предписывал, за какие подвиги и достижения военнослужащий может быть награждён орденом той или иной степени. К примеру, орденом 1-й степени награждались лётчики тяжёлой бомбардировочной авиации за двадцатый успешный боевой вылет. Лётчики штурмовой авиации — за двадцать пятый успешный вылет. Лётчики-истребители — за шестидесятый. «Кто с боем захватил артиллерийскую батарею противника…» «Кто во время боя эвакуировал не менее трёх подбитых противником танков…» А также: «Кто отлично организовал материально-техническое обеспечение операций наших войск, способствовавшее разгрому противника».

Дивизион новеньких «катюш» — это ли не материально-техническое обеспечение наших войск? Разве такой дар не есть

подвиг? И разве он не способствовал разгрому противника? А песни Руслановой? За годы войны она дала на фронте, а точнее и правильнее дала фронту 1120 концертов.

В приказе командующего 1-м Белорусским фронтом реляция несколько расплывчатая. Маршал Жуков конечно же знал, как руководство в Москве относится к всенародной любимице.

Этот поступок победителя не прошёл незамеченным. Через два года приказ маршала отменят и орден у Руслановой отнимут.

Тот знаменитый концерт состоялся 2 мая 1945 года. Русланова, именно она, и никто другой, пела в Берлине, на ступеньках рейхстага. Это был финал величайшей трагедии века. Апофеоз Второй мировой войны по-русски. Красный флаг над куполом. Возбуждённые солдаты среди развалин, где ещё не успели убрать тела убитых в последней схватке. И — русская песня! Как молитва над неостывшим полем боя. Во славу победителям и на помин души всем павшим.

Вначале выступил казачий ансамбль 2-го гвардейского кавалерийского корпуса. Казаки в полном соответствии с моментом исполнили что-то торжественное, посвящённое Верховному главнокомандующему.

Потом майор Туганов отыскал глазами Русланову. Она, уже одетая в концертное платье, в ответ кивнула ему и пошла вверх по лестнице, подметая широким подолом русского сарафана облупленные, со сколами от пуль, ступеньки истории.

Всё, что связано с этим концертом, со временем стало легендой. И сам концерт вошёл в народную мифологию берлинских победных дней, оброс различными историями. У историй, как это происходило и с песнями, появились варианты. К примеру, рассказывают, что когда Русланова с музыкантами шла к рейхстагу, — а в окрестностях ещё продолжалась перестрелка, рвались мины и гранаты, — офицер, командир подразделения, которое вело зачистку квартала от фаустников и одиночных снайперов, увидев её, разнаряженную, праздничную, в концертном костюме, в расшитой праздничной рубахе, закричал:

— Куда идёшь?!

Тут раздался взрыв, над головами пролетели осколки, посыпались штукатурка и кирпичная крошка.

— Ложись! Убьют! — снова закричал офицер.

Русланова продолжала стоять. Обстрел вскоре прекратился. Всё стихло. Она посмотрела на офицера и, вскинув голову, сказала:

— Где это видано, чтобы Русская Песня врагу кланялась! — И пошла дальше, в сторону рейхстага.

Существует легенда о том, что, когда ансамбль казаков с

Руслановой и её аккомпаниаторы продвигались к рейхстагу и Бранденбургским воротам, откуда ни возьмись появилась группа немцев, которые с боем прорывались к окраинам города в надежде затеряться где-нибудь в окрестностях, а потом уйти к союзникам. Артисты взялись за оружие и отбили контратаку немцев. Только после этого двинулись дальше.

А вот версия марша к рейхстагу самой Руслановой, опубликованная в журнале «Советская эстрада и цирк» в одном из номеров за 1968 год. Можно предположить, что над этим рассказом нашей героини, прежде чем материал поставить в номер, хорошенько поработали журналисты.

«Весна 1945-го застала нас на подступах к Берлину — мы шли с частями, штурмовавшими столицу фашистского рейха. Мы — это конный казачий ансамбль, в прошлом артисты цирка, которые добровольцами ушли на фронт, и я… Ранним утром 2 мая у какого-то предместья Берлина молоденькая регулировщица останавливает нас:

— Дальше опасно!

— Девушка!.. Это же гвардии певица Русланова! — убеждают её Туганов и Алавердов…

Но она непреклонна:

— Я всю войну храню ваши пластинки. А вдруг — шальная пуля… Нет, знаете, не пущу!

Пришлось задержаться. Но не прошло и получаса, как неожиданно, именно в этом месте прорвались гитлеровцы… Казаки залегли и тотчас же открыли огонь. Фашисты отступили… А днём, вслед за нашими войсками, и мы вступили в Берлин. Кто-то крикнул: „К рейхстагу!“».

Судя по рассказу самой Руслановой, ансамбль майора Туганова продвигался к центру Берлина с оружием. И ничем, в сущности, не отличался от обычного отряда, пехотного подразделения. Потому с такой лёгкостью вступил в бой и успешно отбил контратаку прорывающихся из города немцев.

Когда бойцы увидели Русланову в сопровождении казаков ансамбля майора Туганова, начали просить её:

— Лидия Андреевна! Спойте!

— Спойте славянам, Лидия Андреевна, что-нибудь душевное!

Но сначала выступил хор. Солдаты и офицеры различных частей, смешавшись у рейхстага на площади и на ступенях, уже весёлые, гремя фляжками, поздравляли друг друга с победой. Снова обратились к Руслановой, чтобы спела теперь она.

Певица кивнула аккомпаниаторам. Их было несколько. А к своим зрителям обратилась с такими словами:

— Спою. Спою, мои дорогие! Все песни спою, которые

попросите. Для того мы сюда и пришли. — И она жестом обвела всю площадь, заполненную победителями.

Кто-то выкрикнул:

— «Валенки»! Лидия Андреевна, дорогая вы наша певица! Матушка родная! «Валенки»!

Она кивнула и сказала:

— Спою и «Валенки». Всё спою, что попросите. А сейчас «Степь да степь кругом…».

Подала знак гармонистам. Те грянули зачин.

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит…

Эх, что тут вскипело в сердцах сотен, а может, и тысяч её слушателей!

В той степи глухой
Замерзал ямщик.

И, набравшись сил,
Чуя смертный час,
Он товарищу
Отдавал наказ:

«Ты, товарищ мой,
Не попомни зла,
Здесь, в степи глухой,
Схорони меня!»

Она пела всем им, живым и мёртвым, победителям в самой жестокой и кровавой войне.

Позже говорила: «Главное, я видела глаза победителей».

Некоторые из бойцов плакали. По закопчённым щекам текли слёзы радости и страданий. Солдаты, слушая её песню-сказ об умирающем ямщике, вспоминали своих погибших товарищей, снова и снова переживали бои 1941-го, 1942-го, 1943-го, 1944-го и последнего, победного года своего бесконечного марша. «Путь далёк…» Ох, далёк оказался их путь от Москвы и от Волги до распроклятого Берлина.

Слухи о концерте фронтовой гвардии певицы быстро разлетелись по Берлину. К рейхстагу шли и ехали новые и новые взводы, роты и батальоны слушателей.

Вот ещё одна солдатская легенда о концерте на ступеньках

рейхстага. Мол, вначале выступил маршал Жуков — ему сильно рукоплескали. Потом генерал Эйзенхауэр — рукоплескали тоже, но уже сдержаннее. После американца вышел генерал Шарль де Голль, и ему хлопали уже скромно. А потом вдруг вышла Русланова, и солдаты закричали: «Ура!», «Валенки!» На том концерте ей-де аккомпанировали сотни фронтовых гармонистов. Со всех полков и дивизий сошлись, со всех дивизионов и эскадрилий 1-го Белорусского фронта. Вот это был аккомпанемент! Вот это ансамбль!

Ещё не было объявлено о победе. Официально о конце Второй мировой войны объявят только 8 мая 1945 года в 23 часа 01 минуту. Но русская песня, которая вдруг понеслась над руинами поверженного города, последней вражеской цитадели, само появление любимой всеми певицы означали, что всё кончено, враг уничтожен и больше не поднимется, что впереди — возвращение домой, к семьям, в родные города и сёла.

«А коней моих
Сведи к батюшке,
Передай поклон
Родной матушке.

А жене скажи
Слово прощальное,
Передай кольцо
Обручальное.

Да скажи ты ей —
Что в степи замёрз,
И любовь её
Я с собой унёс».

Потом Русланова спела другую песню, третью. Каждую из них солдаты принимали восторженными аплодисментами и криками «Ура!».

— А сейчас — «Валенки»! — объявила певица. — Не подшиты, стареньки! Которые до самого Берлина дошагали!

Слова Руслановой потонули в новой волне людского восторга. Как точно она выразила их мысли и настроение!

Удивительная судьба у этой шуточной народной песни. Простая, незатейливая. Русланова слепила её из существовавшей ранее, окрасила своим голосом, неповторимым тембром, вдохнула свою энергию, и песня стала гимном победителей. До сих пор её любят ветераны. И поют в День Победы 9 Мая по всей

стране и старые и молодые. И победители, и дети победителей, и внуки-правнуки.

Русланова разделила с народом всё самое тяжкое и страшное. С народом она встретила и день ликования.

Москва в эти дни тоже ликовала. На площади Свердлова (ныне Театральная) срочно сколачивали помост для эстрады. На него вышел любимец публики Леонид Утёсов и спел свою коронную:

С боем взяли мы Орёл,
Город весь прошли
И последней улицы
Название прочли.

А название такое.
Право, словно боевое:
Брянская улица…

В Москве в какое-то время, должно быть, казалось, что именно эта песня станет песней Победы. Написали её поэт Евгений Долматовский и композитор Марк Фрадкин. На известной фотографии Леонид Осипович Утёсов[70] среди музыкантов своего джаз-оркестра и безбрежного моря слушателей запечатлён в момент своего выступления в центре Москвы. На пиджаке новенький орден Трудового Красного Знамени — знак признания его творческих заслуг в годы войны.

Леонида Утёсова и нашу героиню связывали годы дружбы, общие выступления. Но существовало и незримое соперничество. Они оба были необыкновенно популярны в народе. Правда, к счастью для их дружбы, имели несколько разные амплуа. Утёсов — одессит, биндюжник, матросская душа. Русланова — русское сердце, опрокинутое в стихию родной культуры, родного слова и родных напевов. У каждого был свой слушатель. В многомиллионной стране певцам свою публику можно не делить. Если для этого им хватает внутренней культуры. Руслановой и Утёсову хватало. О их взаимоотношениях мы ещё расскажем.

Орден в тот день получила и Русланова. Тот самый, единственный. Который впоследствии изымут как вручённый незаконно.

Вот как она получила свой орден.

Концерт на ступеньках рейхстага продолжался до поздней ночи. Певица была в ударе.

И вдруг толпа задвигалась, над головами пронёсся лёгкий шум. Русланова только что закончила последний куплет

«Валенок», исполненных на «бис». Поклонилась своим низким поклоном. Солдаты расступились. По образовавшемуся коридору быстрой походкой к певице шёл маршал Жуков. На ходу он снял со своей груди орден Отечественной войны 1-й степени и прикрепил его к сарафану певицы.

Эта неожиданная и необычная церемония вызвала новый взрыв эмоций солдат, всё прибывавших и прибывавших на Королевскую площадь или, как её называли берлинцы, Плац у Бранденбургских ворот.

Всё произошло так естественно и настолько справедливо по самой высшей мере справедливости, словно маршал этим жестом отметил заслугу всех, дотоле несправедливо забытых и пропущенных в наградных списках и обойдённых реляциями.

Официальный приказ о награждении с соответствующей формулировкой издадут, как уже было сказано, позже, в августе.

Когда спустя несколько лет нашу героиню арестуют и предъявят нелепые обвинения, следователи проявят особый интерес именно к факту её награждения. И сразу начнут проявляться истинные мотивы её ареста — копали следователи под Жукова.

Ордена же её лишат за год до ареста. Лишат шумно, с позором.

В июне 1947 года выйдет постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 58 «О незаконном награждении тт. Жуковым и Телегиным певицы Л. Руслановой и других артистов орденами и медалями Советского Союза».

Вот его текст:

> «ЦК ВКП(б) установил, что тт. Жуков и Телегин, будучи первый Главнокомандующим группы советских оккупационных войск в Германии, а второй — членом Военного Совета этой же группы войск, своим приказом от 24 августа 1945 года № 109/н наградили орденом Отечественной войны первой степени артистку Русланову и приказом от 10 сентября 1945 г. № 94/н разными орденами и медалями группу артистов в количестве 27 человек. Как Русланова, так и другие награждённые артисты не имеют никакого отношения к армии. Тем самым тт. Жуков и Телегин допустили преступное нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. „Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР“, караемое, согласно Указу, тюремным заключением сроком от 6 месяцев до 2 лет.

Для того чтобы скрыть противозаконное награждение Руслановой, в приказе от 24 августа были придуманы мотивы награждения Руслановой якобы „за активную личную помощь в деле вооружения Красной Армии новейшими техническими средствами“, что представляет из себя явную фальсификацию, свидетельствует о низком моральном уровне Жукова и Телегина и наносит ущерб авторитету командования. Сама обстановка награждения Руслановой и вручения ей ордена в присутствии войск во время парада частей 2-го гв. кав. корпуса представляла постыдное зрелище и ещё более усугубляет вину тт. Жукова и Телегина. ЦК ВКП(б) считает, что т. Телегин, как член Военного Совета группы войск, несёт особую ответственность за это дело… ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Тов. Жукову Г. К. объявить выговор.

2. Тов. Телегина К. Ф. перевести из членов ВКП(б) в кандидаты.

3. Принять предложение т. Булганина об освобождении т. Телегина от политической работы в армии и увольнении из Вооружённых Сил.

4. Войти в Президиум Верховного Совета СССР с предложением об отмене награждения артистки Руслановой, а также других артистов…»

Из этого документа вырисовывается несколько иная картина награждения Руслановой.

Как известно, маршал Жуков ордена Отечественной войны не имел. А потому снять с груди «свой» орден и вручить его Руслановой он попросту не мог. Но мог вручить орден как командующий войсками фронта. От имени Президиума Верховного Совета СССР. При этом, как это случалось не раз, мог позаимствовать, разумеется, на время, орден у кого-нибудь из подчинённых офицеров. Возможно, так и произошло. А повторно, когда её включили в список «группы артистов в количестве 27 человек», орден вручили торжественно и уже тот, который соответствовал документам. Ордена, как известно, все номерные. Чужой не вручишь. Разве что ради церемонии, временно.

По нынешним временам, кампания по лишению Руслановой ордена выглядит просто смешной.

Генералу Крюкову, как единоначальнику, безраздельному командиру в своём корпусе, конечно же ничего не стоило зачислить Русланову в штат. Хотя бы того же ансамбля майора Туганова. И тогда бы она формально получила свой орден

«правильно», как военнослужащая. Но надо понимать в этой истории главное: орден всё равно бы отняли, а награждённую унизили бы, если уж решили отнять и унизить.

Да и сама интрига, так жестоко задевшая Русланову как артистку, человека творческого, ранимого, проистекала не только из «дела Жукова». За этим стояла зависть некоторых коллег великой певицы, пользовавшихся покровительством властей предержащих. Процедура отъёма ордена и последующий арест с попыткой приладить на шею нашей героини бирку скупщицы драгоценностей в голодающем Ленинграде, этакой алчной корыстолюбицы, должны были растоптать её именно как певицу, закрыть ей навсегда путь на сцену, к народу. В последующих главах мы расскажем, как уничтожали в тюрьме её голос — главное её достояние.

Но тогда, в начале мая 1945 года Русланова и не думала, что над её семьёй сгущаются новые тучи. Она была счастлива вместе со своим мужем, который триумфально вошёл в Берлин во главе своего гвардейского корпуса.

В те дни она выступала много. Пела по всему Берлину. «Валенки», «Катюша», «Липа вековая», «Степь да степь кругом…» звучали не только у Бранденбургских ворот и в расположении войск 1-го Белорусского фронта. Ко всему прочему патефонные пластинки крутили солдаты и 1-го Украинского фронта маршала Конева, и 2-го Белорусского маршала Рокоссовского, и всех других фронтов.

После концерта на ступеньках рейхстага, как говорят очевидцы, певицу попросили сделать надпись на стене. Её подвели к той части, где стояли автографы солдат, первыми ворвавшихся в город. Так рядом с именами воинов, которые ставили последнюю точку в самой долгой и самой жестокой войне XX века, появилось имя гвардии певицы Руслановой. И по праву. Стоит заметить, и именно в конце настоящей главы, что это была единственная концертная поездка Руслановой за рубеж. Единственные гастроли по Европе. Они прошли триумфально, под аккомпанемент казачьих баянов, вместе с наступающей армией — «по дымному следу врага…».

Глава двадцать вторая
ТРОФЕЙНАЯ БРИГАДА

«Вывезти на базы… в Москву для пополнения государственных музеев наиболее ценные художественные произведения живописи, скульптуры и предметы прикладного искусства, а также антикварные музейные ценности…»

Молодые маршалы Сталина гнали свои армии, механизированные группы и корпуса вглубь Германии, Венгрии, Восточной Пруссии и Чехословакии добивать последние группировки противника.

И вот, наконец, на Эльбе Красная армия встретилась с передовыми подразделениями американцев. Война закончилась. Германия лежала в руинах. Союзнические войска поделили оккупированные территории на зоны влияния. Солдаты, скучая без привычного дела войны, занялись трофеями. Многие, чьи семьи жили в областях, которые в 1941–1944 годах оказались оккупированными немецкими, венгерскими, румынскими и итальянскими войсками, хорошо знали, что там, в СССР, нищета, голод, детей не во что одеть, что люди живут в землянках и нуждаются буквально во всём. Чтобы не допустить мародёрства и насилия, солдатам и офицерам, отправляющимся домой по демобилизации, выдавали с армейских складов отрезы материи, иногда гражданскую одежду, другие товары. Кроме того, кое-что можно было купить на барахолках, которые в это время во множестве возникали в больших и малых городах Германии, Чехословакии, Польши. Ходовой валютой стали продукты питания: хлеб, консервы, мука, сахар, водка, табак. За средний продуктовый набор, а порой и за булку хлеба можно было выменять серебряный сервиз, швейную машинку «Зингер», набор столярных инструментов, швейцарские часы. Остановить трофейную лихорадку могла только строгая дисциплина. Но офицеры, которые и должны были её укреплять, оказались подвержены той же болезни, которая, как бубонная чума, охватила все союзные армии. И первенство в этой азартной кампании принадлежало далеко не Красной армии.

Второй гвардейский кавалерийский корпус после последних майских боёв отбыл на север и вошёл в состав Особого военного

округа «Кёнигсберг». Войска округа стояли в Прибалтике и в той части Восточной Пруссии, которая отошла к СССР. Командовал группировкой генерал-полковник Кузьма Галицкий, бывший командующий 11-й гвардейской армией, штурмом бравшей столицу Восточной Пруссии город-крепость Кёнигсберг. Территория округа была разделена на 15 районов. Позже они станут районами Калининградской области. Часть Восточной Пруссии, как известно, отошла к Польше. Поляки создали на новых своих землях два воеводства — Эльблонгское и Ольштынское. Мемель и прилегающий район отошли к Литве.

Восточная Пруссия, откуда на Россию и СССР постоянно приходили завоеватели, перестала существовать.

Ещё в Тегеране, в декабре 1943 года, Сталин заявил главам союзных государств: «Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому русским нужны незамерзающие порты Кёнигсберг и Мемель и соответствующая часть Восточной Пруссии. Тем более что исторически — это исконно славянские земли». В письме Черчиллю от 4 февраля 1944 года Сталин опять обратился к проблеме Кёнигсберга: «Мы претендуем на то, чтобы северо-восточная часть Восточной Пруссии, включая порт Кёнигсберг, как незамерзающий порт, отошла к Советскому Союзу. Это единственный кусочек германской территории, на который мы претендуем». Но всё решилось на Потсдамской конференции, когда Сталин недвусмысленно заявил: «Если в Кёнигсберге появится немецкая администрация, мы её прогоним, обязательно прогоним». Сталин проявил непреклонность, характер и, руководствуясь державным мышлением, добился своего. Союзникам ничего другого не оставалось, как согласиться на его требования.

В конце 1945 года Особый округ «Кёнигсберг» был расформирован. 7 апреля 1946 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР: «Образовать Кёнигсбергскую область на территории города Кёнигсберг и прилегающих к нему районов с центром в городе Кёнигсберге. Включить Кёнигсбергскую область в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики». Через несколько дней после переименования области в Калининградскую Сталин подписал Постановление Совета министров СССР № 1522, которое открыло путь к массовому заселению нового края советскими гражданами. В обжитую, богатейшую область с хорошо развитым земледелием и скотоводством, застроенную красивыми городами и уютными деревнями, хлынули переселенцы из разорённых войной районов Центральной России.

Генерал Крюков тоже был победителем в минувшей войне. И

свою долю трофеев он тоже взял. Мебель, посуда, ковры, гобелены, меха, автомобили… Были ли в числе трофеев драгоценности? Возможно, были.

Трофеи везли все. Солдаты — в вещмешках. Некоторые обзаводились чемоданами. Но в чемодане много не увезёшь. Фронтовики рассказывали, что героям Советского Союза и полным кавалерам ордена Славы позволялось больше, чем ручная кладь. Некоторые из этой привилегированной категории, кто похозяйственнее да пооборотистее, а проще сказать, понаглее, обзаводились собственными повозками в обозе. Хороший конь, а то и пара, просторная трофейная повозка на железной оси, в которой можно разместить сравнительно большой багаж, — вот те трофеи, которые были доступны даже для некоторых рядовых солдат. Конечно, пользовались такой привилегией военнослужащие, так или иначе приближённые к начальству. Иначе кто бы им позволил этакое барахольство. Рядом с повозками героев и полных кавалеров двигались повозки офицеров. Но это было не во всех армиях, не во всех дивизиях и полках. Всё зависело от командира. А человеку, солдату — только позволь, только отпусти его на волю… Война продемонстрировала немало примеров мародёрства и насилия. Что было, то было.

Генералам незачем было шарить по домам и брошенным магазинам. Генералы всё, что им причиталось по чину, брали на складах.

Ещё в феврале 1943 года в Красной армии были созданы трофейные бригады. Они собирали на полях боёв, оставленных войсками, брошенное оружие, снаряжение, гильзы из цветных металлов, продовольствие. В том 1943 году был создан Трофейный комитет во главе с Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Соответствующие формирования возникли и в действующей армии от фронтового управления до дивизионного. В положении, утверждённом в 1944 году, говорилось: «Трофейные органы, части и учреждения Красной Армии обеспечивают сбор, охрану, учёт, вывоз и сдачу трофейного вооружения, боеприпасов, боевой техники, продфуража, горючего и других военных и народнохозяйственных ценностей, захваченных Красной Армией у противника».

Таким образом, дело по сбору, учёту и хранению, а также переработке и вторичному использованию трофеев (оружия, снаряжения, боеприпасов) было поставлено на государственный уровень.

Вскоре, как мы уже упоминали в одной из глав, по предложению художника и реставратора И. Э. Грабаря были

созданы трофейные бригады особого назначения, которые специализировались на сборе культурных ценностей с целью компенсации потери советских музеев во время войны за счёт произведений искусства, принадлежащих Германии.

В феврале 1945 года специальным постановлением Государственного Комитета Обороны был создан Особый комитет при ГКО, «задачей которого стало обеспечение межведомственной координации при организации вывоза с территории Германии трофейного имущества. Особый комитет руководил деятельностью постоянных трофейных комиссий при фронтах (в их подчинении были и трофейные бригады комитета по делам искусств СССР и комитета по делам культпросветучреждений РСФСР)».

Трофейная бригада — это, как правило, несколько специалистов в военной форме с погонами офицеров Красной армии от лейтенанта до майора, снабжённых необходимыми документами и предписаниями, которые позволяли полную свободу действий в рамках существующих полномочий. Такие бригады обеспечивались транспортом и связью, могли привлекать в помощь себе людей и технику ближайших воинских частей, шли вслед за наступающей армией и «занимались поиском наиболее ценных в художественном и научном отношении книг, рукописей, коллекций». При обнаружении «брошенного» или «бесхозного» имущества, относящегося к вышеназванному, комиссия (бригада) тут же, на месте, принимала решение, и «в целях сохранности от порчи, разрушения или расхищения» найденные ценности свозились на специальные склады для последующей их транспортировки в СССР.

В состав трофейных бригад входили учёные, искусствоведы, историки, работники искусств. Среди них — сотрудник Московского музея керамики Б. Алексеев, директор МХАТа А. Белокопытов, историк В. Блаватский, научный сотрудник Музея им. Пушкина А. Чегодаев, сотрудник Музея современного искусства Н. Соколова, профессор МГУ В. Лазарев.

Шестого мая 1945 года Комитет по делам культпросветучреждений (будущее Министерство культуры РСФСР) направил в Берлин бригаду специалистов на поиски «похищенных нацистами на территории СССР музейных и библиотечных ценностей». Руководили бригадой «поисковиков» директор Института музееведения профессор Алексей Маневский и директор Библиотеки иностранной литературы Маргарита Рудомино, имевшая звание подполковника.

Операция, проводимая советскими трофейщиками в рамках существующих на тот период постановлений и приказов, а также

служебных инструкций, вполне отвечала нормам международного права. В юриспруденции она именуется «компенсаторной реституцией».

Эксперты напрямую подчинялись Москве. Известна история с шедеврами Дрезденской галереи, когда командующий войсками 1-го Украинского фронта маршал Конев буквально спас Цвингеровскую коллекцию картин от уничтожения и разрушения в сырых штольнях, куда немцы спрятали картины и другие музейные ценности. Профессор Маневский в своих воспоминаниях отмечал большую заботу командующего войсками 1-го Белорусского фронта маршала Жукова о сохранности собрания Библиотеки Берлинского университета: «Помещение библиотеки от бомбардировки не пострадало и все собрания полностью сохранились. С первых же дней вступления Красной Армии в Берлин был выставлен воинский караул. Специальным приказом маршала Жукова вход в библиотеку и изъятие книг запрещены».

Двадцать шестого июня 1945 года Сталин подписал постановление ГКО № 9256, которое предписывало буквально следующее: «Обязать Комитет по делам искусств при СНК СССР (т. Храпченко) вывезти на базы Комитета в г. Москву для пополнения государственных музеев наиболее ценные художественные произведения живописи, скульптуры и предметы прикладного искусства, а также антикварные музейные ценности».

Москва спешила управиться с «компенсаторной реституцией» до начала Потсдамской конференции. Сталин знал повестку дня: конференция будет «рассматривать вопрос о репарациях с фашистской Германией». Словом, что можно, надо было вывезти из Германии до того, как начнут работать международные комиссии.

Некоторые исследователи утверждают, что судьба многих из этих «пополнений остаётся неизвестной до сих пор».

Непростая история. Что уж говорить о транспортировке ценностей в 1945 году из поверженной Германии в Москву, в товарных вагонах, по разбитой местности, зачастую без сопровождения и охраны.

На складах, куда поступали трофейные ценности, порой не велось учёта. Иногда намеренно. Не на все коллекции и собрания составлялись описи. Либо эти описи терялись. Порой и без злого умысла.

По мере приближения наступающих армий к Берлину жёны командующих потихоньку перебирались к своим мужьям, чтобы разделить с ними радость победы. И делили — разбирали

неучтённое по своему усмотрению и вкусу. Об этом во время допросов по «трофейному делу» следователям чистосердечно рассказал начальник оперативного сектора МВД по Берлину генерал-майор Алексей Сиднев: командиры, мол, приезжали на склады и свободно выбирали понравившиеся им вещи, в том числе предметы старины, относящиеся к разряду музейных ценностей.

На допросе генерал Сиднев показал, что «набросился на лёгкую добычу и, позабыв об интересах государства, которые надлежало охранять, стал обогащаться. Как ни стыдно теперь об этом рассказывать, но мне ничего не остаётся, как признать, что я занимался в Германии воровством и присвоением того, что должно было поступить в собственность государства». Чистосердечные признания генерала формулировали конечно же следователи.

Говорят, что многие из тех музейных предметов, за которые отвечал генерал Сиднев, до сих пор всплывают на антикварном рынке. Всё это добро, понятное дело, вывезено не солдатами в «сидорах» и чемоданах. Да и к чему солдату Рембрандт или Веронезе, когда из дому, откуда-нибудь из Смоленской или Калужской области, ему пришло залитое слезами письмо, в котором жена сообщала, что живут они в землянке, что девкам трусы пошила к школе из немецкого парашюта, найденного в болоте…

Генерал Крюков и маршал Жуков дружили со времён их кавалерийской юности. В кавдивизии Жукова Крюков командовал полком. Впоследствии их пути не раз пересекались. Крюков был исполнительным, покладистым и надёжным подчинённым. Большие начальники таких любят. Надёжность — качество для командира незаменимое.

Корпус генерала Крюкова простоял под Кёнигсбергом до декабря 1945 года.

Но ещё в конце лета начальник Главного управления контрразведки «Смерш» Группы советских оккупационных войск в Германии генерал Александр Вадис телеграфировал в Москву своему шефу начальнику Главного управления контрразведки генералу Виктору Абакумову: «Многие считают, что Жуков является первым кандидатом на пост наркома обороны. Жуков груб и высокомерен, выпячивает свои заслуги, на дорогах плакаты „Слава маршалу Жукову“. В одном из разговоров с армейским политработником, когда тот сослался на директиву Булганина о политорганах, Жуков заявил: „Что Вы мне тычете Булганиным, я кто для Вас?“, желая подчеркнуть, что он не кто-нибудь, а заместитель наркома обороны».

Абакумова расстреляют в 1954-м. В том же 1954-м с Вадиса сорвут генеральские погоны, изгонят отовсюду «как дискредитировавшего себя за время работы в органах…».

Жуков на этих калёных ветрах устоит.

Именно тогда, в Берлине, Русланова начала называть маршала Победы Георгием Победоносцем. Впервые это прозвучало из её уст то ли на том знаменитом концерте с орденом, то ли на одном из официальных или полуофициальных приёмов в Потсдаме. Живая, искренняя, эмоциональная — что на уме, то и на языке — она выразила в этих двух словах то, что твердили и о чём думали в эти дни миллионы советских людей.

По всей вероятности, эти проявления комплиментарности великой певицы к великому воину, а также информация о том, что чета Крюковых близка к маршалу Жукову, входит в круг его друзей, стали предметом беспокойства Сталина. Война закончилась, и не только солдаты, но и генералы и маршалы становились для власти проблемой.

А первый из них — Георгий Победоносец — в глазах Сталина явно зарывался. Да что там зарывался, Жуков буквально угрожал Верховному своими шумными победами и успехами.

В апреле 1946 года Жукова отзывают из Группы оккупационных войск в Москву. Там его ждёт новая должность — главнокомандующий Сухопутными войсками. Из первых заместителей он становится просто заместителем наркома обороны и теперь подчиняется Николаю Булганину, партийному чиновнику, слабо разбирающемуся в военном деле, рабски несамостоятельному — которому, однако, Сталин вскоре присвоит маршальское звание. Подобными методами партийцы после Победы «сбивали спесь» с усилившихся за годы войны генералов и маршалов, указывали им место.

В декабре 1945 года генерала Крюкова направили в распоряжение командующего кавалерией Сухопутных войск. В мае 1946 года назначили начальником Высшей офицерской кавалерийской школы им. С. М. Будённого. Но через год вновь направили в распоряжение главнокомандующего Сухопутными войсками. Вскоре он был назначен заместителем командира 36-го гвардейского стрелкового корпуса.

Летом 1946 года в опалу попал Жуков. На заседании Высшего военного совета Сталин и несколько военачальников обвинили его в зазнайстве, бонапартизме, в том, что он «ведёт вредную, обособленную линию, т. е. сколачивает людей вокруг себя, приближает их к себе» с неясными целями. Однако маршалы Конев, Рокоссовский, Рыбалко, генерал армии Хрулёв встали на защиту Жукова, отвергли самые тяжкие обвинения и фактически

спасли своего боевого товарища от расправы. Тем не менее Жуков был освобождён от должности главкома Сухопутных войск и направлен в Одессу командовать небольшим, но одним из самых неспокойных военных округов.

Чтобы окончательно унизить Жукова, а заодно и дать понять военным, чтобы сидели и помалкивали — у всех рыльце в трофеях! — Сталин приказал генералу Абакумову раскручивать самое актуальное в тот момент и перспективное «трофейное дело».

В августе того же 1946 года на стол Сталина легла докладная записка Булганина. Не зря Хрущёв потом назовёт его «стукачом Сталина» и снимет маршальские погоны, которые партаппаратчику были явно не к лицу.

> «В Ягодинской таможне (вблизи г. Ковеля) задержано 7 вагонов, в которых находилось 85 ящиков с мебелью.
>
> При проверке документации выяснилось, что мебель принадлежит Маршалу Жукову.
>
> Установлено, что и.о. начальника тыла Группы Советских Оккупационных Войск в Германии для провоза мебели была выдана такая справка: „Выдана Маршалу Советского Союза тов. Жукову Г. К. в том, что нижепоименованная мебель, им лично заказанная на мебельной фабрике в Германии ‘Альбин Май’, приобретена за наличный расчёт и Военным Советом Группы СОВ в Германии разрешён вывоз в Советский Союз. Указанная мебель направлена в Одесский Военный округ с сопровождающим капитаном тов. Ягельским. Транспорт № 158/8431“».

В сущности — никакого криминала.

И действительно, жалованье офицерам в Группе войск положили более чем солидное. Генерал, к примеру, получал 50 тысяч рейхсмарок, которые какое-то время были в ходу в восточной оккупационной зоне. Очень большие деньги. Немецкие генералы столько не получали. Потратить рейхсмарки можно было только здесь, в Германии. Вот их и тратили на всё, что уцелело после боёв, на то, что на восстановленных или уцелевших заводах и заводиках начали производить предприимчивые немцы, что хранилось на складах и в тайниках, а потом поступило в свободную торговлю.

И всё же «материалы „трофейного дела“ свидетельствуют о том, что Жуковым из Германии было вывезено значительное количество мебели, произведений искусства и другого

трофейного имущества в своё личное пользование. При обыске у Жукова было изъято 17 золотых часов и 3, украшенных драгоценными камнями, 15 золотых кулонов, свыше 4000 метров ткани, 323 меховых шкурки, 44 ковра и гобелена, 55 картин, 55 ящиков посуды, 20 охотничьих ружей и т. д. Имущество было вывезено из дворцов Германии».

Об этом пишут и биографы Жукова.

А вот что написал сам Жуков в объяснительной записке на имя секретаря ЦК ВКП(б) Жданова: «Я признаю себя очень виновным в том, что не сдал всё это ненужное мне барахло куда-либо на склад, надеясь на то, что оно никому не нужно. Я даю крепкую клятву большевика — не допускать подобных ошибок и глупостей. Я уверен, что я ещё нужен буду Родине, великому вождю т. Сталину и партии».

Когда следователи будут допрашивать генерала Крюкова, тот наговорит и не такое: «Все мы старались перещеголять друг друга, на все лады восхваляя Жукова, называя его новым Суворовым, Кутузовым, — и Жуков принимал это как должное. Но особенно ему нравилось то, что Русланова прилюдно стала его называть Георгием Победоносцем». Стиль «признаний», разумеется, принадлежит следователям.

При обыске сотрудники МГБ изъяли у генерала Крюкова и Руслановой: два «мерседеса» и «хорьх-951» (на «хорьхах» этой модели ездили Розенберг и тонкий ценитель хороших и дорогих вещей Геринг), 107 килограммов серебряных изделий, 35 старинных ковров, гобелены, антикварные сервизы, меха, мраморные и бронзовые скульптуры и статуэтки, 312 пар обуви, 87 костюмов, а также 78 оконных шпингалетов, 16 дверных замков и 44 велосипедных насоса, 140 кусков мыла, 47 банок гуталина, 50 пар шнурков…

Что касается бриллиантов и коллекции картин, то это — тема особая.

Взятие трофеев было узаконено приказом Сталина от 9 июня 1945 года. Солдатам разрешили отправлять домой определённое количество посылок, а также иметь ручную кладь при выезде к месту жительства после демобилизации. Генералам — бесплатно по «мерседесу» или «опелю», офицерам — по мотоциклу или велосипеду. Офицерам продавали по низким ценам ковры, меха, сервизы, фотоаппараты. Полковники могли купить автомобиль.

Трофейная лихорадка захватывала армию-победительницу, как заразная болезнь. Разъедала дисциплину и дух, разлагала особо прочные, казалось бы, её звенья — офицерство.

Самые стойкие, для кого суворовские заветы были превыше всего, пытались лечить «больных» порохом и свинцом. Известны

жестокие меры командующего 1-м Украинским фронтом маршала Конева, который приказывал расстреливать насильников и мародёров перед строем. И эти меры имели действие. Конев вспоминал, что, когда однажды заглянул в «тридцатьчетвёрку» одного из своих гвардейских корпусов, то из-за барахла не увидел в боевой машине танкистов. В бой идти в таких машинах было нельзя, и он тут же приказал командиру корпуса привести технику и вооружение в боевое состояние.

Александр Твардовский позже напишет:

По дороге на Берлин
Вьётся серый пух перин…

И уже если обратились к поэту, то и доверимся ему. Вот что дальше в этой же главе «Книги про бойца» пишет проницательный поэт. Напомню: солдаты идут по немецкой земле, к Берлину, и встречают соотечественницу, женщину, солдатскую мать.

Стой, ребята, не годится,
Чтобы этак с посошком
Шла домой из-за границы
Мать солдатская пешком.

Нет, родная, по порядку
Дай нам делать, не мешай.
Перво-наперво лошадку
С полной сбруей получай.

Получай экипировку,
Ноги ковриком укрой.
А ещё тебе коровку
Вместе с приданной овцой.

В путь-дорогу чайник с кружкой
Да ведёрко про запас,
Да перинку, да подушку, —
Немцу в тягость, нам как раз…

— Ни к чему. Куда, родные? —
А ребята — нужды нет —
Волокут часы стенные
И ведут велосипед.

Как видите, Василий Тёркин со своими товарищами свой суд судил и «мать солдатскую» одаривал не со своего плеча — с немецкого. Но этот трофей был справедливым. Потому что немец отнял у людей гораздо большее. Грабил, жёг, насиловал, убивал. Не всё, украденное и порушенное оккупантом, можно было восстановить даже за счёт богатой Германии.

Горе побеждённым, говорили древние римляне. Немцы римскую культуру знали хорошо. И себя считали духовными наследниками Римской империи. Горе побеждённым!

Но 44 велосипедных насоса и 47 банок гуталина…

Ну да бог с ними, со шнурками и насосами. Не устояла душа победителя, не удержалась в рамках заветов великого Суворова.

Пора перейти к вещам и предметам более, так сказать, благородным…

Глава двадцать третья БРИЛЛИАНТЫ, ИЗУМРУДЫ, ЖЕМЧУГА…

«Материалами следствия вы изобличаетесь в том, что во время пребывания в Германии занимались грабежом и присвоением трофейного имущества в больших масштабах…»

Коллекционированием дорогих вещей Русланову увлёк Михаил Гаркави. Собрание живописи русских художников конца XIX — начала XX века она тоже в основном сформировала до войны. Люди, бывавшие в её довоенной квартире, отмечали несомненный вкус, с которым певица разместила на стенах коллекцию картин. Она гордилась своими приобретениями (живописью) и с удовольствием демонстрировала их гостям. Говорила:

— Они помогают мне петь, навевают настроение. Об этих полях, об этих лесах и реках, об этих малявинских русских женщинах я и пою.

Всего у Руслановой в её коллекции было 132 картины. Следователи МГБ при аресте составят примерный реестр. Из него-то и узнаем мы, что в собрании певицы было четыре работы Михаила Нестерова, пять — Бориса Кустодиева, семь — Константина Маковского, пять — Ивана Шишкина, четыре — Ильи Репина, три — Василия Поленова, две — Валентина Серова, три — Филиппа Малявина, две — Михаила Врубеля, три — Константина Сомова, три — Ивана Айвазовского, по одной картине Василия Верещагина, Виктора Васнецова, Василия Сурикова, Павла Федотова, Василия Тропинина, Исаака Левитана, Ивана Крамского, Карла Брюллова, Генриха Семирадского, Григория Мясоедова, Константина Юона и др.

В последние годы, когда пресса увлеклась публикациями «разоблачительного» характера, касающимися известных лиц нашей отечественной истории, некоторые издания и авторы не забыли своею милостью и нашу героиню. Писали, не дрогнув ни единым нервом, вот такое: «У генерал-лейтенанта Владимира Крюкова и его жены, певицы Лидии Руслановой конфисковали … 132 картины русских художников, ранее похищенных нацистами из советских музеев…»

Можно допустить (хотя следователи МГБ не смогли доказать ни одного случая незаконного приобретения), что некоторую, незначительную, часть своего собрания живописи Русланова действительно привезла из Германии. Документы на покупку картин она хранила всю жизнь и впоследствии, когда вернётся из тюрьмы и добьётся полной реабилитации, почти всю коллекцию вернёт. За исключением нескольких работ, разворованных «по дороге» из МГБ в Третьяковку, по всей вероятности, следователями. Правда, несколько работ она подарит Третьяковке — видимо, в благодарность за то, что сохранили всё остальное.

К сожалению, нет полного каталога картин собрания Руслановой. Да и само собрание постепенно распалось. А здорово было бы сейчас собрать всю её коллекцию и выставить где-нибудь на Крымском Валу. На такую выставку народ пошёл бы с превеликим удовольствием.

Как не раз уже упоминалось, Русланова очень любила всё русское, исконное, что напоминало ей о старине, о добрых обычаях русского народа. Очень близка её русской душе была живопись Виктора Васнецова. Его поэтичные фольклорные мотивы будили её воображение. Васнецовские сюжеты и палитра буквально звучали в ней родными мелодиями. И вот однажды она приобрела, наконец, одну из картин столь обожаемого ею художника. И какую! «Алёнушку»! Сироту бесприютную. Печальную фигуру девочки-крестьянки, пригорюнившейся на берегу пруда. Будто своё даниловское детство внесла в московскую квартиру. Правда, это была не та знаменитая «Алёнушка». Та, большая «Алёнушка», оригинал, висела в Третьяковской галерее. Приобрела она этюд, последнюю подготовительную работу.

Васнецов часто повторял свои картины. Много повторов у полотен «Витязь на распутье», «Богатыри». Но вот «Алёнушка»… Она — одна. И подготовительный этюд, вполне завершённый, тоже один.

Замысел картины созрел у художника в 1880 году, когда он с братом Аполлинарием жил в селе Ахтырке близ подмосковного имения заводчика и мецената Саввы Морозова. Сам Васнецов впоследствии вспоминал: «Не помню точно, когда впервые зародилась у меня „Алёнушка“, как будто она давно жила в моей голове, но реально я увидел её в Ахтырке, когда встретил одну простоволосую девушку, поразившую моё воображение. Столько тоски, одиночества и чисто русской печали было в её глазах, что я прямо ахнул, когда встретился с нею. Каким-то особым русским духом веяло от неё».

«Алёнушка» — «сидящая на берегу пруда девочка,

задумавшаяся о своей горемычной сиротской доле». Так определили искусствоведы простой сюжет этого шедевра русской живописи.

Должно быть, именно это сиротство, эта трогательная печаль и волновали нашу героиню.

Руслановой порой говорили, что это — не совсем удачная копия, подделка под вариант подлинной «Алёнушки». У этюда действительно много существенных отличий от знаменитого оригинала. Васнецов не повторял свой знаменитый шедевр. Но Русланова чувствовала ту незримую силу, ту энергию, которая исходила от полотна и которую невозможно было подделать, копировать. И потому в подлинности руки Васнецова была уверена. Интуиция и на этот раз её не подвела.

В своё время Виктор Васнецов по завершении работы над «Алёнушкой» предложил Павлу Третьякову купить картину (оригинал) за две тысячи рублей. Но тот даже на письмо не ответил. Вскоре картину купил А. И. Мамонтов — за 500 рублей. А в 1900 году совет Третьяковской галереи перекупил работу уже за восемь тысяч рублей. В тот же год «Алёнушка» побывала на Всемирной выставке в Париже. Её цена сразу поднялась на несколько порядков выше. С тех пор она в Третьяковке.

В 1967 году музей-заповедник «Абрамцево» приобрёл у Руслановой подготовительный этюд «Алёнушки». Условия сделки неизвестны. Коллекцию свою она ни от кого не прятала. Иногда отдавала картины на выставки, проводимые Московской организацией Союза художников.

Сорок лет висел в экспозиции абрамцевского музея этюд «Алёнушка». Но поменялись поколения сотрудников, пришли другие времена, и кто-то из специалистов усомнился в подлинности работы, хранящейся в Абрамцеве. Этюд отправили в Москву в Третьяковскую галерею на экспертизу. Сомнение вызвало следующее обстоятельство: на обороте на холсте стояла надпись: «Ю. И. Успенский». Хранители предположили, что это копия «Алёнушки», сделанная неким копиистом, коих во все времена было великое множество, по фамилии Успенский.

Специалисты реставрационных мастерских Государственной Третьяковской галереи провели «стилистические и технологические исследования с помощью бинокулярного стереоскопического микроскопа в диапазоне инфракрасного излучения и в ультрафиолетовых лучах, рентгенографирование, фактурную съёмку, химический анализ пигментов грунта». Экспертиза показала подлинность работы. Подтвердилось авторство Виктора Васнецова. Одновременно исследователи объяснили природу надписи на обороте. Ю. И. Успенский,

инженер-путеец из Воронежа, был страстным поклонником таланта великого художника, собирателем, коллекционером живописи. Владел несколькими работами Васнецова. Более того, художник, ценивший вкус инженера и его страсть к живописи, написал его портрет.

Можно предположить, что именно из коллекции Ю. И. Успенского этюд «Алёнушка» попал в собрание Руслановой. (Снова отпадает ленинградский след, на котором настаивают некоторые «биографы» великой певицы.) И снова подтверждаются поразительное чутьё Руслановой, её разборчивость и понимание живописи, чувство руки художника, которого она любила. «Они помогают мне петь…»

В перечне произведений В. М. Васнецова этюд «Алёнушка» значится под следующим описанием: «„Алёнушка“. Х., м. 68 × 48. Слева внизу: „В. Васнецовъ“. Эскиз весьма близкий к картине, находящейся в Третьяковской галерее. Был на выставке произведений Васнецова из частных собраний в МОСХе в июне 1947 г. Собрание Л. А. Руслановой. Москва».

Весьма любопытна история другой картины из собрания Руслановой.

Генрих Семирадский — «Утром на рынок». Ученик Карла Брюллова, талантливый живописец XIX века. Русский подданный польского происхождения. Все его работы, кроме той, которая находилась в собрании Руслановой, были в частных коллекциях за рубежом. На аукционах он всегда пользовался и пользуется большим спросом, ценился и ценится высоко.

В 1985 году дочь Руслановой Маргарита Владимировна за восемь тысяч рублей продала эту картину Таганрогскому художественному музею.

В 1994 году — банальная и нелепая история нашей бесхозяйственности как следствие нищенского существования учреждений культуры — в музее лопнули трубы отопления, и картина сильно пострадала. Её убрали в запасники. Убрали и позабыли.

Летом 2005 года сотрудники вдруг спохватились — картина из запасника исчезла. Полотно размером 76 × 122 сантиметра было вырезано из рамы и похищено.

Следователи работали не покладая рук. Информация о пропаже шедевра тут же была внесена в электронную регистрационно-поисковую автоматизированную систему Росохранкультуры. Репродукцию пропавшей картины распечатали во всех профильных журналах. Через несколько месяцев антиквары заявили, что картина найдена.

К несчастью, шедевр Генриха Семирадского оказался

изуродованным до неузнаваемости. Картину «записали», приготовив к вывозу. Кроме прочего, чтобы затруднить возможные исследования, холст был покрыт толстым слоем стекловидного лака. На эту работу Семирадского, как выяснили следователи Интерпола, существовал международный заказ. В протоколах фигурировало имя одного известного польского коллекционера. Но за границу картина «Утром на рынок» не ушла.

Говорят, что эта работа Семирадского едва ли не единственная картина, оставшаяся в России после революций, войн и катаклизмов, связанных с бесхозяйственностью и невежеством мирного времени.

Полотно реставрировали в мастерских Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. И. Э. Грабаря.

Примерная аукционная стоимость шедевра около 400 тысяч долларов.

В 2012 году полностью отреставрированная картина вернулась в Таганрогский художественный музей.

Известно, что Русланова порой расставалась с некоторыми ранее приобретёнными работами. Для коллекционера это обычное дело. Что-то продаётся, что-то покупается. Так постепенно совершенствуется собрание.

Русланова долгие годы дружила с Еленой Аладовой[71]. Аладова, которую Екатерина Фурцева называла белорусским Третьяковым, по всей стране собирала для Национального художественного музея Беларуси картины известных мастеров. Знала многих частных коллекционеров.

Сын Аладовой доктор архитектуры, профессор Вальмен Николаевич Аладов в одном из своих интервью рассказывал о работе матери: «Нередко она бывала в гостях у Лидии Руслановой. Квартира Руслановой походила на кунсткамеру. Собрание живописи заполняло стены небольшой гостиной в три ряда, несколько картин стояло прямо на полу. Вскоре из дома знаменитости в минский музей отправились работы Матвея Виельгорского, Фёдора Толстого, Марии Тенишевой. Три года, пока улаживались финансовые вопросы, они хранились в Белоруссии под честное слово Аладовой. Русланова время от времени интересовалась, „как там поживают мои любимые детки“, но без тени тревоги. „Я просто счастлива, что у меня такая подруга — истинная белоруска, полешучка!“ — признавалась звезда советской сцены».

В другом интервью: «А эти её знаменитые анекдотические поездки к Лидии Руслановой! Та была богатой женщиной, много

покупала живописи и расставалась с ней не очень охотно. Но мама с ней подружилась. Жарила кумпяк[72] и к нему варила своё фирменное брусничное варенье с грушами. И, нагруженная пакетами, отправлялась в Москву. Что той певице это варенье, но это была настоящая дружба.

В итоге сегодня в коллекции музея мы видим не одно полотно, украшавшее когда-то квартиру легендарной исполнительницы „Валенок“. Но не все коллекционеры были такими искренними собирателями произведений искусства.

Как возникали многие коллекции, знаете? Моя жена однажды с мамой поехала в Ленинград и пошла к какой-то коллекционерше. Огромная комната была вся заставлена шедеврами. Конечно, она их не покупала. Во время блокады те, кто был близок к продовольствию, меняли еду у бедных ленинградцев на картины. И таких торгашей было очень много».

До сих пор ходят сплетни, что одну из картин Карла Брюллова Русланова выменяла в блокадном Ленинграде на американскую тушёнку. Находятся и «знатоки», которые подтверждают напраслину.

Слышали звон… А звон пошёл вот откуда. В 1930-е годы Русланова действительно купила одну из картин Карла Брюллова в Ленинграде. И многим своим знакомым и коллегам, не скрывая своей радости, говорила об этом.

В 1962 году Елена Аладова купила у Лидии Руслановой картину Айвазовского «Последний вздох корабля». В фондах Национального художественного музея сохранились финансовые документы: за это полотно было заплачено 2500 рублей. Для сравнения: самый роскошный советский автомобиль для народа — «Волга» — стоил тогда пять тысяч рублей. В наши дни на международных аукционах Айвазовский оценивается весьма высоко, в частности, «Последний вздох корабля» — в 500 тысяч долларов.

Вышеприведённые цифры разрушают всю концепцию авторов стяжательской версии руслановского собрания живописи.

Русланова не торговала живописью. У неё была другая профессия. К тому же концертная деятельность, поставленная ею на самый высокий уровень, приносила достаточно много денег. Но с торговцами живописью общалась. Нуждалась в них. И много у них приобретала. Таким же, как Елена Аладова, могла уступить даже ту картину, с которой ей не хотелось расставаться. И уступала по той же цене, за какую работа была приобретена. Финансовые документы оформляла со всей тщательностью. Что, кстати, и помогло ей после лагерей и тюрьмы вернуть большую часть своей коллекции.

Драгоценности она собирала давно. Люди, пережившие денежные реформы, которые, хотя бы частично, имели конфискационный характер, старались превращать бумажные банкноты во что-то такое, что всегда имело бы цену и что в любой момент можно было превратить в крышу над головой и кусок хлеба. А в жизни своей Русланова наголодалась. Вот откуда её запасливость, порой переходящая, что греха таить, в страсть к накопительству.

Русланова пережила три денежные реформы.

Первая реформа 1922–1924 годов.

Вторая — 1947 года. В различных справочниках и специальной литературе она значится как «денежная реформа в форме деноминации с конфискацией». Но судя по всему, она носила всё же больше конфискационный характер. Порядок цен и иных платежей, а также зарплат остался прежним. Десять старых наличных рублей обменивались на один новый. Обмен длился одну неделю. Суммы до трёх тысяч рублей, лежащие на счетах в сберкассах СССР, обменивались один к одному. Суммы до десяти тысяч обменивались из расчёта: за три старых рубля начисляли два новых. Суммы, превышающие десять тысяч рублей, обменивались: за два старых рубля — один новый.

Слухи о грядущей реформе будоражили страну. Поздней осенью 1947 года в сберкассах стали выстраиваться очереди желающих положить деньги на счёт. 2 декабря в аналитической записке МВД сообщалось: «Вкладчики изымают крупные вклады (30–50 тысяч рублей и выше), а затем эти же деньги вкладывают более мелкими вкладами в другие сберкассы на разных лиц». Спасая свои деньги, люди, как всегда происходило в подобных случаях, бросились скупать мебель, музыкальные инструменты, охотничьи ружья, мотоциклы, велосипеды, золото, драгоценности, часы, промтовары, продовольственные товары длительного срока хранения (шоколад, консервы, копчёные колбасы и др.), водку и другие спиртные напитки. Резко увеличился товарооборот в ресторанах крупных городов. Население спускало наличность.

Справедливости ради необходимо отметить, что эта реформа принесла и много положительного. Цены снизились в среднем на 17 процентов, что для народа было весьма существенно. Отменили карточную систему. Страна перешла к единым ценам. Понизились цены на сельскохозяйственном рынке.

Те, у кого денежных сбережений ни на счетах, ни на руках не было, от этой реформы только выиграли и были благодарны правительству и лично товарищу Сталину.

По сведениям финансовых органов, на руках у населения

осталось около четырёх миллиардов рублей. При этом в основном пострадали жители сельскохозяйственных районов Средней Азии и Кавказа. Они накопили крупные суммы в период Великой Отечественной войны, продавая сельскохозяйственные продукты. В голодные годы хлеб стоил дорого, потому что ценою его была жизнь.

После реформы 1947 года, при средней зарплате от 500 до 1000 рублей, цены были следующими:

килограммовая булка хлеба — 3 рубля;

килограмм гречневой крупы — 12 рублей;

килограмм сахара — 15 рублей;

килограмм сливочного масла — 64 рубля;

литр молока — 3–4 рубля;

бутылка пива — 7 рублей;

бутылка водки (0,5 литра) «Московской» — 60 рублей.

Реформа 1961 года, которая тоже выпала на долю Руслановой, была чистой деноминацией. Обмен произвели как наличности, так и вкладов в сберкассах: за десять рублей — один. В том же соотношении были изменены тарифные ставки зарплат, пенсий, стипендий. В госторговле цены снизились в десять раз. Бумажные банкноты стали более компактными.

Люди, пережившие несколько реформ, в особенности люди богатые, такие, как наша героиня, чтобы сохранить нажитое, старались переводить деньги в ценности. Универсальный и весьма надёжный способ, который, кстати, действует до сих пор.

Скупкой камушков Русланова занялась ещё в 1930-е годы. Толстяк Гаркави, любивший жить красиво и изящно, открыл перед ней красоту и обаяние драгоценных камней. Он свёл её с нужными людьми, которые профессионально занимались, так сказать, оборотом этого редкого и чрезвычайно дорогого товара. Они умели подбирать нужные экземпляры, а самое главное, умели сохранять сделки с клиентами в строжайшей тайне. И действительно, следователи МГБ, ведя дело Руслановой и на первых порах стараясь запутать её в бриллиантовом скандале, не приведут ни одного случая общения её с антикварами, не припрут ни одним фактом сомнительной сделки или незаконной покупки, когда покупатель и продавец, к примеру, находились в неравных условиях, что было бы выгодно следствию. Ведь следователи изо всех сил разрабатывали версию «трофейного» происхождения богатства певицы Руслановой и генерала Крюкова.

Кажется, при всём том, что именно драгоценные камни — самый выгодный способ хранения денег, они никому не приносили счастья. А может быть, судьба, отняв шкатулку с бриллиантами, обнесла нашу героиню горшим злом? Бог весть,

бог весть… Во всяком случае, она без особых душевных мук рассталась с той шкатулкой. Возможно, инстинкт самосохранения и страх за семью подсказали ей, что драгоценности — не самая страшная потеря.

Русланова собрала большую коллекцию бриллиантов. Говорят, в шкатулке, которую хранила её горничная Егорова, следователи обнаружили 208 бриллиантов, а также изумруды, сапфиры и крупные экземпляры редкого жемчуга. Это подтверждают и материалы обысков, а также признания самой Руслановой, полученные на допросах.

Не все драгоценности, хранившиеся в шкатулке, она покупала. Некоторые украшения ей дарили поклонники. Ещё до войны некая особа из старых москвичей преподнесла певице бриллиантовое ожерелье. Непростое. Знатоки говорили, что оно из царской коллекции. Несколько подвесок на нём отсутствовало. И каждый год в день рождения та загадочная особа, которая даже имени своего не открывала, дарила нашей героине очередную подвеску. В том ожерелье, как свидетельствует молва, Русланова и предстала пред Сталиным на «царском» приёме. Сталин, увидев на певице роскошное украшение, воскликнул: «Как хорошо, что теперь каждая советская женщина может позволить себе носить вот такие украшения!»

Коллекция Руслановой не была самой крупной частной коллекцией драгоценных камней в СССР. Самые крупные «бриллиантовые скандалы» начались в другую эпоху — брежневскую. Именно тогда бриллианты стали средством быстрой и лёгкой наживы для тех, кто имел к ним доступ.

Судя по тому, что произошло во время ареста Руслановой, на допросах и после её выхода из заключения, она не особенно переживала за потерянные драгоценности. Вернуть их, так же как и картины, пыталась. Не получилось. И чёрт с ними, решила она и с головой погрузилась в концертную работу. Потому что только пением она могла заработать достаточное количество денег. Вначале на хлеб насущный, на то, чтобы прокормить дочь и больного мужа. А потом сумела восстановить многое из того, что даже в Москве считалось роскошью. Судьбе наперекор. Уж это-то в ней было — «я волны морские люблю…».

Но бриллианты больше не собирала. Значит, не было у неё к ним особой, непреодолимой привязанности. Такой штрих: до войны и после войны до ареста она изредка надевала свои драгоценности. Прямо на концертный цветастый сарафан.

Вся Москва знала о богатствах, накопленных Антониной Неждановой, Владимиром Хенкиным, Валерией Барсовой, Ирмой Яунзем, Леонидом Утёсовым, Екатериной Гельцер, Исааком

Дунаевским. Они много работали. Искусство их было востребовано обществом, популярно. Заработки тоже были большими.

Ходили слухи и о богатствах Руслановой. Говорили, что на рояле, который стоит в гостиной комнате в квартире певицы в Лаврушинском переулке, давно не играют, потому что на нём играть нельзя — он весь, под крышку, забит пачками денег!

Писатель Лев Никулин, сосед Руслановой, большой шутник и острослов, однажды сказал ей: «Лидия Андреевна, раздай всё мне и ступай в монастырь…» Как в воду глядел.

Но руслановские богатства всё же уступали «коллекциям» других московских знаменитостей.

Почему же люди генерала Абакумова бросились выворачивать карманы именно Руслановой и генерала Крюкова? Их целью были вовсе не певица и её муж. Цель была значительно крупнее. Стояла она немного в стороне от «трофейного дела». Пока в стороне. А Русланова и Крюков были всего лишь средством подойти ближе к этой цели.

В июне 1946 года на заседании Высшего военного совета растоптать Жукова не дали его товарищи по оружию, фронтовики Рокоссовский, Конев, Рыбалко. Сталин отступился, не стал ломать через колено. Возможно, он был удовлетворён тем порицанием, которому был подвергнут тот, кто, по докладам спецслужб и надёжных людей, считал себя главным творцом Победы. Порицание граничило с позором. Абакумов же хотел пойти дальше. Возможно, он имел на то устные инструкции Хозяина.

Члены Военного совета не поддержали обвинения в «недостойном и вредном поведении со стороны маршала Жукова по отношению к правительству и Верховному Главнокомандованию», после которых в отношении их боевого товарища могли последовать любые санкции. Все знали, что Главного маршала авиации Новикова в тюрьме избивают, унижают, ломают волю. И Конев, и Рокоссовский, и остальные поняли, что если сегодня они отдадут людям Абакумова Жукова, то завтра на цементном полу, заплёванном сгустками крови, может оказаться любой из них.

Лобовая атака на маршала не прошла. И тогда генералу Абакумову приказали разработать другой вариант.

Жукова решено было замазать в истории с трофеями, «закатать» его, вместе с его маршальскими погонами и двумя орденами «Победа», в вывезенные им из Германии ковры, гобелены и обезьяньи шкурки. Абакумов люто ненавидел Жукова.

Сын прачки и больничного истопника, человек с четырёхклассным образованием, сумел недостаточную

образованность компенсировать большими амбициями, ловкостью и удачливостью. Любитель модных заграничных танцев, за что был прозван «фокстротчиком», хотел напомнить боевому маршалу, что и тот начинал свою биографию простым скорняком. В 1945 году, после Победы, Жуков выдворил Абакумова из Берлина, куда руководитель всесильного Смерша прибыл, чтобы арестовать нескольких генералов.

Вот что вспоминал Г. К. Жуков спустя годы о 1945-м, о Берлине и генерале Абакумове в одном из своих интервью:

> «В расположение Группы войск прибыл генерал Абакумов — заместитель Берии. Мне о цели визита не доложил, развернул бурную деятельность. Когда стало известно, что Абакумов производит аресты генералов и офицеров, я приказал немедленно вызвать его. Задал два вопроса: почему по прибытии не изволил представиться мне как Главнокомандующему и почему без моего ведома, как Главноначальствующего, арестовывает моих подчинённых? Ответы его были, на мой взгляд, невразумительны. Приказал ему: всех арестованных генералов и офицеров освободить. Самому убыть туда, откуда прибыл. В случае невыполнения приказа отправлю в Москву под конвоем. Абакумов убыл восвояси…»

Разве мог простить руководитель всесильного ведомства своё унижение? Тем более маршалу Жукову. Который и был главной, но тайной целью его визита в Берлин. По табели о рангах звание офицера Смерша приравнивалось к званию армейского офицера на две звезды выше. Таким образом генерал-полковник Абакумов, по армейским меркам, был тоже маршалом. (Вскоре он станет министром государственной безопасности.)

Началась скрытая война между Жуковым и Абакумовым. Сталин время от времени подбрасывал в огонь поленце-другое…

С 1941 по 1945 год был арестован 101 генерал и адмирал. Восемь из них были освобождены после проведения следствия — за отсутствием состава преступления. 12 умерли во время следствия. Их попросту до смерти забили следователи. 81 генерал был осуждён Военной коллегией Верховного суда и Особым совещанием. Кого приговорили к расстрелу, кого к лагерям, кого разжаловали и направили «искупать вину кровью» в штрафные офицерские батальоны или с понижением в должности комбатами и командирами полков. Особисты держали в железных тисках армию, поощряли, культивировали доносительство на своих боевых товарищей, отравляли, разлагали боевое братство

даже в окопах, в батальонных и полковых штабах. Это — одна сторона работы Смерша. Была конечно же и другая. Борьба с немецкими диверсантами, разведкой противника, в том числе агентурной. Некоторые операции Смерша вошли в историю Великой Отечественной войны эпизодами мужества, преданности долгу и родине. Заслуга Абакумова здесь была несомненной. И вклад в победу офицеров и бойцов Смерша был весом.

Сталин усиливал ведомство Абакумова, возвышал и его самого ещё и потому, что возросшая слава военных уже не просто беспокоила — угрожала. Они, его маршалы и генералы, закончили войну блистательной победой и вернулись домой героями. Они настолько осмелели, что теперь открыто защищают друг друга. Только военная контрразведка могла разобраться с этими зазнавшимися строптивцами, думал Сталин. И он дал ей волю, чтобы укротить зарвавшихся победителей.

На квартире Жукова в Москве подчинённые Абакумова произвели негласный, без соответствующей санкции прокурора, обыск. Они надеялись, как докладывал шеф контрразведки Хозяину, «разыскать и изъять на квартире Жукова чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями…».

Цель и на сей раз не была достигнута. Но знакомство с маршальской квартирой офицеров контрразведки впечатлило. Абакумов докладывал Сталину: «В процессе обыска чемодан обнаружен не был, а шкатулка находилась в сейфе, стоящем в спальной комнате. Дача Жукова представляет собой по существу антикварный магазин или музей, обвешанный внутри различными дорогостоящими художественными картинами, причём их так много, что четыре картины висят даже на кухне…»

Для Сталина и этого было достаточно. Ознакомившись с докладной своего верного подручного, Сталин принял решение. Оно появилось в печати в виде постановления Центрального комитета ВКП(б). Перед опубликованием Сталин правил документ собственноручно. Постановление вышло после попытки Жукова оправдаться в «трофейной» истории.

> «Тов. Жуков в бытность Главкомом группы Советских оккупационных войск в Германии допустил поступки, позорящие высокое звание члена ВКП(б) и честь командира Советской Армии. Будучи полностью обеспечен со стороны государства всем необходимым, тов. Жуков, злоупотребляя своим служебным положением, встал на путь мародёрства, занявшись присвоением и вывозом из Германии для личных нужд большого количества различных ценностей. В итоге

всего этого Жуковым было присвоено до 70 ценных золотых предметов (кулоны и кольца с драгоценными камнями, часы, серьги с бриллиантами, браслеты, броши и т. д.), до 740 предметов столового серебра и серебряной посуды и сверх того ещё до 30 килограммов разных серебряных изделий, до 50 дорогостоящих ковров и гобеленов, более 60 картин, представляющих большую художественную ценность, около 3700 метров шёлка, шерсти, парчи, бархата и др. тканей, свыше 320 шкурок ценных мехов и т. д.

Будучи вызван в Комиссию для дачи объяснений, т. Жуков вёл себя неподобающим для члена партии и командира Советской Армии образом, в объяснениях был неискренним и пытался всячески скрыть и замазать факты своего антипартийного поведения.

Учитывая всё вышеизложенное, ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Признавая, что т. Жуков Г. К. за свои поступки заслуживает исключения из рядов партии и предания суду, сделать т. Жукову последнее предупреждение, предоставив ему в последний раз возможность исправиться и стать честным членом партии, достойным командирского звания.

2. Освободить т. Жукова с поста командующего Одесским военным округом, назначив его командующим одним из меньших округов.

3. Обязать т. Жукова немедленно сдать в Госфонд все незаконно присвоенные им драгоценности и вещи».

Вот тут-то и начали хватать тех из жуковского круга, кто ещё оставался на свободе. Началась вторая волна арестов, с помощью которых зачищали пространство вокруг опального маршала. Всего арестовали около семидесяти человек.

Исследователи этой темы говорят, что генералов «второй волны» брали в основном на основании материалов, добытых в результате прослушивания. С помощью подслушивающей аппаратуры, кстати, трофейной, немецкой, которую использовали в своей работе гестапо и СД, слушали почти всех генералов. «Жучки» стояли в гостиных, спальнях, на дачах. Материалы прослушки не рассекречены до сих пор.

Так что над восполнением нашей родной истории придётся потрудиться и будущим поколениям.

Дочь Георгия Константиновича Жукова Эра Георгиевна вспоминала:

— В первые послевоенные годы были арестованы практически все соратники отца. Поплатились даже люди, с которыми он просто дружил. Например певица Лидия Русланова. Отец обожал эту артистку. Она была замужем за его другом, генералом Владимиром Крюковым, который тоже был арестован. Эту семью арестовали целиком. Должны были увезти в приют и Маргошу. Но пожалели. Генерала Крюкова арестовали первым.

Глава двадцать четвёртая
АРЕСТ. ДОПРОСЫ

«Имеющимися в МГБ материалами установлено, что Крюкова-Русланова, будучи связана общностью антисоветских взглядов с лицами, враждебными к советской власти, ведёт вместе с ними подрывную работу против партии и правительства…»

Генерала Владимира Крюкова арестовали в Москве 18 сентября 1948 года. Была суббота. Пять утра. Крюков уже не спал. Собирался в аэропорт — встретить с гастролей жену. Русланова возвращалась из Казани. Телеграфировала, что гастроли закончились успешно и она летит в Москву самолётом.

По поводу её ареста у биографов существуют разночтения. Некоторые из них утверждают, что Русланова была арестована в тот же день, и даже несколькими минутами раньше мужа, в момент, когда она выходила из гостиницы, чтобы отправиться в аэропорт. Другие называют более позднюю дату — 27 сентября 1948 года. Третьи — что её взяли «на десять дней позже…».

Вот о чём свидетельствует Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова: «Их с папой забрали в один час — в пять утра 18 сентября 1948 года. Маму — в Казани, когда она в гостинице спускалась к машине, чтобы ехать с гастролей в аэропорт. Мы с папой в Москве в тот самый час собирались во Внуково, встречать её. Когда пришли эти полковники, папа сказал: „Маргушенька, ты маму не жди, она не приедет, я думаю, что мы с ней будем в одних местах. Но тебе никогда не должно быть стыдно за своих родителей“. Их потом и выпустили практически одновременно. Когда папы уже не стало, мама мне пересказывала папины рассказы. Вместе с ним арестовали генерала Телегина, он был крупной фигурой, все приказы по фронту — Жуков, Телегин. У него была очень хорошая семья, кроме двоих собственных детей, они воспитывали двоих приёмных, из детдома. Так вот этого Телегина так били, что он забыл имена и своих детей, и жены. Хотели, чтобы он подписал показания, будто бы Жуков хотел быть главой государства, и что они якобы готовили вооружённый переворот. Вот в чём было дело, а вовсе не в трофеях, за которые сейчас упрекают генералов. Можно подумать, что эти вояки

придавали значение барахлу. Польское правительство, благодарное Жукову за освобождение страны, слало ему ящики со столовым серебром, с гобеленами, интенданты размещали всё это где-нибудь на складах… К сожалению, во все времена находятся люди, готовые опорочить настоящих героев».

«Вместе с Телегиным» следует понимать как — по одному делу.

Более точной датой ареста Руслановой следует, вероятно, считать 27 сентября 1948 года, так как эта дата указана в «Обвинительном заключении Крюковой-Руслановой от 07.09.1949 г.».

Сталин руками генерала Абакумова выбивал из окружения Жукова верных боевых товарищей. Одного за другим.

Когда настала очередь генерала Крюкова, в ведомстве Абакумова задумались: если брать генерала, а брать его надо, то придётся арестовывать и его жену. Потому что это не просто жена генерала. Все хорошо знали историю их любви. Поздняя, последняя любовь, как известно, бывает очень крепкой. И человек ради неё порой идёт на всё. Русланова, эта своенравная и неуправляемая «мужицкая певица», будет кричать на каждом концерте, с любой сцены, на всяком перекрёстке об отнятой у неё любви, о погубленном счастье. Она не остановится ни перед чем. Когда её «Георгия Победоносца» отправили «на исправление» в Одессу, к 7 ноября она послала Жуковым поздравительную телеграмму, подписав её совершенно вызывающе: «Преданная вашей семье Русланова». Осведомители доносили: она говорит, что считает его «великим полководцем, великим человеком и готова идти за ним хоть в Сибирь!». Раз так, наконец решили в МГБ, пойдёт дальше… Те же секретные сотрудники из артистический среды доносили и вовсе не мыслимое: на встрече Нового, 1947 года Русланова прилюдно указала на пару подстреленных тетеревов, которых кто-то привёз Жукову в подарок (по другим сведениям, сама Русланова), и ляпнула от всей души: «Я тебе желаю, Георгий Константинович, чтобы твои враги так лежали…»

На истории с тетеревами стоит остановиться подробнее.

Из рассказа Константина Телегина, сына генерала Телегина:

> «И вот подошёл Новый, 1947 год. 30 декабря позвонил Жуков и пригласил на дачу моих родителей, сказал, что пришлёт машину. Отец, не раздумывая, принял приглашение, а когда мама спросила, не рискованно ли встречаться с человеком, находящимся в опале, ответил, что никакой опалы не видит, в воинской

службе всегда могут быть неожиданные повороты.

Вечером 31 декабря пришла машина, родители уехали к Жуковым. Вот что они рассказали.

Та же дача встретила их тревожной тишиной. Георгий Константинович вышел на крыльцо, провёл в прихожую, помог маме снять шубу, открыл дверь в знакомую большую комнату, и, как сказала мама, она вздрогнула от увиденного: щедро сервированный год назад громадный стол, за которым тогда сидела масса людей, сейчас был пуст. Лишь дальний его угол был застлан скатертью, на которой стояло четыре прибора. Георгий Константинович как-то виновато посмотрел на гостей и сказал:

— Спасибо, что приехали. Я многих обзвонил, но все по разным причинам отказались. Может, оно и лучше: шума меньше будет, удастся поговорить по душам.

Невесёлым оказался тот новогодний праздник… Настроение у Георгия Константиновича и Александры Диевны было настолько подавленным, что скрыть это, при всём их желании, они не могли. А в два часа ночи неожиданно приехали Крюков и Русланова, „сбежавшие“, как объяснила Лидия Андреевна, с какого-то вечера, где она выступала. Человек редкостной чуткости, она сразу же уловила настроение присутствующих, развернула принесённый с собой большой пакет, кинула на стол двух подстреленных тетеревов и сказала: „Георгий Константинович, я желаю, чтобы так выглядели все твои враги! И уверена, что ещё будут хорошие дни“.

Приезд Лидии Андреевны, весёлой и интереснейшей собеседницы, великолепного рассказчика, оживил обстановку; постепенно удалось снять напряжение, которое сковывало всех.

Но уже по дороге домой моих родителей снова охватила какая-то тревога, которая долго потом не рассеивалась. Тем более что тем же утром позвонила жена одного высокопоставленного знакомого и сказала: „Кто вас надоумил поехать к опальному Жукову? Ждите теперь больших неприятностей“.

Откуда она столь оперативно получила информацию о встрече на Кунцевской даче — осталось загадкой. Но она как в воду смотрела».

Первого июня 1947 года вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о «незаконном» награждении Руслановой и других

артистов орденами и медалями СССР: нарушен Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР»; Жукову объявлен выговор; Телегин уволен из армии. Вскоре генерала Телегина исключили из партии. 12 января 1948 года арестовали.

Вот вам и тетерева, новогодние дачники-затворники…

Из всего выходило, что надо брать не только Крюкова, но и Русланову.

Арестовали её, как уже было сказано, в Казани. Вместе с ней взяли её аккомпаниаторов Максакова и Комлева, а также конферансье Алексеева.

По другим данным, музыкантов и конферансье арестовали позже, когда Русланова дала на них показания, которые следователи квалифицировали как антисоветскую агитацию.

Теперь, видя общую картину событий, можно сказать, что коллегам певицы просто-напросто не повезло: их взяли для, так сказать, полноты сюжета. Чтобы арест Руслановой не выглядел как целенаправленное изъятие человека из среды. Её изъяли вместе с частью среды. И всем в конце концов припаяли стандартные обвинения — антисоветская пропаганда.

Из Казани Русланову переправили в Москву. Держали в Лефортовской тюрьме. В Лефортове она пробыла год. Пока шло следствие.

Лефортовская тюрьма была основана в 1881 году как военная, для содержания нижних чинов, осуждённых на небольшие сроки. Судьба не разводила Русланову с родной армией даже здесь, за железными дверями и зарешёченными окнами. После революции тюрьма перешла в ведомство ВЧК. Во время Большого террора именно здесь следователи НКВД пытали подследственных, выбивая самые невероятные показания. С 1954 по 1991 год в Лефортове был следственный изолятор КГБ. Здесь содержались известные диссиденты. До 2005 года тюрьма принадлежала ФСБ. В разные годы здесь держали маршала Василия Блюхера, писателя Александра Солженицына, артистку Зою Фёдорову. Здесь пытали многих фигурантов «трофейного дела». И здесь же будет дожидаться последнего своего рассвета перед расстрелом генерал Абакумов, талантливый сочинитель «трофейной» истории. Справедливости ради стоит отметить, что сочинял он её в основном под руководством Хозяина.

Обвинение Руслановой по тем-то временам выдвинули самое распространённое: антисоветская пропаганда. На первых же допросах она, судя по протокольной записи следователя, так и заявила: «В стране царит голод, народ обкладывается высокими налогами, в магазинах растут цены…» Ну разве не

антисоветчина?

Осведомители МГБ о подобных речах в среде артистов, писателей, художников и другой вольной публики доносили каждый день. И на очередное нытьё зажравшихся интеллигентов, которые сами от голоду не пухнут, можно было не обращать ровно никакого внимания. Но этой птице крылья надо было подрезать.

— И что вы мне собираетесь предъявить? — спросила она однажды следователя, чувствуя нажим всё на то же «трофейное дело».

И тот словно нитку бус перед ней рассыпал:

— Грабёж и присвоение трофейного имущества в больших масштабах, а также буржуазное разложение и антисоветскую деятельность.

Русланова спокойно выслушала и, через силу улыбнувшись, покачала головой. Всё, кажется, стало проясняться. Она пожалела, что в первые дни много лишнего наговорила о своих коллегах-артистах. Впоследствии она действительно будет корить себя за то, что оговорила гармониста Максакова и конферансье Алексеева. При первой же возможности, когда сама окажется на свободе, бросится их вызволять из-за колючей проволоки. Чувствовала за собой вину и старалась хоть как-то, пусть запоздало, загладить её.

Вот дело № 1762 по обвинению Крюковой-Руслановой Лидии Андреевны. Начато 27 сентября 1948 года и завершено 3 сентября 1949 года. Постановление на арест, утверждённое заместителем министра государственной безопасности Союза ССР генерал-лейтенантом Огольцовым.

> «Я, старший следователь Следчасти по особо важным делам МГБ СССР майор Гришаев, рассмотрев материалы о преступной деятельности артистки Мосэстрады Крюковой-Руслановой Лидии Андреевны, 1900 года рождения, уроженки города Саратова, русской, гр-ки СССР, беспартийной, с низшим образованием,
>
> НАШЁЛ:
>
> Имеющимися в МГБ материалами установлено, что Крюкова-Русланова, будучи связана общностью антисоветских взглядов с лицами, враждебными к советской власти, ведёт вместе с ними подрывную работу против партии и правительства.
>
> Крюкова-Русланова распространяет клевету о советской действительности и с антисоветских позиций осуждает мероприятия партии и правительства,

проводимые в стране.

Кроме того, Крюкова-Русланова, находясь вместе со своим мужем Крюковым В. В. в Германии, занималась присвоением в больших масштабах трофейного имущества.

Руководствуясь ст. ст. 145 и 158 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Крюкову-Русланову Лидию Андреевну, проживающую в гор. Москве по Лаврушинскому пер., 17, кв. 39, подвергнуть обыску и аресту».

Обыски прошли одновременно в московской квартире генерала Крюкова на улице Воровского и в квартире Руслановой в Лаврушинском переулке, в так называемом писательском доме.

Русланова перевезла и мужа-генерала, и дочь Маргошу в свою квартиру в Лаврушинский переулок. Квартира её была отделана в подчёркнуто русском стиле. Здесь размещалась коллекция живописи. Комнаты, обставленные старинной мебелью, дарили тот необходимый уют и тепло, которые были созвучны душе певицы, настраивали на творческий лад, помогали работать над новыми песнями, готовиться к концертам. Она так строго и с такой щепетильностью создавала свой мир, что не позволяла вносить в дом ничего лишнего, постороннего, что могло бы нарушить ту мелодию, которая здесь незримо звучала.

Однажды кто-то из друзей-артистов пришёл к ней со свёртком. То ли Хенкин, то ли Смирнов-Сокольский. И сказал:

— Хочу тебе, Лида, подарить маленький заварочный чайник!

— Железный? — спросила она.

— Нет. Фарфоровый.

— Русский?

— Немецкий. Старинный. Красивый.

— Всё равно — не надо. Зачем иноземщиной портить мою кухню?

— М-да!.. Плохо бы тебе жилось при царе Петре! Он за такую косность боярам бороды брил!

— Ну, я — не боярин, и борода у меня не растёт. А русский народ, между прочим, потому царей и прогнал, что они свое — родное — презирали.

— Значит, не любишь Европу.

— Европу — уважаю. А Россию — люблю до боли!

И вот квартиру в русском стиле и тот мир и уют, который генерал Крюков и Русланова создали своей любовью друг к другу, у них конфисковали.

Маргоша в один час снова стала сиротой. На этот раз и без

отца.

Генерал Крюков упросил офицеров МГБ, которые приехали за ним в то утро, не трогать дочь. Те посоветовали пристроить девочку к кому-нибудь из близких родственников, к опекунам. Генерал Крюков назвал фамилию своей сестры Клавдии Быловой.

Сестра сразу же приехала, написала заявление:

> В МГБ СССР Г. Москва От гр-ки Быловой К. В.
> ЗАЯВЛЕНИЕ
> Прошу передать под личную опеку мне, Быловой Клавдии Викторовне, дочь моего брата Крюкова Владимира Викторовича, Крюкову Маргариту Владимировну, рождения 1935 г.
> Обязуюсь воспитывать до совершеннолетия.
> Былова, проживающая по ул. Воровского, д. 8, кв. 61.
> 18.9.1948 г.

И ещё один документ:

> ПОДПИСКА
> Я, гр-ка Былова Клавдия Викторовна, проживающая по ул. Воровского, д. 8, кв. 61, даю настоящую подписку органам МГБ СССР в том, что беру под опеку дочь Крюкова Владимира Викторовича, своего брата, Крюкову Маргариту Владимировну, 1935 г. рождения.
> Былова
> Паспорт серии ТР № 715 974, Выдан 5 отделением милиции г. Москвы.
> 18.9.1948 г.

Маргарите Крюковой была выделена комната в коммунальной квартире в Сокольниках. Её даже обставили родительской мебелью: кровать, стол, шкаф, комод, пара стульев.

Офицер МГБ вернул альбом с фотографиями. Что-то дрогнуло в душе этого человека, уводившего отца от несовершеннолетней дочери.

Но проживала Маргоша не в Сокольниках, а на Арбате, у тёти Клавы, в большой коммунальной квартире.

Через полгода Клавдию Викторовну Былову арестовали. Что-то не получалось у следователей, и они решили выбивать недостающие факты из родни ключевых подследственных.

Клавдию Викторовну арестовали, как только она вышла из больницы, где перенесла онкологическую операцию. Те же вздорные обвинения: «…разделяла антисоветские взгляды Крюкова и Руслановой и высказывала клеветнические

измышления о политике советского правительства». Напрасно она пыталась убедить следователей, что никаких таких разговоров она с братом и Лидией Андреевной не вела, что в семейном кругу разговаривали только о семейном — о детях, о здоровье да о хозяйстве.

Клавдии Викторовне Быловой дали пять лет и выслали из Москвы в Красноярский край на поселение.

Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова рассказывала: «Пять лет я прожила сначала у одной папиной сестры, а когда её тоже арестовали, у другой».

Для следователей это был конечно же удачный ход. Да ещё какой. Генерала Крюкова можно было постоянно шантажировать дочерью. Возможно, это придумал сам Абакумов. Вот уж поистине талантливый был генерал. У него и сейчас много обожателей: мол, какую важную и трудную работу вёл Смерш на протяжении всей войны, а кто это всё наладил и кто этим сложным и эффективным механизмом управлял — генерал Виктор Семёнович Абакумов! Ему и тут, в расследовании «трофейного дела», ума и таланта хватило, чтобы раскрутить все истории: кто, когда, сколько и каким образом вывез из Германии трофейного шмотья, где хранит. У каждого из арестованных генералов и полковников были слабые, так сказать, точки. В них и били следователи. Кулаками, сапогами, иногда специальными молотками и иными приспособлениями для того, чтобы подследственные не утаили правды о своих коварных намерениях в отношении советского строя, партии и её вождей, не выгораживали своего бывшего командира и кумира Жукова.

Абакумов иногда приходил на допросы, проводимые следователями, задавал вопросы. Анализировал ответы, наблюдал за поведением подследственных, давал указания, как их «вести» дальше. Каждый день он являлся к Сталину докладывать о результатах.

— Ну что нового? — спрашивал генерал следователей. — Как ведёт себя Крюков? Говорит?

— Говорит. Но только после применения спецсредств.

— А ну-ка, ведите его. Я сам поговорю с ним, с этим гвардейцем-кавалеристом.

Приводили генерала Крюкова. Следы применения спецсредств покрывали всё его тело.

— Ну что, Крюков? Небось курить хочешь?

— Хочу, — кивнул генерал.

— Ну, я вот тебе принёс, так сказать, передачку — твои любимые. — И Абакумов вытащил из кармана пачку «Герцеговины флор».

В тюрьме старому заядлому курильщику Крюкову тяжелее всего было, как он потом признавался, без курева.

Папиросу он взял. И кивнул Абакумову, когда тот пододвинул к нему всю пачку. С чего бы вдруг такая щедрость? Неужели он вчера так много им наговорил? Да нет, с трудом собирал мысли генерал, на Жукова я им ничего такого, что им, должно быть, надо, не сказал.

— Кури, кури, — сказал Абакумов. — И на вопросы поточнее отвечай. Будешь упорствовать — будем бить. Понял? Искалечим на всю жизнь. Жена твоя тоже у нас.

— Знаю. Её-то вы, надеюсь, не трогаете? Она тут ни при чём. Совершенно ни при чём. Она — певица. И, кроме песни и сцены, её ничего не интересует.

— А дочь твоя пока на свободе. Поживёшь у нас, в тепле и на казённых харчах, до её совершеннолетия, а там посмотрим…

— Если я в чём-то виноват, уличайте меня фактами. Жена и дочь тут ни при чём. Вы сами это понимаете.

Абакумов усмехнулся:

— Мы, Крюков, будем уличать тебя фактами. Будем. — И Абакумов окликнул следователя, о чём-то с ним переговорил.

Вскоре в камере появился человек с резиновой дубинкой и другими приспособлениями для пыток.

— Вот, посмотри, Крюков, сколько у нас фактов, — усмехнулся Абакумов. — И каждый из них, согласись, более чем убедителен.

Генерала Крюкова били по нескольку дней подряд. Это были своеобразные серии допросов. Избиения чередовались с изощрённым давлением на психику. Когда после побоев он терял чувство времени и реальности, его приводили в себя напоминанием о том, что здесь, за стеной, находится его жена и что дочь Маргарита Крюкова, школьница, пока ещё на свободе, а не в детском доме Наркомпроса как социально опасная и способная к совершению антисоветских действий…

— Говори! Говори! — Следователь, тоже порядком измученный процедурой, зло матерился. — Ты уже никто! Говори!

Да, он уже никто. Не генерал-лейтенант Советской армии. Не Герой Советского Союза. Он лишён всех трёх орденов Ленина, ордена Красного Знамени, орденов Суворова и Кутузова.

Когда он приходил в себя, следователи снова спрашивали о картинах, о гобеленах, о машинах и коврах, о 700 тысячах рублей. Будь они прокляты…

Следствие длилось четыре года. Четыре года пыток и издевательств. Четыре года постоянного ада. Ещё одна война. 2

ноября 1951 года генерал Крюков был осуждён Военной коллегией Верховного суда СССР по статье 58–10 части 1 УК РСФСР и Закону от 7 августа 1932 года к лишению свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 25 лет, с поражением в правах на пять лет, с конфискацией всего имущества и с лишением медалей «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Варшавы» и «XXX лет Советской Армии и Флота». Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1952 года лишен воинского звания. Ходатайство о лишении звания ушло раньше.

Одновременно было завершено следствие по всем остальным фигурантам «трофейного дела». Это обстоятельство ещё раз подтвердило, что всей «трофейной» эпопеей руководили сверху.

Своей цели генерал Абакумов и его помощники достигнуть не смогли. Сам «фокстротчик» к тому времени уже потерял всё — и должность, и звание, и награды, — томился в тюрьме и терпеливо переносил побои и унижения следователей. Маршал Жуков по-прежнему находился на свободе. Правда, из Одесского его перевели во внутренний и второстепенный Уральский военный округ. Но никаких зацепок, чтобы упечь его туда же, куда и Телегина, Крюкова, Минюка[73] и других, следователям найти не удалось.

Генерал Минюк буквально издевался над Абакумовым и его подчинёнными, излагая свою версию «признания». Он упорно, из допроса в допрос, утверждал, что Верховное главнокомандование неправильно руководит Советской армией. И это заключается в следующем: «В своё время Чингисхан поручил умным руководить войсками, распорядительным — обозом, а неповоротливым доверял только коров…» В Советском Союзе, далее рассуждал он, делается всё наоборот: войсками руководят те, кто должен гонять коров… Следователи хорошо понимали, кого имеет в виду генерал Минюк. На посту министра Вооружённых сил СССР оказалась бездарная в военном отношении личность — Булганин. Войсками этот талантливый партиец никогда не управлял. Во время войны служил членом Военного совета фронтов. Присматривал за командующими — Жуковым, Коневым, Говоровым.

Поскольку Абакумов уже сидел, обвинительные заключения утвердил заместитель министра госбезопасности СССР генерал-полковник Сергей Гоглидзе. Так как «трофейная» версия особых результатов не дала, упор был сделан на «наличие контрреволюционного заговора». Следователи сработали

настолько плохо, что пришлось вытаскивать старые, затёртые и замызганные кровью ещё 1937–1938 годов лекала работников НКВД. Такие помощники Хозяину конечно же были не нужны, и он их постепенно отправлял в отставку.

Статья у всех обвиняемых была одна, стандартная 58–10.

Слушания проходили в закрытом режиме. Никакой информации и огласки. На скамье подсудимых генералы Василий Терентьев, Леонид Минюк, Александр Филатов, Владимир Крюков, Константин Телегин, Алексей Сиднев, Сергей Клёпов, Иван Варенников, адъютант маршала Жукова подполковник Сёмочкин, личный шофёр Жукова лейтенант Александр Бучин, другие. Генералов Василия Гордова, Григория Кулика и Филиппа Рыбальченко, которые проходили по параллельному делу и тоже содержались в Лефортовской тюрьме, к тому времени уже расстреляли.

Дело генерала Крюкова оказалось самым тяжёлым. Большинству его «подельников» влепили стандартную «десятку» и отправили кого в Вятлаг, кого на Волго-Донской канал. А ему отвесили по полной — «четвертак», 25 лет! За особые, так сказать, заслуги.

И следователи, и затем суд вменили в вину генералу Крюкову не только статью 58–10 УК РСФСР, но и Закон от 7 августа 1932 года.

Судьба словно пытала Русланову и её семью всеми страданиями, которыми страдал народ. Сиротство, которое оказалось не пережитым в детстве, вновь возвращалось, теперь уже к её дочери. Тюрьма, в которой томились тысячи безвинно осуждённых, теперь сдавила и её волю, отлучила от сцены. И вот — закон «О колосках», по которому сидели крестьяне, в основном женщины, матери, которые осмелились после жатвы набрать пучок колосков на колхозном поле, чтобы из новины испечь детям хлеба, придавил к лагерной проволоке её мужа. Генерала! Гвардейца, который вёл свой корпус от Москвы до Берлина! Человека, который знал поле как поле битвы, место, где окапывались его солдаты и где вели огонь его артиллеристы.

На родине в Даниловке говорили так: что в людях ведётся, то и нас не минует. Не миновало.

Обычно присвоение трофейного имущества квалифицировалось по статье 193–17 УК РСФСР. Но эта статья показалась следователям и суду слишком мягкой. И тогда вытащили закон «О колосках». По нему действия обвиняемого в хищении приравнивались к контрреволюционным преступлениям. Итак, к десяти годам по 58-й статье генералу Крюкову прибавили ещё пятнадцать — за «колоски». Власти

крестьян всегда боялись, так что уголовные статьи, касающиеся непосредственно сельской среды обитания, были самыми жёсткими.

Пока шло следствие, из МГБ «на улицу» постоянно выметался мусор для общества: генерала Крюкова и певицу Русланову «взяли на барахлишке». Слухи эти тут же подхватывал ветер и разносил сперва по всей Москве, а потом и «до самых до окраин». Не исключено, что кое-кому и из артистической братии эта история пролилась бальзамом на душу. Зависть способна на многое. Она ослепляет людей, заражённых этой психической болезнью, толкает на чудовищные поступки.

В обвинительном заключении по делу генерала Крюкова недвусмысленно говорилось о том, что «он морально разложился, занимался хищением ценностей, находясь в Германии и Польше». Сам обвиняемый пояснил буквально следующее: «Разъезжая с Руслановой по городам Германии, мы скупали за бесценок дорогостоящие меха, отрезы и другие ценные вещи, так как у нас было много денег. Из Германии привезли 4 автомашины».

Ну и что? В барахлизме, конечно, слегка погрязли. Но не более других. Все тогда грешили этим. Да и грех ли это был? Если уж говорить о справедливости, то надо было вывезти из Германии всё подчистую! Как делали это фашисты у нас, оставляя выжженную землю и зачастую не оставляя в живых даже ограбленных до нитки и до последнего сухаря жителей. Жгли в домах последних свидетелей — женщин, детей, стариков.

Немецкая промышленность даже в годы войны продолжала выпуск товаров народного потребления гораздо более высокого качества, чем наши советские заводы и фабрики. Мужики, осилившие врага и добравшиеся до его обоза, кинулись расхватывать трофеи. И это надо понять. Кто позаботится о их жёнах и детях? Кто их накормит? А кто их обобрал? Кто оставил без крова и пищи? Кто пришёл на их родную землю с оружием в руках? Чьи факельщики жгли деревню за деревней на Смоленщине, на Брянщине, под Тулой и Калугой, в Белоруссии? Немцы! Разве не так? Вот и пусть заплатят хотя бы малую толику за тот разор и мародёрство, которое творили на захваченных территориях…

В обвинительном заключении также говорилось о том, что генерал Крюков, будучи командиром 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, «сожительствовал с двумя медсёстрами… и наградил их» боевыми медалями, в чём полностью сознался.

Ну, хорошо хоть не сифилисом… Следователи могли придумать и такое.

Брать на себя роль адвоката своих героев, даже если их любишь, дело для автора крайне неблагодарное и двусмысленное. Но всё же по поводу этого «пункта» обвинения можно сказать: что ж, возможно, и сожительствовал, ему-то, полноценному мужику, когда он овдовел, было всего-то 43 года. Когда началась война — 44. И до встречи с Руслановой, можно предположить, у него были отношения с женщинами. Дело-то человеческое.

Хотя в деле нет фамилий тех медсестёр, на которых суду намекают следователи. А для подобного документа такие намёки — всё равно что пустой звук. И суд, если бы он был суд, такие аргументы обвинения, предъявленные столь непрофессионально, попросту отмёл бы как несущественные и как недоказанные, а значит, к рассматриваемому делу ровно никакого отношения не имеющие.

Позже некоторые «биографы» и публицисты, пишущие на военные темы, «развернули» этих медсестёр в бордель, якобы организованный для высшего офицерства, в том числе и для маршала Жукова. Ну как же без Жукова? Старый след подчинённых генерала Абакумова чувствовался в этом обвинительном заключении явно. След, который они, сами же, порядочно подзатоптали…

Не нашли. Не оправдал удачливый борец со шпионами надежд Хозяина. Тут, с маршалом Жуковым, с певицей Руслановой, надо было делать всё тоньше, интеллигентнее. Но ведь Лефортово не Большой театр и даже не Московская филармония…

Основными пунктами обвинения были следующие:

генерал Крюков вместе с генералом Минюком «высказывал недовольство по поводу смещения Жукова с должности Главкома»;

в частных беседах «с помощником командира 36-го стрелкового корпуса генералом С. П. Павловым утверждал, что у нас в стране отсутствует свобода личности»;

«вместе с женой занимался прославлением и преувеличением заслуг маршала Жукова».

А вот ответы генерала Крюкова, вернее, обвиняемого Крюкова, на вопросы председательствующего на суде генерал-майора юстиции Зырянова: «Когда в 1947 году Жуков был снят с должности Главнокомандующего сухопутных войск и назначен на должность командующего в ОдВО, я и Минюк выражали недовольство по этому поводу. Минюк рассказывал мне, что как-то на вечере один из офицеров плохо отзывался о Жукове. Минюк так возмутился, что со злости порвал свой китель».

«В 1946 году, по случаю дня рождения моей дочери, я пригласил к себе Жукова. У меня тогда собрались писатели и артисты с жёнами. Писатель Погодин[74] попросил Жукова рассказать что-нибудь о разгроме немцев под Москвой. Жуков рассказал, но при этом ни словом не упомянул о роли Сталина».

Вскоре председательствующий подошёл и к теме Руслановой:

> «— Правильно вы показали на следствии, что Русланова допустила враждебный выпад по адресу Советского правительства? — спросил генерал Зырянов.
>
> — Она не имела при этом враждебного намерения.
>
> — На следствии вы показали, что „при всяком удобном случае я превозносил Жукова, как непревзойдённого полководца, в чём мне активную помощь оказывала моя жена Русланова, которой по адресу Жукова было пущено в обиход образное выражение ‘Георгий Победоносец’“. Правильно показали?
>
> — Правильно.
>
> — Далее, вы дали такие показания: „В своём зазнайстве Жуков дошёл до того, что стал противопоставлять себя Верховному Главнокомандующему, бесстыдно заявляя, что не Сталину принадлежит заслуга в разгроме немцев, а ему — Жукову“.
>
> — Жуков никогда не говорил, что ему принадлежит заслуга в разгроме немцев, а не Сталину. Но поскольку он подчёркивал своё „я“, то я пришёл к такому выводу».

К «такому выводу» генерал Крюков «пришёл» на пятый день своего пребывания в Лефортовской тюрьме, когда его, избитого до полусмерти, приволокли к заместителю начальника Следственной части МГБ полковнику Лихачёву.

— Молчишь, гад! — заорал на генерала Лихачёв. — Пока молчишь, будем бить. Всем известно, что Жуков предатель. Ты должен дать на него показания. Хочешь спасти себя? А свою жену? А дочь? Учти, ты только пешка во всей этой игре. Всё равно мы тебя заставим подписать всё, что необходимо.

Полковника Лихачёва вскоре арестуют. Вместе с Абакумовым и его ближайшими подручными. И вот что он скажет следователям:

> «— Все арестованные ежедневно допрашивались с короткими перерывами до 5–6 часов утра.
>
> — Им не предоставлялось времени для сна?

— Да, фактически так и было, но такова была введённая Абакумовым система следственной работы СМЕРША, причём протоколы допросов арестованных по этому делу не составлялись. Я составлял обобщённые протоколы в отсутствие арестованных по своим заметкам».

По воспоминаниям самого генерала Крюкова, обычно его выводили на допрос в 10–12 часов дня и держали до 5–6 часов вечера, а затем в 10–11 часов вечера до 5–6 часов утра.

Из воспоминаний генерала Крюкова: «И начиналось зверское избиение резиновой палкой, причём били по очереди, один отдыхает, другой бьёт, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат. Я не знаю, сколько времени они избивали меня. В полусознательном состоянии меня унесли в „бокс“. На следующий день часов в 11–12 меня снова повели к следователю. Когда ввели в кабинет, меня снова капитан Самарин и тот же самый майор начали избивать резиновой палкой. И так меня избивали в течение четырёх дней и днём и ночью».

Поскольку на допросах протоколы не велись, то «по своим заметкам» полковник Лихачёв составлял их потом и записывал туда что хотел. А потом заставлял генерала Крюкова различными методами эти свои сочинения подписывать. Как показания.

Именно этими протоколами с «чистосердечными признаниями» сейчас зачастую пользуются некоторые исследователи. Приводя «документальные подтверждения» такого рода, эти авторы действуют теми же абакумовскими эмгэбэшными методами и, уж во всяком случае, опираются в своих сочинениях на показания, выбитые из людей самыми чудовищными пытками.

В 1953 году генерала Крюкова выпустят на свободу. Начнётся процесс реабилитации. Реабилитация невинно осуждённых — дело непростое и зачастую нескорое.

Все материалы дела генерала Крюкова заново исследовались. В ходе дополнительной проверки, как указывалось в заключении Главной военной прокуратуры, выяснилось, что «изъятые при аресте Крюкова ценности принадлежали его жене — Руслановой Л. А., и приобретались ею на личные деньги». Крюкову принадлежало несколько серебряных портсигаров и золотых часов, полученных в качестве подарков и наград в период боёв в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов.

Сохранилось свидетельство бывшего контрразведчика, художника и писателя генерала Бориса Гераскина, который утверждает, что многие художественные полотна, изъятые на

квартире генерала Крюкова, «принадлежали Киевской картинной галерее и были вывезены немцами во время войны в Прибалтику. Здесь награбленное настигли и отняли у немцев конники Крюкова».

В коллекции Руслановой, как мы знаем, «трофейных» полотен не обнаружено.

Бог с ними, с трофеями. Победителей без трофеев не бывает. И не должно быть. Главное в этой истории всё же в другом — ни генералы, ни Русланова, ни другие офицеры, проходившие по этому запутанному делу, не сдали своего боевого товарища, маршала Победы Жукова.

Тем не менее генералы с Лубянки своего добились. Они дали понять, что настоящие победители в минувшей войне — они. За ними стоял Сталин. Именно он поставил перед ними задачу: сбить спесь с маршалов и генералов, чтобы понимали, что война окончена и в них больше не нуждаются. Жуков, чей авторитет в народе был очень высок, в первые месяцы после победы был достаточно выпачкан в «трофейной» генеральской истории и на время уведён с главной сцены на второй план.

Дело было сделано.

Известный журналист и писатель Михаил Захарчук рассказал такую историю:

> «К 95-летию со дня рождения Руслановой я опубликовал в „Красной звезде“ небольшой материал о „соловьиной трели социализма“. Спустя какое-то время звонит мне государственный обвинитель Н., который выступал в суде над Лидией Руслановой. Возмущённый слуга советской Фемиды потребовал от меня ни много ни мало — дать опровержение в главной военной газете, в котором бы значилось: певицу судили не по политическим мотивам, а как спекулянтку и женщину не самого достойного поведения. Русланова, дескать, продавала на чёрном рынке вещи, которые они с мужем привезли из Германии, и вообще позволяла себе многое такое, чего нормальные советские люди в те времена себе не позволяли».

Что тут скажешь? Комментарии, как говорят, излишни. А всех этих Н. пора полными именами называть.

Генерал Крюков отбывал срок в Краслаге, типичном лесоповальном подразделении ГУЛАГа, образованном в начале 1938 года в период Большого террора. Лагпункты были разбросаны по всему Красноярскому краю от Минусинска и вниз по Енисею до полуострова Таймыр и двух морей — Карского и

Лаптевых. В начале 1950-х годов ежегодно через Краслаг этапами проходило до ста тысяч заключённых. Половину из них составляли политические.

Для Руслановой лагеря начались намного раньше.

А в 1948 году следователи продолжали вести интенсивные допросы.

— Где вы были арестованы?

— В Казани.

— Как вы там оказались?

— Вначале в составе концертной бригады я оказалась в Ульяновске, а оттуда меня пригласили в Казань.

— Кто был с вами на гастролях?

— Мои аккомпаниаторы Максаков и Комлев, а также конферансье Алексеев.

— Имеющимися в распоряжении следствия фактами установлено, что вы вместе с Алексеевым неоднократно вели разговоры антисоветского содержания. Вы признаёте это?

Она признала. Но тут же уточнила, что это не более чем обычное старческое ворчание двух стариков, которым скоро на пенсию…

В другой раз следователь заговорил о её муже.

— Когда, где и как вы познакомились с генералом Крюковым?

— В мае 1942-го в составе концертной бригады я выступала во 2-м гвардейском кавалерийском корпусе, которым командовал Крюков. Там мы и познакомились.

На допросах с ней обращались вежливо. Но постепенно вежливость следователей стала сменяться раздражительностью. Время шло, а Русланова ничего существенного не показывала. Она явно не оправдывала тех надежд, которые на неё возлагались.

Ошеломлённая арестом, неволей, известием о том, что и муж тоже арестован, что с ним, как и с другими генералами, в тюрьме обращаются жестоко, что неясна судьба Маргоши, она вначале допустила слабость и наговорила лишнего об Алексееве и Максакове. Потом спохватилась. Поняла, что навредила им. И взяла себя в руки. Осознала, что просто так из этих стен не выбраться, что единственный выход — принять и этот удар судьбы, терпеть, но терпеть, не теряя человеческого достоинства.

Однажды Руслановой сказали, что у неё будет другой следователь. Её привели в незнакомую комнату. Когда вели, из глубины коридора слышались стоны. Стонал мужчина. У неё дрогнуло сердце.

Вошла в открытую дверь. Опрокинутый табурет. Пол залит

кровью. У стола стоял министр МГБ. Она его узнала сразу. Встречались. Были знакомы. Он аплодировал ей на концертах. Она обратилась к нему по имени и отчеству и спросила, по какому праву с ней так обращаются.

— Только что здесь был ваш муж, — ответил Абакумов. — Чувствуете запах его любимого табака? — И указал на опрокинутый табурет и пятна крови на полу.

Наступила напряжённая пауза. Наконец Абакумов сказал:

— Подпишите вот этот документ, и через несколько часов вы будете на свободе. Рядом с дочерью.

— Что это? — спросила она.

— Ваши показания.

— Что в них?

— Правда, — улыбнулся Абакумов. — Свидетельские показания о том, что ваш муж, генерал Крюков, и маршал Жуков вели разговоры, порочащие правительство, армию и товарища Сталина.

— Я подобный вздор подписывать не буду.

Больше она не проронила ни слова.

В ту ночь Русланову увели не в камеру, а в карцер, находившийся в подвале. На стенах там висел иней. Верхнюю одежду у неё отобрали.

Дверь за спиной тяжело захлопнулась, звякнул засов. На узницу сразу дохнуло холодом. Иней медленно опадал со стен и потолка, превращался на бетонном полу в мокрые пятна. Похоже, здесь совсем недавно находилась холодильная установка.

Вскоре холод стал невыносимым. Русланову трясло. Она начала кричать. Она звала министра. Звала его по имени и отчеству, как час назад называла во время странного допроса.

И к ней пришли. Не министр, конечно. Пришёл следователь. Прежний. И сказал:

— Зачем вы кричите? Напрасно отказались подписывать. Ещё не поздно подумать и подписать. — Следователь помолчал, сочувственно вздохнул и сказал: — Ну что вы, Лидия Андреевна, упираетесь. Подмахните эту бумагу и дело с концом. В лагере ведь полегче будет… чем здесь…

— Послушайте, — сказала она, дрожа от холода и негодования, — зачем вы меня поместили в эту камеру? Ведь я — певица. У меня от переохлаждения голос пропадёт. Вы же не отрубаете руки рабочим!

Следователь, подумав, приказал вернуть ей одежду и отвести в общую камеру. Она возвращалась в тепло. Это было первой её победой. И не только над собой.

Её дело теперь вёл только майор МГБ Гришаев. Абакумов

больше не приходил. И в холодильную камеру её больше не сажали.

— Какие награды вы имеете? — в другой раз спросил Гришаев.

И Русланова сразу поняла: теперь будут пытать по поводу ордена. Значит, ходят вокруг «Георгия Победоносца»…

— Я награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»[75].

— А разве других наград не имеете?

— Имею. — И тут же исправилась: — Имела. В августе 1945-го я была награждена орденом Отечественной войны первой степени.

Эта история по-прежнему больно ранила душу.

— В августе 1945-го я была награждена этим орденом, однако в 1947-м этот орден, как незаконно выданный, у меня отобрали.

— Кем вы были награждены?

Майор Гришаев загонял её в угол.

— Награждена я была по приказу командующего оккупационными войсками… Приказ есть в деле, можете посмотреть.

— Я посмотрю. Но вы отвечайте на поставленные вопросы.

(Эх, архивы, архивы… На них обычно возлагаются большие надежды. И становится очень горько, когда выясняется, что эти надежды напрасны… Руслановский архив оказался очень сильно подчищен. Отметили это ещё самые первые исследователи, которые занимались биографией не только великой певицы, но и великого полководца. Имя Жукова в следственном деле Руслановой и некоторые другие места тщательно вымараны.)

— За какие заслуги вас наградили?

— Я точно не знаю. Насколько мне помнится, за культурное обслуживание воинских частей и за то, что на мои деньги куплены две батареи миномётов.

Казалось бы: ну что тебе, майор, ещё надо? Под пулями она выступала? Выступала. Жизнью рисковала, когда давала концерт на замаскированном аэродроме, который в это время усиленно разыскивали немецкие самолёты? Рисковала. Две батареи «катюш» — целый дивизион! — на свои кровные построила и в артиллерийский полк передала? Передала. Более тысячи концертов на фронте дала? Дала. Да Русланова со своими музыкантами работала как целый политотдел армии или даже фронта! А сам ты, майор, во время войны где был? В окопах? Или в тылу ловил струсивших и бросивших окопы бедолаг в мокрых штанах и ставил их в оврагах перед пулемётом?..

— В каких взаимоотношениях вы находились с Жуковым? —

Майор Гришаев отрабатывал установку Абакумова: вытрясти из певицы всё, что связано с маршалом.

— Мы с Жуковым были хорошими знакомыми. Мой муж Крюков и Георгий Константинович старые сослуживцы: когда Жуков в Белоруссии командовал дивизией, Крюков у него был командиром полка. Как мне рассказывала жена Жукова Александра Диевна, они дружили домами, бывали друг у друга в гостях. Познакомившись с Жуковым и его семьёй, я тоже неоднократно бывала у них на квартире. Один раз Жуков с женой был в гостях у нас.

Майор Гришаев записывал все подробности, связанные с именем Жукова. Направленность его интереса для подследственной вскоре стала совершенно очевидной.

— Теперь, может быть, скажете правду, за что Жуков наградил вас орденом?

А вот здесь, можно предположить, за протоколом остался напряжённый диалог, результатом которого явился следующий ответ Руслановой. Следователь буквально за язык вытянул признание. Что ж, это тоже — профессия.

— Справедливости ради я должна сказать, что если бы не была женой Крюкова и не была лично знакома с Жуковым, то навряд ли меня бы наградили орденом. А получила я его во время празднования годовщины организации корпуса, которым командовал Крюков.

Есть в протоколах допросов и другие откровенные признания, собранные следователем в одну кучу. Явно для предъявления заказчику. Профессия требовала, майор старался. А она конечно же боялась, что её снова отправят в холодильную камеру.

— Когда его понизили в должности и отправили в Одессу, в канун октябрьских праздников я послала ему телеграмму, которую подписала: «Преданная вашей семье Русланова». А в устных беседах говорила, что считаю его великим полководцем, великим человеком и я готова идти за ним хоть в Сибирь…

Она знала цену этим словам, этим своим признаниям. И первые несколько шагов «в Сибирь» уже сделала. Знал бы маршал Жуков, какой верный солдат вырван из его войска. Впрочем, он знал. Конечно, знал. Знал её неуёмный характер, её неосторожность, прямолинейность. Он и сам порой был таким же. Потому и не смог удержаться на вершине пирамиды, когда война закончилась и надо было действовать более осмотрительно и хитро. Но с партийцами разве сравнишься. У них каждый шаг продуман на несколько ходов вперёд. Рядом с ними он выглядел слабым политиком.

— А что за антиправительственный тост произнесли вы на

одном из банкетов?

— Это был банкет на даче Жукова. Он принимал самых близких друзей. Посчастливилось там быть и мне. А тост был за тех женщин — жён офицеров, которые прошли с мужьями большой жизненный путь и умели ждать, когда они были на фронте. Потом я сказала, что так как нет орденов, которыми бы награждали за верность и любовь, то я, желая отметить одну из таких жён, Жукову Александру Диевну, хочу наградить её от себя лично. С этими словами я сняла с себя бриллиантовую брошь и вручила её Александре Диевне.

Значит, было всё-таки награждение орденом у Бранденбургских ворот или на ступеньках дымящегося рейхстага. Значит, маршал Жуков вручал ей орден именно там, во время того триумфального концерта. А жест Руслановой на даче среди гостей, её бриллиантовая брошь для Александры Диевны — это был ответный жест. Знак благодарности и дружбы.

По рассказам дочери маршала Жукова Эры Георгиевны, эту уникальную брошь Русланова приобрела с трудом. У кого, неизвестно. Во всяком случае, не в антикварном магазине. Брошь не хотели продавать: как же, её носила сама Наталья Николаевна Гончарова, жена великого Пушкина. Но когда Русланова сказала, для кого она приобретает брошь, ей тут же уступили. Словосочетание «маршал Жуков» в победном сорок пятом было поистине магическим.

Как видно из ответов Руслановой, она ни о чём не жалела. Да, была близка к Жуковым. Да, уважает его как великого полководца и великого человека. А ведь тогда ещё никто не знал, что будет с маршалом. Один маршал, Новиков, уже сидел в Лефортовской тюрьме, ходил на допросы, терпел побои и унижения, ждал своей участи. Троих генералов только что расстреляли. Она видела кровь своего мужа, опрокинутый табурет, которым, должно быть, его и били… И всё же отвечала смело. Шла борьба с самой собой. Самая страшная схватка.

— Материалами следствия вы изобличаетесь в том, что во время пребывания в Германии занимались грабежом и присвоением трофейного имущества в больших масштабах. Признаёте это?

— Нет!

Так, пошла другая тема. Которая из них главная?

— Но при обыске на вашей даче изъято большое количество ценностей и имущества. Где вы его взяли?

— Это имущество принадлежит моему мужу. А ему его прислали в подарок из Германии. По всей вероятности, подчинённые.

При обыске на даче генерала Крюкова в Полушкине сотрудники госбезопасности нашли винтовку системы Мосина и автомат ППШ. Когда майор Гришаев спросил об оружии, она простодушно ответила, что об оружии слышит впервые, и должно быть, его оставили солдаты, которые охраняли дачу в 1945 году, когда её муж привёз туда купленное в Германии имущество.

Следователь сказал, что, по агентурной информации, ковры, изъятые на даче и в московских квартирах, взяты генералом Крюковым на ковровой фабрике в 1945 году, когда 2-й гвардейский кавкорпус, продвигаясь к Эльбе, занял небольшой немецкий городок. Что бывший адъютант генерала Крюкова капитан Алавердов дал показания, что возил Русланову в Потсдам, где она покупала у немцев меха и другие ценные вещи.

Она ответила, что действительно купила в Германии много вещей, что за всё платила, что всё приобретено честно, по обоюдному согласию с тем, у кого покупала ту или иную вещь.

В это время на квартире и на даче маршала Жукова сотрудники госбезопасности искали «чемодан с драгоценностями». По тем же агентурным данным, которые поступили из Германии, Жуков якобы вывез большую партию драгоценных камней. Ходили слухи, что эти камни — чуть ли не сокровища нацистов, партийная касса и тому подобное. Что, возможно, на эти бриллианты Жуков хочет устроить переворот в стране и захватить власть. Было произведено несколько негласных обысков. Результатов они не дали — «чемодан с драгоценностями» не нашли. Видимо, после неудачи у Жукова решили искать бриллианты у Крюкова. Тем более что знали: драгоценные камни у Руслановой есть. Хозяин требовал результата — будет результат…

По поводу шкатулки с драгоценными камнями Русланова долго молчала. Тогда майор госбезопасности применил весьма расхожий приём: он напомнил о дочери и о няне Егоровой, которые были «пока на свободе…». Русланова сдалась: «Когда я представила себе, как будут мучить эту старушку и как она будет умирать в тюрьме, я не смогла взять такой грех на душу и своими руками написала ей записку о том, чтобы она отдала шкатулку».

Пятого февраля 1949 года следователь Гришаев явился на очередной допрос в хорошем настроении. Он объявил своей подследственной, что «дополнительным обыском в специальном тайнике на кухне под плитой в квартире бывшей няни Егоровой, проживающей на Петровке, 26, были изъяты принадлежащие вам 208 бриллиантов и, кроме того, изумруды, сапфиры, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия».

«Нашли», «нашли»-таки абакумовские трудяги «германские

сокровища». Доблестно приписали себе драгоценную «находку» и теперь ликуют.

— Почему вы до сих пор скрывали, что обладаете такими крупными ценностями?

Вопрос был для протокола. Уже не скрывала. Даже записку написала старушке-няне, боясь за её жизнь. Русланова хорошо понимала, что, кроме неё, Егорову уже никто не пожалеет…

Ответ тоже был для протокола. Вероятнее всего, майор госбезопасности сам его и сочинил:

— Мне было жаль… Мне было жаль лишиться этих бриллиантов. Ведь их приобретению я отдала все последние годы! Стоило мне чуть краем уха услышать, что где-то продаётся редкостное кольцо, кулон или серьги, и я не задумываясь покупала их, чтобы… чтобы бриллиантов становилось всё больше и больше.

Стиль явно не руслановский. Она бы рубанула обо всём этом, бриллиантово-изумрудном, иначе — короче и ярче. Но у следствия требования к чистоте документов свои.

Следователю нужно было показать Русланову жадной стяжательницей, скрягой-накопительницей. И что «все последние годы» она не просто пела для солдат, а скапливала сокровища. Что постепенно превращалась в бездумную скупщицу, которой владела болезненная страсть и ничего более. Дальнейшие события покажут, что это не так. Бриллиантами Русланова действительно владела. Но не они ею.

— А где вы брали деньги?

— Я хорошо зарабатывала исполнением русских песен. Особенно во время войны, когда «левых» концертов стало намного больше. А скупкой бриллиантов и других ценностей я стала заниматься с 1930 года и, признаюсь, делала это не без азарта.

Шкатулка из красного дерева была доставлена в Лефортовскую тюрьму для опознания и проведения следственных действий по каждому предмету, находящемуся в ней.

Следователь доставал драгоценный камень и показывал Руслановой. Она комментировала:

— Этот бриллиант в оправе я купила ещё до войны у Евгении Лионозовой, по её словам, родственницы известного в прошлом нефтепромышленника Лионозова[76]. Она пришла ко мне по рекомендации первой жены моего бывшего мужа Михаила Гаркави Лидии Беркович, певицы Мосэстрады. Эти два изумруда я купила в 1947 году у неизвестного, который принёс мне их на квартиру. Опасаясь подделки, я вместе с ним отправилась на госювелирную фабрику на Пушечной улице, куда обычно

отдавала в починку свои драгоценности. Ювелир признал их настоящими, и я купила их за 75 тысяч рублей. Третий изумруд я приобрела в 1943 году за 22 или 33 тысячи рублей, точно не помню, у циркового артиста Петринского. А четвёртый — ещё в 1930 году в Ростове-на-Дону у бывшего владельца обувного магазина Смирнова.

— Вот эти ещё два крупных бриллианта, оценённых в 100 тысяч рублей?

— Их мне сбыл в 1930 году вместе с изумрудом тот же Смирнов.

— А серьги стоимостью 72 тысячи рублей?

— Я их приобрела в 1935 году за 25 тысяч рублей у бывшей купчихи Замоскворечья, адрес и фамилию которой не знаю. Её порекомендовала мне знакомая Гаркави, артистка по имени Галя. Золотое кольцо с бриллиантом я купила в 1946 году у приятельницы артиста Всесоюзного радиокомитета Михаила Михайлова за 30 тысяч рублей. Золотое кольцо с бриллиантами — в 1947 году у приятеля моей медсестры Полины Петровны. Платиновую брошь, осыпанную бриллиантами и изумрудами, — незадолго до войны у родственницы артистки Большого театра Збруевой. У самой Збруевой[77] в 1931 году я приобрела дамский золотой ридикюль. Золотой браслет с подвесками и медальоном мне продал артист-гусляр Михаил Северский[78] в 1944 или в 1945 году.

Ну что, дорогой читатель, покопались в бриллиантах Руслановой? Довольно. Побредёмте же дальше. К коллекции картин.

Майор госбезопасности Гришаев:

— У вас на квартире в Москве по Лаврушинскому переулку изъята большая коллекция картин известных русских художников, достойная хранения в Третьяковской галерее. Как эти полотна к вам попали?

— Я их приобрела на свои деньги. Начала заниматься коллекционированием ещё с 1930 года. Всего за картины я заплатила около полумиллиона рублей, но по нынешним ценам они стоят значительно дороже.

— Такая крупная сумма?

— Я коллекционирую лишь подлинные работы знаменитых русских художников. Причём я взяла себе за правило: прежде чем приобрести какую-либо картину — показать её авторитетным искусствоведам, которые бы определили её подлинность и художественную ценность.

— Кого вы привлекали в качестве экспертов?

— В Москве я обращалась за консультацией к видному

искусствоведу, художнику, академику Игорю Грабарю, а также к художнику объединения «Всекохудожник»[79] Филиппу Тоскину. Однако большинство картин куплено в Ленинграде. Там мне помогали искусствовед Ерёмич, работавший в Эрмитаже, и художник-реставратор Сосновский, работавший в Русском музее.

— Назовите людей, у которых вы покупали картины.

— Сама я обычно их не покупала у владельцев, а поручала производить сделки моему посреднику, проживающему в Ленинграде, художнику Станиславу Бельвину. Он получал у меня за посредничество десять процентов от стоимости каждой картины.

— В Москве у вас также имелись посредники?

— Да, несколько ценных работ я приобрела через занимавшегося спекуляцией картинами Валерия Трескина. Несколько полотен мне продал артист московской эстрады Григорий Афонин[80].

При обыске квартиры в Лаврушинском переулке и изъятии картин следователи не могли определить авторство половины работ, а точнее, шестидесяти полотен. В описи, составленной искусствоведами в сапогах, значится 60 работ неизвестных художников. Среди опознанных была картина Василия Верещагина «Маршал Даву в Чудовом монастыре» из знаменитого его цикла работ о 1812 годе, полотно Михаила Врубеля «Царевна-Лебедь». Оригинал работы хранился в Третьяковской галерее. В коллекции Руслановой был один из законченных этюдов шедевра. Картине «Царевна-Лебедь», её загадочному образу Александр Блок посвятил стихотворение:

Дали слепы, дни безгневны,
Сомкнуты уста.
В непробудном сне царевны,
Синева пуста.
Были дни — над теремами
Пламенел закат.
Нежно-белыми словами
Кликал брата брат…

Нашу героиню интересовала в большей степени именно поэзия картин, постепенно, год за годом, собранных ею, а не их постоянно растущая стоимость. Хотя, как и для всякого коллекционера живописи, последнее конечно же имело значение.

— Не стану отрицать, что и приобретению художественных полотен я отдавалась со всей страстью, — продолжала Русланова. — Однако моя коллекция картин не идёт ни в какое

сравнение с другими частными коллекциями. Многие артисты также собирают картины и драгоценности. Когда в 1930 году я стала заниматься скупкой картин, народная артистка СССР Екатерина Гельцер уже имела многочисленную богатую коллекцию работ знаменитых русских художников.

Балерину Екатерину Гельцер Русланова упомянула неспроста. Сталин уважал и, возможно, даже обожал Екатерину Гельцер. Хотя к балету относился почти равнодушно. Она была женой Карла Густава фон Маннергейма, и у них был общий ребёнок, которого успел забрать с собой отец — офицер русской армии, а затем маршал и президент Финляндии. В Большом театре её называли «Женщина-орлица» — за вспыльчивый характер и гордый нрав. Однажды, узнав о том, что «кремлёвский нимфоман» Михаил Калинин обесчестил одну из её учениц, Екатерина Васильевна схватила со стола бюст Мефистофеля каслинского литья и со всего маху запустила во «всесоюзного старосту». Тот успел увернуться. Но Сталину доложил. Сталин только рассмеялся.

— Их я сама видела у неё на квартире, — продолжала Русланова. — Я также видела у Гельцер изумруды и бриллианты весьма крупных размеров. Большим количеством драгоценностей обладает и народная артистка СССР Антонина Васильевна Нежданова. Среди артистов ходит анекдот, что когда Нежданова надевает свои бриллианты, её муж, Голованов, боясь, как бы она их не растеряла, ходит за ней с совком. Сам Голованов собрал ценную коллекцию русской живописи и старинных икон. Народный артист республики Владимир Яковлевич Хенкин коллекционирует картины и закупает золотые часы. Богатым человеком среди артистов слывёт Ирма Яунзем, которая известна на сцене уже давно, выезжала на гастроли в Индию и Китай, почти постоянно разъезжала по городам СССР. Муж Ирмы Яунзем по её поручению скупал исключительно драгоценности. Имеются ценные бриллианты и у Леонида Утёсова. Я сама видела их на жене и дочери Утёсова. Много драгоценностей во время войны скупал дирижёр Всесоюзного радиокомитета Орлов[81]. Большая коллекция картин собрана артистом эстрады Афониным. Скупает картины и артист эстрады Николай Смирнов-Сокольский. У него на квартире я видела библиотеку с редчайшими уникальными изданиями русских и западных классиков. Заслуженная артистка республики Любовь Орлова многократно участвовала в незаконных «левых» концертах и нажила большие деньги. Люди, приносящие драгоценные вещи, которые я по тем или иным причинам не покупала, рассказывали мне впоследствии, что приобретала их Любовь Орлова[82]. Композитора Исаака

Дунаевского среди артистов называют советским миллионером, у которого имеется большое количество картин и бриллиантов. Артисты эстрады Шульженко и Коралли, как рассказал мне бывший дирижёр джаза Шульженко, также занимаются скупкой драгоценностей. Богатыми коллекционерами картин являются артист Большого театра Батурин[83] и артистка МХАТа Еланская[84]…

Последний «монолог» — явная работа майора госбезопасности. Даже стиль выдаёт твёрдую, набитую руку бывалого следователя. Что и говорить, майора Гришаева охватил явный азарт охоты: наклёвывалось дело, которое объединяли: а) богатые коллекции (драгоценные камни, картины, иконы, редкие антикварные книги, золотые часы и пр.), собранные не всегда законными средствами); б) среда, в которой эта буржуазная зараза пустила корни, а именно — артистическая. Если начальство даст этому дальнейший ход, появится ещё одно громкое дело — к примеру, «Дело артистов-спекулянтов» или что-то подобное. Бриллианты, предметы старины из золота и платины, картины, антиквариат… Дело может стать очень перспективным…

Надо заметить: ленинградский след снова назван, обозначен, но — никакого дальнейшего развития. Можно предположить, что и это место в протоколе всего лишь работа майора Гришаева. Если бы ленинградская тема на допросах пошла, то мы бы сейчас читали в ответах Руслановой, когда, у кого, что именно и за какую цену она приобрела тот или иной предмет, картину и пр. Однако никаких конкретных подтверждений того, что Русланова вывозила картины из блокадного, именно блокадного, а не довоенного Ленинграда, в протоколе нет. Довоенный Ленинград майора Гришаева не интересовал. Либо он всё же звучал во время допросов, но в протоколы по известной причине не попал.

«Трофейное дело» рассыпалось, и постепенно от «бриллиантовой» версии следователю, работавшему с певицей, приказано было отойти и разрабатывать стандартную, проверенную, которая уже многие годы не давала осечки, — «клевета на советскую действительность», «подрывная работа против партии и правительства». Не выпускать же Русланову на свободу «за недостаточностью улик». Выпускать ни в коем случае нельзя. Тогда ведь и картины возвращать надо. И квартиру. А что делать с бриллиантами и изумрудами?..

Но давайте всё-таки допустим, что отчасти вышеприведённый «монолог» из «Дела № 1762 Руслановой-Крюковой» действительно признания подследственной. Ведь она говорила правду. Стилистика доноса, которая сквозит в каждой фразе

документа, — это уже продукт, созданный специалистами МГБ для долговременного пользования. «Признания» Руслановой потом, спустя какое-то время, можно было показать и Орловой, и Батурину, и Гельцер, и Утёсову, и Смирнову-Сокольскому. Просто вызвать их на беседу и почитать любопытный диалог осведомлённой певицы и майора МГБ. Вот когда новые и новые шкатулки сами полезут из тайников этой прогнившей интеллигентской своры…

Но нет, время для громких «бриллиантовых» скандалов ещё не пришло. Майор Гришаев слишком торопил события. Неизвестно, дожил ли майор МГБ до настоящего «бриллиантового» дела, а точнее дел, ведь их было несколько. Шеф его, генерал Абакумов, и многие заместители не дожили. Русланова тоже не дожила.

В 1980 году был совершён налёт на квартиру вдовы писателя Алексея Толстого Людмилы Ильиничны. Людмила Ильинична, четвёртая жена Толстого, урождённая Крестинская, соавтор многих сценариев по произведениям своего покойного мужа, унаследовала огромное состояние: недвижимость, прекрасную коллекцию живописи всемирно известных художников, антиквариат и… бриллианты. Среди похищенных драгоценностей оказалась вещь, которой в прямом смысле не было цены, — брошь работы старого французского ювелира из коллекции Людовика XV. Представьте себе благородную королевскую лилию, усыпанную тридцатью достаточно крупными бриллиантами, с огромным рубином в центре. Другим ценнейшим предметом, который всё же имел оценочную стоимость, были бриллиантовые серьги. Они были оценены в 278 тысяч рублей. Для сравнения: популярная тогда и достаточно престижная машина «жигули» стоила около шести тысяч рублей.

Людмиле Ильиничне Толстой в тот роковой год было около восьмидесяти, но её, как говорят, понесла нелёгкая на приём в румынское посольство, да при всех фамильных драгоценностях. Свои «доспехи» она надела впервые. Никто, кроме гостей румынского посольства, их на Толстой не видел. Поэтому сыщики мгновенно поняли, что искать надо именно в кругу людей, бывших на приёме. Подозрение пало на Бориса Буряце, цыганского певца, солиста ансамбля «Ромэн», большого ценителя состоятельных женщин и любителя красивой жизни. Однако на следователей тут же прицыкнуло начальство: Борис *Бриллиантовый* или *Цыган* — а именно так называли попавшего под подозрение в узких кругах, занимавшихся оборотом драгоценных камней и дорогих украшений, — был близким другом Галины Брежневой, дочери генерального секретаря ЦК

КПСС.

Через год ограбили цирковую артистку, народную артистку СССР Ирину Бугримову.

На праздничное представление по случаю юбилея советского цирка собралась вся правящая партийная и советская верхушка. С жёнами. Жёны и взрослые дочери блистали нарядами и изысканными украшениями. Все восхищались великолепием бриллиантов Галины Брежневой. От неё не отставала жена министра внутренних дел СССР Светлана Щёлокова. Но когда появилась семидесятилетняя укротительница львов и тигров Ирина Бугримова, ценители и ценительницы бриллиантов буквально оцепенели. Такого в Москве не видел ещё никто.

И вот спустя некоторое время неизвестные грабят квартиру Бугримовой на Котельнической набережной. Похищают все драгоценности. Коллекция бриллиантов Ирины Бугримовой считалась одной из самых лучших частных собраний мира.

Расследование вели сотрудники КГБ. И вскоре нашли и похитителей, и часть похищенного.

Дело держал на контроле шеф КГБ Юрий Андропов. Обо всех фигурантах докладывал Леониду Ильичу Брежневу. Поскольку в истории с бриллиантами была явно замешана дочь Брежнева, операцию предстояло провести тихо и быстро, с привлечением самых опытных сотрудников.

Стало очевидным, что такие камни похитители сбыть в стране не смогут, постараются вывезти за рубеж. И вот спустя несколько суток в аэропорту Шереметьево был задержан пассажир, у которого обнаружили замшевый мешочек, тщательно зашитый в полу пальто. В мешочке лежали три самых крупных бриллианта из коллекции Ирины Бугримовой. Офицеры ведомства Юрия Андропова работать умели, и через несколько дней все налётчики уже сидели за решёткой и наперебой с большой охотой давали показания.

Все трое назвали имя наводчика, получившего баснословные комиссионные, им, как и ожидалось, оказался Борис Буряце. Тут же на квартире Цыгана, купленной для своего сердечного дружка Галиной Брежневой, был произведён тщательный обыск, который подтвердил показания арестованных и заставил следователей «вернуться к другим нераскрытым делам».

Цыгана вызвали на допрос. Галина Леонидовна уже не могла мешать ходу следствия. Буряце явился на допрос, как писали потом журналисты, «в норковой шубе и норковых сапогах, с болонкой в руках и дымящейся сигаретой в зубах». Форс с Бориса Бриллиантовича слетел мгновенно, как только он понял, что его всесильная покровительница выведена из игры: ему объявили, что

он арестован и что как минимум ближайшие пять суток он проведёт в Лефортовской тюрьме. Из тюрьмы Борис Бриллиантович так и не вышел, «умер при загадочных обстоятельствах».

Коллекция Ирины Бугримовой была возвращена владелице. Престарелой вдове Толстого тоже вернули всё, кроме королевской лилии, которая канула как в пучину.

С Алексеем Толстым Русланова была хорошо знакома. Известна байка: будто бы на одном из банкетов Лидия Андреевна случайно опрокинула бокал с вином на скатерть, вино разлилось, что-то попало и на Толстого, сидевшего рядом. Тот недовольно пробормотал: «Осторожно, будет пятно на моих брюках!» На что Русланова сказала: «У тебя без пятен только брюки и остались!»

Заказчиком обоих налётов был человек, хорошо разбиравшийся в бриллиантах. Он так и остался неизвестным.

Светлана Щёлокова, как известно, покончила с собой. А вслед за ней застрелился и её муж — экс-министр внутренних дел СССР генерал армии Николай Анисимович Щёлоков. Генерал ушёл с достоинством: надел парадный мундир со всеми наградами, зарядил дорогое охотничье ружьё «Гастин-Раннет», подаренное ему к очередному дню рождения, и подвёл стволы под подбородок…

Галина Брежнева закончила свои дни среди бомжей и пустых бутылок.

Судьба же налётчиков сложилась так.

Их было четверо. Девятнадцатилетняя Вероника Пордеа, бывшая элитная проститутка, а к тому времени жена французского дипломата, которая посещала вдову Толстого и всё выведала. После того как её подельников начали брать с поличным, она спешно покинула СССР — уехала к мужу во Францию. Фарцовщик Лёня Слепак из Одессы был задушен в камере Лефортовской тюрьмы во время следствия. Потомственный вор Толик Бец по кличке Котовский, имевший несколько побегов, был застрелен конвойным во время «попытки побега».

Вот это детектив! Сюжет для любителей немеркнущего жанра.

Наш жанр другой. Судьба Руслановой в рамки детектива не вмещается…

В какой-то момент, когда отношение к ней следователя стало более мягким и почти доброжелательным, Русланова почувствовала: вот сейчас разберутся и отпустят. Но следствие ещё не закончилось, а с воли передавали: вышло распоряжение Главного управления по контролю за репертуаром при

Наркомпросе СССР, согласно которому на её песни наложили запрет. «Снять с дальнейшего производства и запретить использовать в открытых концертах, трансляциях и радиопередачах все грампластинки с записями Лидии Руслановой. Разрешить реализацию имеющегося в наличии количества грампластинок в торговой сети, не допуская рекламной трансляции этих пластинок в магазинах».

В народе ходили слухи, что их любимую певицу посадили «за правду». А правда-де была такой: Русланова где-то прилюдно, чуть ли не на концерте, спела такую частушку:

Слева — молот,
Справа — герб.
Это — наш советский герб.
Хочешь жни,
А хочешь куй,
Всё равно получишь…

Если текст этой дерзкой частушки наложить на характер нашей героини, то вполне можно поверить в то, что она могла пропеть со сцены и такое. Не зря начальник Озерлага полковник С. К. Евстигнеев, вспоминая Русланову, скажет: «Когда серчала, могла крепко ругнуться». А газета «Советское искусство» ещё 16 января 1938 года опубликовала отчёт с одного концерта, в котором принимала участие Русланова, под заголовком «Эстрадные нравы»: «Артист обязан уважать аудиторию, перед которой он выступает. Эту азбучную истину всё ещё не могут понять некоторые артисты эстрады. Певица Л. А. Русланова должна была участвовать в концерте, организованном Мосэстрадой для стахановцев и ударников Первомайского района Москвы. Русланова обещала быть в 9.30, чтобы выступить в концерте первого отделения. Но она опоздала и приехала лишь к 10.30. Первое отделение давно закончилось, и началось второе. Русланова потребовала, чтобы её немедленно выпустили на сцену. Когда ей сказали, что это невозможно, Русланова принялась нецензурно браниться. Администрация попыталась усовестить разгневанную певицу:

— Вас будут слушать лучшие люди района, члены райкома, стахановцы.

В ответ на это Русланова позволила себе хулиганскую выходку по адресу аудитории концерта. Очевидцы утверждали, что певица, большая матершинница, выразилась по адресу собравшихся в зале весьма недвусмысленно: мол, идите вы со своими стахановцами и членами райкома…»

58-я статья Руслановой складывалась по ходу следствия сама собой.

Гармонист Максаков на первом же допросе показал: «Мало того, что Русланова поддерживала меня, она сама допускала такие же антисоветские высказывания. И вообще, я должен заявить, что большинство моих антисоветских высказываний были результатом влияния на меня самой Руслановой. Не будет преувеличением сказать, что я буквально разлагался морально, соприкасаясь с Руслановой, но не в силах был прервать эту связь, так как зависел от неё материально. Не могу не сказать и о её личных качествах. Русланова — это гнилая натура. Ей присуща страсть к наживе, грубость, сварливость. Она избегала петь советские песни на современную тематику, зажимала молодые таланты, и вообще, ей были чужды интересы советского искусства».

Следователь здесь слегка перестарался, и показания гармониста в таком виде, в каком они записаны в протокол допроса, больше похожи на передовицу партийной газеты рангом не выше районной. Кстати, когда генерал Телегин сделал заявление по поводу того, что во время допросов следователи, ведущие протокол, грубо искажают смысл показаний, последовал ответ: «Мы — следователи, а не литераторы, нам нужны только факты, а их принципиальную оценку мы производим сами».

Вот и «производили». Но на Жукова «фактов» всё-таки не наскребли.

В Лефортове во время следствия Русланова какое-то время находилась в общей камере вместе с актрисой Татьяной Окуневской[85]. Вот какую историю, рассказанную Татьяной Окуневской, пересказал мне весной 2013 года в Тарусе актёр театра и кино народный артист России Николай Чиндяйкин.

Однажды Русланову и Окуневскую заставили натирать паркет в одном из кабинетов тюрьмы. Кабинет принадлежал какому-то большому чину, быть может, самому начальнику Лефортовской тюрьмы. Там часто бывали Абакумов и другие высокопоставленные лица из МГБ. И вот они, великая певица и не менее знаменитая актриса кино, надраивают, натирают воском дубовый паркет. Окуневская, не отличавшаяся особой любовью к физическому труду, работает с ленцой. Русланова — драит как матрос палубу. «Лид, что ты так взялась? Давай вот тут ещё немного — и пошли они…» — «Нет, надо начистить как следует. Давай, давай, драй получше. Пол должен сиять как зеркало!» — «Зачем?!» — «А чтобы эти суки увидели в нём свои поганые хари!»

Глава двадцать пятая
ТАЙШЕТ. ОЗЕРЛАГ

«Среди сопок Восточной Сибири, где жилья человечьего нет, затерялся в неведомой шири небольшой городишко Тайшет…»

Генерал Крюков отбывал срок в Краслаге. Русланова находилась рядом, в Тайшете Иркутской области. Если мерить сибирской верстой, сидели они в соседних зонах. Когда Крюков по этапу прибыл в лагерь под Тайшет, его жену уже отправили за Урал, на запад, во Владимирский централ.

На зоне Крюков работал учётчиком на строительстве какого-то небольшого объекта. По лагерному телеграфу ему пришло сообщение: Русланова жива, здорова, переведена во Владимир и находится там в тюрьме…

Крюкова не трогали. В лагере под Тайшетом он пробыл до августа 1953 года.

Обвинительное заключение Руслановой предъявили 7 сентября 1949 года.

«Крюкова-Русланова, являясь женой генерала советской армии Крюкова (арестован за враждебную деятельность), установила через него тесную связь с одним из военачальников, претендовавшим на руководящую роль в армии и стране. Будучи осведомлена о бонапартистских настроениях последнего, Крюкова-Русланова в силу своего приближённого положения к нему всячески его популяризировала, приписывая незаслуженную славу.

Крюкова-Русланова в силу своего враждебного отношения к ВКП(б) и советскому правительству распространяла среди артистов клевету о советской действительности и с антисоветских позиций осуждала мероприятия партии и правительства, проводимые в стране».

Какое пустое, профессионально несостоятельное обвинительное заключение! Даже Жукова не назвали Жуковым, то есть своим именем. Хозяин не позволил. Маршал Победы по-прежнему был нужен ему. Но — покорным, верным и дисциплинированным солдатом, а не лукавым политиком. Таких и без того вокруг хватало.

Вообще обвинительное заключение — это «процессуальный документ, в котором подводятся итоги предварительного

следствия, делаются обвинительные выводы, к которым пришёл дознаватель или следователь на основе исследования обстоятельств дела. В нём приводятся доказательства, подтверждающие совершение преступления и виновность лица в его совершении».

К делу приложена приписка следователя: «Вещественных доказательств по делу нет».

Но это ещё не всё. Русланова отказалась подписывать, что ознакомлена с обвинительным заключением.

Приговор Особого совещания при МГБ СССР от 28 сентября 1949 года: «Крюкову-Русланову за участие в антисоветской группе, антисоветскую агитацию и соучастие в присвоении государственного имущества заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет, считая срок с 27 сентября 1948 года. Имущество конфисковать».

А дальше был Озерлаг. В разное время там отбывали срок писатели Александр Солженицын и Юрий Домбровский, Борис Четвериков, поэты Анна Баркова и Анатолий Жигулин, дочери атамана Семёнова, жёны Бухарина и Бориса Пастернака, а также пленные немцы и японцы, бандеровцы и власовцы.

Примерно в то же время, что и Русланова, в Озерлаг прибыл этапом поэт Анатолий Жигулин.

Из автобиографической книги Анатолия Жигулина «Чёрные камни»:

> «Конвойных было шестеро. Двое шли впереди, двое по бокам, двое позади. Пятеро с автоматами. Шестой — начальник конвоя — с пистолетом и собакой.
>
> Вели нас пустыми, немощёными, грязными после дождя улицами. Но было тепло, и светило солнце. Городок был серый, весь деревянный. Серые от ветхости и дождей домишки и заборы. Слева виднелось что-то похожее на небольшой заводик. Пахло сухим и мокрым деревом, смолою, креозотом. Справа, не видимые нам за домами, грохотали поезда. И со всех сторон, по всему окоёму, были густые зелёные, голубые и дымчатые синие дали — тайга. Тайга как бы хотела показать, как ничтожен в сравнении с нею этот (как его?) городишко Тайшет. Я чуть позднее там, на пересылке, написал стихотворение, которое начиналось строфою:
>
> Среди сопок Восточной Сибири,
> Где жилья человечьего нет,
> Затерялся в неведомой шири
> Небольшой городишко Тайшет…

Улица стала узкой. Одна из женщин впереди нас, обходя лужу, споткнулась и упала, выронила ребёнка. Строй смешался. Я и низкорослый чернявый сосед мой слева помогли женщине подняться. Я подал ей запелёнутого ребёнка. Он моргал синими глазками и не плакал. И с интересом смотрел на меня.

Шедший слева и чуть позади нас конвоир, белесый дылда с тупым веснушчатым лицом, заорал:

— Не спотыкаться! Не падать! Какого… падаешь, сука!

Конвоир догнал нас (строй уже тронулся) и неожиданно ударил женщину прикладом автомата в спину чуть ниже шеи. Женщина снова упала. Я подхватил ребенка и вдруг услышал гневный картавый возглас своего чернявого соседа:

— Мерзавец! Как ты смеешь женщину бить! Подонок! Ты лучше меня ударь, сволочь! На, бей меня, стреляй в меня!

Картавый рванул на груди лагерный свой серый, тонкий, застиранный китель и нательную рубаху и пошёл на конвоира.

— Я тебе сейчас, сучий потрох, на память глаза выколю! Женщину беззащитную бьёшь, падла!

Я держал в правой руке младенца, а левой вцепился в Картавого:

— Не выходи из строя — он тебя убьёт!

— Ни хрена не убьёт — не успеет, у него затвор не взведён! Я его раньше убью!

С хвоста колонны к нам бежал, хлюпая по лужам, начальник конвоя и, стреляя в воздух из пистолета, неистово орал:

— Стреляй! Стреляй… вологодский лапоть! Взведи затвор и нажми на спуск! Он же вышел из строя! Он напал на тебя! Приказываю: стреляй — или я сам тебя сейчас пристрелю! Рядовой Сидоров! Выполняйте приказ!

Картавый всё шёл на солдата, а тот прижался спиною к серому забору. В глазах его был ужас. И руки его дрожали мелкой, гадкой дрожью вместе с автоматом. Он просто не понимал, что такое делается, он никогда не видел и не слышал подобного: безоружный человек шёл грудью на направленный в него автомат. Солдат

оцепенел от страха. Если бы он начал стрелять (а он выпустил бы со страху все 72 пули одной очередью), я, как и Картавый, как и многие другие, был бы убит — я стоял почти рядом, чуть позади Картавого.

Картавый, видя, что начальник конвоя уже близко, смачно плюнул конвоиру в лицо и спокойно вошёл в строй. Теперь его уже нельзя было застрелить.

Подбежавший запыхавшийся начальник конвоя приказал:

— Ложись! Всем заключённым — ложись!..

Заключённые упали, легли в жидкую грязь на дороге. Младенцы и женщины плакали. Лежали мы в грязи часа два — пока не прибежало на выстрелы лагерное и охранное начальство. Пока составлялся начальный протокол обо всём происшедшем. Из разговоров я узнал, что Картавый — тяжеловозник (то есть имеет предельно высокий срок заключения — 25 лет, ссылки — 5 лет и поражение в правах на 5 лет). Лёжа в жидкой тайшетской грязи, мы и познакомились кратко».

Перед отправкой по этапу Русланову освидетельствовали в санчасти Лефортовской тюрьмы.

«При освидетельствовании здоровья заключённой Руслановой Лидии Андреевны оказалось, что она имеет хроническое воспаление жёлчного пузыря и печени, катар и невроз желудка, вегетативный невроз».

Но для ведомства, в котором она находилась, всё это было сущей чепухой. Вывод: «Годна к лёгкому труду».

Само пребывание в лагере — уже *нелёгкий* труд.

Начальник Озерлага полковник С. К. Евстигнеев был человек правильный. Обязанности свои исполнял добросовестно, без показного рвения. Не зря один из дежурных стукачей писал о нём наверх: «Карьерист и служитель врагам народа…»

А «врагов народа» в подведомственном полковнику Евстигнееву лагере было много.

Евстигнеев из рязанских крестьян. Учился в Москве на режиссёрских курсах, слушал лекции на литературном и историческом факультетах. Но комсомольскую путёвку ему выписали в войска НКВД, а потом, партийную — в систему ГУЛАГа. Для несостоявшегося режиссёра и литератора самое подходящее место.

О том, как протекали её лагерные дни и годы, Русланова вспоминать не любила.

В народе ходят различные легенды о том, что Русланову видели и в Ухтинских лагерях, и в Воркуте, и на Колыме. Свидетельства же, которым можно действительно верить, относятся ко времени пребывания Руслановой в Озерлаге и Владимирской тюрьме.

Возможно, легенды тоже в чём-то правы, потому как даже полковник С. К. Евстигнеев говорил, что «Л. А. Русланова находилась у нас всего три месяца (декабрь 1949 — март 1950)». А где она находилась целых два месяца до декабря?

Говорят, что многие начальники лагерей, куда прибывал очередной этап с певицей Руслановой, старались сразу же переправить её дальше — прочь от своего хозяйства. Заключённые приходили в состояние сильного эмоционального возбуждения, начинались волнения. Начальникам же лагпунктов нужна была спокойная жизнь.

Из некоторых источников известно, что вначале, после приговора, Русланову отправили на общие работы в село Изыкан Чунского района Иркутской области. Село стояло на берегу реки Лены. В окрестностях Изыкана было три зоны. Женская находилась на окраине Изыкана. Заключённые строили первую ветку БАМа Тайшет-Братск. По прибытии в Изыкан Русланову включили в бригаду по строительству нового клуба. Клуб строили на улице Мира, из бруса, просторный, большой. На работу заключённых водили строем. Охранники — двое расконвоированных. Когда по реке буксир тащил баржу с очередным этапом, Русланова пела какую-нибудь песню. По реке голос слышен далеко. Она это знала. Этап замирал, слушал.

Клуб построили к 7 ноября. На Октябрьскую Русланова дала в новом клубе первый концерт. Воспоминаний о нём не осталось. Но сохранились воспоминания о пребывании Руслановой в Озерлаге тех, кто отбывал срок вместе с ней. Или охранял её.

Из воспоминаний полковника госбезопасности С. К. Евстигнеева: «Я раза два-три встречался с ней и, конечно, много раз слушал её в концертах. Пела охотно и много, была недовольна, когда руководство ансамбля ограничивало её, давая возможность выступать другим участникам культбригады. … Внешность у неё неброская, лицо простое, волосы редкие, зачёсанные на две стороны с бороздкой на середине.

Ансамбль, где выступала Русланова, везде ждали, ибо это был высокохудожественный коллектив, в котором выступали профессионалы.

После освобождения Л. Руслановой я её года через два-три встречал на курорте в Железноводске, где она выступала с эстрадной группой».

Из воспоминаний пианистки, выпускницы Московской консерватории Татьяны Николаевны Барышниковой (Перепелицыной):

> «Однажды зимой к нам в женский барак пришёл начальник культурно-воспитательной части Скрыгин и сказал: „К вам придёт ещё одна артистка, и я прошу вас встретить её должным образом, особенно не приставать с расспросами, но постарайтесь окружить этого человека вниманием, потому что человек этого стоит“.
>
> Мы были страшно заинтригованы, но меньше всего ожидали, что через некоторое время к нам в барак в обезьяньей шубе с чёрно-бурыми манжетами, в сапогах тончайшего шевро, поверх которых были натянуты простые деревенские белые шерстяные чулки, в огромной пуховой белой шали войдёт Лидия Андреевна Русланова.
>
> Когда она вошла, мы обомлели, потому что Русланова — это была крупнейшая фигура на горизонте советского искусства. Она вошла, села за стол, оперлась головой о руку и сказала: „Боже мой, как стыдно. Перед народом стыдно“.
>
> К ней бросилась Л. А. Баклина[86], которая её хорошо знала по Москве. Они стали обниматься.
>
> Мы все держались в стороне. Постепенно Лидия Александровна всех нас познакомила с нею. Мы не задавали вопросов, там не было принято расспрашивать, за что она сидит, почему сидит. Это не полагалось, тем более расспрашивать человека, который только пришёл с этапа. Мы раздели её, напоили горячим чаем. Так потихонечку, постепенно освободили ей место, постепенно выяснили, что у неё статья 58–10 (антисоветская агитация) и 11. С ней вместе был посажен один из старейших конферансье Советского Союза Алексеев, поэтому была 11 статья, групповая агитация. И кто ещё, я уже не помню.
>
> О Лидии Андреевне Руслановой можно рассказывать очень много. Я хочу просто коротко сформулировать своё впечатление о ней.
>
> Я не была с ней знакома в Москве. Бог меня простит, но я не была особой поклонницей этого жанра. Я редко её слышала в концертах. Впервые её услышала в юбилейном концерте в честь 10-летия „Пионерской правды“ в Колонном зале Дома Союзов. Я тогда была ещё

школьницей. Телевидения тогда не было, изредка я её слышала по радио и видела её, может быть, пару раз в сборных концертах, которые очень часто бывали в Москве на самых лучших площадках. Но то, что я увидела в лагере, меня сделало самой искренней и самой горячей её поклонницей. Это была актриса с большой буквы. Это был мастер в самом значении этого слова. Удивительной красоты и тембра голос, поразительная способность к перевоплощению. Она играла каждую песню, она проживала каждую песню на сцене. Это было понятно буквально с первых звуков её голоса на сцене. И я, уже получившая к тому времени какой-то профессиональный опыт и навык и будучи уже знакома с профессиональными актёрами, я поняла, конечно, что это явление. Помимо этого она была удивительно добрым, поистине по-русски широким и щедрой души человеком. Она очень быстро сошлась со всеми нами.

Когда утром мы отвели её в барак к нашим мужчинам, она тут же нашла какие-то смешные байки, с большим юмором рассказала об этапе. Она не была страдающей, растерзанной, раздавленной. Нет, она держалась с мужеством и достоинством, которое в ней просто поражало, потому что это была звезда. И вот эта звезда оказалась в спецлагере под конвоем, в диких условиях. Она переносила это с поразительным мужеством. Сразу же ей были даны два баяниста, которые стали с ней готовить репертуар. Один из них был Юзик Сушко. Фамилию второго я не помню, он был „слухач“, но способный человек. Она начала с ними репетировать. Когда она репетировала, мы, затаив дыхание, слушали, подслушивали и старались освободиться от своих репетиций, чтобы посмотреть на чудо создания песни.

Первый её концерт состоялся зимой 1950 года. Прорепетировав несколько дней или недель, она подготовила определённый репертуар, и очередной наш концерт должен был завершаться её выступлением.

Её арестовали в Казани, во время концертной поездки, поэтому у неё с собой были прекрасные концертные костюмы. И вообще она была очень хорошо одета. Когда после окончания нашего концерта она вышла на сцену, зал замер. Огромная столовая была набита так, что яблоку было упасть негде. В передних

рядах сидело начальство. Надо сказать, что во время наших концертов аплодисменты были запрещены, и поэтому огромная наша аудитория при всей любви и уважении к нашему скромному искусству не могла выразить это аплодисментами. Таков был порядок. Но мы к нему привыкли, притерпелись. Мы выходили без аплодисментов, мы уходили без аплодисментов со своей сцены. Важна была возможность просто работать. А когда вышла Лидия Андреевна, то зал совсем затих. У неё было чёрное платье, зашитое блестящими, так называемыми „тэтовскими“ камнями и на плечах была чёрно-бурая пелерина.

У Руслановой, помимо очень выразительного лица и прекрасного голоса, была удивительная жестикуляция. Особенно мне запомнился её жест, когда она руку, согнутую в локте, поднимала к своему лбу и таким царственным движением опускала книзу. Она вышла на сцену с двумя баянистами и спела первую песню. Мы, затаив дыхание, слушали её кто за кулисами, кто в оркестре (я сидела в оркестровой яме, где стояло пианино), рядом со мной на стуле примостилась Баклина. Мы, затаив дыхание, слушали звуки её голоса. Пела она удивительно, с такой силой, с такой проникновенностью. Это была какая-то лирическая песня, я, к сожалению, не помню её названия, потому что репертуар у неё был огромный.

Когда кончилось её выступление, потрясённый зал молчал, но не раздалось ни единого хлопка. И вот я помню, как мой мозг пронзила мысль: „Боже мой, как она сейчас себя чувствует!“ Она, которая привыкла к шквалу аплодисментов. Она, которая привыкла к такому успеху, к такой всенародной любви. И вдруг сейчас она закончила своё выступление при мёртвой тишине зала. „Как ей, наверно, страшно“, — подумала я. И мне было самой страшно. Мы с Лидией Александровной, найдя руки друг друга, сжали их, как бы думая в этот момент одно и то же.

Затем она спела вторую песню. И вот когда она спела вторую песню с такой силой, с такой страстью, с таким отчаянием — это была какая-то драматическая песня, зал не выдержал.

Первым поднял руки Евстигнеев и захлопал. И за ним загремел, застонал от восторга весь зал. Аплодировали все. И заключённые, и вольные кричали

„браво“, кричали „бис“. После этого она пела ещё несколько песен, её долго не отпускали со сцены.

А мы с Лидией Александровной сидели со слезами на глазах, обнявшись на единственном стуле у пианино. И Лидия Александровна потом, сделав руки рупором, басом кричала как бы из зала: „Валенки“, „Валенки“. Это была коронная вещь Руслановой, нам очень хотелось, чтобы она её спела. И она таки спела „Валенки“ знаменитые на сцене лагерной столовой.

Лидия Андреевна как-то скрашивала нашу жизнь, наш быт. Она обладала буквально неистощимым юмором, щедрым сердцем. И скрашивала наши будни своей повседневной заботой. Она мало репетировала, зачем ей это было нужно? Она репетировала только для баянистов, которые ей аккомпанировали. Она целыми днями находилась в нашем бараке. Вся наша зона нам тащила какие-то кусочки сала, муку, печенье. Там было много литовцев, латышей, „западников“ — они все получали посылки из дому. И все несли свою дань Лидии Андреевне, и она по-братски делилась с нами. Кое-кто из нас тоже получал посылки, всё это шло в „общий котёл“. У нас был единый стол. И я очень хорошо помню, как, возвратясь с репетиций, а они у нас заканчивались где-то в 10 часов вечера, из мужского барака после игры в оркестре я, очень уставшая, с трудом доползала до своей кровати. Все уже спали, а Лидия Андреевна, лёжа на своей койке, читала. Она засыпала всегда позже всех, и я слышала её звенящий шёпот: „Танька, иди есть. Там на плите хлеб и кофе…“ Ну, кофе — это была какая-то бурда, эрзац, а хлеб — это были кусочки чёрного хлеба, поджаренные на том растительном масле, которое нам выдавали. Может, даже льняное. Вот она целыми днями, оставаясь одна в бараке, пока мы все бегали на репетиции, она, чтобы сделать этот хлеб более съедобным, по каким-то особым рецептам поджаривала его, делала такие вкусные сухарики. А я, действительно уставшая, говорила: „Лидочка Андреевна, голубушка, ей Богу не хочется“. Через некоторое время она мне опять строго говорила: „Танька! Иди жрать! Время позднее, там всё есть“. Я ей говорю: „Лидочка Андреевна, не могу, устала, спать хочу“. Через несколько минут я слышала, как она тяжело поднимается, кряхтя, со своей постели, надевает какую-то обувь на ноги и, шаркая ногами, подходит ко мне с миской, в которой лежат эти

сухарики, и кружкой, в которой горячий напиток, и говорит: „У, чёрт худой, жри, тебе говорят! Мужики любить не будут, тощая какая, а ну жри сейчас же!“ И вот таким образом она частенько меня кормила по ночам, действительно сохраняла мои силы. Очень тёплые отношения были у нас с ней, и я её вспоминаю с необычайной любовью. Пожалуй, это был единственный человек за всё то время, что я провела в лагере, кому я могла ткнуться в грудь, как маме, и выплакаться, и рассказать про своё горе. Такие нежные и теплые чувства она во мне вызывала.

И вот, когда мы поехали на первый выездной и последний в жизни культбригады концерт (поехали мы на какую-то сельскохозяйственную командировку в честь окончания каких-то полевых работ), Русланова поехала с нами. Мы повезли большой концерт. И после концерта, когда она переодевалась, она вытащила из своей сумки, где у неё было концертное платье, нечаянно зеркало, выронила его, и оно разбилось. Она была страшно расстроена — это была плохая примета. И нам она сказала, что это зеркало служило ей много лет и вот теперь что-то будет нехорошее. И действительно, через несколько дней её от нас увезли.

После лагеря я с ней встречалась дважды. Встречи были очень тёплыми, сердечными, мы обнимались и плакали».

Из воспоминаний профессиональной революционерки и бывшей работницы Наркомата здравоохранения СССР Юлианы Алексеевны Ильзен:

«Помню в подробностях её первый героический поступок в лагере. Русланова категорически отказалась петь только для начальства и потребовала, чтобы в зале были, как она выразилась, „её братья-заключённые“. И вот начальство заняло первые ряды, дальше через несколько пустых рядов — серая масса заключённых. Надзирателям пришлось срочно отпирать бараки, поднимать заключённых с нар, и только когда зал заполнили люди в телогрейках, Русланова начала выступление.

В лагерях люди не смеялись. Иногда только вдруг доносился какой-то звериный хохот блатных — значит, над кем-то издеваются. Но вот Л. А. Русланова и Л. А. Баклина, бывало, предавались весёлым

воспоминаниям и даже разыгрывали сценки. Ну, например, мы просто умирали от хохота, когда они изображали двух торговок. Помню я, как Русланова изобразила заключённую старуху, которую встретила в пересыльной тюрьме. Желая ободрить и как-то утешить отчаявшуюся Русланову, старуха приплясывала и приговаривала: „А я их обману, обману, они мне дали 25 лет, а я их не проживу, не проживу“.

Русланова часто прихварывала, и однажды её положили в маленький стационар при санчасти. Случилось так, что я тоже заболела, и на несколько дней мы оказались в одной комнате. Этих дней я не забуду никогда. Не забуду, как однажды мы устроили баню: растопили печь, на углях подогрели воду и вымылись с головы до ног. Я занялась приготовлением чая. Чай вскипел, разлит, а Руслановой всё нет и нет. И вдруг Лидия Андреевна входит, и в руках у неё моя постиранная кофточка. „Ты знаешь, тёплая мыльная вода осталась, вот я не хотела, чтобы она пропадала“. И притом, что Лидия Андреевна очень плохо себя чувствовала.

Тогда-то я узнала кое-что из её жизни. Жили бедно. Мать умерла рано, оставив троих детей. Жили милостыней, нищета была непроглядная. Уже во время войны маленькую Лиду определили в приют, где она и начала петь в церковном хоре. Будучи необыкновенно трудолюбивой, она умела зарабатывать и очень любила деньги. По нашим понятиям, Русланова была фантастически богата: коллекция картин, старинная мебель работы крепостных мастеров, серебряные вещи, бриллианты.

Многие получали посылки из дома, и каждый хотел хоть чем-то порадовать и поддержать Русланову. Ей несли кусочки масла, шоколадки, какао и другие деликатесы. Лидия Андреевна очень спокойно всё это принимала, но я не помню, чтобы она это когда-нибудь съедала. Как правило, все эти деликатесы Лидия Андреевна скармливала „работягам“.

Концерты наши продолжались по 3–4 часа, возвращались в барак мы поздно, а подъём в 5–6 утра. Нас, женщин, надзиратели не будили, все спали, и никто никогда не ходил в столовую завтракать. Ходила одна Русланова. Она забирала в кухне наши миски с кашей и раздавала их работягам».

Юзеф Сушко попал в Озерлаг после войны в совсем юном возрасте, ему не было и двадцати. Родом он был из Западной Белоруссии. Осуждён по 58-й. Хорошо играл на баяне. Аккомпанировал Руслановой на концертах.

Из воспоминаний Юзефа Сушко:

> «В мае 1946 года я очутился на Тайшетской пересылке.
>
> Я играл на разводах, около вахты, в столовой, играл на концертах в самодеятельности. Даже главный вор-пахан приказал малолеткам не эксплуатировать меня вечерами, а чтобы „этому молодому ‘фраеру’ дали заниматься музыкой, потому что он талант“.
>
> После строгого экзамена в 1948 году меня приняли в центральную культбригаду. Пошли концерты, спектакли, и я в гуще музыки.
>
> И вот первый концерт с участием знаменитой певицы.
>
> Лидия Андреевна вышла на сцену, трижды поклонилась низко и долго стояла молча, потом сказала: „Дорогие мои, злая наша доля, но я рада, что в этой беде могу вам спеть и облегчить вашу участь. Не аплодируйте мне много, потому что я буду петь столько, сколько у меня будет сил, а у вас терпения меня слушать“.
>
> Рады зрители, сияет Лидия Андреевна, и мы, аккомпаниаторы, упоенные ее искусством, рады, что тоже чем-то помогаем ей.
>
> Помню и последний концерт Руслановой. Начальник КВЧ[87] Балышев утвердил программу. Начало — кантата о Сталине, исполнял хор, дальше выступали солисты с отрывками из оперетт, балетными номерами. Подошёл черёд Лидии Андреевны. После объявления по рядам золотопогонников пошли волны аплодисментов.
>
> Русланова спела две песни и ушла. И мы за ней. Потом несколько раз выходила на поклоны, затем спела третью песню. Сколько аудитория ни просила спеть ещё, она не стала, а нам за сценой сказала: „Хватит, больше петь не буду, нужно было слушать меня в Москве“».

«Волны аплодисментов» в рядах «золотопогонников», должно быть, и обеспокоили начальство ГУЛАГа, которое конечно же постоянно интересовалось: как там чувствует себя эти «рэчистая»… И оно, узнав, что она и там поёт, сочло более благоразумным вернуть Русланову из лагпункта обратно в тюрьму. Там не запоёт. И вскоре её закрыли во Владимире.

Совсем недалеко от Москвы.

Баяниста Сушко за его юный возраст Русланова звала «пионерчиком». Подкармливала его. После лагерей, уже в 1956 году, гастролируя в Минске, она разыскала его. Когда увидела его в дверях своего гостиничного номера в Минске, радостно воскликнула: «Ой, Пионерчик мой отыскался!» Представила своим аккомпаниаторам, познакомила их. Потом помогла поступить в училище Гнесиных. Сушко стал прекрасным музыкантом, добился признания — получил звание лауреата премии Ленинского комсомола.

Сушко накрепко врезалось в память, как она ушла со сцены, не желая петь больше трёх песен. Ему, видимо, было страшно уходить вслед за ней. Но магия обожания, которое он испытывал к великой певице, оказалась выше страха. А ушла она, видимо, потому, что ей не особенно по душе пришёлся восторг «золотопогонников». И как она здорово, пусть и заочно, им ответила: «…нужно было слушать меня в Москве».

Лишённая воли и отправленная из Москвы этапом в мрачные недра ГУЛАГа, оторванная от столичной артистической среды, она возвращалась к народу. Вот почему заточение её не сломило. И крыльев не лишило. Именно это и дало ей силы выдохнуть: «Дорогие мои, злая наша доля…», и это — после кантаты о Сталине. Кантату заключённые исполняли в начале каждого концерта. Это было своеобразным Отче наш.

Тревога о семье, которую она недавно обрела и которой так дорожила, не отпускала её ни на минуту. Муж и дочь — вот чья судьба камнем лежала у неё на сердце. Встретятся ли они снова? Воссоединятся ли под одним кровом?

Для обитателей Озерлага и жителей посёлка прибытие с этапом заключённой Руслановой было нечаянным подарком судьбы: теперь их однообразное серое существование хоть как-то скрашивали концерты, в которых звучали замечательные голоса, в том числе волшебное низкое контральто Лидии Руслановой.

А для неё… Чем эти концерты были для неё? Ей самой необходимо было убедиться в том, что она по-прежнему любима слушателями, несмотря на то, что исчезли из магазинов её пластинки, не звучат по Всесоюзному радио её песни. Она вдруг поняла, что существуют две страны, две заклятые правды, как когда-то у двух революций, а потом у двух противоборствующих сил — белой и Красной армий. Одна правда осталась там, на воле, в городах, в Москве. А другая сгрудилась здесь. В душных бараках, в унизительных и голодных очередях за миской постной каши… Из одной страны её изгнали вместе с мужем. Долгие годы она жила в той стране, пела для неё. Там остались друзья и

недруги, поклонники и завистники. А народ-то, вот он, перед ней, здесь. В другой. Как же не петь и для этой страны? Вот они, её зрители. В первых рядах сидят «золотопогонные», и жёны к ним плечами жмутся, всё у них как у людей. А за ними — осуждённые на несвободу, ссутулившиеся, в серых робах, с номерами на спинах. Только песня могла хоть на время избавить их от тоски и безысходности:

Липа вековая
За окном стоит.
Песня удалая
Над рекой звучит.

Нет, не о липе она пела. Не о дереве ликовало и одновременно рыдало её сердце. Вот мы все — люди, слышалось в её пении, перед Богом и Судьбой. Все мы: и в погонах, и с номерами, и сытые, и голодные, и охрана, и охраняемые. Собранные обстоятельствами и злой волей в одном бараке. И каждый из нас смотрит сейчас в своё небо и в свою пропасть…

Из воспоминаний Евгения Александровича Рудаковского, бывшего учителя русского языка и литературы, отбывавшего в Озерлаге десятилетний срок:

«На бушлатах и телогрейках актёров тоже красовались номера, как и у нас, и была уже не артистка Леренс, а з/к АТ-389, не старший бухгалтер Рудаковский, а з/к АБ-639. Как автомобили!

Обращение надзирателей резко изменилось. Вместо окрика по фамилии уже слышишь: „Эй, ты АБ-639, подь сюды!“ Как и всех, актёров запирали в бараках в 23 часа. А на ночные репетиции выводили строго по разрешению и по спискам под охраной и надзором вохровцев. Всё это отразилось, конечно, на общей атмосфере „жизни“ всех нас, и актёров, и работяг, и придурков.

Это было в 1950 году во время переименования Тайшетлагеря в Особый закрытый лагерь № 7 — Озерлаг.

Среди зэков много было актёров, певцов, музыкантов. В недрах ГУЛАГа возникла идея собрать зэков-актёров в культ-бригаду. В осуществление этой идеи по нарядам ГУЛАГа стали этапами стягивать со всей Тайшетской трассы актёров.

Великим подарком в этих новых условиях нашего заключения было появление с очередным этапом Лидии Андреевны Руслановой. Прибыла она с трассы лагеря в

бушлате с номером на спине, но вместо зэковского треуха, в который облачались и мужчины и женщины, на голове и плечах её был кашемировый цветастый платок.

Мне пришлось на вахте оформлять документы Руслановой по лагерным законам бухгалтерии. Надо было принять аттестат с места этапирования на право питания в другом месте, сличить ведомость вещевого довольствия с фактическим наличием. Надо было подвергнуть Русланову „шмону“.

Я сгорал со стыда, участвуя вместе с надзирательницей в этой унизительной процедуре. Помню, Лидия Андреевна выручила меня. Она сказала: „Товарищ старший бухгалтер (я действительно был её товарищ, в таком же бушлате, с таким же номером на спине), вы почему тушуетесь и краснеете, делайте то, что вам велят“. Так я познакомился с Лидией Андреевной, жемчужиной русской песни, на вахте лагпункта 048 в момент унизительного „шмона“.

Она была помещена в единственный женский барак вместе со всеми актрисами культбригады. Вместо нар здесь были топчаны, но решётки, козырьки и параши были, как и во всех бараках. Она была зачислена в нашу культбригаду, но получила право на собственную афишу. Очень быстро она объединилась с молодым талантливым баянистом зэком Сушко. Помню, мы, лагерники, особенно интеллигенция, восторгались их репетициями. В их репертуаре не было дежурного, сиюминутного, в их песнях звучали русская удаль, грусть, любовь, радость.

Первый раз слушать Русланову лагерная знать решила без заключённых. В день концерта нас досрочно заперли в бараках-тюрьмах. Ещё ярко светило заходящее весеннее солнышко, а мы уже изнывали в барачной вони и смраде. Сквозь оконные решётки и щели в козырьках (козырьки эти делали сами столяры-зэки, с изобретательностью умудряясь сохранять щели) мы смотрели, как чинно шествовали по зоне к клубу управленцы, вольнонаёмные заводчане. Появился начальник Озерлага полковник Евстигнеев, его замы Крылов, Цивилёв, Блувштейн, Чернобыльский, Смолин. Разодетые в шубы и шелка шли их жёны, замыкали шествие телохранители-надзиратели.

Вся лагерная знать заняла скамьи клуба, в который была спешно после ужина переоборудована столовая. Грязные столы свалены в угол. Расставлены скамьи, на

которых недавно сидели „нечистые“ зэки. Свои замазанные и засаленные следы они тщательно соскоблили ножами, вымыли горячей водой с содой. Пол также был надраен, как на палубе корабля.

Русланова была в бараке. За ней явился начальник режима и вежливо сказал:

— Лидия Андреевна, вас ждут в зале клуба.

Такая вежливость была естественной. Всё же начальник режима хотя и вольный и военный, но только старший лейтенант, а Русланова хоть и заключённая, но в прошлом генеральша и в прямом и в переносном смысле. Жена боевого командира-генерала Крюкова. А среди озёрной знати генералов пока не было. Поговаривали, что им вскоре станет наш душитель Евстигнеев, но не стал, грянул 1953 год.

— А кто меня ждёт? — спросила Русланова.

— Как кто? Вы же знаете, товарищ Евстигнеев и сотрудники Управления.

— Ну вот что! — промолвила Русланова. — Скажите вашему Евстигнееву, что петь я ему не буду до тех пор, пока все бараки зоны не будут открыты. В вашем клубе я буду петь только в присутствии моих братьев-зэков.

Разгневанный начальник режима доложил Евстигнееву. Замешательство… Совет с замами… И Евстигнеев со своей свитой покидает клуб. Концерт Руслановой отменяется в угоду режиму. Но тут взбунтовались жёны знати. Слышались их крики (в нарушение лагерного режима): „Даёшь Русланову!“

И Евстигнеев уступает воплям жён, разрешает открыть несколько ближних к клубу бараков по числу свободных мест в клубе. Русланова согласилась на этот компромисс, но с условием, что все бараки на время концерта должны быть открыты.

Зэки толпами ринулись в клуб. Кто попроворнее, заняли места, большинство стояло сзади, в проходах. Не обошлось без давки, всё же пара тысяч.

Не попавшие в клуб зэки облепили окна, толпы стояли у раскрытых дверей, тоже желая услышать Русланову хотя бы издали.

И вот открылся занавес. На подмостки сцены вышла сияющая Русланова в русском нарядном костюме, в шали. Это было исключением в лагерном режиме. Русланова должна была, по замыслу Евстигнеева, выйти на сцену с номером на спине, но „строптивая“ певица

отвергла это издевательство и вышла на сцену в платье-костюме, переливавшемся блёстками. Её одеяние по лагерным меркам было великолепно.

Многие из нас впервые слушали Русланову. Всех она очаровала, все были влюблены в её голос, в её русскую удаль, каждая песня вызывала гром оваций. А когда в заключение она спела свои „коронные“ „Валенки“, то восторг и ликование не поддаются описанию. По окончании концерта мы унесли её на руках в барак под окрики начальства режима и главного сатрапа и цербера-надзирателя Зубкова.

Назавтра изобретательная Русланова ещё раз решила покуражиться над угнетателями. Найдя начальника режима, она потребовала:

— А ну-ка, старший лейтенант, довольно мне есть вашу баланду, достаньте-ка мне самовар, только медный, с блеском.

И что вы думаете, нашёл и принёс из-за зоны самовар начальник режима. Лидия Андреевна пригласила на чаепитие и меня. Постарался Книгин, появились пряники, кусковой сахар, банка маринованных грибов, банка малинового варенья. Здесь, за чашкой чая, в бараке, без глаз надзирателей, опять же и в нарушение лагерного режима, Лидия Андреевна поведала свою историю. Получила она 10 лет по статье 58–10 в основном из-за своего мужа, генерала Крюкова, а генералу влепили 25 лет якобы за какую-то неудавшуюся военную операцию. Русланова ездила по фронтам, пела солдатам, воодушевляла на бой за Родину и за Сталина. Она была любимицей солдат, как и Шульженко. Только судьбы у них сложились по-разному.

Поведение Руслановой вызвало немедленную реакцию полковника Евстигнеева. Личным приказом он выдернул её, вопреки наряду ГУЛАГа, из нашей культбригады и отослал в тайшетскую глубинку на лесоповал, где уже тогда, в 50-е годы возводился БАМ, его первый участок Тайшет — Лена. И начинали БАМ не комсомольцы-добровольцы, как пелось в песнях, а тайшетские узники, в том числе Лидия Андреевна Русланова.

Когда состоялся вывод её из-за зоны, возле штабного барака собралась толпа зэков, свободных от работы (ночная смена, все лагерные „придурки“ — врачи, бухгалтера, повара). Вновь на руках пронесли её через

всю зону под улюлюканье надзирателей. У вахты, помахав нам платком, она ушла за ворота, где приняла её охрана под дула автоматов.

Инцидент с Руслановой не давал покоя Евстигнееву. В отместку нам, зэкам, он вынес решение: разогнать культбригаду. На общие работы! На лесоповал! Довольно им петь и плясать, „придуриваться“. Так были наказаны ни в чём не повинные актёры.

В течение 1950 года все члены культбригады поодиночке были этапированы в различные колонны Озерлага».

И в Озерлаге не нашлось места нашей героине. Начальство не на шутку взволновалось. Полковника Евстигнеева допекали постоянные звонки сверху: как там Русланова?

Как?.. Одни хлопоты с ней, с этой Руслановой…

Капитан Меркулов доносил в Москву:

«Русланова Л. А. распространяет среди своего окружения антисоветские клеветнические измышления. Вокруг неё группируются разного рода вражеские элементы из числа заключённых. На основе изложенного полагал бы выйти с ходатайством о замене Руслановой Л. А. десяти лет ИТЛ на десять лет тюремного заключения».

Ходатайство капитана Меркулова было удовлетворено незамедлительно. Первый заместитель министра госбезопасности СССР генерал Огольцов словно ждал чего-то подобного и направил в Озерлаг соответствующее указание: десять лет лагерей были заменены десятью годами тюрьмы.

В июне 1950 года Русланову этапировали из Сибири в Центральную Россию, во Владимирский централ.

Во Владимире в это время сидели жёны фигурантов только что отшумевшего так называемого «ленинградского дела».

Генерал госбезопасности Абакумов и его команда были на пике славы и переживали самые лучшие времена своей востребованности.

Поводом для «ленинградской акции» послужила Всероссийская оптовая ярмарка, проведённая в Ленинграде без якобы должного согласования с ЦК партии. Однако истинной причиной арестов и чистки в Ленинграде стали подозрения Сталина, что на выборах руководящих органов местной власти ленинградская партийная организация допустила фальсификацию при подсчёте голосов.

И генерал Абакумов получил команду: «Фас!»

Всего по «ленинградскому делу» было осуждено 214 человек, из них 69 основных обвиняемых и 145 — членов семей, близких и дальних родственников. Два человека умерли в тюрьме, не дождавшись суда. 23 человека были приговорены Военной коллегией к высшей мере наказания — расстрелу. 1 октября 1950 года в два часа ночи, через час после оглашения приговора, вся «ленинградская антипартийная группа» была расстреляна, а тела тайно захоронены на Левашовской пустоши под Ленинградом.

Среди расстрелянных: секретарь ЦК ВКП(б) Алексей Александрович Кузнецов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Пётр Сергеевич Попков, председатель Госплана СССР Николай Алексеевич Вознесенский, второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Яков Фёдорович Капустин, председатель Ленгорисполкома Пётр Георгиевич Лазутин, председатель Совета министров РСФСР Михаил Иванович Родионов, первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) Иосиф Михайлович Турко. Аресты прошли в городах и районах Ленинградской области. Были вычищены почти все райкомы партии и райисполкомы, горкомы и горисполкомы. Ленинградских выдвиженцев хватали по всей стране. В октябре 1950 года начались аресты членов семей. Брали всех подчистую, и детей, и престарелых родителей.

В официальных публикациях сообщалось следующее: «Создав антипартийную группу, проводили вредительско-подрывную работу, направленную на отрыв и противопоставление ленинградской партийной организации Центральному Комитету партии, превращение её в опору для борьбы с партией и ЦК ВКП(б)».

Смертная казнь, которую отменили, как оказалось, на непродолжительное время, вновь была возвращена. Но военные под топор не попали. Похоже, было не до них. Хотя троих расстреляли. «Ленинградское дело» оказалось куда громче и нужнее «трофейного дела». К тому же Сталин был вполне удовлетворён результатами: военные мгновенно присмирели, притихли в своих особняках, отстроенных на дачной земле.

Подоплёка «ленинградского дела» была конечно же куда серьёзнее, чем несогласованная выставка-ярмарка и подтасовка выборов. Ленинградцев обвинили в том, что «они хотели создать компартию России и перевести российское правительство из Москвы в Ленинград». Вот вам и праздничный тост Хозяина на банкете в честь победителей в Великой Отечественной войне. Приведём фрагмент этой речи.

«Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне и раньше заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам сёла и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду.

Но русский народ на это не пошёл, русский народ не пошёл на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы всё-таки с событиями справимся.

Вот за это доверие нашему правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!

За здоровье русского народа!»

Эти слова, которые, казалось бы, должны были иметь какое-то значение для дальнейшего, послевоенного устройства страны, Сталин произнёс на торжественном приёме в Георгиевском зале Большого Кремлёвского дворца перед командующими войсками Красной армии 24 мая 1945 года. Дальнейшие события — заседание Высшего военного совета летом 1946 года («Дело маршала Жукова») и «ленинградское дело» — показали, что «русский грузин» попросту посмеялся над русским народом. В своей речи он вознёс его до небес, а на деле запретил русским иметь даже свой ЦК и свою столицу, деревню обложил налогом, колхозы превратил в каторгу для крестьян. Колхозникам даже

паспорта не выдавали, чтобы они не сбежали с этой каторги.

Азарт охоты в Ленинграде приобрёл настолько яростные черты, что подчинённые генерала Абакумова хватали многих людей, абсолютно не связанных с ленинградскими партийцами и даже хозяйственниками. За решёткой, а потом и на этапах оказались многие ленинградские писатели, учёные, работники культуры.

Вот недавно рассекреченный документ, рождённый в недрах ведомства генерала Абакумова. Он вполне характеризует степень безграничности власти, которую имел главный исполнитель воли Хозяина.

> «СОВ. СЕКРЕТНО ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ И. В.
>
> При этом представляем обвинительное заключение по делу КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО, КАПУСТИНА, ЛАЗУТИНА, РОДИОНОВА, ТУРКО, ЗАКРЖЕВСКОЙ и МИХЕЕВА, всего в количестве девяти человек. Считаем необходимым осудить всех их Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР, причём основных обвиняемых КУЗНЕЦОВА, ПОПКОВА, ВОЗНЕСЕНСКОГО, КАПУСТИНА, ЛАЗУТИНА и РОДИОНОВА, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года, к смертной казни — расстрелу, без права помилования, с немедленным приведением приговора суда в исполнение. ТУРКО — к 15 годам тюрьмы, ЗАКРЖЕВСКУЮ и МИХЕЕВА — к 10 годам тюремного заключения каждого. Состав суда определить: председательствующий — заместитель председателя Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР генерал-майор юстиции МАТУЛЕВИЧ И. О., члены суда — генерал-майор юстиции ЗАРЯНОВ И. М. и генерал-майор юстиции ДЕТИСТОВ И. В. Дело заслушать в Ленинграде без участия сторон (прокурора и адвокатов) в закрытом заседании, без опубликования в печати, но в присутствии 100–150 чел. из числа партийного актива ленинградской организации. Слушание дела, с учётом необходимости тщательной подготовки судебного разбирательства, можно было бы, по нашему мнению, начать 25 сентября 1950 года. Просим Ваших указаний.
>
> АБАКУМОВ ВАВИЛОВ».

В апреле 1954 года всех, проходивших по «ленинградскому делу», реабилитировали:

«Расследованием, проведённым в настоящее время Прокуратурой СССР по поручению ЦК КПСС, установлено, что дело по обвинению Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других в измене Родине, контрреволюционном вредительстве и участии в антисоветской группе было сфабриковано во вражеских контрреволюционных целях бывшим министром госбезопасности, ныне арестованным Абакумовым и его сообщниками. Используя факты нарушения государственной дисциплины и отдельных проступков со стороны Кузнецова, Попкова, Вознесенского и других, за которые они были сняты с занимаемых постов с наложением партийных взысканий, Абакумов и его сообщники искусственно представляли эти действия, как действия организованной антисоветской изменнической группы и избиениями и угрозами добились вымышленных показаний арестованных о создании якобы ими заговора…»

А в июне 1951 года в стране разыгрался новый громкий процесс. Теперь уже генерал Абакумов и его ближайшие подчинённые заполнили камеры Лефортовской тюрьмы. Следователь следственной части по особо важным делам подполковник Михаил Рюмин написал в ЦК письмо, в котором информировал: «Абакумов и его люди не расследуют деятельность вражеской агентуры, скрывают от Сталина собственные промахи, что Абакумов обогатился за счёт трофейного имущества и потратил большие государственные средства на оборудование себе новой квартиры в доме № 11 по Колпачному переулку. Отсюда выселили шестнадцать семей, чтобы министр мог разместиться с комфортом».

«Письмо подполковника Рюмина» сочинялось в кабинете завотделом партийных, профсоюзных и комсомольских кадров ЦК Семёна Игнатьева. Он-то, Игнатьев, и станет преемником Абакумова на посту министра. Мастер интриг Маленков тоже приложил к «письму подполковника» руку. Когда отредактированный оригинал принесли Сталину, он прочитал его и с удовлетворением и не без иронии сказал:

— Вот, простой человек, а насколько глубоко понимает задачи органов госбезопасности. А министр не в состоянии разобраться.

Генерала Абакумова арестовали 4 июля 1951 года. Против него выдвинули обвинение по статье 58–16 УК РСФСР: измена родине, совершённая военнослужащим… Это был приговор.

Ирония судьбы: в особняке генерала Абакумова провели обыск, который выявил большое количество трофейной мебели, холодильников, радиоприёмников, ковров, гобеленов, а также 1260 метров различных тканей, много столового серебра, 16 мужских и семь женских золотых часов, 100 пар обуви, 65 пар запонок и другие предметы, вывезенные из Германии.

Что ж, «фокстротчик» тоже любил жизнь и красивые вещи. Ведь и сам был довольно красив. Женщины по нему сходили с ума.

А дальше — о, злая ирония судьбы! — его заковали в кандалы и держали в карцере-холодильнике. Его суточный паёк состоял из куска хлеба и двух кружек воды. Не в том ли самом холодильнике с хлопьями инея на потолке и стенах, где держали Русланову?

Как говорили в Даниловке, где чёрт не пахал, там и не сеял, а где не сеял, там не пожнёт… Этот и пахал, и сеял, и — пожинать ему же пришлось.

Абакумова во время допросов избивали, пытали, унижали. Держался он упорно, твердил, что ничего по своей инициативе, без приказа Сталина не делал. Виновным себя не признавал. Его подчинённых, которые сразу подписали «чистосердечные признания», расстреляли быстро. В том числе и подполковника Рюмина.

А его, Абакумова, расстреляют в Левашовском лесу под Ленинградом 19 декабря 1954 года. К тому времени Русланова уже будет гастролировать по стране с концертами, набирать прежнюю свою высоту.

В декабре 1997 года дело бывшего министра МГБ пересмотрят по просьбе родственников. Частично он будет реабилитирован, и справедливо — родине он всё-таки не изменял. Из постановления Президиума Верховного суда РФ от 17 декабря 1997 года:

> «Абакумов… применял недопустимые и строжайше запрещённые методы следствия. Абакумов и его подчинённые… создали так называемое Ленинградское дело. В 1950 году Абакумов расправился со 150 членами семей осуждённых по „Ленинградскому делу“, репрессировав их. Абакумовым были сфальсифицированы уголовные дела в отношении бывшего наркома авиационной промышленности Шахурина, Главного маршала авиации Новикова, вице-адмирала Гончарова, министра морского флота СССР Афанасьева, академика Юдина, большой группы

генералов Советской Армии».

Глава двадцать шестая
ВЛАДИМИРСКИЙ ЦЕНТРАЛ

«Послушайте, я отбываю срок. Но в тюрьме, а не в сумасшедшем доме…»

Владимирский централ — тюрьма с историей. Сейчас в ней, говорят, даже музей есть. Не был, не посещал.

Эта, пожалуй, самая знаменитая в России тюрьма была построена по указу императрицы Екатерины II в 1783 году. Центральной тюрьмой — Централом — стала именоваться с 1906 года. Здесь содержали политических заключённых. В 1825 году при Владимирском централе построили здание пересыльной тюрьмы.

Осуждённых гнали из Москвы в Сибирь по Владимирскому тракту — дороге, шедшей через Владимир-на-Клязьме, а точнее, через Владимирскую пересыльную тюрьму. Собирали партиями, человек по восемьдесят, заковывали в кандалы и — пошли вёрсты отсчитывать. Пройдя 15–20 километров, конвойные останавливали каторжников на привал (этап). Так и шли, отсчитывали уже не вёрсты, а этапы.

Владимир Гиляровский написал стихотворение об этой мрачной дороге и посвятил его художнику Исааку Левитану. У Левитана есть прекрасный пейзаж, он так и называется: «Владимирка». Написан в голубовато-зелёных тонах поздней весны или раннего лета. Дорога, уходящая вдаль. По ней, обочиной, идёт пустынник с котомкой, в чёрном длинном одеянии, вроде бы монах. Идёт мимо часовенки с голубцом, под которым, должно быть, прикреплена иконка. Вдали, в полосе, озарённой солнцем, очертания белого храма. То ли город, то ли монастырь. И — леса, леса, леса. Россия без конца и без края. Именно такого Левитана любила Русланова. Гиляровский, влюблённый в эту картину, написал стихи:

Меж чернеющих под паром,
Плугом поднятых полей,
Лентой тянется дорога
Изумруда зеленей…
То Владимирка…
Когда-то
Оглашал её и стон

Бесконечного страданья,
И цепей железных звон.
По бокам её тянулись
Стройно линии берёз,
А трава, что зеленеет,
Рождена потоком слёз…
Незабудки голубые —
Это слёзы матерей,
В лютом горе провожавших
В даль безвестную детей…
……
Чу!.. свисток. На всех парах,
Вдаль к востоку, мчится поезд,
Часовые на постах,
На площадках возле двери,
Где один, где двое в ряд…
А в оконца, сквозь решётки,
Шапки серые глядят!

Доведётся и Руслановой проследовать по Владимирке. Но это произойдёт нескоро. Три года она просидит во Владимирском централе. И только потом, в конце лета 1953 года её повезут на машине в Москву.

После революции владимирские рабочие и местные большевики приняли решение закрыть тюрьму. Кого сажать? Революцию совершили, теперь все будут счастливы и преступления совершать не станут. Но вскоре выяснилось, что преступников меньше не стало. Камеры теперь понадобились для белогвардейцев, всякой другой контры, священников, кулаков. В 1921 году Владимирский централ сделали губернским изолятором специального назначения. Специализация его заключалась в том, что здесь содержались политзаключённые, те, кому не нравилась советская власть и кто совершил против неё различные преступления. Таких тоже оказалось много.

Часть Владимирского тракта в 1919 году была переименована и получила мажорное название — шоссе Энтузиастов.

После войны Владимирская тюрьма вошла в систему «особых лагерей и тюрем», организованную на основе постановления Совета министров СССР № 416–159 от 21 февраля 1948 года «Об организации лагерей МВД со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников».

Здесь отбывал срок монархист, бывший заместитель председателя Государственной думы, идеолог Белого движения,

писатель Василий Шульгин. В 1944 году его из Югославии переправили в СССР. Дали 25 лет. Отсидел он десять.

После войны здесь сидели генерал-лейтенант МВД Павел Судоплатов, генерал-лейтенант авиации Василий Сталин, писатели Галина Серебрякова и Леонид Бородин. Здесь в одной из камер свою «Розу мира» писал Даниил Андреев. Рукопись религиозно-философского трактата сохранил и впоследствии передал жене заместитель начальника тюрьмы по оперативной части Д. И. Крот. Обычно все рукописи подследственных после завершения дела уничтожались, попросту сжигались. Но эту оперативник почему-то сберёг. Должно быть, прочитал и проникся.

В своей одиночной камере над изготовлением радионавигационной станции для самолёта работал Георгий Угер. Его чертежи и записи по секретной почте переправлялись в Москву.

Здесь же ждали своей участи немецкие генералы и фельдмаршалы: Фридрих Паулюс, Фердинанд Шёрнер, Эвальд фон Клейст, начальник военной разведки (абвер) Ганс Пикенброк, последний комендант Берлина Гельмут Вейдлинг и др.

В конце 1940-х — начале 1950-х во Владимирском централе отбывали срок жена маршала Будённого певица Большого театра Ольга Михайлова[88], актриса Зоя Фёдорова и другие, о ком мы ещё расскажем.

Когда начали арестовывать членов семей партийных и хозяйственных работников, проходивших по «ленинградскому делу», в камеру, где находилась Русланова, подселили жён председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского и секретаря ЦК А. А. Кузнецова.

Зинаида Дмитриевна Воинова, жена Кузнецова, угнетённая случившимся, время от времени повторяла:

— Лёнюшки нет… Но я его не хоронила. А если не хоронила, то для нас он как будто есть.

Так и не смогла она поплакать на могилке мужа.

Мария Андреевна Литвинова-Вознесенская переживала ещё большее горе. Расстреляли не только мужа, но и его старшего брата, и сестру. Девяностолетняя свекровь умерла по дороге в ссылку.

Дочь Вознесенского Наталья Николаевна в одном из интервью газете «Комсомольская правда» рассказывала: «Маму, если не изменяет память, арестовали сразу после расстрела отца в Ленинграде. И выпустили… почти сразу после смерти Сталина. Около двух лет она сидела в одиночке на Лубянке, а последние полгода — в общей камере во Владимире. Когда маму перевели в

общую камеру во Владимир, там с ней сидели какие-то сектанты, киноартистка Зоя Фёдорова и певица Лидия Русланова. Позже мать вспоминала, как муж Руслановой генерал Крюков присылал продуктовые посылки. И Русланова кричала матери: „Маруська, ну-ка иди скорей распаковывать, а то Зойка всё сама сожрёт!“».

Зойка — это актриса Зоя Фёдорова.

Зоя Алексеевна Фёдорова — личность загадочная. Кем она в действительности была, до сих пор неизвестно. Первый её возлюбленный Кирилл Прове был арестован в 1927 году сотрудниками ГПУ как британский шпион. Юной красавице, страстно мечтавшей о большой сцене, тогда было всего 17 лет. Вместе с Прове была арестована и она. Биографы актрисы говорят, что вот тут-то и произошёл резкий поворот в жизни Зои Фёдоровой. Чекисты, мол, не просто разобрались и отпустили её на все четыре стороны, они завербовали её. Так ли, нет ли, но — вот метаморфозы! — уже через год, в 1928 году Зоя Фёдорова успешно поступает в театральное училище, учится у Юрия Завадского, затем продолжает учёбу в училище при московском Театре Революции. Учёба идёт успешно, и в 1934 году она заканчивает училище. В том же году выходит замуж за кинооператора В. А. Раппопорта. Это уже второй брак Зои Фёдоровой — в студенческие годы она жила с Л. С. Вейцлером, впоследствии известным актёром Театра драмы и комедии на Таганке. Словом, жизнь кипела и бурлила, а порой била фонтаном. Ещё в студенческие годы Фёдорова начала сниматься в кино. В 1934 году — в кинофильме «Гармонь», в 1936-м — в «Подругах». Карьера шла вверх. В 1938 году — очень важный штрих — арестовывают её отца. Но карьере молодой восходящей актрисы это нисколько не вредит. Странно, не правда ли? Более того, именно в эти годы она начинает сниматься в главных ролях. В 1945 году знакомится с американцем Джексоном Тейтом. Капитан Джексон Тейт работал в американской дипломатической миссии и занимал достаточно высокую должность — заместитель главы морской секции американской военной миссии в СССР. Говорят, с капитаном Тейтом красавицу актрису познакомили намеренно, в рамках спецоперации по внедрению в американскую военную миссию секретных агентов. Но произошло непредвиденное: Зоя Фёдорова и Джексон Тейт полюбили друг друга. У них родилась дочь Виктория. А до этой любви и рождения дочери у актрисы были встречи с Лаврентием Берией, которому она тоже нравилась. Зоя Фёдорова пыталась просить за отца, а Берия пылал от вожделения. Поэтому их встречи носили взаимный интерес.

О, времена…

В 1946 году, когда отношения высокопоставленного сотрудника американской военной миссии и советской актрисы перешли границы допустимого для американских военных, капитана Тейта отправили служить за пределы СССР. Чтобы скрыть факт рождения дочери от иностранца, Зоя Фёдорова спешно вышла замуж за композитора Александра Рязанова, с оркестром которого она часто выступала в начале 1940-х годов, то есть до встречи с американской любовью. Но от всевидящего ока спецслужб утаить ничего не удалось. Что и говорить, операция оказалась проваленной: американец уехал, а вернее, его срочно вывезли в безопасное место, секретная сотрудница обременила себя рождением ребёнка… И в 1946 году её арестовали. Держали вначале на Лубянке, потом перевели в Лефортовскую тюрьму. Приговор был суровым — 25 лет лагерей усиленного режима за шпионаж. Но лагеря сразу же заменили тюрьмой. Общение и свободу передвижения, как вы понимаете, ограничивают только тем, кто может сказать лишнее. А Зоя Фёдорова была большим знатоком «лишнего». Имущество её конфисковали. Всю семью и даже ближайших родственников сослали. Сестру Александру Алексеевну приговорили к пожизненной ссылке вместе с детьми. Другая сестра, Мария Алексеевна, получила десять лет исправительно-трудовых лагерей «с отбыванием срока на кирпичном заводе в Воркуте», где и умерла в 1952 году, совсем немного не дожив до смерти Сталина, после которой, как известно, начались постепенная реабилитация и освобождение невинных. Дочь Виктория жила вместе с Александрой Алексеевной и её детьми, считая матерью ту, которая её воспитывала. Зоя Фёдорова встретит свою дочь только в 1955 году, когда той уже пойдёт десятый год.

После тюрьмы и полной реабилитации Зоя Алексеевна Фёдорова проживёт ещё одну жизнь, полную взлётов, страстей и тайн. И уйдёт из жизни при весьма загадочных обстоятельствах, мотивов которых мы не знаем до сих пор.

В 1960–1970-е годы Зоя Фёдорова много снималась в кино. Это были небольшие, характерные роли. В 1976 году ей разрешили временный выезд в США. Там она снова встретилась со своей американской и, пожалуй, единственной любовью. Джексон Тейт умер в 1978 году. В 1975 году к нему уехала дочь Виктория. После смерти Тейта Зоя Фёдорова дважды ездила к дочери и вскоре начала собирать документы для выезда в США на постоянное место жительства. Её связи, знакомства и круг друзей сделать это позволяли. Но так казалось ей. 11 декабря 1981 года приблизительно в 14.00 Зоя Фёдорова была убита выстрелом в затылок в своей трёхкомнатной квартире на Кутузовском

проспекте. Загадочный выстрел был произведён из пистолета «Зауэр» калибра 7,65 миллиметра. Пистолет этот производила швейцарско-немецкая фирма специально для вооружённых сил США. В справочниках по огнестрельному оружию также сказано, что «с конца 1980-х годов это оружие закупали ФБР, береговая охрана и различные департаменты полиции».

Говорят, что актриса была связана с КГБ. Что ж, «разведчики» бывшими не бывают. Говорят и другое — была связана с «бриллиантовой мафией», «состоявшей в основном из родственников высокопоставленных советских чиновников и занимавшейся скупкой и перепродажей драгоценностей и антиквариата». Бизнес этот был опасный.

Вторая версия, как мне кажется, ближе к истине. Генерал-лейтенант В. К. Панкин, долгие годы работавший начальником Главного управления уголовного розыска СССР, в одном из интервью сказал: «Она была убита выстрелом в затылок из пистолета марки „Зауэр“. У преступника был ключ от квартиры. Потом история стала обрастать легендами. В Москве приходилось слышать, что Зоя располагала какими-то секретными сведениями, потому ей не дали уехать. Это неправда».

Вскоре в связи с убийством Зои Фёдоровой выплыло имя одесского налётчика Анатолия Беца. Какое-то время он находился в розыске по делу ограбления бриллиантовой вдовы Алексея Толстого Людмилы Ильиничны. И вот одессита застрелили сотрудники ГАИ где-то в Грузии. Застрелили наповал. Стреляли явно намеренно, с совершенно определённой целью — убить. Следствие по этому убийству было приостановлено.

Пожалуй, хватит об однокамернице Руслановой. Хотя к бриллиантовой теме, связанной непосредственно с нашей героиней, мы ещё вернёмся.

Тюрьма — не лагерь. Варлам Тихонович Шаламов, написавший о неволе 1920-х, 1930-х, 1940-х и 1950-х годов самые правдивые и самые жестокие книги, сам прошедший все круги этого ада, в своих заметках «Что я видел и понял в лагере» написал: «Понял разницу между тюрьмой, укрепляющей характер, и лагерем, растлевающим человеческую душу».

Там же: «Увидел, что единственная группа людей, которая держалась хоть чуть-чуть по-человечески в голоде и надругательствах, — это религиозники — сектанты — почти все и большая часть попов».

Ещё вот что: «Видел, что женщины порядочнее, самоотверженнее мужчин…»

И ещё: «Лучшим временем своей жизни считаю месяцы, проведённые в камере Бутырской тюрьмы, где мне удавалось

крепить дух слабых и где все говорили свободно».

С соседками Руслановой повезло. Сектантки, жёны партийцев, писательница, киноактриса, которая в то время, пожалуй, не служила своим начальникам из спецслужб. Она была провалившимся агентом.

В период пребывания Руслановой в тюрьме произошло одно событие, рассказать о котором, хотя бы в общих чертах, необходимо. Чтобы добавить к портрету времени и нашей героини ещё несколько штрихов.

Татьяна Барышникова много лет спустя вспоминала, что история с бриллиантами, о которых Русланова уже, по всей вероятности, старалась не думать, окликнула её в тюрьме.

Последний раз свои драгоценности, как мы помним, певица видела в Лефортовской тюрьме. Следователь майор госбезопасности Гришаев раскладывал перед ней камушки, ставшие в один момент не предметами украшения, а «вещдоками», спрашивал то об одном, то о другом. Она подробно рассказывала историю приобретения каждого из них. Конечно, расставаться с драгоценностями было жаль. В них — её труд, сотни, тысячи концертов, выходов на сцену. Порой и нездоровилось, и хотелось отменить выступление и все гастроли. Друзья уговаривали поехать куда-нибудь на отдых, пожить беззаботно, успокоиться. Но она знала, что талант — это ещё и обязанность трудиться, много и каждый день. И вот — её труд, талант, любовь зрителей лежали перед ней на обшарпанном столе следователя, и тот брал то один камушек, то другой… Что он в них понимал, этот майор? Сколько труда в них вложено, сколько песен спето! Нет, песни спеты не напрасно. Обидно было за другое — что вменяли ей в вину присвоение трофейных ценностей…

Татьяна Барышникова после лагерей встретилась с Руслановой в 1961 или 1962 году в Симферополе. Русланова в Симферополь приехала с концертами, а Барышникова там же гастролировала вместе с труппой своего театра. И вот они сидели в гостиничном номере и вспоминали пережитое.

Из воспоминаний Татьяны Барышниковой:

> «Лидия Андреевна рассказала о своей очной ставке с Абакумовым, о том, что ей предложили в виде компенсации 100 тысяч рублей, а она требовала миллион. По словам Л. А. Руслановой, среди украшений, изъятых у неё, были уникальные изделия. В лагере она говорила, что стоимость шкатулки, где хранились эти ценности, составляла два миллиона. Шкатулка

хранилась у старушки, которая когда-то была у Лидии Андреевны кем-то вроде экономки или домоправительницы. Это был, по словам Лидии Андреевны, очень верный и преданный ей человек. А так как Л. А. Русланова часто уезжала на гастроли, то все ценности она со спокойной душой держала у этой женщины. На Лубянке знали про богатство Лидии Андреевны и долго терзали её вопросами, где всё находится, т. к. при обыске драгоценности не нашли. Русланова долго сопротивлялась, но когда ей пригрозили, что арестуют всех её родных и тех, кто когда-либо служил в её доме, она не выдержала… Вот её слова: „Когда я представила, как будут мучить эту старуху и как она будет умирать в тюрьме, я не смогла взять такой грех на душу и своими руками написала ей записку о том, чтобы она отдала шкатулку“. Эта фраза: „Я своими руками отдала бриллианты, отдала два миллиона!..“ — не раз была услышана мною в Тайшете. А в Симферополе она мне сказала: „Какая я дура! Мне предложили сто тысяч рублей, а я стала торговаться. Тогда правительство запросило данные о моём среднемесячном заработке. Ему ответили — 25 тысяч. На что сильные мира сего заявили: „Куда ей столько! Да ещё от ста тысяч отказывается! Обойдётся! Так и осталась я на бобах!..““».

Итак, у Руслановой с Абакумовым была очная ставка. Генерала Абакумова арестовали 12 июля 1951 года. Судили в Ленинграде. Приговор зачитали 19 декабря 1954 года. И в тот же день расстреляли. Встреча Руслановой и Абакумова могла произойти либо до её освобождения и реабилитации, либо когда она уже была на свободе.

Причиной очной ставки, по всей вероятности, были изъятые у Руслановой людьми Абакумова бриллианты и другие драгоценные камни, а также коллекция картин.

Возможно, эта встреча произошла после августа 1953 года, когда Русланова приехала из Владимира в Москву и начала хлопотать о своей полной реабилитации и возвращении незаконно конфискованного. Картины нашли быстро. Они были переданы на хранение в Третьяковскую галерею. А вот камушки…

По всей вероятности, драгоценности не вернули потому, что их попросту не нашли. Или нашли в небольшом количестве. Потому и понадобилась очная ставка с бывшим министром МГБ. И только потом последовало предложение о компенсации в 100

тысяч рублей… В те годы это были большие деньги. Но почему бы не вернуть артистке драгоценности? Для государства — это сущий пустяк. Однако не вернули. Скорее всего, действительно нечего было возвращать. «Вещдоки» исчезли.

Биограф Руслановой Валерий Сафошкин так и пишет: «Драгоценностей в наличии не было, они словно растворились в этом судебно-бюрократическом омуте. Лидии Андреевне действительно предложили тогда за них компенсацию в размере ста тысяч рублей. Она требовала найти и вернуть ей сами украшения или заплатить хотя бы миллион рублей, поскольку, по словам певицы, одна шкатулка, в которой они хранились, стоила не менее двух миллионов».

Бриллианты она больше не коллекционировала. Охладела к ним раз и навсегда. Живопись любила по-прежнему. И львиную долю своего собрания у ведомства, терзавшего её пять лет, вырвала. Деньги же ей были нужны на то, чтобы поскорее обустроить быт своей семьи, вернуть хотя бы внешние черты того благосостояния, в котором они жили до проклятого 1948 года.

…А пока тянулись тюремные будни. Каждый новый день как две капли воды походил на предыдущий.

Пребывание Руслановой во Владимирском централе не давало тюремному начальству покоя. Говорят, ей не раз предлагали такую сделку: она даёт для сотрудников Централа и членов их семей концерт, а ей — послабление в режиме, улучшенное питание, прогулки и прочие тюремные блага, которых многие лишены, а другие получают в мизерных дозах. Но она отвечала:

— Соловей в клетке не поёт.

Соседки по камере подобрались покладистые, спокойные. Но у каждой время от времени случался нервный срыв. Однажды ночью, когда все спали, Русланова услышала рыдания Зои Фёдоровой. Такое с ней случалось. Сокамерницы к этому уже привыкли и старались не обращать внимания — поплачет и успокоится. Потом та затихла. А когда Русланова в очередной раз открыла глаза, то увидела, что подруга уже затягивает на себе петлю. Вскочила, подняла шум. Фёдорову из петли вынули. Успели.

После выхода из тюрьмы Зоя Фёдорова прямиком приедет к ней. К тому времени Крюков уже получит квартиру, и они более или менее обустроятся. Зоя Фёдорова, бездомная и нищая, несколько месяцев будет жить у них.

У Руслановой тоже случались нервные срывы. Но они у неё протекали иначе. По тому или иному поводу, то отвоёвывая свои мизерные права, то яростно защищая подруг, она вступала в

очередной конфликт с тюремным начальством. Её уводили в холодный карцер. А оттуда почти всегда с пневмонией уносили в лазарет. В тюрьме она перенесёт 20 воспалений лёгких и несколько инфарктов.

Психологическая совместимость или несовместимость — категория сложная. А заключённым приходилось годами видеть одни и те же лица с одними и теми же выражениями, слушать одни и те же голоса с одними и теми же интонациями, вдыхать одни и те же осточертевшие запахи, въевшиеся в поры стен и полов, в кожу сидельцев, в их одежды.

Вдруг они начали замечать, что жена партийца медленно сходит с ума. В тюрьме эта болезнь — заразная.

Виктория Фёдорова в автобиографической книге «Дочь адмирала»[89], конечно же со слов матери, так описывает ситуацию Зои: «…потеряв однажды терпение, заколотила кулаками в дверь и потребовала надзирательницу.

— Послушайте, — проговорила она властным голосом, — я отбываю срок. Но в тюрьме, а не в сумасшедшем доме. С этой женщиной надо что-то делать. У вас что, нет какой-нибудь другой русской бабы ей на замену?

Знаменитая на весь Советский Союз исполнительница русских народных песен Лидия Русланова стала во Владимирке одной из двух самых близких Зоиных подруг.

После ареста её мужа, генерала Крюкова, который был правой рукой маршала Жукова, ей дали шесть лет тюрьмы[90]. Поскольку обе принадлежали к миру искусства, они, конечно же, не раз встречались в Москве на разных приёмах. Но никогда не были друзьями. Сблизила их Владимирка.

Второй подругой стала Зося Грушевская, до ареста работавшая секретарем-машинисткой в Академии наук. Им с мужем вменялось в вину, что они троцкисты. Она понравилась Зое с того самого момента, как впервые вошла в камеру. Зося была худенькая, изящная, ростом чуть меньше 160 сантиметров, с каштановыми волосами и карими глазами. Она всё время держала голову немножко набок, словно стеснялась чего-то, но в глазах её всегда сверкали задорные искринки.

Едва за ней закрылась дверь камеры, она подняла руки и хлопнула в ладоши.

— Здравствуйте, дамы. Не вешайте нос, мои дорогие, американцы спасут нас!

Это было сказано с таким весёлым артистизмом, что Зоя со смехом кинулась ей навстречу.

— Хочу представить вас всем присутствующим, после чего мне предстоит отбыть в отпуск.

Здороваясь, Зося с таким достоинством протягивала каждому руку, словно была королевой Англии, принимающей гостей у себя в замке.

— Почту за честь, друзья, — говорила она.

Поскольку у Руслановой водились деньги, она иногда покупала кое-что в тюремной лавке. И всегда всем делилась с подругами. А 18 января, в день четырёхлетия Виктории, Русланова преподнесла Зое крошечный тортик, который они с Зосей как-то умудрились сделать из крошек печенья, купленного Руслановой в тюремной лавке, и воды. Тортик украшала одна свечечка, которую они слепили из корки сыра.

Получив подарок, Зоя разрыдалась. Она пыталась представить себе свою четырёхлетнюю дочку, но в памяти осталась лишь спавшая в кроватке малышка, какой она видела её в тот последний раз.

— Ты получаешь какие-нибудь вести от сестры? — спросила Русланова.

Зоя поглядела на неё как на сумасшедшую.

— Я не получаю писем».

И через несколько суток Русланова устроила очередной громкий разговор с администрацией тюрьмы по поводу переписки Зои Фёдоровой с сестрой и дочерью. И письма Зое Фёдоровой вскоре стали приходить. Правда, Руслановой и этот бунт вышел боком — её снова унесли в лазарет с высокой температурой и в полубреду.

Она всё делала основательно, с полной самоотдачей. Петь так петь. Любить так любить. Бунтовать так бунтовать.

Какое-то время соседкой по камере во Владимирке у Руслановой была и писательница Галина Серебрякова.

Ещё одна судьба.

Галина Иосифовна Серебрякова родилась в 1905 году в Киеве в семье профессиональных революционеров. Отец её Иосиф Моисеевич Бык-Бек после революции служил начальником политуправления войск ВОХР, полпредом в Хорезме, директором треста. В 1936 году был расстрелян. Мать Бронислава Сигизмундовна Красуцкая служила в ЧК. Галина получила медицинское образование, но затем ушла в журналистику. Мужьями её были исключительно партийные деятели, крупные большевики: первый — Леонид Серебряков, второй — Григорий Сокольников. Она свободно путешествовала по заграницам от Китая до Англии. По особому разрешению ездила в Западную Европу, где «собирала материал для книги о Карле Марксе». Роман «Юность Маркса» вышел в 1934 году. Она была членом Союза писателей СССР. В 1936 году её арестовали почти

одновременно с мужем. Вместе с матерью и двухлетней дочерью она была выслана в Семипалатинск. Через три года Серебрякову снова арестовали и приговорили к восьми годам исправительно-трудовых лагерей как «жену врага народа». В 1945 году она была освобождена. Поселилась в Джамбуле и какое-то время работала по первой своей специальности — фельдшером. В 1949 году вновь была арестована и получила стандартную «десятку» «по обвинению в контрреволюционной агитации и участии в контрреволюционной организации». Из Владимирского централа она вышла лишь в 1955 году. В столицу её не пустили, отправили в ссылку в Джамбул. Правда, вскоре последовала реабилитация, и писательница всё же вернулась в Москву. Её восстановили в партии. В начале 1960-х годов Серебрякова завершила свою трилогию о Марксе. После лагерей и тюрьмы оставалась преданной большевичкой. Бранила тогдашних либералов в советской литературе, идейным вдохновителем которых был Илья Эренбург. В 1967 году в Париже на польском языке был издан её роман «Смерч» — о советских лагерях. Но Галина Серебрякова сразу же выступила с протестом и фактически отреклась от своей книги. В России роман появился только спустя 22 года, когда писательницы уже не было в живых. «Смерч» — единственная книга, написанная Галиной Серебряковой вне рамок «партийных требований к произведениям советской литературы». О пребывании во Владимирском централе в романе нет ни строчки.

Русланова тоже никогда не упоминала о Серебряковой.

Татьяна Окуневская, по всей вероятности, попала во Владимирский централ позже Руслановой. В своих мемуарах она писала: «…Тюрьма огромная, старая, гнилая, грязная, холодная, похожая на Тауэр. Командует всем довольно интересная, с умным лицом, матёрая женщина лет тридцати пяти, и она сразу подтащила меня к подоконнику: стены исписаны, оказывается, исписан фамилиями и широкий подоконник на уровне наших верхних нар. Она показывает чем-то выдавленную фразу: „Лидия Русланова“.

— Это правда?

— Да.

— Сейчас мы напишем и вашу.

Какое постыдное чувство: от того, что здесь была Лидия Андреевна, на душе легче, я не одинока в этом ужасе…»

Арест, Лефортово, Озерлаг, Владимирская тюрьма… Пять лет жизни. Самый расцвет её певческого дарования был прерван лагерями и тюрьмой. Годы, прожитые *там,* конечно же во многом изменили её, подорвали здоровье. Она осунулась и немного даже подурнела. Но потом вдруг снова расцвела той красотой, которой

природа одаривает человека в преклонные лета, на исходе жизни, когда чертами лица становится душа.

Изменился и характер. Как вспоминают люди, окружавшие Русланову после выхода из тюрьмы, «прежней жизнерадостности и энергии мажора» в ней уже не было. Из тюрьмы вышла другая Русланова.

Глава двадцать седьмая
ПОСЛЕ ТЮРЬМЫ

«Из-под стражи освободить и полностью реабилитировать…»

Пятого марта 1953 года обитатели Владимирского централа проснулись раньше обычного.

Режим в тюрьме был таков: в 5.00 — подъём; ломоть хлеба с тёплым жидким чаем; 20 минут прогулки по двору размером 4×6 метров; обед — каша с рыбой, вернее, мелкими костлявыми рыбками, которых называли «весёлыми ребятами»; вечером — чай с хлебом, если хлеб оставался с утренней пайки. Раз в десять дней — душ. Единственная настоящая тюремная радость. Правда, и эту радость администрация приправляла ложкой дёгтя: в душ чаще всего поднимали и вели среди ночи.

Давно известно, что в тюрьмах все новости узнают раньше, чем на воле.

Двенадцать монашек, то ли хлыстовок, то ли ещё какой секты, уже были на ногах. Они оделись и, сбившись в углу возле своих топчанов, шёпотом, молились. К этому шёпоту в камере давно привыкли. Но вскоре, ещё до подъёма, в коридоре послышались голоса надзирательниц. Голоса звучали необычно — взволнованно, даже испуганно. Шаги торопливые. Надзирательницы бегали по коридору, гремели засовами и ключами. Что-то там происходило.

И вот небеса разверзлись: умер Сталин.

Во Владимирскую тюрьму это известие пришло в следующей интерпретации: Сталин покончил с собой.

Монашки снова сгрудились и, опустившись на колени, продолжили молитву. Их всех — двенадцать — арестовали и направили сюда после того, как они, узнав, что их духовный наставник по имени Христос начал сотрудничать с органами НКВД, ушли от него и уединились в развалинах какой-то старой усадьбы среди прикарпатских лесов.

Это была одна из последних масштабных операций генерала Абакумова. 19 февраля 1951 года Абакумов направил Сталину совершенно секретную докладную записку «О необходимости выселения из западных областей Украины и Белоруссии, Молдавской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР участников антисоветской секты иеговистов и членов их семей». «Результатом этой записки стала организованная МГБ и МВД

операция „Север“ по выселению Свидетелей Иеговы, а также представителей других религиозных объединений (адвентистов-реформистов, иннокентьевцев, Истинно-Православной церкви); операция началась 1 апреля 1951 года. Депортация уложилась в сутки». Некоторые, особо упорные, с подозрением на сотрудничество с немецкими властями в период оккупации, были осуждены и получили различные сроки.

«Двенадцать монашек», как их называли в камере, где сидели Русланова, Фёдорова и другие, были единым существом. Они получили одинаковые «сроки» и все злоключения горькой судьбы, свалившейся на их плечи, переживали купно.

Когда весть о смерти Сталина достигла стен Владимирского централа, «двенадцать монашек», не веря в случившееся, в ужасе ждали конца света.

Когда умирает вождь, его ближайшее окружение начинает делить наследство. Наследство Сталина поделили так.

Один из основных претендентов на власть член Политбюро ЦК КПСС, глава МВД Лаврентий Берия 26 июня 1953 года был арестован по обвинению в шпионаже и заговоре с целью захвата власти. По официальной версии: расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР 23 декабря 1953 года.

Смерть Берии — загадка истории. Среди множества версий его гибели верна одна. Но — какая? Сейчас ясно только то, что в борьбе за власть более ловким и удачливым оказался Никита Хрущёв. На Берию свалили все грехи, которые почти в равной степени принадлежали всем: и Маленкову, и Кагановичу, и Молотову, и Микояну, и конечно же Хрущёву. После смерти Сталина Берия, как глава МВД, своими приказами по министерству и предложениями в виде записок в Совет министров и ЦК КПСС стал усиленно инициировать серию законопроектов и «политических преобразований, прямо или косвенно изобличающих сталинский режим и репрессии 30–50-х годов вообще, впоследствии названные целым рядом историков и специалистами „беспрецедентными“, или даже „демократическими“ реформами».

Хрущёв, прекрасно понимая опасность инициатив своего соперника, тоже не сидел сложа руки — сколачивал группу против Берии. 26 июня 1953 года он созвал внеочередное совещание Совета министров СССР, на котором «поднял вопрос о соответствии Берии занимаемой должности и снятии его со всех постов». Большинство членов ЦК и высокопоставленных военных поддерживали Хрущёва. Никита Сергеевич знал об этом, поэтому на совещании вёл себя напористо и смело. Хрущёв обвинил

Берию «в ревизионизме, антисоциалистическом подходе к ситуации в ГДР и шпионаже в пользу Великобритании в 20-х годах». Берия пытался оправдываться, но в дело вмешался маршал Жуков. С группой офицеров он арестовал Берию прямо во время заседания Совмина.

И эта история — арест Берии — тоже имеет несколько версий. И роль Жукова в них преподносится по-разному. Но наша тема — другая.

Берия был обвинён «в шпионаже в пользу Великобритании и других стран, в стремлении к ликвидации Советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановлении господства буржуазии», «в моральном разложении, злоупотреблении властью, а также в фальсификации тысяч уголовных дел на своих сослуживцев в Грузии и Закавказье и организации незаконных репрессий».

На июльском пленуме Центрального комитета почти все члены ЦК выступили с заявлениями о вредительской деятельности Берии. 7 июля постановлением пленума ЦК Берия был освобождён от обязанностей члена Президиума ЦК КПСС и выведен из его состава.

Двадцать третьего декабря 1953 года Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР под председательством маршала Ивана Конева рассмотрело дело Берии и его ближайших помощников («банда Берии») и приговорило всех к смертной казни. Приговор привели в исполнение в тот же день.

Русланова к тому времени была уже на свободе и узнавала о главных событиях страны из газет и сообщений по Всесоюзному радио.

Двадцать пятого апреля 1953 года генерал Крюков написал письмо в Центральный комитет КПСС. Пока он сидел, в стране изменилось многое. Даже партия называлась уже иначе. Крюков знал, что его письмо не затеряется, что его прочтут. Потому что ещё в марте из Свердловска в Москву был возвращён маршал Жуков. И не просто возвращён, а вернулся в столицу, можно сказать, с триумфом — назначен первым заместителем министра обороны СССР и главнокомандующим Сухопутными войсками. По существу, он был восстановлен в той же должности, которую занимал до «трофейного дела». Через два года Жуков станет министром обороны СССР.

Своё письмо генерал Крюков послал по двум адресам: в ЦК и Жукову.

> «В 1948 г. 18 сентября я был арестован органами МГБ. В 4 часа утра ко мне на квартиру явилось человек 5,

предъявили ордер на арест, подписанный министром МГБ. 15 минут мне было дано на сборы, после чего я был направлен во внутреннюю тюрьму МГБ. Обыск на квартире производился без меня, а также и без моей жены, которая отсутствовала. Дочь мою 13-летнюю отправили к моей сестре.

После соответствующей обработки в тюрьме я был вызван к заместителю начальника следственной части полковнику Лихачёву, который сразу мне заявил: „Помни, что ты уже не генерал, а арестант и разговоры с тобой будут коротки. Если ты будешь запираться в своих показаниях, будем бить тебя как Сидорову козу. Иди сюда“, — и Лихачёв подводит меня к окну, из которого видна улица: „Вон видишь там народ, вон где подследственные, а ты уже осуждён, от нас на свободу возврата нет, дорога одна — только в исправительные лагеря“.

Из кабинета Лихачёва меня повели к министру МГБ Абакумову. Он прямо заявил: „Не будешь давать показания, искалечим на всю жизнь и всё равно добьёмся от тебя нужных показаний“.

Следователь мне прямо заявил: „Ну, был у министра, предупредили тебя, так давай сразу приступим к делу, и я ещё раз даю тебе совет, не упорствуй, чтобы не было хуже“.

Итак, на протяжении месяца я проводил бессонные ночи в кабинете следователя. Обычно вызывали на допрос часов в 10–12 дня и держали до 5–6 часов вечера, затем в 10–11 часов вечера и до 5–6 часов утра, а подъём в тюрьме в 6 часов утра. Я понимал, что это тоже один из методов следствия, чтобы заставить меня говорить то, что нужно следователю, и причём так, как это ему нравится. Из бесед со следователем я понял, что меня обвиняют в участии в каком-то заговоре, во главе которого якобы стоит маршал Жуков.

Меня перебрасывают в Лефортовскую тюрьму, и только что я прибыл, как меня повели к следователю. Следователь сразу вынимает из портфеля резиновую палку и показывает её мне, говорит: „Видишь? Или начнёшь говорить, или же она сейчас ‘походит по тебе’“. Я заявил: „Я не отказываюсь давать показания, но я не знаю, что вам показывать, я ничего не знаю о заговоре и сам никакого участия в нём не принимал, давать же ложные показания я категорически отказываюсь“.

Следователь задаёт вопрос: „Бывал на банкетах Жукова и Будённого и др.?“ — „Да, бывал“. — „Восхвалял Жукова? Какие тосты говорил за него?“ — „В чём же заключается моё восхваление Жукова? Я не знаю, где бы это воспрещалось участие на банкетах, причём официальных“. — „Все ваши банкеты — это только фикция одна, это не что иное, как собрание заговорщиков. Будешь говорить или нет?“ — „Никаких ложных показаний я давать не буду“. Капитан Саморин ударил по ногам и повалил меня на пол. И началось зверское избиение резиновой палкой, причём били по очереди, один отдыхает, другой бьёт, при этом сыпались различные оскорбления и сплошной мат. Я не знаю, сколько времени они избивали меня. В полубессознательном состоянии меня унесли в „бокс“.

И так меня избивали в течение четырёх дней и днём и ночью. На пятый день меня вызвал полковник Лихачёв. Первый вопрос, который задал мне Лихачёв, был: „Ну, и после этого ты будешь упорствовать?“ Я заявил: „Я ложных показаний давать не буду“. — „Ну что же, начнём опять избивать. Почему ты боишься давать показания? Всем известно, что Жуков предатель, и ты должен давать показания, и этим самым ты облегчишь свою участь, ведь ты только ‘пешка’ во всей этой игре. Подумай о своей участи и начинай давать показания“. — „Сколько бы вы меня ни били, я никаких ложных показаний давать не буду. Я категорически вам заявляю, что я ни о какой организации ничего не знаю. И никакими и никогда антисоветскими делами не занимался. Я только не понимаю, где я нахожусь — в МГБ или у врагов Советской родины. И сколько бы вы меня ни били, из меня вы врага Советской власти и партии не сделаете. Моя совесть чиста перед Партией и Советским правительством“. За это время был составлен ряд протоколов, и все они были составлены так, как считал нужным сам следователь. Вначале я категорически отказался подписывать эти протоколы. Посыпались вновь различные репрессии, и я, прямо надо сказать, смалодушничал. Уж очень тяжёлое состояние у меня было.

Избитый, голодный, приниженный, бессонные ночи давали тоже себя знать. Я не выдержал и подписал. До сих пор я себе простить не могу. Но у меня теплится надежда, что придёт время и я смогу сказать правду,

почему я подписал…

25 апреля 1953 г. З/к КРЮКОВ».

Это письмо бывшего генерала, а в апреле 1953 года всё ещё «З/к КРЮКОВА», было не столько просьбой пересмотреть его дело, сколько покаянием человека, офицера, пусть и бывшего, жившего с мыслью о том, что он оговорил своего друга, боевого товарища. Вот почему он сразу же второй экземпляр письма послал маршалу Жукову.

Жуков получил письмо и начал действовать — он передал заявление генерала Крюкова Хрущёву и приложил к нему свою записку:

«ЦК КПСС Товарищу ХРУЩЁВУ Н. С.

Ко мне поступило заявление бывшего командира кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Крюкова В. В., арестованного в 1948 году, с просьбой передать его в ЦК КПСС.

Крюкова В. В. я знаю с 1931 года как одного из добросовестнейших командиров, храброго в боях против гитлеровских захватчиков.

Прошу Вас, Никита Сергеевич, по заявлению Крюкова дать указание.

2 июня 1953 года. Г. Жуков».

Дела подобного рода тогда решались быстро.

Уже на следующий день Хрущёв направил заявление генерала Крюкова членам Президиума ЦК КПСС:

«ЧЛЕНАМ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

В ЦК КПСС прислал заявление бывший генерал-лейтенант Крюков В. В., осуждённый в 1951 году. Такое же заявление он прислал маршалу Жукову с просьбой передать его в ЦК КПСС.

В своём заявлении Крюков пишет о том, что следствие шло три с лишним года и проводилось недопустимыми методами с применением мер физического воздействия. Он просит пересмотреть его дело, а также дело его жены Руслановой.

Посылаю Вам заявление Крюкова. По этому вопросу необходимо обменяться мнениями. Следовало бы проверить и пересмотреть это дело.

3 июня 1953 г. Н. Хрущёв.

Разослано: т. Маленкову Г. М.

т. Берия Л. П.
т. Молотову В. М.
т. Ворошилову К. Е.
т. Булганину Н. А.
т. Кагановичу Л. М.
т. Микояну А. И.
т. Сабурову М. З.
т. Первухину М. Г.».

Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела вынесенное в 1951 году обвинительное заключение в отношении генерала Крюкова: «На предварительном следствии к нему применялись извращённые методы ведения следствия, в результате чего он вынужден был дать ложные показания, как в отношении себя, так и в отношении других лиц, и что имущество, которое у него обнаружено на квартире, в преобладающем большинстве не является государственным, а принадлежит лично ему и его жене — Руслановой, о чём имеются соответствующие документы…»

Определение Военной коллегии Верховного суда было таким: «Приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 2 ноября 1951 года в отношении Крюкова Владимира Викторовича отменить и дело о нём производством прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления, и Крюкова из-под стражи освободить, считая его полностью реабилитированным».

Генерал Крюков был спасён.

До сих пор существуют противоречивые сведения о том, кто же первым вернулся из заточения, генерал или певица. Мария Дмитриевна Литвинова-Вознесенская, со слов своей матери, рассказывала о продуктовых посылках, которые генерал Крюков присылал своей жене во Владимирскую тюрьму.

Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова говорит о том, что вначале в Москву вернулась Русланова.

Из воспоминаний Маргариты Владимировны Крюковой-Руслановой:

> «У нас была домработница Лена, при которой арестовывали папу. Она любила меня. После нас Лена работала у генерала Малиновского. Так вот она прибежала ко мне и говорит: „Маргуша, в течение двух недель папа с мамой вернутся, жди. Бумаги уже пошли!“».
>
> Маргарита Владимировна рассказала о том, что родители дружили с семьёй писателя Погодина: «С Николаем Погодиным и его женой Анной Никандровной,

милой, очаровательной женщиной. А я дружила с их детьми — Танькой и Олегом. Олег потом стал сценаристом, по его сценарию делали „Хождение по мукам“. В этом же подъезде жили и Катаевы, с ними родители тоже были в добрых отношениях. Вообще, подъезд у нас был шикарнейший: мы жили на шестом этаже, а под нами — Петров, под Петровым — Ильф. В соседнем подъезде жили Пастернак, Агния Барто. У нас, детей, была одна учительница музыки, одна англичанка. Но лучшей маминой подругой была Нина Ольшевская[91], изумительная актриса МХАТа, мама Алексея Баталова и жена Виктора Ардова. Близкий, сердечный друг, они очень совпадали и по складу ума, и по уровню культуры. Подружились давно и через всю жизнь эту дружбу пронесли. Мама из тюрьмы к ним пришла, не знала, где я».

Надо отдать должное маршалу Жукову: прибыв из Свердловска в Москву, он сразу начал действовать, чтобы вытащить из лагерей и тюрем всех, кого посадили по *его* делу.

Вскоре вернулся генерал Телегин.

Накануне возвращения своего боевого товарища из лагеря Жуков позвонил жене генерала Телегина и сказал: «Здравствуйте, Мария Львовна! Пеките блины — Костя возвращается».

Генерал Телегин пережил многое. Тюрьма и лагерь подорвали его здоровье. На допросах его били так, что он забыл имена своих детей. Как уже говорилось, у Константина Фёдоровича их было четверо: двое своих, двое приёмных.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС О РЕАБИЛИТАЦИИ ГЕНЕРАЛОВ И АДМИРАЛОВ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

13 июля 1953 г.

№ 15. п. 1 — О пересмотре дел на осуждённых генералов и адмиралов Советской Армии.

Утвердить представленный тт. Булганиным, Руденко и Чепцовым прилагаемый проект постановления.

Приложение к прот. № 15, п. 1.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

1. Обязать Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР пересмотреть дела на осуждённых генералов и адмиралов, имея в виду:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов и адмиралов: Романова Ф. Н., Цирульникова П. Г., Чичканова А. С., Галича Н. И.,

Гельвиха П. А., Мошенина С. А., Ляскина Г. О., Голушкевича В. С., Жукова И. И., Тимошкова С. П., Самохина А. Г., Минюка Л. Ф., Туржанского А. А., Васильева А. Ф., Жарова Ф. И., Ильиных П. Ф., Эльсница А. Г., Токарева С. Ф., Мрочковского С. И., Буриченкова Г. А., Попова Д. Ф., Ширмахера А. Г., Бычковского А. Ф., Ухова В. П., Телегина К. Ф., Ворожейкина Г. А., Терентьева В. Г., Филатова А. А., Кузьмина Ф. К., Иванова И. И., Крюкова В. В., Власова В. Е., Петрова Е. С., Бежанова Г. А., Лапушкина Я. Я., Вейса А. А., Клепова С. А.;

б) снизить наказание до фактически отбытого ими срока и освободить из-под стражи осуждённых бывших генералов: Калинина С. А., Герасимова И. М., Ротберга Т. Ю.

2. Обязать МВД СССР:

а) прекратить дела и полностью реабилитировать генералов: Жукова Г. В., Гуськова Н. Ф., Дашичева И. Ф., Варенникова И. С., Сиднева А. М., Ильина В. Н., Глазкова А. А., Меликова В. А., Потатурчева А. Г., Гончарова Л. Г., Наумова И. А., Паука И. Х., Тамручи В. С., Соколова Г. И.;

б) прекратить дела и освободить из-под стражи членов семей осуждённых генералов, подлежащих полной реабилитации.

3. Обязать Министерство обороны СССР обеспечить назначение положенных пенсий семьям полностью реабилитированных генералов и адмиралов, умерших в заключении: Глазкова А. А., Меликова В. А., Потатурчева А. Г., Гончарова Л. Г., Наумова И. А., Паука И. Х., Тамручи В. С., Соколова Г. И., Ширмахера А. Г.».

Некоторые исследователи и этот документ, и действия маршала Жукова комментируют как попытку заретушировать «трофейное дело», в котором, мол, он выглядел весьма и весьма неприглядно.

Но не станем возвращаться к «трофеям» и трясти меха и гобелены в надежде, что оттуда что-нибудь выпадет. Ту роскошь давно уже съела моль…

Домой, к семьям, возвращались боевые генералы, лагерники, которых судьба переквалифицировала в бригадиров, заведующих клубами, истопников, тачечников и лесорубов. Возвращались целые семьи.

Генерал Крюков вернулся домой очень больным человеком. Вначале крепился изо всех сил, не подавал виду.

Тридцать первого июля 1953 года Особое совещание при МВД СССР пересмотрело дело Руслановой:

> «Принимая во внимание, что материалов о причастности Л. А. Крюковой-Руслановой к деятельности какой-либо антисоветской группы в деле не имеется, а её высказывания носят обывательский характер и не могут быть квалифицированы как проведение антисоветской агитации; учитывая также, что её виновность в присвоении государственного имущества следствием не установлена,
>
> ПОСТАНОВИЛО:
>
> Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 28 сентября 1949 года и 7 июня 1950 года в отношении Крюковой-Руслановой ОТМЕНИТЬ, дело прекратить, из-под стражи освободить и полностью реабилитировать».

В Москву Русланова вернулась в августе 1953 года.

Домой её вёз грузовик. По Владимирскому тракту. Зачем-то заехала в Костерёво — железнодорожный посёлок, где во время войны стояли крупные танковые и механизированные воинские части. Здесь они формировались в бригады и дивизии и отправлялись по железной дороге на фронт. Сюда Русланова не раз приезжала с концертами.

Есть легенда о том, что великая певица в столицу въезжала шумно, с триумфом, по пути из Владимира давая концерты. Мои поиски эту легенду не подтвердили.

В Костерёве она переночевала. Но — никакого публичного выступления. Тем более концерта. Тюрьма — не место для репетиций и подготовки к концертам. Да и с голосом у неё была серьёзная проблема, она его частично потеряла. Холодный тюремный карцер, нервное перенапряжение, нечеловеческие условия перенаселённой камеры сделали своё дело. Выглядела тоже неважно. Сильно постарела. Осунулась. Похудела. Поседела.

В Москву она приехала с двумя документами — справкой об освобождении и справкой о реабилитации. Стала думать, кто бы мог её приютить. Хотя бы на первых порах. Квартиру конфисковали, все личные вещи тоже. Поехала на Ордынку, к Ардовым.

Писатель и священнослужитель Михаил Ардов в своих мемуарах рассказывает: «Тем летом произошло событие, которое предвещало наступление хрущёвской „оттепели“. В нашей квартире на Ордынке раздался звонок, мама открыла дверь и

увидела перед собою высокую женщину, в тёмном платье, в платочке и с узелком в руках… Вглядевшись, мама ахнула — это была исхудавшая и измученная тюрьмой Лидия Русланова.

Эта замечательная певица была дружна с моими родителями, а потому, освободившись из заключения, она пришла именно на Ордынку. (Собственная её квартира в Лаврушинском переулке, разумеется, была занята, туда вселился какой-то важный чин с Лубянки.)

Сама Лидия Андреевна впоследствии рассказывала, что Ардов, верный своему весёлому нраву, едва поздоровавшись с нею, произнёс:

— Лидка, я тебе сейчас новый анекдот расскажу…

А дня через два-три после этого события на Ордынке появился и муж Руслановой — генерал Владимир Викторович Крюков. Тут надобно заметить, что до настоящей, массовой реабилитации было ещё далеко. Но Крюков и Русланова пострадали из-за своей близости к Жукову, и маршал добился их освобождения сразу же, как только Берия был низвергнут».

Здесь необходимо заметить, что в возвращении Жукова в Москву большую роль сыграл именно Лаврентий Берия. Схватка за трон началась чуть позже, и она развела двух союзников — Хрущёва и Берию, сделала их заклятыми врагами. Один из них должен был пасть.

О Викторе Ефимовиче Ардове[92] в писательских кругах в своё время ходили самые противоречивые слухи. Впрочем, кажется, Надежда Яковлевна Мандельштам всё расставила на свои места. В начале 1990-х вышли её воспоминания. В них есть страницы, посвящённые Ардову: «Сегодня чем старше человек, тем прочнее в него въелись „родимые пятна“ прошлой эпохи. Седобородый хохмач Ардов, у которого в начале революции расстреляли отца, написал судьям, разбирающим гражданский иск Льва Гумилёва, длинное послание, в котором сообщил про судьбу его отца, Николая Степановича, и о том, что сам Лёва много лет провёл в лагерях: по политической статье… Я не сомневаюсь, что Ардову пришлось столько раз отказываться от собственного отца, что предательство Гумилёвых, отца и сына, ничтожная веха в его славном пути…»

Комментировать слова Надежды Яковлевны Мандельштам, видимо, нет необходимости.

Читатель же вправе вздохнуть и даже воскликнуть: «Многие в те годы друг на друга писали!..»

Всё же необходимо уточнить: Русланова, оказавшись по приезде в Москву бездомной, решила остановиться не у Ардова, а у его жены и своей давней подруги Нины Антоновны Ольшевской.

Ольшевская переживала свою трагедию: во Владимире были арестованы её родители. Отец Антон Александрович был убит во время допросов. Мать Нину Васильевну, только что вернувшуюся из лагеря, больную, она выхаживала как могла.

Здесь, у Ольшевской, Русланова познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой. Ахматова тоже жила у Ольшевской. О чём они разговаривали, какие беседы вели, свидетельств не сохранилось. То время научило людей не оставлять копий своих откровений. Сын Ахматовой Лев Николаевич Гумилёв отбывал второй срок в лагерях. Летом 1953 года из Камышлага он был переведён в Омск на строительство нефтеперерабатывающего комбината.

Руслановой, только что вернувшейся *оттуда,* и Ахматовой, сын которой всё ещё находился *там,* было о чём поговорить.

Лидия Чуковская в предисловии к «Запискам об Анне Ахматовой» написала: «В те годы Анна Андреевна жила, заворожённая застенком, требующая от себя и других неотступной памяти о нём, презирающая тех, кто вёл себя так, будто его и нету».

Алексей Баталов вспоминает: «В этой абсолютно антисоветской квартире на Ордынке собирались антисоветские люди. И Русланова после тюрьмы к нам заходила. А потом её мужа я привёз из Бутырки на машине и они жили в детской комнате, а я поэтому спал на полатях».

А вот что вспоминал о тех днях младший сын Ольшевской Михаил Ардов:

> «С Лидией Андреевной Руслановой у моих родителей были очень близкие отношения. Настолько близкие, что, освободившись из заключения, она и её муж В. В. Крюков приехали к нам на Ордынку и первые недели жили в нашей с братом так называемой детской комнате.
>
> В своё время кто-то, скорее всего сами „компетентные органы“, пустил слух, что Русланову и Крюкова посадили за мародёрство. На самом же деле их арест — часть кампании, которую Берия, а может быть, и сам Сталин вели против Жукова, потому что Крюков был одним из самых приближённых к маршалу генералов. Об этом свидетельствует и само их освобождение. Жуков добился этого сразу же после падения Берии. Русланова и её муж появились на Ордынке летом 1953 года, когда ни о какой реабилитации никто даже и не мечтал.
>
> Сначала вернулась Лидия Андреевна[93].

Исхудавшая, в тёмном платье, которое буквально висело на ней. Самые первые дни она не только не пела, но и говорила почти шёпотом. Если кто-нибудь из нас ненароком повышал голос, она умоляла:

— Тише… Тише…

Почти весь свой срок она просидела в общей камере печально известного Владимирского централа.

И только через несколько недель она стала потихонечку, про себя, напевать.

С её имени был сейчас же снят запрет, и впервые после длительной паузы её песни зазвучали по радио.

— Да, — говорили москвичи, — не тот уже у Руслановой голос…

А мы на Ордынке только посмеивались, ведь все записи были те же, старые…»[94]

И там же:

«Я запомнил одну историю, которую Русланова привезла из Владимирской тюрьмы. Там с ней в одной камере сидела тихая и кроткая, как белая мышка, старушка-монахиня. А срок она получила за террор. До тюрьмы она жила в каком-то городке вместе с подругой, тоже монахиней. Они занимали небольшую квартирку в двухэтажном каменном доме. Как-то собрались эти старушки солить огурцы или квасить капусту. Будущая узница пошла в храм ко всенощной, а подруга осталась дома, надо было запарить кадку. Способ этого запаривания таков: в полную кадку воды бросают большой кусок раскаленного железа, вода закипает — и деревянный сосуд готов к употреблению. На беду свою, старая монахиня нашла где-то оставшуюся после войны противотанковую гранату и приняла её за простую гирю. И эту самую „гирю“ она положила в топку печи, чтобы раскалить докрасна. Последовал взрыв, обрушилась часть дома, и сама эта старушка погибла. А подруга её по возвращении из храма была арестована и получила срок за террористический акт».

Михаил Ардов рассказывает и такой эпизод, послевоенный, относящийся, по всей видимости, к 1945–1948 годам, то есть к долагерно-тюремному периоду: «И ещё одно моё детское воспоминание…

Трёхэтажный кирпичный дом с портиком и колоннами… И это всё ещё не оштукатурено, идёт стройка…

Это Баковка, под Москвою, строят здесь дачу для Руслановой и генерала Крюкова.

А мы с братом Борисом смотрим на двоих рабочих, которые несут носилки с кирпичами. У них мирный и покорный вид, а мы глядим на них с любопытством и ужасом. Ведь это — пленные немцы, фашисты…»

Использование труда военнопленных для собственных нужд — это конечно же история с запахом… Но, возможно, генерал Крюков оплачивал этот подряд, имея дело с какой-нибудь строительной конторой, где рабочими были пленные немцы. Они тогда работали во многих организациях, связанных со строительством. «Разрушали — стройте!» По сравнению с «подрядными работами» солдат и сержантов Российской армии на дачах и на строительстве особняков нынешних генералов и даже полковников — это чепуха, детские шалости.

Маршал Жуков снял для своего друга генерала Крюкова и Руслановой номер в гостинице Центрального дома Советской армии, и теперь они жили отдельно.

Августина Константиновна Телегина, дочь генерала Телегина, вместе с родителями не раз бывала в гостях у Крюкова и Руслановой в их просторном гостиничном номере. Она рассказывала, как однажды в номере погас свет. Электричество было отключено во всей гостинице. Минуты тянулись за минутами, а электричество не давали. И тогда Русланова тихонько запела старинную тюремную песню. Ей тут же подтянул генерал Крюков. Все остальные молчали, оцепенев. Когда включили свет, генерал и певица сидели оба в слезах…

Алексей Баталов вспоминал другой случай: «После нескольких дней свободы и пребывания на Ордынке Лидия Андреевна и Владимир Викторович отправились на птичий рынок. Там они скупали птиц, продаваемых в клетках, и тотчас выпускали их на волю, потратив все имеющиеся деньги».

Обретя свободу, Русланова сразу же принялась хлопотать о своих коллегах — конферансье Алексееве и гармонисте Максакове. Самое первое письмо она отправила заместителю министра внутренних дел. «Оба осуждены в связи и на основании моих вынужденных показаний», — писала Русланова.

Вскоре их дела пересмотрели. И Алексеев, и Максаков вернулись из лагерей.

Вернулась и верная лагерная подруга Зоя Фёдорова.

Когда Зое Фёдоровой зачитали постановление об освобождении, она растерялась и первые минуты не знала, как на это реагировать. Невозможно было поверить, что всё позади.

Дежурный офицер, видимо, заметив её смятение, спросил:

— Куда вы поедете? Где собираетесь жить? Мы должны это знать.

Она пожала плечами, а потом, вскинув голову, гордо сказала:

— Теперь это уже не ваше дело. Моей сестры в Москве нет. Друзья… Не знаю, захотят ли они меня видеть. Впрочем, вас это не касается.

— Понимаете… — Дежурный офицер был вежлив и терпелив. — Нам необходим более конкретный ответ. Неужели у вас нет ни одного верного друга, такого, который готов был бы принять вас?

Она не спешила с ответом. Верный друг у неё был. Но она знала и другое — жизнь сложна, и вчерашним друзьям, скорее всего, не до неё, судьба в последние годы настолько жестока к ней, что, пожалуй, не пожалеет и в этот раз. Но что делать? Куда ехать? К кому? Где просить угол для ночлега?

— Есть, — неуверенно сказала она. — Русланова, певица. Но я не знаю, что с ней сталось.

Офицер улыбнулся:

— Она в Москве. Уже давно на свободе.

— Но у меня нет ни её адреса, ни даже телефона.

Офицер снял телефонную трубку, принялся куда-то звонить.

Даже если он, этот вежливый офицер, действительно знает номер телефона её бывшей однокамерницы, думала Зоя Фёдорова, пожелает ли та видеть её?

— Товарищ генерал, — произнёс, мгновенно собравшись, дежурный офицер.

Какой генерал? Неужели Лидин муж, генерал Крюков?

— В этом нет необходимости, товарищ генерал, — продолжал дежурный офицер. — Мы её привезём сами.

Машина мчалась по улицам Москвы. Зоя Фёдорова смотрела в окно: дома, прохожие, витрины магазинов, трамваи, заполненные пассажирами, станции метро… Везде люди — весёлые, жизнерадостные, молодые, красивые. Автомобиль остановился. Шофёр проводил её до дверей какой-то квартиры. Нажал на звонок.

Вот как описывает дальнейшие события дочь Зои Фёдоровой Виктория в своей книге «Дочь адмирала»:

> «До неё донеслись торопливые шаги. Дверь распахнулась, перед ней предстала Русланова. Но не та Русланова, какую помнила Зоя по Владимирке. У этой Руслановой были красиво уложены волосы, плечи укутаны во что-то пушистое и тёплое. По лицу её катились слёзы.

— Зойка! Моя Зойка! Дорогая, наконец-то я снова вижу тебя!

Упав ей на руки, Зоя разрыдалась. Русланова крепко прижала её к груди».

Как рассказывала Маргарита Владимировна Крюкова-Русланова, Зоя Фёдорова жила у них «полгода, пока оформлялись документы, пока квартиру получила». «О некоторых вещах, — вспоминала дочь генерала и певицы, — они даже с юмором рассказывали, будто то была и не тюрьма. Зоя была очень артистичная, озорница невероятная. Когда их выводили на прогулку, могла изобразить обезьяну — скакала, ужимки там всякие — охранники с автоматами чуть с вышек не падали. Чудили, хотя и в карцер попадали».

Но в доме о тюрьме и лагерях всё же старались не говорить. Поскорее хотелось наладить прежнюю, спокойную жизнь. Вернуть то довольство и уют, которым были счастливы когда-то, как теперь казалось, в какой-то далёкой и другой жизни.

Из прошлого хотелось вернуть многое. Иногда это удавалось. Когда у Руслановой снова появилась просторная квартира, она принялась её обставлять. Мебель покупала по случаю, красивую, старинную, дорогую.

Однажды в гостях у Натальи Петровны Кончаловской остановилась у старинного буфета со шторками, стала внимательно его разглядывать:

— А ведь этот буфет мой. В Лаврушинском у меня стоял.

Наталья Петровна смутилась и призналась, что купила его на распродаже конфискованного имущества. И сказала:

— Если хочешь, откупай.

Русланова откупила. И была счастлива, что хоть за деньги смогла вернуть крупицу прежнего. Знала, что и муж, и дочь будут рады.

Развесила по стенам картины. Ей вернули почти всё. К счастью, в архиве МГБ сохранилась опись изъятого в 1948 году в квартире в Лаврушинском переулке. Из 132 полотен она получила назад 103.

В 1998 году в газете «Комсомольская правда» появилась статья, в которой главный хранитель Третьяковской галереи Лидия Ромашкова рассказывала: «Помню, как много лет назад к нам в галерею пришли люди из НКВД и передали несколько десятков полотен. Они не сказали, как эти картины попали к ним в руки, кто был их владельцем. Естественно, мы все картины немедленно инвентаризировали, какие-то отнесли в запасники, какие-то выставили в залах. О том, что все эти работы были

конфискованы у Руслановой, мы догадались намного позже по слухам. А в 1953 году те же „органы“ вдруг сообщили нам, что Русланова реабилитирована и всё конфискованное должно быть немедленно возвращено семье и вычеркнуто из наших каталогов. Хорошо, что тогда сама Русланова согласилась официально передать нам часть своей коллекции: работы Репина („Ратник XVII века“), Рокотова („Портрет неизвестной в белом платье“), Федотова („Портрет неизвестного офицера“), Серебряковой („За завтраком“)».

Как видим, картины снова стали частью мира нашей героини. Они помогали её возвращению. Но это было ещё не возвращение. Для неё, певицы, настоящим возвращением стал первый после тюрьмы концерт.

Глава двадцать восьмая
ВТОРОЕ НАЧАЛО

«Когда мама вышла на сцену,
губы её дрожали…»

Второе её начало было триумфальным.

Маргоша стала уже невестой. Поступила в МГУ на отделение искусствоведения исторического факультета.

Однажды она сказала матери:

— Помнишь, какие красивые у тебя были шубы? Драгоценности… И всё это, заработанное тобой, отняли… Как ты можешь к этому спокойно относиться?

— Всё это не имеет значения, — ответила Русланова. — Да, да, ровным счётом никакого! Невозможно пережить другое. Унизили ни за что. Перед всей страной унизили. Перед народом.

Как рассказывают близко знавшие её, Русланова после возвращения из тюрьмы «невероятно страдала от перенесённого унижения». Но та, которая была внутри её, приказывала ей не падать духом и не опускать крыльев. Потому что крылья ей ещё нужны — для полёта.

И «саратовская птица» вскоре снова взлетит.

Главными хлопотами после Владимирского централа были всё же не квартирные дела, не мебельные, не бытовые. С самого первого дня она начала готовиться к концерту. Голос, её главное богатство, казалось, ушёл навсегда. Она даже боялась громко разговаривать. Потому что ей казалось, что голос уже не зазвучит так, как звучал прежде.

Муж уже был восстановлен в звании генерал-лейтенанта. Ему вернули награды и направили на учёбу на Высшие академические курсы при Академии Генерального штаба. По окончании курсов назначили заместителем начальника Военной юридической академии. Ей же хотелось как можно скорее выйти на сцену.

Концерт состоялся 6 сентября 1953 года, спустя месяц после выхода из тюремной камеры, в Концертном зале им. П. И. Чайковского. Русланова пела с оркестром народных инструментов им. Н. П. Осипова.

Когда по Москве развесили её афиши, она испугалась. А вдруг не придут? Артист — кумир момента. Тебе рукоплещут, тебя носят на руках, пока ты на сцене и твои афиши появляются то в одном городе, то в другом. Пока звучат твои песни по радио. Пока о тебе пишут газеты. Пять лет она не выходила на сцену.

Возможно, публика забыла её? Возможно, у публики появились новые кумиры, а её момент уже миновал безвозвратно… Но даже если и не забыли, как встретят её, опозоренную неправедным судом? Слухи и сплетни по Москве, по всей стране ходили разные. Барахольщица… «Враг народа»…

Первые вести оказались обнадёживающими: билеты в кассах исчезли мгновенно. Перекупщики на входе драли три цены.

Леонид Утёсов подбадривал:

— Вот видишь, как тебя любит… — Утёсов сделал паузу, он хотел сказать, как её, Русланову, любит публика, но произнёс другое слово, которое считал более точным и выразительным: — … народ.

Генерал Крюков на концерт не поехал. Сказал жене:

— Ты, когда поёшь, всегда смотришь на меня. А я сразу начинаю за тебя так волноваться, что мне не хватает воздуха…

И он остался дома. К нему приехал старый друг, генерал Телегин, и они «по-стариковски» решили скоротать вечерок. Телевидения тогда ещё не было, и они приготовились слушать концерт по радио[95]. Некоторые концерты напрямую, из зала, Всесоюзное радио транслировало на всю страну.

Перед выступлением Русланова разволновалась так, что никак не могла собраться. Большинство биографов начало концерта в зале им. П. И. Чайковского описывают примерно так: Русланова вышла на сцену, публика отреагировала бурными, радостными аплодисментами, которые не стихали целых 20 минут. Скорее всего, авторы книг о великой певице следовали воспоминаниям Маргариты Владимировны Крюковой-Руслановой: «…Зал Чайковского не мог вместить всех желающих. Выступление транслировалось по радио на всю страну и одновременно на площади перед концертным залом, где из-за большого скопления народа дежурила конная милиция. Когда мама вышла на сцену, губы её дрожали. И тут зал вдруг поднялся и взорвался аплодисментами. Аплодировали долго — минут двадцать. За это время она сумела справиться с волнением. Почувствовав поддержку зрителей, запела с такой силой и страстью, как никогда раньше».

Не оспаривая правдивости воспоминаний дочери, приведу — в качестве дополнений — свидетельства зрителей того знаменитого концерта-возвращения.

Говорят, её действительно встретили аплодисментами. Но зал вскоре затих. Вступил оркестр. Когда же наступило мгновение начать и певице, она сделать этого не смогла. Слишком велико было волнение. Ровно пять лет она не пела в Москве. С сентября 1948 года, когда её арестовали. В сентябре 1953-го она вышла на

сцену самого престижного концертного зала столицы. Голос ещё окончательно не восстановился. Русланова боялась провала. Но пропустить сентябрь, эту роковую дату, она не могла. Характер!

Она попыталась успокоиться. Выдержала паузу. Сделала знак дирижёру. И оркестр снова заиграл вступление. Но и на этот раз она не запела. Не смогла. Вот когда задрожали её губы. Ей стало страшно. На репетициях всё получалось. Хотя… не всё. Но она знала, как скрасить то, что пока голосу оставалось недоступным. Драматургия песен, выстроенная ею с особой тщательностью, позволяла скрыть некоторые недостатки голоса.

Оркестр затих. Теперь волнение охватило и музыкантов.

Вот тут-то величайшее терпение и культуру проявил зал. Зрители начали вставать, ряд за рядом, волнами, и аплодировать. Её зрители всё понимали, всё чувствовали. Оставалось собраться с силами. Запеть. Но как непросто это сделать. Прежде она думала, что самыми трудными были концерты на передовой, когда одновременно её слушали и свои бойцы, и солдаты противника, находившиеся совсем рядом, за линией окопов в каких-нибудь пятистах шагах от «эстрады». Сценой ей тогда служила полуторка с откинутыми бортами. Потом — что в лагере, перед невольниками и стражниками. Но теперь-то она знала точно, какое выступление в её жизни самое страшное. Решающее.

Действительно, зал стоял и аплодировал Руслановой, её страданиям и её победе. Стоя приветствовал её возвращение около двадцати минут.

Некоторые утверждают, что был объявлен антракт. Что после антракта Русланова снова вышла и, наконец, запела. Запела так, как не пела никогда прежде. Как не получалось на репетициях перед выходом на эту неприступную сцену.

Говорят, что когда исполняла свою коронную «Степь да степь кругом…» в запале, «на пике фортиссимо», рванула бусы на груди, и сотни жемчужин рассыпались под её ногами и покатились в зал. Певица отдавала своим зрителям и поклонникам всё: и песню, и душу, и даже свои жемчужины…

Когда была пробита брешь и сломаны последние запоры, когда она почувствовала действительную свободу, начались концерты по всей стране. Всесоюзное радио возобновило трансляцию её песен. Студии звукозаписи вновь стали выпускать её грампластинки, и вновь они расходились миллионными тиражами.

Страна тоже вздохнула с облегчением — к ней вернулась та, которую она так любила, с которой пережила самые трудные годы.

Вскоре Русланова отправилась в турне по стране. Воинские

части, гарнизоны и полки по-прежнему оставались любимой её публикой. «Родные солдатики…» Ей казалось, что и в лицах солдат ничего не изменилось. Те же восторженные глаза, благодарные улыбки, те же молодость и сила, те же гимнастёрки и погоны. Но её здоровье уже было не то. Порой ей казалось, что и голос уже не тот…

Вот как вспоминает её выступление в одной из воинских частей — в то время закрытый атомный объект под Керчью — офицер-атомщик Валентин Вишневский: «В летнем кинотеатре, где под крышей-раковиной была просторная эстрада, собралась большая часть населения городка. Наши новенькие мундиры с блестящими серебряными погонами выделялись тёмным зёленым квадратом на фоне поблёкшей формы гарнизонных офицеров, расцвеченной незамысловатыми нарядами их жён. В первом ряду сидели генералы Чернорез и Петленко, командиры авиачастей и работники штаба.

И вот, наконец, вышла несравненная Лидия Русланова в сопровождении баяниста. На ней была русская национальная одежда — широкий и тяжёлый сарафан, розовая кофта и высоко повязанный цветастый платок. В руках — красный платочек. Невзрачный и какой-то примятый жизнью баянист в высоких сапогах сверкал клавишами баяна, висевшего через плечо на вишнёвого цвета ремне.

Ведущий объявил, что выступает исполнительница русских народных песен заслуженная артистка Российской Федерации Лидия Русланова, и зал взорвался щедрой овацией. Все предвкушали встречу с большим искусством.

Когда аплодисменты смолкли, раздался необыкновенный низкий и не очень сильный голос певицы. Она пела одну из старинных народных песен о замерзающем в степи ямщике, о его наказе, о прощании со всем белым светом. Низкая тональность и неспешность пения оправдывались темой и содержанием песни и были доброжелательно приняты неискушённой в вокалах публикой. Но когда и последующая песня была спета в той же тональности и манере, мне показалось, что певица бережёт себя для коронных песен, так хорошо знакомых по патефонным пластинкам и выступлениям по радио. Наконец очередь дошла и до известных и любимых „Валенок“, но голос Руслановой всё ещё не поднимался до знакомых высот. Более того, он иногда просто сипел и срывался. Слушатели были в недоумении, начали перешёптываться, кто-то даже свистнул. Стало ясно, что ту, всеми любимую Русланову мы сегодня не услышим. И хотя исполнительница не смущалась и смело продолжала свой концерт, меня охватило разочарование, а потом — обыкновенная

жалость к стареющей артистке.

Значительно позже, с всплеском гласности и развалом Советского Союза, я узнал, что несчастную Русланову недавно выпустили из тюрьмы. Ей разрешили концертировать только по окраинам страны да в затерянных, подобно нашему, военных гарнизонах».

В те годы певцы давали концерты, как говорят, вживую, без фонограммы. А Русланова, к тому же, никогда не брала в руки микрофона. В таких обстоятельствах не все концерты оказывались ровными.

К тому времени на эстраде появились новые кумиры. И среди них талантливые исполнительницы народных песен Людмила Зыкина и Ольга Воронец. Голосистые, красивые, образованные. Они быстро завоевали большую сцену. Потеснили многих эстрадных исполнителей. Но не её. За ней стояло её прошлое. Тысячи концертов и миллионы пластинок. Обаяние имени. Такое не исчезает скоро.

Концерты Руслановой по-прежнему делали большие сборы. Она теперь работала во Всесоюзном гастрольно-концертном объединении. Областные и республиканские филармонии наперебой запрашивали у Москвы именно её. Потому что заполучить на гастроли Русланову означало успешное выполнение плана, хорошие сборы, премии и прочие блага, среди которых в те времена могли быть и бесплатные профсоюзные туристические путёвки к морю и за границу, и внеочередное получение квартиры, и ценные подарки в виде холодильников и мотоциклов. Сейчас это трудно себе представить. Но такие времена в нашем отечестве были.

И тем не менее гастрольных поездок у Руслановой становилось всё меньше и меньше.

Вначале у неё было огромное желание поскорее наладить жизнь, разрушенную арестом, тюрьмой и лагерями. Восстановить прежнее благосостояние и не думать о хлебе насущном.

Однажды, проводив до дверей мужа на службу, она выглянула в окно и увидела его: «спина согнута, плечи остренькие, какой-то весь забитый, бредёт к метро, натыкаясь на прохожих…» И в ней вскипела уязвлённая гордость волжанки: как же это так, ведь он — генерал, герой!.. И поклялась сама себе:

— Жива не буду! Но станешь ты, генерал Крюков, на машине ездить! На роскошной даче жить! Никто тебя больше не толкнёт! Не позволю! Я в твой корпус вон сколько «катюш» купила, а уж одну машинёнку как-нибудь осилю!

И вскоре осилила.

Из воспоминаний Маргариты Крюковой-Руслановой:

«Первое, что мама купила, начав работать, была машина ЗИМ. Тогда в Москве их было очень немного. Она считала: не должен генерал, прошедший все войны, ездить городским транспортом. Наша квартира была совершенно пустой, зато у подъезда стоял ЗИМ. Машина стоила большие деньги. В общем, чай пьём не из чашек, но ездим на ЗИМе. Мама очень не хотела, чтобы её кто-то жалел. У неё было невероятное чувство человеческого достоинства. Это не мещанская позиция. Оскорбительно, унизительно, когда ни за что ни про что сажают в тюрьму, когда вслед каждое дерьмо могло прошипеть: „тюрьма“. Мама никогда не подавала вида, что страдала внутри. Оскорблялась за мужа, русского воина, прошедшего три войны, что его так унизили».

Она доказала, и себе самой в том числе, что великая певица Русланова не закончилась, что ни лагеря, ни тюрьмы не отняли у неё главного — души и голоса. И волю не сломили. Скорее Волга потечёт вспять, думала она, чем я, Русланова, с вашей руки корку хлеба возьму. Милостыню. В детстве своё отходила по чужим дворам…

В 1957 году дочь Маргарита вышла замуж за выпускника Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева лейтенанта Георгия Волочкова. Их брак будет крепким и счастливым. Зять Руслановой Георгий Валентинович Волочков в своей книге «Лидия Русланова» писал: «Я возвращаюсь в своих воспоминаниях в далёкое прошлое, когда молодым лейтенантом женился на Маргарите Крюковой и попал в столь известную семью. Первое время чувствовал себя крайне стеснительно. Надо отдать должное Лидии Андреевне: она отнеслась ко мне с большой теплотой, и вскоре я почувствовал себя равноправным членом семьи. Она называла меня Егором, а не Георгием и, шутя, любила повторять: „Мой Егор всё знает, но неточно“. Отношения между нами были лёгкими и дружескими».

Утром она, как правило, просыпалась рано. Говорила зятю: «Твоя ещё спит. Я тебя накормлю». Жарила на сковородке большой кусок мяса и три-четыре яйца. Стояла у плиты и приговаривала:

— Уходя на работу, мужик должен хорошенько поесть.

Когда Георгий Валентинович возвращался из длительной командировки, встречала его словами:

— Егор! Вахту тебе сдаю. Никаких происшествий не случилось. Маргошу из дома не выпускала. Ты приехал — теперь сам командуй.

Любила, когда вся семья была в сборе. Говорила:

— Мне что Лидка, что Маргошка, что Егор — все они — мои дети.

В тот же год генерал Крюков вышел в отставку. Продолжать службу уже не позволяли болезни. Здоровье оказалось сильно подорванным — тюрьмой, лагерями, унижениями, истязаниями следователей. Гипертония. Сердце. А она порой, возвращаясь с гастролей, прямо из аэропорта истосковавшейся птицей летела к нему в больницу.

Русланова приглашала к мужу лучших докторов. Врачи собирались на консилиум и разводили руками. Говорили ей: «Сердце вашего мужа висит не на волоске, а на паутинке». Эх, как хотелось ей укрепить ту паутинку, не дать ей оборваться!..

Радовалась, когда мужа выписывали из больницы и он действительно чувствовал себя значительно лучше, так что мог возвратиться к полноценной жизни. Тогда они вспоминали: её концерт перед только что вышедшими из боя кавалеристами, прифронтовой лес, тропинку вдоль безымянной речушки, плач ребёнка в заречной деревне неподалёку… Они были счастливы. Как когда-то на войне. И оба конечно же понимали, как уязвимо и временно их счастье. Вначале найденное. Потом отнятое. Затем вновь обретённое.

Летом всей семьёй подолгу жили на даче в Баковке. Русланова была гостеприимной хозяйкой. Друзей любила. Умела угощать. Компот, как вспоминают домашние, варила в ведре, а щи — в кастрюле не меньше бельевого бака, котлеты выкладывала на сковороду размером с ладонь. Съезжались многочисленные гости. Шумели, радовались друг другу. Шутили, смеялись. И съедалось всё!

За столом любила пошутить над своими гостями. На слово была легка, так что порой друзьям на неосторожно оброненное или опрометчивое слово доставалась какая-нибудь её реплика и ситуация тут же превращалась в анекдот.

Однажды в Баковку приехал писатель Орест Мальцев[96]. Он переживал успех своего только что изданного романа «Югославская трагедия», за который получил Сталинскую премию. Дарование он имел весьма скромное, и сам, видимо, это понимал. Но тут на плечи свалилась Сталинская премия…

— Лидия Андреевна! — подвыпив, мотал головой счастливый автор романа, тема которого неожиданно пришлась по душе Сталину, потому что югославская армия маршала Тито была выведена в нём далеко не в героических тонах. — Лидия Андреевна, дорогая ты наша!.. Вы ведь не поверите, я окончил всего четыре класса! Всего-то — че-ты-ре!..

На что Русланова тут же отреагировала:

— Что ты, милый! Верю! Оно ведь и видно. Очень даже верю.

Гости дружно разразились смехом. Некоторые буквально вываливались из-за стола.

Могла, по ходу речи, пульнуть матерком. И всегда у неё выходило весьма уместно и даже изящно.

Как-то раз выступала на дипломатическом приёме в посольстве одной европейской страны. Жена посла, прощаясь с ней, преподнесла пакет с шёлковыми чулками. Русланова вскинула брови, театрально улыбнулась и произнесла:

— Мадам, русской актрисе эдаких подарков не дают! — И тут же отдала пакет горничной, которая подавала ей норковую шубу, щедро прибавив от себя ещё и сторублёвку «чаевых».

Вот так! Знай наших!

Георгий Волочков вспоминает, что Русланова любила молодёжные посиделки, которые собирались в квартире. Садились на кухне, пили чай. Мило беседовали. Особенно популярны были темы сердечные. Руслановскую кухню подруги Маргариты в шутку именовали «кафе-брехаловкой».

В августе 1959 года от инфаркта умер генерал Владимир Викторович Крюков. В газете «Красная звезда» в номере за 20 августа был опубликован некролог, подписанный «группой товарищей»:

> «После продолжительной и тяжёлой болезни скончался генерал-лейтенант в отставке, член КПСС Крюков Владимир Викторович.
>
> В. В. Крюков начал службу в рядах Красной гвардии и прошёл в Советских Вооружённых Силах боевой путь от командира взвода до командира крупного соединения. Активный участник Гражданской и Великой Отечественной войн, В. В. Крюков в послевоенные годы отдал много сил и энергии подготовке офицерских кадров.
>
> Советское правительство высоко оценило боевые заслуги В. В. Крюкова, присвоив ему за доблесть и мужество, проявленные в боях, звание Героя Советского Союза. В. В. Крюков награждён тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1 степени, двумя орденами Суворова 2 степени, орденом Кутузова 1 степени и медалями.
>
> Память о В. В. Крюкове, верном сыне нашей Родины, надолго сохранится в наших сердцах».

Сухой, стандартный текст, в сущности безупречный по

смыслу. Всё в нём правда. И если через призму иронии читать начало третьего абзаца — о том, как «советское правительство высоко оценило боевые заслуги» генерала Крюкова, — то и о Лефортовской тюрьме, и о лагере здесь всё вкратце написано…

На похороны пришли друзья семьи и боевые товарищи отважного кавалериста. Маршал Жуков, маршал авиации Руденко, маршал Будённый с женой, генералы Минюк, Куц, семья генерала Телегина. Пришли проститься с Владимиром Викторовичем Зоя Фёдорова, Леонид Утёсов, другие артисты. Приехала младшая сестра Руслановой Юлия Андреевна.

Генерала похоронили на Новодевичьем кладбище.

Русланова взяла горсть земли с могилы мужа. Покойного генерала, члена партии, везти в храм на отпевание было нельзя. Кто это позволит? И вот после похорон Русланова с сестрой и дочерью пошли в церковь. Там и отпели новопреставленного Владимира…

Как вспоминает Маргарита Крюкова-Русланова: «Это было невероятно красивое отпевание, на котором присутствовало всего три человека».

Душа Руслановой в эти дни рыдала. Она отменила все концерты. Все гастрольные поездки были отложены на неопределённые сроки.

После похорон в Баковке собрались самые близкие друзья и родные. Поминали Владимира Викторовича.

Сталин ушёл, но времена тотального надзора, доносов и «бдительности» «сознательных» граждан не прошли. Даже среди «самых близких» нашлись те, кто и на похоронах, и на поминках продолжал бдительно нести службу.

Уже через несколько дней на стол Хрущёву легла докладная записка, доставленная курьером из КГБ.

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

7 сентября 1959 г.

№ 2668-ш

Особая папка.

Сов. секретно.

Гор. Москва.

Товарищу ХРУЩЁВУ Н. С.

19 августа сего года по случаю смерти генерал-лейтенанта КРЮКОВА жена последнего, известная певица Русланова, устроила поминки, на которых в числе других были Маршалы Советского Союза тт. Будённый С. М. и Жуков Г. К. В процессе беседы среди

присутствующих был поднят вопрос и о принятом Постановлении Совета Министров Союза ССР № 876 от 27 июля 1959 года о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Тов. Жуков по этому вопросу заявил, что, если он был бы Министром обороны, он не допустил бы принятия правительством нового Постановления о пенсиях военнослужащим и их семьям.

Далее он сказал, что тов. Малиновский предоставил свободу действий начальнику Главного Политического Управления генералу армии Голикову, а последний разваливает армию.

— В газете «Красная Звезда», — продолжал Жуков, — изо дня в день помещают статьи с призывами поднимать и укреплять авторитет политработников и критиковать командиров. В результате такой политики армия будет разложена.

Высказывания Жукова по этому вопросу были поддержаны тов. Будённым…

Председатель Комитета Госбезопасности А. Шелепин.

Хрущёв дал записке ход, она была рассмотрена в ЦК КПСС.

Маршалов Жукова и Будённого вызвали на проработку в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. Жуков, к тому времени снова оставшийся не у дел после снятия с поста министра обороны, вывода из ЦК КПСС и состава членов Президиума ЦК КПСС, униженный и морально раздавленный, вынужден был признать свою вину. Учитывая, что товарищ Жуков сделал для себя должные выводы, Комитет партийного контроля ограничился «обсуждением вопроса» и оставил маршала в покое. На что Жуков, склоняя перед партийцами свою седую голову, в общем-то и рассчитывал. Лишь бы больше не привязывались…

Маршалу Будённому пришлось оправдываться всерьёз. Его заставили писать объяснение. Старик-маршал сел и написал:

«На поставленные мне тт. Л. И. Брежневым и А. И. Кириченко вопросы о том, был ли я 19 августа на похоронах и на поминках генерала Крюкова вместе с маршалом Жуковым, где он якобы в моём присутствии говорил о развале армии, о необоснованном возвышении тов. Голикова Ф. И. и принижении тов. Малиновского Р. Я., а также по пенсиям военнослужащих?

Отвечаю:

1. На похоронах генерала Крюкова не был (был занят на заседании Президиума ЦК ДОСААФ).

2. Жукова я видел всего минут 5–10, во дворе дачи Руслановой, когда я вечером (около 7 часов) с женой пошёл к Руслановой, чтобы оказать человеку внимание в тяжёлую минуту. В это время присутствующие на похоронах разъезжались. Среди них был и маршал Жуков.

При этой встрече маршал Жуков ни о чём подобном не говорил.

18.9.59 г.

С. Будённый».

Вот вам и письменное объяснение от Семёна Михайловича Будённого. Не был… Не слышал… Не говорил… И — идите вы все…

Бывшие на похоронах вспоминали, что Русланова держалась мужественно, губы тряслись, слёзы текли, но от рыданий себя удержала.

После похорон стала прихварывать. Врачи обнаружили диабет. Переболела пневмонией. Долгие прогулки на улице зачастую заканчивались очередным бронхитом. Ослабела. «Рухнула», — как она говорила знакомым, когда те звонили ей справиться о здоровье и поболтать о новостях. Держалась, держалась, а тут — «рухнула».

Дела тоже оставила. Занималась семьёй. Заботилась о внучке Лидочке. И в семейных заботах находила покой и радость.

Пауза длилась год.

Артист живёт сценой. Русланова не была исключением. И снова начались поездки и выступления. В 60 лет, отягощённой болезнями, усталостью, невосполнимыми потерями, гастролировать по стране ей было уже непросто. А порой непосильно. Однажды поехала на концерт, облепив грудь и спину горчичниками. Петь совершенно не могла. Но билеты были проданы, зрители ждали её выступления. Администратор, зная непростой нрав певицы, счёл её просьбу отменить концерт, перенести его на более поздний срок очередным капризом знаменитости.

Приехала. Прохрипела:

— Петь не могу.

Администратор побледнел:

— Лидия Андреевна, все билеты проданы. Меня просто убьют! Выйдите хоть к ним и сами скажите…

И она вышла на сцену. Увидела лица и глаза, наполненные ожиданием и радостью встречи. Заговорила сиплым голосом:

— Дорогие мои. Долгожданные мои. Заболела. Что делать, человек я немолодой. Прошла моя молодость. Да и жизнь, можно сказать, уже позади. А она у меня, как вы знаете, была непростая. И хотела бы спеть, порадовать вас, а не могу.

И тут раздались аплодисменты. Вскоре они переросли в овации.

Администратор, забившийся было в какую-то щель за кулисами, выглянул и с удивлением увидел: зал, где не было ни одного свободного места, рукоплескал; певица стояла на сцене и что-то пыталась говорить. Потом встал старик и сказал:

— Голубка ты наша, Лидия Андреевна! Ты нам и так много пела. Много радости принесла. Не надрывайся, коли заболела. Постой с нами, поговори. И мы счастливы будем!

Зал снова начал аплодировать.

Концерт, в сущности, состоялся. Администратор тоже был счастлив — всё обошлось, деньги публике возвращать не пришлось, зрители довольны. А вот у Руслановой на душе — камень… Прежде такого не случалось. Может, пора уходить? Оставить сцену молодым. Вон их сколько, талантливых красавиц и красавцев…

Нет, немного погодя поняла она, когда болезнь миновала и голос вернулся, без песни ей жизни нет. Какая ж это жизнь без песни?

Уже незадолго до 1973 года признавалась:

— Я за славой не гналась. Она сама ко мне приходила. Отпою концерт — и словно живой водой умоюсь. Руки-ноги гудят, а на сердце праздник и необыкновенная лёгкость — хоть снова на сцену. Я в этом смысле как пьяница — никогда песней напиться не могу. Меня Бог миловал, я, грешница, его об одном просила: голос не отбирай, дай при песне помереть, из последних сил на сцену выползу, а спою.

Глава двадцать девятая
РУСЛАНОВА И ЖУКОВЫ

«Шур, ты мне в другой раз рюмку
не ставь — я не маршал…»

Двоюродный племянник маршала Жукова Анатолий Пилихин вспоминал:

> «Ещё до распада первой семьи Жукова маршал, будучи министром обороны, справлял своё 60-летие в домашней обстановке на госдаче в Сосновке 2 декабря 1956 года. Поздравить его пришло много людей. Довольный и весёлый Георгий Константинович плясал и играл на гармошке. Когда зазвучала радиола, юбиляр ловко схватил молодую и красивую невестку и стремительно закружил её в вальсе Штрауса. Ирина Леонидовна Пилихина слегка притормаживала энергичного танцора, ибо была на сносях. Через четыре месяца у неё родилась девочка Даша. В более явном положении ходила маршальская дочь Элла, в ту пору студентка. В тот день певица Лидия Андреевна Русланова прилюдно ей пообещала: „Элла, если у тебя родится сын, я подарю тебе бриллиантовые серьги!“».

Снова — о сыне… Не унялась в ней тоска о нём.

Ходили слухи, что Русланова неравнодушна к маршалу, что и он испытывал к ней симпатию. Но это, скорее всего, обычная московская светская пыль — сплетни.

Их объединяло другое. В первую очередь та высота, на которой стояли оба. Стояли равновелико, бровь в бровь. Он, только что исполнивший свой грандиозный торжественный концерт, который сотряс весь мир. И она, *маршал русской песни.* Оба имели твёрдые характеры, воспитанные народной жизнью и суровой эпохой.

Он — калужский. И тоже деревенский. Название родной деревеньки на реке Протве под Малоярославцем — Стрелковка — Жуков часто произносил в своих рассказах о давнем и недавнем прошлом. Там у него по-прежнему жила родня. Иногда в гости наведывались земляки. Привозили разную огородную снедь, самую простую — картошку, яблоки, капусту, огурцы, солёные грибочки… Вроде мелочь, сущий пустяк, а сколько радости

доставляли маршалу эти приношения с родины! Что там деликатесы из Елисеевского магазина!

Эта постоянная связь с малой родиной, Калужской землёй, восхищала Русланову.

В 1945 году Павел Корин написал портрет маршала Жукова. Сегодня он находится в одном из залов Третьяковской галереи. Пожалуй, это лучший портрет Жукова. Глыбистая фигура победителя. В лице — железная воля, непреклонная решимость. Непобедимый воин! Скала! Триумфатор!

Говорят, сразу после победы Сталин послал лучших советских художников-портретистов в Германию и Австрию, где продолжали стоять наши оккупационные войска, чтобы те написали портреты его маршалов. Когда заказчику показали портрет Жукова кисти Корина, тот испугался — увидел соперника. Возможно, это только легенда. Но события, которые произошли совсем скоро, — первая отставка Жукова, ссылка в Одессу, потом на Урал, зачистка окружения, на кого в трудную или иную решительную минуту маршал мог положиться, — свидетельствуют в пользу того, что легенда без правды не живёт.

Возможно, увидев именно этот портрет маршала, которого она обожала, Русланова, тонкий знаток и ценитель живописи, начала называть Жукова «Георгием Победоносцем». Делала это прилюдно, хорошо понимая, что кое-кого это коробит. Завистников и недоброжелателей вокруг маршала было значительно больше, чем друзей. Как, впрочем, и вокруг неё самой.

Правды ради необходимо сказать, что настоящая дружба связывала Русланову всё же не с маршалом, а с его первой женой Александрой Диевной. Вот почему она могла заехать к Жуковым в любое время и быть желанной гостьей.

Племянник Жукова Виктор Фокин запомнил и впоследствии пересказал другому своему родственнику, Пилихину, который имел обыкновение всё записывать, такой случай: «Вспоминается обед у Жукова на улице Грановского. Маршал сидел в пижаме. Раздался звонок в дверь. Прислуга тётя Шура поднялась из-за стола и, впустив в квартиру гостью, звонким, украинским голосом обратилась к хозяйке: „Александра Диевна, Лида к тебе пришла!“ В залу вошла певица Русланова и сказала: „Сидеть сидите, и никто меня не встречает!“ Маршал отреагировал первым: „Приглашайте её к столу“. Лидия Андреевна с цветастым платком на плечах села, взяла пустую стопку и налила себе водочки. Подняла рюмку и обратилась к прислуге: „Шур, а у тебя стаканов-то нет?“ Тётя Шура тотчас принесла с кухни гранёный стакан. Русланова поставила его перед собою и пробасила: „Я сама

налью, знаю, сколько наливать“. Наполнила стакан под завязку, долбанула… закусила и объявила: „У меня в резерве 10 минут есть. Иду на концерт. Что вам спеть?“ Жуков сказал: „В зависимости от твоего настроения“. Лидия Андреевна запела „Окрасился месяц багрянцем“. Простившись со всеми, Русланова говорила: „Шур, ты мне в другой раз рюмку не ставь — я не маршал“».

В 1960 году министром культуры СССР стала Екатерина Фурцева. Новый министр оказалась настоящим реформатором в советской культуре. В 1958 году по её инициативе был проведён Первый Международный конкурс им. П. И. Чайковского. В 1959 году состоялся Первый Московский международный кинофестиваль. В 1969 году — Первый Международный конкурс артистов балета. Открылся Театр эстрады, который возглавил Н. П. Смирнов-Сокольский. Был построен концертный зал «Россия». Появилось много новых певцов.

Руслановой эта волна нового никак не коснулась. Ничего она уже для себя не ждала.

Такое бывает, когда творческий человек переходит наедине со своим ремеслом в иное душевное состояние, когда внешнее и общепринятое начинает волновать его всё меньше и меньше, а потом и вовсе отдаляется. Суета исчезает как пыль, поднятая случайным ветром… И наступает пора душевного покоя. То, о чём так мечтал Пушкин: «покой и воля…»

Воля у неё была. После Владимирки, которая либо ломала человека, либо настолько закаляла, что любая буря ему уже была не страшна. А покой она обрела, когда стала меньше гастролировать, проводить больше времени с семьёй, с дочерью, зятем и внучкой.

Жуков же всю жизнь ожидал очередного призыва. До последнего надеялся, что он снова станет нужен, что его призовут под боевые знамёна для новых свершений. Не призвали.

Русланову от иллюзий избавили тюрьма и лагерь.

Жуков любил слушать её песни. Особенно «Степь да степь кругом…», «Когда б имел златые горы…», «Валенки».

Как-то раз Русланова с Жуковым порадовали, от души повеселили гостей, исполнив одну из любимых маршалом песен дуэтом. При этом Русланова старалась уступать «Георгию Победоносцу», придавливала свой голос. Когда песня кончилась, они поклонились гостям. И Русланова своему партнёру сказала:

— Для маршала поёшь совсем неплохо.

Однажды они разговорились о современной эстраде.

— Фурцева хочет, чтобы у нас на эстраде было не хуже, чем у них, — усмехнулся Жуков.

«У них» — это на Западе. Новый министр культуры Екатерина Фурцева энергично выводила на большую сцену молодых певцов. В 1960 году, уйдя из хора им. Пятницкого, начала сольно выступать Людмила Зыкина. Публике она сразу понравилась. Чуть раньше засиял голос Ольги Воронец. В начале 1960-х в Москонцерт пришла ещё одна исполнительница русских народных песен — Александра Стрельченко. Такова жизнь.

С одной стороны, Екатерина Алексеевна покровительствовала всему русскому в культуре, в том числе и русской народной песне. С другой — из той же русской песни выхолащивался дух народа, в недрах которого песня родилась и зазвучала.

В связи с этим Русланова рассказала Жукову последний анекдот. О том, как на одном из расширенных худсоветов Катька (Фурцева) вдруг резко обрушилась на казачьи ансамбли: «Зачем нам столько хоров этих? Ансамбль кубанских казаков! Ансамбль донских казаков! Терских! Сибирских! Надо объединить их всех, сделать один большой казачий коллектив, и дело с концом!» Все молчат. И вдруг ей Смирнов-Сокольский говорит: «Не выйдет, Екатерина Алексеевна! До вас это уже пытались сделать!» У Катьки глаза на лоб: «Кто?» А Колька ей: «Деникин!» На том тему и прикрыли.

Глава тридцатая
БАРЫНЯ

«А в душе Руслановой боролись Васса Железнова, разудалый бурлак и тончайший поэт…»

Русланова по характеру была человеком добрым. При всей своей популярности не впала в «звёздную болезнь». Видимо, спасало чувство юмора, неиссякаемой самоиронии. Её врождённое чувство собственного достоинства не перерастало в гордыню. Не было в ней этакого элитарного апломба, которым страдают многие в артистической среде. Как говорят в народе, голову на людях не вскидывала. Но могла довольно резко ответить, мгновенно отреагировать на слово и жест, если чувствовала в них враждебное и злое, несправедливое.

Однажды возникла какая-то пустяковая ссора между ней и артисткой Татьяной Бах, примой Театра оперетты. Это произошло на каком-то приёме, во время застолья. Одним словом, зрителей вокруг оказалось много. «Останки старой блудницы», — бросила ей в лицо Русланова, напоминая о прошлых бурных романах своей собеседницы с Тухачевским и Калининым. Та мгновенно сникла и больше не произнесла ни слова.

В Ростове-на-Дону во время гастролей Русланова вместе со своими коллегами-артистами решила сходить на концерт одной заезжей знаменитости из Сибири. Купили билеты. Заняли свои места. На сцене приглушённый свет. Артистка, закутанная в старинную шаль, что-то тихо пела под «сурдинку». Слов не разобрать, только «всхлипы и стоны», как писал потом один из спутников Руслановой. В те годы только-только входила в моду «интимная песня».

Русланова слушала молча, терпеливо.

Когда певица закончила выступление, не выдержала, вскочила:

— Пойду-ка поговорю с этой шепталкой.

Кто-то из артистов сказал:

— Ну, сейчас увидите, что такое руслановский характер! Пойдёмте и мы, а то ведь от Лиды за такое пение бедной певице может не поздоровиться.

А дальше был вот какой монолог:

— Русскую песню надо петь, а не шептать! Если голоса нет — садись в зал, других слушай. Конечно, ты про любовь поёшь, тут

кричать вроде бы ни к чему. Но хоть любимый-то твой признания должен услышать?! И потом, что же ты поёшь, любезная моя? Что же это у тебя вся любовь какая-то неудачная: он ушёл, она изменила, они не встретились… А радость-то где же? А дети-то откуда берутся? И ещё — ты объявляешь: народная песня Сибири! Ты, моя любезная, народную-то песню не трогай! Она без тебя обойдётся, и ты без неё проживёшь! Вот так, моя любезная.

На фотографиях разных лет Русланова почти всегда улыбается. Антонина Ревельс вспоминала: «Лидия Андреевна была весёлым человеком, и вокруг неё всегда были шутки, смех, оживление. Иногда с утра, задолго до концерта, она приходила ко мне и спрашивала:

— Ну, что нового? Какие анекдоты? Я должна посмеяться.

Она как бы нутром чувствовала значение смеха для людей.

Особенно это сказывалось во время войны. Придёт к бойцам в походный госпиталь и скажет:

— Голубчики мои! — и такое начнёт рассказывать, что все стонут от смеха. А уж пела она для них — просто соловьём заливалась».

В 1960-е годы Гаркави вёл концерт на одном из стадионов в каком-то южном городе, областном центре. Русланова выступила превосходно, и когда она уже раскланялась с публикой, на поле выбежала женщина, одетая в русском стиле, и подарила певице пуховую шаль. Гаркави немедленно отреагировал. «Вот это и есть истинная любовь русского народа!» — сказал он в микрофон и объявил следующую выступающую — Эльмиру Уразбаеву. Уразбаева спела — на поле к помосту бежит узбек, подбежал и подарил Уразбаевой часы. Тогда часы были богатым подарком. Следующим в программе был Иосиф Кобзон. Русланова за кулисами сказала ему: «Кобзончик, приготовься, сейчас евреи тебе мебель понесут!»

Татьяна Николаевна Барышникова, последние годы жившая в Волгограде, вспоминая лагерную агитбригаду и выступление Руслановой среди заключённых и лагерной охраны, добавила к портрету нашей героини такой штрих: «После лагеря я с ней встречалась дважды. Встречи были очень тёплыми, очень сердечными, мы с ней обнимались и целовались и плакали вместе. Но в Москве я к ней ни разу не зашла. Я уже жила не в Москве после освобождения. В Москве бывала довольно редко, и несмотря на то, что она мне дала свой телефон и просила заходить и вообще мы с ней встретились очень и очень тепло, меня немножко настроили против визита к ней мои бывшие коллеги. Выяснилось, что после освобождения очень многие, когда Лидия Андреевна была в Москве и снова занимала прежнее

положение, к ней приходили за помощью. Она немножко рассказывала мне о своей трудной и очень суровой жизни до того, как она стала всесоюзно известной певицей. Это была жизнь, полная лишений и огромного, поистине титанического труда. И всегда вокруг неё кормились люди. И не всегда эти люди могли прокормиться без её помощи. Я могу себе представить, какое паломничество было бы к ней со стороны бывших лагерников, если бы она это не пресекла в самом начале. У неё и своя жизнь после освобождения была достаточно сложной, и поэтому она не очень приваживала к своему дому тех, кто приезжал из лагеря. Тем более что близких людей там было очень и очень мало. Именно эти близкие люди, насколько я знаю, та же Баклина, та же Спендиарова, к ней не обращались. Когда я как-то приехала в Москву и сказала о том, что я встретила Лидию Андреевну в Ставрополе во время её концерта (а я в то время жила там вместе с мужем), как она меня встретила, как звала к себе, мне Марина Александровна Спендиарова, человек очень категоричный, сказала: „Нет, Таня, она нас предала, она не хочет с нами иметь дело“. Это было не так, нет, потому что спустя несколько лет я была с Волгоградским театром музыкальной комедии на гастролях в Симферополе, где я проработала очень долго, и там были концерты Руслановой. Мы с мужем пошли к ней в гостиницу, и она нас прекрасно приняла, встретила, и тогда она мне сказала: „Знаешь, Таня, умер генерал (её муж В. В. Крюков), и я себя чувствую одинокой. Я всё ещё пою. Только этим и продолжается моя жизнь. Будешь в Москве, обязательно мне позвони. (Она опять-таки дала мне свой телефон, он до сих пор у меня где-то в записной книжке записан.) Только ты мне скажи о том, что это ты“. Но больше я с ней не встретилась, в Москве я у неё никогда не была».

Русланова в любых обстоятельствах и в любом окружении оставалась естественной. Никогда не играла певицу. Маргарита Крюкова-Русланова отмечала: «Никакой театрализации жизни, действий, общения. Всё, что она делала, было абсолютно естественным. Она была очень искренним человеком, достойным и сильным».

А Татьяна Окуневская добавляет такой штрих: даже в тюрьме Русланова заботилась о своей внешности… Обладала «величавым и одухотворённым женским обаянием», которое в своё время воспел столь любимый ею Николай Алексеевич Некрасов. «Русским», как отмечали современники, «был даже сам выход певицы на сцену. Стремительно, быстро, не теряя при этом особой русской стати, подходила она к авансцене, останавливалась и с величавым жестом руки перед собой кланялась публике земным

русским поклоном — низким, степенным, уважительным. В этом поклоне была и полная самоотдача себя людям, и гордость за высокое искусство, которое она сохраняла и несла народу».

В артистической среде Русланову называли «барыней». Смысл вкладывали конечно же всякий — и положительный, и отрицательный. Но прозвище, согласитесь, красивое. И потому постепенно отрицательное отпало само собой. Она отзывалась на Барыню, как когда-то на Лидку-Стрептоцид.

К своим родным и семье относилась бережно. «Была очень выдержанна, — вспоминает Маргарита Крюкова-Русланова. — За те семнадцать лет, что мой муж прожил вместе с мамой под одной крышей, меж ними случилась всего одна размолвка. Один раз Георгий за „успехи“ в учёбе на неделю запретил Лидочке смотреть телевизор. Уехал в командировку, возвращается — а Лидочка чуть ли не на люстрах качается… Мама разрешала всё, хоть на голове стой: не хочешь в школу — да не ходи, чёрт с ней, если голова умная, всё будет. Короче, Жора на ребёнка цыкнул, а мама сказала, что ребёнок не солдат и с ним так нельзя. И они оба замолчали. Три дня двигались молча мимо друг друга. Вот это была высшая мера ссоры. А потом кто-то что-то сказал, а другой прыснул от смеха, и всё было вмиг забыто».

Это произошло в 1960-е годы. Русланова возвращалась с гастролей. Ехала поездом с Дальнего Востока в Москву. Путь долгий. На одной из глухих сибирских станций — поезд на ней не останавливался, должен был промчаться транзитом — скопилось большое количество народу. Оказалось, что каким-то образом люди узнали, что именно в этом поезде едет их любимая певица. И вот Руслановой кто-то сказал, что на маленькой таёжной станции её ждут толпы людей. И, чтобы уважить их ожидание, она уговорила начальника поезда сделать остановку, хотя бы самую короткую. Начальник поезда вначале не соглашался — нельзя, срыв графика. Потом всё же уступил. Поезд остановился. Русланова вышла на перрон и спела «Валенки». Народ на станции ликовал!

Татьяна Окуневская, вспоминая своё выступление в Доме офицеров, рассказывала:

> «Петь „Ночь“, которую уже поют грудные дети, неприлично, и я решила срочно разучить новую песню, да ещё такую, которой у меня даже на слуху нет. Нет и Варса, он на гастролях в районе, а аккомпанировать будет знаменитый Квартет классической музыки имени Бородина.
>
> Выучили с мамой текст и мелодию, волнуюсь, жду

репетиции и получаю ответ: „Отрепетируете за кулисами перед началом концерта“. У меня раскрылся рот! Что же, они меня перепутали с Гали Курчи![97] Ну уж такого я не ждала, но виду не подала и маме ничего не сказала, чтобы у неё не было инфаркта… Сбежать… Заболеть…

Вхожу за кулисы, гомон, шутки, смех, в углу мой квартет с кем-то репетирует — скрипки, виолончель, смокинги. Сижу, жду. К квартету подбегают, что-то пропоют, смеются, убегают. Второй звонок, решаюсь, подхожу, солидный интеллигентный скрипач приветливо смотрит на меня, узнал:

— А, да, да, у вас песня из фильма „Таинственный остров“? Тональность ми-бемоль?

— Извините, я на одну минуту… — нашла глазами Лидию Андреевну Русланову, шепчу ей: — Как выяснить, в какой тональности я заучила песню?

— Быстро напой мне.

Так же шёпотом напеваю.

— Ми-бемоль.

Подбегаю к квартету:

— Ми-бемоль.

Третий звонок.

— Ну тогда и репетировать не надо!

И двинулись к выходу на сцену.

Второй седой волос появился у меня там, за кулисами, в ожидании своего выступления.

Поднимаюсь по лесенке на сцену, иду, как на заклание, шаг, слышу аплодисменты, пою, чувствую, что сердце тоже начинает петь, голос льётся, мне нравится петь под скрипки, это красиво…

Взяла последнюю ноту, гром аплодисментов, птицей вылетаю за кулисы, а там немая сцена из „Ревизора“: все стоят и смотрят на меня. Русланова бледная как полотно.

Что? Что случилось, почему они не рады моему успеху?!! Русланова обняла меня:

— Ты, конечно, не понимаешь, что с тобой произошло, ты спела в правильной тональности, но на кварту выше. Изумлённый квартет подладился под тебя, а мы замерли, ожидая, что с тобой будет на высокой ноте. Такую ноту может взять только Гали Курчи! Как иногда хорошо ничего не знать и довериться Богу! — И она сочно высказалась».

«Сочно высказаться» Русланова могла по любому другому поводу. Не щадила ни друзей, ни подруг, среди которых, в частности, была и Марина Алексеевна Ладынина, самая заслуженная «свинарка» Советского Союза. Однажды, сидя у Руслановой за чаем, Марина Алексеевна начала жаловаться: мол, Пырьев, её муж, «загубил её творческий потенциал», ведь она могла бы стать «одной из ведущих драматических актрис», а Иван Александрович «не дал этому осуществиться»…

Русланова отставила чашку с чаем, внимательно посмотрела на подругу и говорит:

— Ты что это, Маша, с ума сошла, что ли? Ты Ваньке обязана всем. Это он повесил тебе на грудь пять Сталинских премий. Кто бы ты была без него? Ты должна в ноги ему кланяться. А ты что несёшь?

— Вот как? Я не знала, что вы так обо мне думаете, — поджала губы Ладынина, сразу перейдя на «вы».

— Так знай теперь…

— Тогда, видимо, я больше и приходить к вам не стану.

— Ну, это дело твоё. Не хочешь — не приходи. Ишь, обиделась она…

И какое-то время Ладынина к Руслановой не приезжала. Потом они заскучали друг без дружки, созвонились и помирились. Но Русланова от своих слов не отступилась. Пырьева она любила и уважала.

Артист Малого театра Фёдор Мишин как-то вспомнил рассказ Руслановой: когда вели этапом из Москвы, один «офицеришка» замахнулся на неё, так она перехватила его руку и вывернула так, что он вынужден был попросить отпустить. Физически она была очень сильна. Особенно в ярости. Ей это сошло. Не мстили. Вообще в тюрьме и в лагере никто из охраны и лагерного начальства пальцем до неё не посмел дотронуться.

Писатель-сатирик Матвей Грин, тоже испивший лагерную чашу, да ещё дважды, оставил воспоминания об одном случайном разговоре с Руслановой:

> «…как-то на семейном празднике у конферансье Бориса Брунова мы, уединившись, разговорились об этих проклятых днях нашей жизни. Она спросила меня, знаю ли я такие стихи: „Когда заболею, к врачам обращаться не стану…“ Я сказал, что не только знаю, но с их автором — замечательным русским поэтом Ярославом Смеляковым — тянул свой первый срок на Печоре. Я рассказал ей, что тогда в лагерях ещё существовали многотиражки. В одной из них, „Новый судострой“,

работали я, Смеляков, Николай Асанов, знаменитый украинский сатирик Остап Вишня…

Поговорили мы и о втором моём аресте, о нашем „театре за колючей проволокой“. Она знала певца из Большого — Дмитрия Головина, знала знаменитого джазиста Александра Варламова, — они были со мной, в том театре, в Ивдельлаге.

И тут она впервые рассказала мне о своей „посадке“. Вспомнила бесконечные ночные допросы во внутренней тюрьме, как молодой лейтенант — следователь, „сосунок“, как выразилась она, добивался от неё: какие шпионские задания она получила от американской разведки после памятной встречи на Эльбе. Следователь то говорил, что её завербовало ФБР, то — ЦРУ. Похоже, он не очень разбирался в этих тонкостях. Да и ни к чему ему было: арестованная — здесь, муж её — тоже здесь, отсюда они никогда не выйдут, так чего мудрить?!

Однажды, измученная многочасовым допросом, Русланова вдруг сказала:

— Пиши! Расскажу, какое задание у меня было!

Следователь засиял, наконец-то будет признание — „царица доказательств“! Всё-таки расколол он эту упорную бабу!..

— Ну, какое же задание? — нетерпеливо спросил он.

— Пиши! Задание было такое: петь людям русские песни и отвлекать от строительства социализма! Пиши! Пиши!

Ну, что там было дальше — представить себе нетрудно. Орал следователь; зная Русланову, полагаю, что не молчала и она!

Лидия Андреевна, что-то вспомнив, сказала:

— Уволок меня конвой — в камеру. Трое волокли, сама идти не могла! Вот такое злодейство! За что? Почему? Кому это нужно было?»

В другой раз, пребывая уже в другом настроении, она говорила Матвею Грину:

— Ты, наверное, думаешь, что русские песни бывают только протяжные — грустные да весёлые скороговорчатые? Ни черта ты не знаешь! Вот я буду сейчас называть, какие бывают песни, а ты запоминай! Значит, так: памятные, богатырские, молодецкие, разбойничьи, былины, старины, новины, плачи, заплачки, подблюдные, думы, протяжные, заунывные, весёлые, игровые, круговые, хороводные, плясовые, балагурные, бурлацкие,

скоморошьи, обрядовые, свадебные, гулевые, бабьи, посиделковые… ну как, запомнил? Это ж какое богатство! А?

Галина Серебрякова, с которой Русланова коротала свои дни во Владимирской тюрьме, оставила наброски и записи, которые, по всей вероятности, могли бы стать со временем книгой о великой певице, да не судьба. Еженедельник «Литературная Россия» в 1985 году (№ 51) опубликовал фрагменты незавершённой рукописи:

> «…В бездонной памяти отыскиваю штрихи чувств и событий, связанных с людьми, встреченными на жизненных перевалах. Не море, ручьи, горы, леса, а люди определили строй моих мыслей и маршрут по планете. Люди умирают и уносят частицы нас с собой. Навсегда замер голос Лидии Руслановой, а во мне он звучит с неослабной силой.
>
> И колокольчик, дар Валдая,
> Гремит уныло под дугой…
>
> Талант её не замолкал, как водопад, отражая силу и душу не её одной, а народа, гениальным сгустком которого она вошла в жизнь.
>
> Я услышала этот голос, сочный, разнозвучный, в конце 20-х годов…
>
> Спустя более двух десятилетий судьба свела нас тесно-тесно на несколько лет.
>
> Восьмого марта 1972 года в последний раз провели мы с Лидией Руслановой и другими целый день в Переделкине на моей даче. Несмотря на немощь, на убивавший её недуг, она была всё ещё человечески очень хороша. Самородок всегда необычен и юн. Из-под опущенных монгольских век смотрели на нас мудро и живо скифские глаза Руслановой, широкая улыбка не исчезала с бледного лица… Лидия Андреевна передвигалась уже с трудом, но была всё ещё величава в тёмно-лиловом платье…
>
> Глубоко и требовательно знала Русланова искусство и особенно русскую школу живописи. До последнего вздоха высокие страсти бушевали в талантливой женщине, которую все пятьдесят с лишним лет её сценической деятельности никто не заменил. Каждое её выступление подчёркивало великий талант, темперамент, драматический дар.

А в душе Руслановой боролись Васса Железнова, разудалый бурлак и тончайший поэт, и психолог, и всегда неудовлетворённая, ищущая совершенства замечательная актриса, владевшая ярчайшим и прекрасным голосом.

…То скорбная, то отчаянно весёлая, шутница, фантазёрка и мечтательница, добрая, а то вдруг жадная на мелочь, всегда честная, отважная, готовая заступиться за обиженного, этакая Марфа-посадница, она — истинная дочь своего народа и его гордость…

Лидия Русланова… Сколь многим обязаны мы ей! Её доброта и, главное, жизнелюбие передавались нам, как донорская кровь. Такое не забывается. А ничтожные свары, душевные неполадки… исчезли как бациллы в растворе хлорной извести.

И хотя я не видела её поющей перед рейхстагом и ранее, в канун многих боёв, под аккомпанемент рвущихся снарядов, кажется мне, слышу переливы и рокот чудесного голоса, одушевлённого страстью, всё сметающей волей к добру и победе. Великим талантом обладала Русланова.

Никто не перевоплощался столь удивительно и необыкновенно, как это бывало с ней, когда она „показывала“ людей. Поныне я вижу одарённейших деятелей театров, литературы, воинства через призму того, как воскресила их Лидия Андреевна. Ни одной фальшивой позы, интонации, жеста.

Театр, музыка были её воздухом, самой сутью существа и стремлений. Приютская девчонка-поводырь слепой бабушки, поющая на улицах и во дворах саратовских купцов, истинно народная певица и огневой патриот России, Русланова Символична — она олицетворяет свою Родину.

Русланова — часть 20-х годов: ей было тогда за двадцать, и после работы на заводе, выступлений на подчас случайных подмостках она начала уже учиться у полузрячей, погружённой в себя Ольги Ковалёвой. Не раз эта большая, замкнутая женщина пела у нас дома, сидя, прикрыв глаза, опершись на руку, как-то особенно протяжно.

…Песня всегда голос эпохи, народа, его чаянья, тоски и надежды. Почётный избранник природы — певец облечён миссией донести слова и мелодию до сердца, сохранить их во времени. Ковалёва нам вернула

множество забытых, рождённых в глуби напевов. Русланова с редкой одарённостью взяла у неё всё самое драгоценное, но не для повторов, а для нового созидания и рождения. Она осталась совершенно самобытной. Истинно талантливое не повторяется…»

Специалисты, изучающие народную песню, составили следующую типологию «исполнителей народных песен на концертной эстраде»:

1. Тип Плевицкой — «под народное».

2. Тип Третьяковой — «интеллигентное подражание фольклору, с абстрактностью его интонирования».

3. Тип Ковалёвой — «по автору, высший тип».

Русланова освоила высший тип исполнения народной песни — «тип Ковалёвой». Самый трудный. Она владела этим стилем в совершенстве. Хотя ревнители *правильного* пения не раз упрекали её в излишне вольном обращении с русской народной песней и даже называли стиль её исполнения вульгарным, извращающим народную песню.

Всё это пустое. Как сказала Галина Серебрякова, которая очень тонко и верно почувствовала певицу, её настоящее место в нашей культуре: «Ничтожные свары…»

Ольга Васильевна Ковалёва любила свою талантливую ученицу. Чувствуя её природную силу и большие способности к развитию и совершенствованию песенной силы, она дала Руслановой всё, что имела сама. Уроженка деревни Любовки Саратовской губернии, она собрала огромное количество песен своей родины Саратовщины. Многие из них исполняла Русланова. Незадолго до смерти Ольга Васильевна Ковалёва сказала такие слова: «Я счастлива! Было у меня любимое дело, всю себя я отдала ему! Русской песне!»

Этот короткий монолог-завещание в полной мере относится и к её ученице Лидии Андреевне Руслановой.

На коллективных концертах, как известно, кто-то из певцов преподносится публике как «главное блюдо» — первый голос, а другие исполнители идут, как говорят в певческой среде, *в антураже, на разогрев*[98]. Такой сценарий считается делом обычным. Однажды, когда на сцене уже блистали новые молодые исполнители и на концертах их представляли публике с особым пиететом, Русланова вышла «в антураже» без особых эпитетов конферансье. Исполнила одну из своих коронных песен и была встречена бурей аплодисментов. Конферансье пришлось выйти и объявить ещё одну её песню. Затем третью. И четвёртую. В конце концов, объявив очередную её песню, конферансье зашёл за

кулисы и сказал артистам, которые ожидали своего выхода на сцену:

— Все могут быть свободны. Теперь она будет петь сольный… Вы, друзья, не обижайтесь, но зрителям сейчас, кроме Руслановой, уже никто не нужен.

Она уже уставала на сцене. Устав и в тот раз, раскланялась и ушла со сцены за кулисы. Там, за кулисами, увидела группу тех самых молодых певцов, которые всё это время напряжённо следили за её выступлением. Среди них был и Иосиф Кобзон. Он потом и рассказал эту историю.

— Ну что, Кобзончик, — широко улыбаясь и сияя от счастья, сказала она, — кто у кого в антураже, а?

— Барыня, — поклонился он ей, — да вся наша эстрада у вас в антураже!

Иосиф Кобзон любил творчество Руслановой, всегда с особым уважением относился к ней и как к человеку. Когда Русланова собирала в своём доме или на даче компании артистической молодёжи и друзей, являлся с огромным букетом алых роз. Был и постоянным гостем на её «вечерах» в гостиничном номере после выступлений, когда все, как правило, собирались у Руслановой вокруг её корзиночки с домашней снедью. Зоя Фёдорова, Клавдия Шульженко, Людмила Зыкина, Ольга Воронец, Марина Ладынина, Антонина Ревельс.

— Приду, — вспоминал Иосиф Кобзон, — а она обязательно мне рюмку выставит. И себе на донышко плеснёт: «Ну, мужик, давай за твой голос выпьем!» Умирать буду — помнить её буду…

Пили, угощались от её щедрот. Шутили, смеялись. Она в те поры уже не поднимала и рюмочку. Нездоровилось. Но любила угостить молодёжь. И будто хмелела вместе с ними, так ей было хорошо. Разговоры были разные, но в основном «о Кремле и о тюрьме». Ей было что рассказать. Но она молчала. Ещё не наступила пора, когда можно было рассказать всё пережитое.

Однажды уступила уговорам Николая Погодина взяться за мемуары.

— Лидия Андреевна! Ты же прекрасная, редкая рассказчица. Каждая твоя история — это вполне законченная новелла! — уверял Погодин.

Но ни времени, ни сил на мемуары у Руслановой не хватало. Правда, кое-какие заметки делать начала. Наконец они решили так: в удобное для Погодина время Русланова будет приглашать его на чай, и они, за чаем, будут сидеть и «писать мемуары» — она рассказывать, а он записывать.

Некоторое время чаёвничали. Появились первые записи. Но потом их чаепития стали реже. Погодину нездоровилось, да и

далековато было добираться из Переделкина до Ленинградского проспекта. Там, в доме 66 Русланова и генерал Крюков получили новую квартиру. В 1962 году писатель умер. В последнее время Погодин почти безвыездно жил на даче в Переделкине. За несколько дней до смерти, как рассказывают родственники, пешком пришёл в Баковку к Руслановой. Без предупреждения — как снег на голову. Посидели, поговорили. Приходил проститься. Так и не состоялись руслановские мемуары в записи Николая Фёдоровича Погодина.

Молодые певцы и особенно певицы буквально трепетали перед Руслановой. Неважно, что у некоторых из них концертов к тому времени было больше, чем у знаменитой наставницы, да и популярность могла сравниться с руслановской. Они ловили каждое её слово, каждый жест, обращённый к ним. Иногда собирались вместе: Русланова, Людмила Зыкина, Ольга Воронец и Клавдия Шульженко.

— Девки, — говорила Русланова молодым, — пойте, как поётся. Только — осмысленно. Только — с душой.

Иногда, слушая одну из них, вдруг в сердцах, а то и с крепким словцом, могла воскликнуть:

— Ну что ты, милая! Где душа? Ямщик-то у тебя не замёрз!..

Ольгу Воронец она особенно любила и ценила. Когда молоденькая Воронец только-только появилась на сцене с эстрадными песнями современных композиторов и романсами, Русланова услышала по радио её концерт и сказала:

— С таким голосом надо петь русские народные песни, а она что поёт?!

Однажды Ольга Воронец дала серию концертов в частях Закавказского военного округа. После одного из выступлений к ней подошёл командующий округом генерал Андрей Тимофеевич Стученко, поблагодарил певицу и рассказал, как во время войны он самым натуральным образом выкрал в соседней дивизии Русланову и привёз в расположение своей, чтобы любимая певица порадовала его бойцов-молодцов своими «Валенками». Воронец призналась, что дружит с Руслановой. Генералу захотелось повидать её, снова, как на фронте, расцеловать и поблагодарить за талант. Когда Русланова открыла дверь и увидела на пороге генерала, она воскликнула:

— Боже, Андрюша! Стенька Разин!

Бывшего полковника, лихого кавалериста, командира 4-й кавалерийской дивизии 2-го гвардейского кавкорпуса, которым во время войны командовал её муж генерал Крюков, она узнала мгновенно.

Она легко наполнялась счастьем, когда судьба дарила ей хотя

бы каплю этого чувства.

Глава тридцать первая
РОДНЯ И РОДИНА

«Я у вас в гостях, а вы — хозяева!»

Русланова всю свою жизнь не порывала связей с родной Саратовщиной. Человек родины, она дорожила роднёй. Хотя к некоторым родственникам относилась сложно. И всё же при первой возможности мчалась в милые сердцу края, на Волгу.

Саратовские исследователи доподлинно установили, что первый приезд тогда уже знаменитой певицы на родину состоялся в 1933 году.

Если первый муж её, «офицерик» Виталий Николаевич Степанов, действительно погиб под Вольском в бою за Белое дело, то понятно, почему первая разлука Руслановой с родиной была такой долгой — 15 лет. Для столь продолжительной разлуки должна была быть серьёзная причина. Страх за собственную жизнь — куда уж серьёзнее.

Итак, в 1933 году, летом, Русланова приехала на родину в Даниловку. В родную деревню певицу привёз на лошади Тимофей Анисимович Миронов, племянник Федота Ивановича, у которого Русланова жила, когда работала на мебельной фабрике, и который, по скупости своей, не купил ей ботинки, когда будущей певице совсем не в чем стало ходить.

Саратовские краеведы в середине девяностых годов прошлого века отыскали Тимофея Анисимовича, и тот рассказал, что всю дорогу до Даниловки его знаменитая родственница сидела рядом с ним в телеге, что была весела и всё напевала: «Лапти да лапти, да лапти мои…», должно быть, намекая на скупость своего дяди, что просила возницу ехать пошибче, потому что хотела поскорее увидеть родные места:

— Ну, Тимофей! Погоняй давай свою кобылу!

Но тот не торопился, ему хотелось побыть с Руслановой подольше, порасспрашивать её о московском житье-бытье, о том, много ль денег получает за своё пение и где, в каких землях довелось побывать с концертами. А потому притворно отвечал ей, указывая кнутовищем на понурую кобылу:

— Устала она. Видишь, совсем устала, не идёт.

В тот приезд в Даниловку Русланова узнала, что совсем недавно в Саратове умер её отец Андриан Маркелович, что от второй жены у него осталась дочь, которую зовут Александрой,

Шурочкой.

Так сложилось, что Шурочка почти в точности повторила судьбу старшей сестры. Умер отец, за ним вскорости и мать, а малолетнюю девочку брат Авдей отвёл в приют. Сиротство так и преследовало их семью. Впоследствии саратовскому журналисту Александра Андриановна рассказывала о своей жизни в приюте: «Мне там не понравилось. Ребята — сброд всякий, малолетние проститутки, босяки. Кормили плохо. Я устроилась на гребёночную фабрику подсобной рабочей».

На гребёночной фабрике Русланова и разыскала свою младшую сестру. А спустя некоторое время перевезла её в Москву, к себе в Лаврушинский переулок, в знаменитый писательский дом. Шурочка прожила у старшей сестры пять лет и снова вернулась в Саратов. В Москве ей не понравилось, затосковала по родному городу, по Волге.

Брату Авдею Русланова купила дом. Вначале маленький, чтобы на первых порах хотя бы вытащить его многодетную семью — десять детей! — из подвального помещения на божий свет. А потом, в другой приезд, присмотрела там же, на Горах, в старом районе Саратова, добротный дом «в три окна на улицу». Из десяти детей Авдея Андриановича выжили семеро: Галина, Лидия, Серафима, Виктор, Юрий, Владимир и Юлия.

Имена Лидия и Юлия, как можно предположить, не случайны. Отсюда вывод: имя Лидия старшая сестра действительно получила до поступления в приют, до их разлуки.

Авдей Андрианович погиб в августе 1944 года в автомобильной катастрофе. Был призван в армию. Как ограниченно годный, служил в строительном батальоне. В тот роковой день ехал вместе со своими товарищами к месту работы. Машина перевернулась. Погибли несколько человек, в том числе и он.

Младшую сестру Юлию Русланова перевезла в Москву ещё до войны. Устроила на работу, выхлопотала квартиру. Когда Русланову арестовали, то на одном из первых допросов следователь начал спрашивать о родне. И она показала: «Сестра — Голицына Юлия Андреевна, проживает: Москва, Красносельская улица». Юлия Андреевна прожила, как и её старшая сестра, 73 года.

Ныне из всей руслановской родни, которая носит конечно же другие фамилии, в деревне Даниловке проживают всего несколько человек, и те старики, а в Петровске, Энгельсе, Саратове и Москве — «свыше двух десятков», как подсчитали дотошные саратовские краеведы.

Приезд Руслановой на родину в 1933 году не был праздным

путешествием. В Саратове она дала несколько концертов.

Следующий приезд состоялся через шесть лет. В 1939 году она снова гастролировала в родных краях. Самый главный для неё концерт она дала для своих односельчан в родной деревне Даниловке.

Народ собрался в сельском клубе. Краевед Владимир Вардугин записал воспоминания местного жителя Михаила Васильевича Панфёрова, который подростком слушал пение знаменитой своей землячки.

— Вся деревня собралась, — рассказывал Михаил Васильевич. — Клуб из церкви переоборудовали. Как закрыли в 1937 году храм, так в момент купола снесли — их пять стояло, один большой в центре и четыре маленьких, по сторонам света. Церковь и колокольня — деревянные, храм — пониже, а колокольня — повыше. Внутри потолок плоский настелили, чтобы купола скрыть. Моей жены родственник, Артамон Павлович Нестеров, плотник, и подшивал потолок. Богохульники — нашлись такие и в нашей деревне — иконы разбивали и жгли. Иконы старинные, в богатых окладах. Всё разграбили… Митька Чирков из Псалтири листы вырывал на самокрутку. Листы лощёные, он хвалился, что хорошо горят. В подвале захоронение потревожили — батюшка захоронен, когда — не знаем. Но захотели сапоги с него снять — они в прах рассыпались… Вот в этом клубе, человек на триста — церковь-то вместительная была — Лидия Андреевна и выступала.

Удивительный рассказ. Михаил Васильевич хотел рассказать о концерте, ведь и спрашивали его о нём, а не о бывшей церкви, а он всё-то о ней да о ней.

После, узнав о горе-злосчастии знаменитой землячки, односельчане качали головами: мол, может, и не надо-то было в сломанной церкви петь…

На концерт собралось народу — битком. Деревня Даниловка тогда была большая. Даниловка сама собой, а у неё ещё концы — Вятка, Быковка. Через овраг — Карлыган, Усовка, Горевка, Умёт, Яик, Бутырока, Заовраг…

Собралась, съехалась из сёл, деревень и ближних городов вся родня нашей героини. Русланова очень сокрушалась, что совсем немного не дожил до её концерта дед Митя, о котором она вспоминала так: «…лупил нас по каждому поводу». Это ему она когда-то подпалила бороду. Хотя, строгий ревнитель Древлеправославной поморской церкви, он вряд ли бы пошёл в собрание нечестивых. Когда однажды домашние слушали по радио концерт Руслановой — развесёлые, задорные песни, — он тоже было прислушался, но вскоре сердито топнул ногой:

«Выключите! Эка в ней бесовские косточки играют…»

В Саратове радиовещание началось в 1926 году. Так что голос Руслановой, её песни, в том числе и саратовские напевы, вернулись на родину намного раньше самой певицы.

Говорят, вышла она на сцену, поклонилась родным своим и сельчанам и сказала:

— Я у вас в гостях, а вы — хозяева!

Пела она в тот вечер долго. Сколько просили, столько и пела. А голос у неё был такой, что и за три часа не изнашивался…

За все годы отпела.

На родине Русланову любят и чтут. Поют её песни. Проводят праздники и фестивали. Приучают к народному пению детей и молодёжь.

Глава тридцать вторая
ПОСЛЕДНИЕ КОНЦЕРТЫ

«Русланиха! Дай я тебя обниму…»

Концертировала Русланова до последней возможности. И сама себе удивлялась: вот, мол, постарела уже, тело одряхлело, ноги плохо держат — прогрессировал диабет, — а голос не пропадает.

Голос-то тоже слабел с годами. Но она по-прежнему выступала, давала даже сольные концерты, и довольно успешно. Любила ездить с концертными бригадами, с молодёжью. Видела, как они, юные и голосистые, обходят её. Но не завидовала, не злилась, не кляла судьбу. Ведь Бог отмерил долгую жизнь на сцене.

Ей было уже за шестьдесят, когда она выступала в любимом своём краю — на Ростовской земле. Сохранились газетные публикации о её концерте на заводе «Ростсельмаш».

Выступала она в огромном, полукилометровом цеху. Руководство завода пошло на остановку производственного цикла — на полчаса, но народ — рабочие, инженеры, служащие — не отпускали любимую певицу больше часа.

— Пой, Андреевна, не сомневайся, мы всё отработаем! — кричали ей машиностроители. — Завтра можешь проверить!

— А вот и проверю! — кричала она им в ответ и пела дальше.

На следующее утро Русланова из гостиницы позвонила в редакцию местной газеты, и журналист, писавший репортаж с концерта, сказал, что дневной план вчера был выполнен на 123 процента.

— Ай, сильна русская песня! — засмеялась она.

Во время концерта в станице, где собралось около тысячи слушателей, к Руслановой из толпы пробилась пожилая казачка, подождала, когда певица допоёт очередную песню, степенно поднялась на сцену и сказала:

— Русланиха! Дай я тебя обниму, родная ты наша, душа-певица! Мне все наши станичные наказали обнять тебя и сказать эти слова. Живи долго! Пой — как всегда пела! — И расцеловала артистку.

В 1963 году студия Центрального телевидения записала и показала зрителям СССР серию передач, в которых Русланова отвечала на письма своих слушателей и зрителей. И пела. Это

были удивительные монологи, часть которых вошла и в книгу, которую вы, дорогой читатель, сейчас с Божьей помощью дочитываете. Как отметили музыкальные критики и журналисты, передачи с Руслановой, говорящей и поющей, стали удивительным культурным явлением.

Телевизионный проект вызвал шквал восторженных писем. Со всего Советского Союза шли на Центральное телевидение письма и телеграммы. Вначале их возили Руслановой каждый день, потом через день, потом по мешку раз в неделю, и в конце концов договорились, что будут доставлять один-два раза в месяц. Привозили сразу по нескольку мешков.

> «Дорогая и любимая наша Лидия Андреевна!
>
> Когда Вы поёте, то чувствуется, как Вы влюблены в наших людей, в нашу Родину, иначе Вы бы не смогли так петь. Кроме таланта, нужна ещё и большая любовь, и у Вас есть и то, и другое.
>
> Очень печально, когда в эфир пускают теперешних шептунов. Как их ни рекламируй, а народ их не воспринимает и их песни никого не волнуют. Очень сожалею о том, что я Вас ни одного раза не видел, а как хочется на Вас посмотреть хотя бы издали. Ведь Вы с детства для меня самый близкий и любимый человек».

В 1970 году Руслановой неожиданно предложили сняться в фильме «Я — Шаповалов». По замыслу режиссёра фильм рассказывал о войне, в нём есть эпизод, очень важный — в лесу солдатам, остановившимся на привал, поёт Русланова. Песня Руслановой — как неотъемлемый элемент войны. Войны и Победы. Деталь, которую не выдумаешь.

Она вначале отказалась: «Если бы это было тридцать лет назад…» Её убедили: никто, мол, кроме вас, этот эпизод и роль поющей Руслановой сыграть так убедительно и ярко не сможет. Она согласилась. Ей и самой вдруг захотелось ещё раз побывать там, где когда-то была счастлива.

И вот приехали на место съёмок. Лес. Поляна. Солдаты. Танк, на корме которого предстояло петь. Фронтовая сцена. Ей не привыкать. Посмотрела на лица солдатиков — молоденькие, красивые, румяные. Как в 1943-м перед боем.

Упросила оператора не снимать её лицо крупным планом — если бы 30 лет назад…

— Да что вы, Лидия Андреевна, вы выглядите очень хорошо, — пытались уговорить её.

Но она была непреклонна:

— Нет-нет, лица не снимайте. Ушли мои годы, когда лицо

можно было показывать. Снимайте в отдалении.

Солдаты, которые слушали и любили уже другие песни, ликовали от восхищения. Они знали, что этот голос и эти песни помогали на фронте их отцам и дедам.

Это был ещё один фронтовой концерт «гвардии певицы».

После съёмок она говорила:

— Ох, как живо всё вспомнилось! Окопы, землянки, лесные поляны, госпитали… Где только не приходилось петь!

Годы уходили. На фоне развивающегося диабета стало болеть сердце. Врачи настаивали на госпитализации. Русланова ложилась в больницу. Но вскоре не выдерживала больничной обстановки — всё казённое угнетало её — и самовольно уходила домой.

А дома, в кругу семьи, в привычной обстановке, становилось вроде бы легче. И когда знакомые и друзья звонили ей и спрашивали, как здоровье, она шутила:

— Шевелюсь!

В 1968 году в своих заметках «Жизнь моя — песня» Русланова писала: «Думается, что сегодняшняя песня могла бы быть многообразнее, богаче красками. Старая русская песня тут показывает блистательный пример. От монашеской строгости до самого рискованного озорства, от дурачества до вершин пафоса! Такое несметное богатство, а из него выбирают одну-единственную нотку и тянут, тянут её…

Сравниваю я себя с нынешними певицами… Пусть не обижаются они, но многое, что мы понимали нутром, сердцем, каким-то шестым чувством, им так понять не дано. Мы за наше чувство дорого платили, но зато учиться ему нам было не нужно».

В 1971 году Русланову пригласили в Калугу на празднование шестисотлетия древнего города на Оке. И она поехала. Калужскую землю в 1943 году освобождал 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Она помнила и Сухиничи, и Киров, и разбитую станцию Бетлицу. Концерт, на котором выступало много знаменитостей, приехавших в Калугу, состоялся на стадионе «Локомотив». Как рассказывают очевидцы, Русланову вели к сцене под руку. Диабет отнимал ноги. Но на сцену она взлетела птицей! И стадион рукоплескал ей ещё до выступления. Пела она великолепно.

Заключительный же концерт великая певица дала там, где состоялось первое её большое выступление, — в Ростове-на-Дону.

Круг замыкался.

В августе 1973 года Русланова в последний раз вышла на сцену к своим зрителям и поклонникам.

Пятьдесят лет назад здесь, на Дону, она восхитила публику

ярким голосом, русским задором и глубиной своей песенной души.

Это были гастроли концертной бригады Всесоюзного гастрольно-концертного объединения, в штате которого она тогда числилась, по южным городам и областным центрам страны. Последний город — Ростов-на-Дону.

Лето выдалось жарким. Народ на стадион валил толпами. В афишах значилась сама Русланова. Как же такое пропустить? И всё же стадион не вместил всех желающих послушать настоящую русскую песню. Люди забирались на деревья, рассаживались на крышах ближайших домов, располагались на окрестных холмах.

Идти Русланова не могла. Её вывезли на стадион в открытом автомобиле. Она встала и приветствовала публику стоя, как ни тяжело это было. Она улыбалась и махала людям платком.

Потом запела.

После выступления снова объехала стадион. Народ встал и устроил овацию. И тогда она приказала водителю, чтобы сделал ещё один круг и чтобы ехал помедленнее.

Так она прощалась со своими зрителями.

Двадцать первого сентября того же 1973 года усталое сердце народной любимицы биться перестало. Врачи сделать ничего не смогли. На сердце обнаружили рубцы нескольких инфарктов.

Хоронили Русланову на Новодевичьем кладбище рядом с «офицериком».

Так они теперь и лежат — певица Лидия Андреевна Русланова и генерал Владимир Викторович Крюков.

На похороны пришло множество людей. Ехали из разных городов страны. Автомобильное движение на некоторых улицах Москвы пришлось перекрыть, чтобы пропустить людской поток. Народ заполнял улицы, и они напоминали разлившиеся реки.

Руслановой не стало. Осиротела русская песня.

Остались записи. И легенды. Время идёт, и — удивительное дело! — появляются новые легенды. А значит, их героиня — жива!

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Село Данилovка. 1969 г.

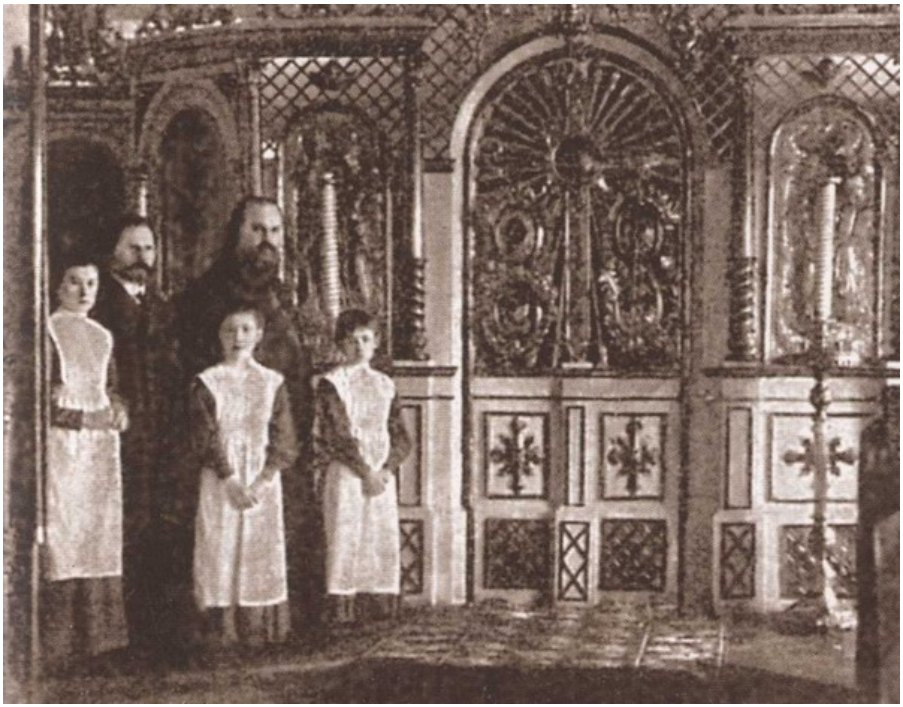
Даниловка. 1998 г.

Елена Ивановна Миронова и Татьяна Ивановна Нефёдова — тётя и мать Лидии Руслановой

Мариинский детский приют. Саратов, начало XX в.

Воспитанницы Мариинского детского приюта. 1912 г.

Приют им. М. Н. Галкина-Врасского. Саратов, начало XX в.



В церкви Маришнского детского приюта. 1911 г.

Надежда Васильевна Плевицкая

Евгения Ивановна Збруева

Михаил Евгеньевич Медведев

Саратов, Немецкая улица. Слева — Алексеевская консерватория. Начало XX в.

Лидия Андреевна Русланова

Дом Руслановой в Саратове. Улица Титова, 9

Александра Андриановна Лейкина, младшая сестра Руслановой. 1940-е гг.

Авдей Андрианович Лейкин, брат певицы. 1940-е гг.

Юлия Авдеевна Лейкина, племянница Лидии Руслановой. 1999 г.

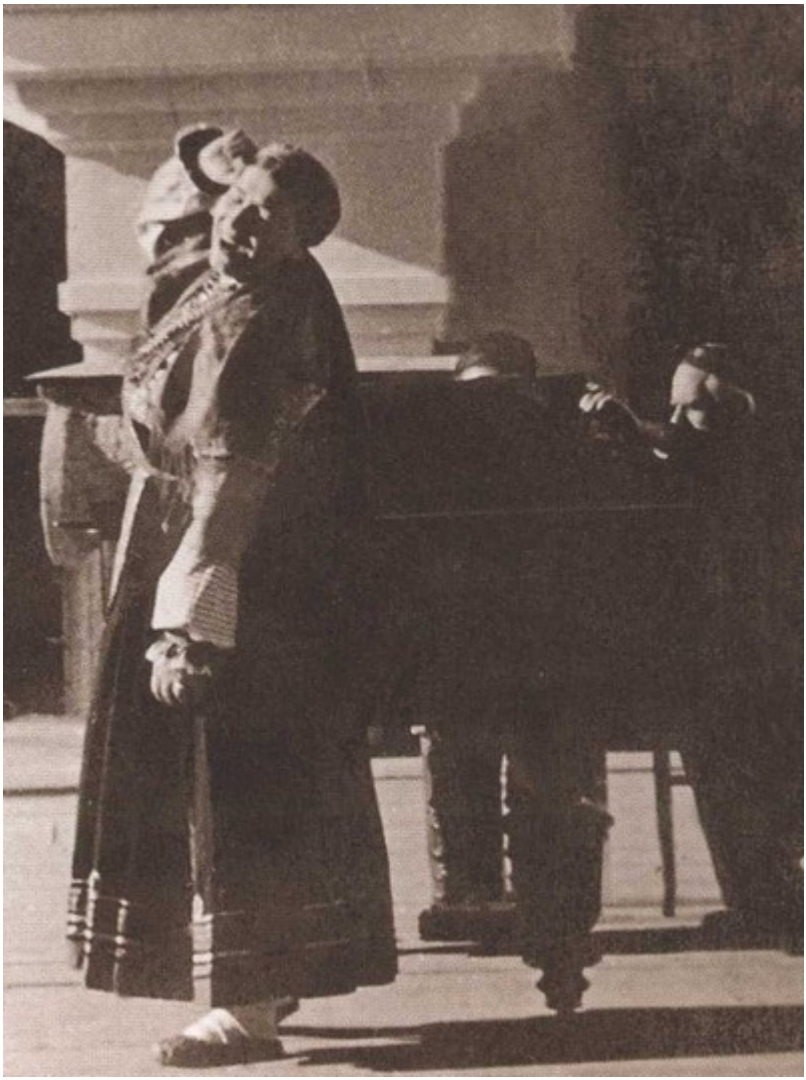
Лидия Русланова

Репетиция

В национальном костюме. 1930-е гг.

Михаил Наумович Гаркави

Русланова и Гаркави за праздничным столом



Концерт. 1930-е гг.

Русланова и Гаркави на отдыхе с друзьями. 1930-е гг.

В бальном платье

Русланова и Гаркави

За чаем

Илья Набатов, мастер политической сатиры

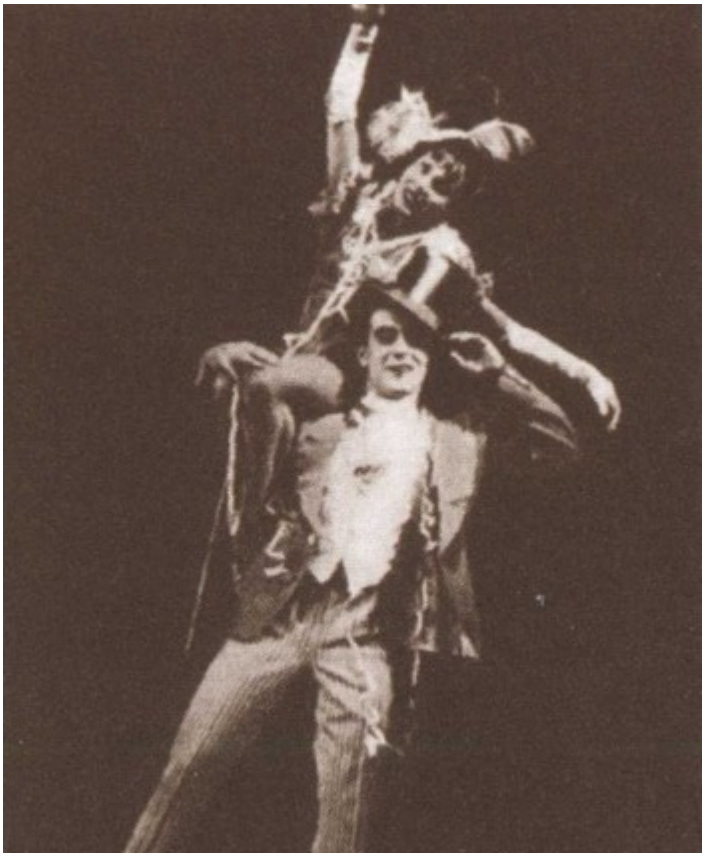
Николай Павлович Смирнов-Сокольский

Алексей Григорьевич Алексеев

Лидия Андреевна Русланова

Накануне войны

Гаркави перед концертом



Артисты фронтовой концертной бригады Анна Редель и Михаил Хрусталёв

Комик Владимир Хенкин

Выступление фронтовой концертной бригады перед бойцами

Русланова и Гаркави среди артистов фронтовой концертной бригады

Лидия Андреевна Русланова и Владимир Викторович Крюков

Батарея «катюш», созданная на средства Руслановой

Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков

Г. К. Жуков однажды аккомпанировал Л. А. Руслановой

На фронте между концертами

На отдыхе в деревне

В саду

Русланова с ансамблем русской народной песни. 1940-е гг.

Лидия Андреевна. 1940-е гг.

С приёмной дочерью Маргаритой

Крюкова
Андреев. 1900

СССР

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР №2958.

Сентября 27 1948 г.

Выдан

тов. Кейтеву

на производство: Ареста и обыска

Крюковой-Руслановой Лидии Андреевны

по адресу: Лаврушинский пер. дом 17. кв. 29

Зам. Министр государственной Безопасности Союза ССР

Главный Военный Прокурор Военно-Политической Академии имени Ленина тов. Афанасьевский

Фото и ордер на арест и обыск из следственного дела № 1762

Выступление на стадионе перед многотысячной аудиторией

Владимир Викторович Крюков и Лидия Андреевна Крюкова-Русланова

В Саратове. 1963 г.

Лидия Андреевна (на козлах) в одной из саратовских деревень

С Леонидом Осиповичем Утёсовым

С Игорем Васильевичем Курчатовым

II Всероссийский фестиваль и конкурс исполнителей русских народных песен им. Л. А. Руслановой. Саратов, декабрь 1998 г.

Лидия Андреевна Русланова

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Л. А. РУСЛАНОВОЙ

***1900**, 27 октября (14 октября по старому стилю)* — в деревне Чернавке Сердобского уезда Саратовской губернии (по другим сведениям — в деревне Александровке Даниловской волости Петровского уезда той же Саратовской губернии) родилась Прасковья Лейкина (будущая Лидия Русланова).

1905 — отец Андрей Маркелович Лейкин уходит на Русско-японскую войну. Прасковья ходит по деревням нищенкой и поет, прося ради Христа.

До ***1914*** — воспитывается в сиротском приюте города Саратова, поёт в церковном хоре, на свадьбах и поминках, делает первые успехи и становится солисткой.

1916 — венчается с офицером Виталием Николаевичем Степановым.

1918 — оставлена мужем, который уехал не сказавшись и тайно увёз их сына.

1919 — выходит вторично замуж за сотрудника Винницкой ВЧК Наума Ионовича Наумина.

***1920**-е* — сформировалась как певица, определились стиль и репертуар, а также концертный костюм: нарядное пензенской крестьянки одеяние, панёва, головной убор и лапти, которые позже были сменены лёгкими концертными сапожками.

1921 — переезжает в Москву вместе с мужем Н. И. Науминым.

1923 — состоялся первый сольный концерт Руслановой в Ростове-на-Дону.

1924 — приглашена в качестве солистки в Центральный дом Красной армии.

1925–1932 — артистка театрального бюро Центрального дома Красной армии.

1929 — выходит замуж за конферансье Михаила Наумовича Гаркави.

1933 — приезжает на родину, в Саратов и в Даниловку, даёт концерт в родной деревне.

1940 — выступает в составе концертной бригады на советско-финляндском фронте.

1941–1945 — выступает в составе концертной бригады на передовой и в ближнем тылу.

1942 — знакомится с генералом Владимиром Викторовичем Крюковым. Расстаётся с Гаркави и выходит замуж за Крюкова.

Записывает на грампластинку песни «Синий платочек» и «Землянка».

***1945**, май* — выступает в Берлине на ступеньках рейхстага и у Бранденбургских ворот.

***1948**, сентябрь* — арестована в Казани после концерта. Предъявлено обвинение: «участие в антисоветской группе, антисоветская агитация и соучастие в присвоении государственного имущества».

***1949**, сентябрь* — осуждена Особым совещанием при МГБ СССР по статье 58 УК РСФСР сроком на десять лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества.

***1953**, август* — освобождена из Владимирского централа, возвращается в Москву.

Сентябрь — первый после возвращения из заключения концерт, который состоялся в Москве в Концертном зале им. П. И. Чайковского в сопровождении оркестра народных инструментов им. Н. П. Осипова.

***1957**, октябрь* — родилась внучка, которую назвали в честь бабушки — Лидией.

***1959**, 16 августа* — умер муж, генерал Владимир Викторович Крюков. *1960* — после смерти мужа возобновила концерты, начала много гастролировать.

1963 — запись на Центральном телевидении серии авторских передач. *1970*— участвует в съёмках художественного фильма «Я — Шаповалов».

***1973**, август* — последний концерт Руслановой состоялся в Ростове-на-Дону.

21 сентября — Лидия Андреевна Русланова скончалась, похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с мужем, генералом Владимиром Викторовичем Крюковым.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ардов М. В. Легендарная Ордынка // Новый мир. М., 1994. № 4.

Блок А. А. Стихотворения. Двенадцать. М.: Художественная литература, 1980.

Булгак Д. Г., Мишин Ф. В. Лидия Русланова. В воспоминаниях современников. М.: Искусство, 1981.

Вардугин В. И. Легенды и жизнь Лидии Руслановой. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1999.

Вишневский В. Запах атомной бомбы. Воспоминания офицера-атомщика. Харьков: Курсор, 2009.

Волочков Г. В. Лидия Русланова. М.: Фортуна ЭЛ, 2012.

Жигулин А. В. Чёрные камни. М.: Книжная палата, 1989.

Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. М.: Русская книга, 1994.

Мухин Л. С. Озерлаг: как это было. Иркутск.: Восточно-сибирское книжное изд-во, 1992.

Образцов С. В. По ступенькам памяти. М.: Время, 2001.

Пилихин А. А. Маршал Жуков. Фрагменты прошлого. Калуга: Золотая аллея, 2011.

Сафошкин В. Д. Лидия Русланова. Жизнь в песне. М.: Эксмо, 2003.

Спицына Е. Меж высоких хлебов… Саратов, 2006.

Стронгин В. Л. Тюрьма и воля Лидии Руслановой. М.: Молодая гвардия, 2005.

Фёдорова В. Я. Дочь адмирала. Смоленск: РУСИЧ, 1997.

Филиппов Б. Актёры без грима // Юность. 1964. № 12.

notes

Примечания

1

Списки населённых мест Саратовской губернии. Саратов, 1913.

2

Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест). Законодательный акт верховной власти Российской империи. Разработан С. Витте по поручению Николая II в связи с непрекращающейся «смутою»: в стране бастовало около двух миллионов человек. Манифест учреждал парламент — Государственную думу. За императором сохранялось право вето на любое решение Думы и право распускать её. Манифест провозглашал предоставление политических прав и свобод гражданам: свободу совести, свободу слова, свободу собраний и свободу союзов. Большевики объявили манифест обманом народа и призвали все левые силы не признавать его.

3

Вардугин В. И. Легенды и жизнь Лидии Руслановой. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1999. С. 48.

4

Илья Алексеевич Шатров (1879–1952) — русский военный музыкант, капельмейстер и композитор, гвардии майор Красной армии, автор вальса «На сопках Маньчжурии». Родился в уездном городе Землянске Воронежской губернии в семье отставного унтер-офицера лейб-гвардии Литовского пехотного полка. В детстве выучился играть на балалайке и гармошке. С 1893 года — воспитанник взвода трубачей лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, откуда по ходатайству командира полка был направлен на учёбу в Варшавский музыкальный институт. После окончания института в 1903 году был принят в музыкальную команду Мокшанского пехотного полка. В 1904 году полк направили на Дальний Восток. В 1905 году в ходе Мукденского сражения полк был окружён японцами и понёс в неравном бою большие потери. В критический момент, когда уже заканчивались боеприпасы, командир полка полковник Пётр Побыванец отдал приказ: «Знамя и оркестр — вперёд!..» Капельмейстер Шатров вывел оркестр на бруствер окопов, отдал приказ играть боевой марш и повёл оркестр вперёд за знаменем полка. Воодушевлённые солдаты ринулись в штыковую атаку. В ходе боя полк под музыку оркестра непрерывно атаковал японцев и, в конце концов, прорвал окружение. Погиб командир полка, от четырёх тысяч состава полка осталось 700 человек, из состава оркестра в живых осталось только семь музыкантов. За этот подвиг все музыканты оркестра были награждены георгиевскими крестами, Илья Шатров офицерским орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами, а оркестр удостоился серебряных труб. Вальс «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии» Илья Шатров написал на гауптвахте и посвятил его своим погибшим товарищам. Ноты вальса были изданы в 1907 году, затем появились грампластинки. После революции Шатров вступил в Красную армию, был капельмейстером красной кавалерийской бригады. В 1930-е годы руководил оркестром Тамбовского кавалерийского училища. В 1938 году демобилизовался. С началом Великой Отечественной войны вернулся в армию, служил капельмейстером дивизии. После войны руководил военным оркестром Кировабадского гарнизона Закавказского военного округа. После отставки в 1951 году заведовал музыкальной частью Тамбовского суворовского училища. Похоронен на Воздвиженском кладбище в Тамбове. Награждён серебряной медалью «За усердие», орденом Святого Станислава 3-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу»,

медалью «За боевые заслуги».

5

Михаил Ефимович Медведев (*Меер Хаимович Бернштейн*) (1858–1925) — певец (тенор), педагог, профессор. Родился в городе Белая Церковь Киевской губернии в семье раввина. Окончил Московскую консерваторию. Под руководством П. И. Чайковского подготовил партию Ленского и исполнил её на премьере оперы в ученическим спектакле в 1879 году. Несколько лет гастролировал в провинции, в том числе и в Саратове. Пел в Харькове, Одессе, Казани, Тифлисе. Солист Большого театра. Пел в Мариинском театре. Преподавал сольное пение в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества. С 1903 года — профессор. В 1912 году был приглашён в Саратовскую консерваторию. В 1918 году в Саратове по его инициативе открылся класс камерного пения. Среди его учеников были Ф. Мухтарова, Г. Пирогов, Л. Русланова. Совместно с Н. И. Сперанским организовал в Саратове постоянный оперный театр. Похоронен на саратовском еврейском кладбище.

6

Антонина Сергеевна Ревельс (1919–1997) — советская танцовщица, исполнительница модных тогда акробатических танцев. В 1940 году окончила Киевскую балетную школу. Артистка Львовского театра миниатюр. Затем вместе со своим мужем артистом В. К. Новицким была солисткой балета Хабаровского театра музыкальной комедии. С 1943 по 1974 год — солистка и исполнительница акробатических танцев в эстрадном оркестре под руководством Леонида Утёсова. Вторая и последняя жена Л. Утёсова. Автор книги «Воспоминания об Утёсове».

7

Дмитрий Анисимович Богемский (1878–1931) — мелодекламатор, конферансье, писатель-эстрадник, куплетист, автор и исполнитель. Издавал в Петербурге журнал «Граммофонный мир».

8

Владимир Алексеевич Сабинин (настоящая фамилия Собакин) (1885–1930) — артист оперы, оперетты, концертный певец, лирико-драматический тенор. Исполнял собственные песни и романсы. В советское время выступал на оперных сценах Харькова, Киева, Свердловска, Баку, Москвы. Пел на сцене Большого театра (1929). С 1930 года был солистом Ленинградского оперного театра. Его песни, романсы, арии записывались на грампластинки.

9

Юрий Спиридонович Морфесси (1882–1949) — оперный и эстрадный певец, баритон. Родился в Афинах в семье адвоката. В 1889 году его семья перебралась в Одессу. Окончил греческое коммерческое училище в Одессе. Пел в церковном хоре, затем, не имея образования, но имея прекрасные природные данные, — в Одесской опере. В 1912 году перешёл на эстраду. В 1915 году пел для императорской семьи на яхте «Полярная звезда». В 1918 году в Одессе открыл Дом артиста, где пели Надежда Плевицкая, Иза Кремер, Александр Вертинский, Леонид Утёсов. В 1920 году эмигрировал в Париж. Пел в ресторанах и на концертных сценах. В годы Второй мировой войны вступил в артистическую бригаду «Русского корпуса». В 1944 году пел перед участниками Русского освободительного движения генерала А. А. Власова. Оставил мемуары. Могила неизвестна. Был женат на Валентине Лозовской, участнице Гражданской войны в России на стороне белой армии. Лозовская была артиллеристом в дивизии генерала Дроздовского.

10

Мария Александровна Эмская — оперная и эстрадная певица, сопрано. Годы жизни неизвестны. Репертуар: от оперных арий до цыганских романсов. Много записывалась на грампластинки.

11

Фёдор Евдокимович Махин (1882–1945) — полковник русской армии, генерал-лейтенант Югославской народной армии. Из оренбургских казаков. Окончил Оренбургское юнкерское казачье училище, затем Академию Генерального штаба по 1-му классу. Служил в 6-м Оренбургском казачьем полку, при штабе корпуса. Подъесаул (1911). Подполковник (1916). В начале 1918 года вступил в Красную армию. Командовал 2-й армией красных. Перешёл на сторону чехословаков. Командовал Самарской группой войск, входившей в состав Юго-Западной армии генерала А. И. Дутова. После падения Белого дела перебрался через Японию в Европу. Был хранителем партийного архива эсеров. Сотрудничал со многими партиями и движениями социалистического толка. Во время Второй мировой войны примкнул вначале к чётническому движению Михайловича. Потом перешёл к коммунистам. Служил военным советником при штабе Тито. Ему было присвоено звание генерал-лейтенанта Югославской народной армии. После смерти похоронен в Югославии как национальный герой. Одна из улиц Белграда названа его именем.

12

Автором романса «Россия» был *Филарет Иванович Чернов* (1878–1940) — поэт и прозаик. Родился в деревне Перово Ковровского уезда Владимирской губернии. Публиковался в детских журналах, потом в «Ниве» и «Вестнике Европы». После Октябрьской революции в советских изданиях. Собрал сборник стихотворений под названием «В тёмном круге» — философская лирика, чем-то напоминающая мотивы А. Фета. Но книгу так и не успел издать. Служил на железной дороге конторщиком. Запойно пил. Стихотворение «Россия», ставшее знаменитым романсом, в рукописный сборник не вошло. Чернов вынужден был скрывать своё авторство.

13

Яков Фёдорович Пригожий (1840–1920) — дирижёр, композитор, пианист. Руководил русскими и цыганскими хоровыми коллективами. Для них создал множество обработок популярных романсов, городских и народных песен. С 1875 года работал в Москве, в ресторане «Яр». В 90-е годы XIX века с концертами ездил по России.

14

Возраст Наумина в документе указан неверно. Н. И. Наумин родился в 1901 году, следовательно, в 1925 году ему было 24 года.

15

Леонид Витальевич Собинов (1872–1934) — русский оперный певец, лирический тенор. Родился в семье ярославского мещанина по торговой части. Окончил гимназию, затем юридический факультет Московского университета и работал помощником у известного адвоката Ф. Н. Плевако. В 1897 году стал солистом Большого театра. Был директором Большого театра. Гастролировал по стране и за рубежом. Занимался благотворительностью, помогал нуждающимся талантливым молодым писателям, в том числе Леониду Андрееву. Покинул сцену в возрасте шестидесяти лет в 1933 году. Имя Собинова носит Саратовская консерватория.

16

Сергей Петрович Юдин (1889–1963) — артист оперы, режиссёр и педагог. Учился в Московском художественном училище живописи, ваяния и зодчества у Аполлинария Васнецова. Затем увлёкся пением. В 1911 году стал солистом Большого театра. В 1914 году перешёл в Частную оперу Зимина. Выступал вместе с Ф. И. Шаляпиным. В 1919 году возвратился в Большой театр. В 1920-е годы начал заниматься режиссурой. Вокальную карьеру закончил в 1941 году. Преподавал в Московской консерватории. Автор книги «Певец и голос».

17

Антонина Васильевна Нежданова (1873–1950) — русская оперная певица, лирико-колоратурное сопрано. Народная артистка СССР. Педагог. Доктор искусствоведения. Родилась в селе Кривая Балка под Одессой в семье сельских учителей. Пела в церковном хоре. Окончила Одесскую Мариинскую гимназию, затем Московскую консерваторию. По окончании консерватории была принята в Большой театр. В 1912 году во время гастролей в Европе пела в Парижской опере. В репертуаре значительное место занимали русские, малороссийские и белорусские народные песни. В 1936 году преподавала в оперной студии Большого театра, затем в оперной студии им. К. С. Станиславского и в Московской консерватории. Удостоена двух орденов Ленина и других правительственных наград.

18

Надежда Андреевна Обухова (1886–1961) — русская оперная певица, меццо-сопрано. Народная артистка СССР. Лауреат Сталинской премии (1943). Родилась в Москве в дворянской семье. Один из предков — Евгений Баратынский. Двоюродный брат — композитор Николай Обухов. В 1912 году окончила Московскую консерваторию и начала выступать как концертная певица. С 1916 по 1943 год — солистка Большого театра. Награждена орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени.

19

Занавеска — часть женской одежды, народного костюма. Из частушки: «Я панёвой трехану, занавеской хлыстну..»

20

Евдокия Дмитриевна Турчанинова (1870–1963) — театральная актриса, чтец, педагог. Народная артистка СССР. Лауреат двух Сталинских премий (1943, 1948). Родилась в Москве. В 1891 году окончила драматические курсы при Московском театральном училище и была принята в труппу Малого театра. Первой ролью её стала старуха в одной из пьес А. Н. Островского. Юная актриса сыграла свою старуху с блеском, после чего это надолго стало её амплуа. Играла роли, требующие исполнения народных песен и танцев. Имела прекрасный голос. Сыграла 373 роли. С 1910 года начала одновременно с работой в театре преподавать. Во время Великой Отечественной войны все свои сбережения передала в Фонд обороны — для помощи сиротам, чьи родители погибли от рук немецких захватчиков. Награждена двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

21

Фёдор Васильевич Мишин (1908–1989) — актёр, чтец. Окончил театральную студию им. М. Н. Ермоловой. Работал в Центральном детском театре Н. И. Сац, Театре им. М. Н. Ермоловой, Уржумском городском театре (1930–1940), участник фронтовой концертной бригады (1941–1945), актёр театра Центрального института санитарного просвещения (1946–1948), Государственного академического Малого театра (1948–1978). Заслуженный работник культуры РСФСР (1974).

22

Пьеса Максима Горького (1910) — история сложной судьбы владелицы пароходной компании Вассы Железновой. Видя распад своей семьи и будущую катастрофу своего дела, главная героиня идёт на крайние меры, на преступление, и губит последнее, гибнет и сама.

23

*Вера Николаевна Пашенная (*1887–1962) — актриса театра и кино. Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943) и Ленинской премии (1961). Родилась в Москве, дочь знаменитого актёра Николая Рощина-Инсарова и младшая сестра актрисы Екатерины Рощиной-Инсаровой (1883–1970), в 1919 году эмигрировавшей в Константинополь, затем на Мальту, в Рим, и прожившей в Париже долгую жизнь. Окончила Московское театральное училище. С 1907 года — актриса Малого театра. С 1914 года преподавала на драматических курсах при Малом театре. В 1920-е годы играла сразу в нескольких московских театрах. По приглашению К. С. Станиславского участвовала в зарубежных гастролях МХАТа (1922–1923), но в советскую Россию вернулась, хотя многие остались за рубежом. Организовала вместе с Н. А. Смирновой театр-студию и стала его директором. С 1941 года — профессор Высшего театрального училища им. М. С. Щепкина. Награждена двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

24

Борис Михайлович Сичкин (1922–2002) — киноактёр, танцор, хореограф, мастер разговорного жанра, композитор. Родился в семье еврея-сапожника. Окончил Киевское хореографическое училище. Танцевал в Ансамбле танца УССР. Во время Великой Отечественной войны находился в составе Ансамбля песни и пляски Киевского военного округа. После войны — солист Ансамбля песни и пляски им. А. В. Александрова. В 1948–1966 годах — артист Москонцерта. Затем работал в различных студиях, в джаз-оркестре Эдди Рознера. Снялся в фильме «Неуловимые мстители». Роль Бубы Касторского принесла ему всемирную известность. В 1979 году уехал в США. Был членом редколлегии русскоязычной нью-йоркской газеты «Русский базар». Снялся в нескольких американских фильмах. Умер в Нью-Йорке. Урна с прахом перевезена в Россию. Автор книг «Я из Одессы! Здрасьте!» и «Мы смеёмся, чтобы не сойти с ума». Награждён восемью боевыми медалями, в том числе «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда».

25

Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) — художник-живописец, реставратор, искусствовед, педагог. Народный художник СССР (1956). Лауреат Сталинской премии (1941). Родился в семье галицко-русского общественного деятеля, депутата австрийского парламента. Окончил Московский лицей, затем юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1898 году окончил Академию художеств. Учился в Париже и Мюнхене. Участвовал в работе художественных объединений «Мир искусства» и «Союз русских художников». С 1913 года — попечитель Третьяковской галереи. С 1918 по 1930 год руководил Центральными реставрационными мастерскими. Принимал непосредственное участие в реставрации иконы Андрея Рублёва «Троица». Его ученики — Матильда Булгакова, Александр Локтионов, Николай Новиков. Награждён двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

26

*Нина Васильевна Пельцер (Чумакова) (*1908–1994) — артистка балета, педагог. Заслуженная артистка РСФСР (1957). Родилась в Харькове. Окончила Харьковскую балетную студию. Работала в Театре им. Лысенко, затем в Харьковском театре музыкальной комедии. В 1940-е годы переехала в Ленинград и многие годы считалась «бриллиантом» Ленинградского театра музыкальной комедии. До 1976 года работала педагогом-репетитором этого театра.

27

Николай Яковлевич Янет (1893–1978) — артист, режиссёр оперетты. Народный артист РСФСР. Родился в Екатеринославе. В 1912 году окончил Петербургские музыкальные драматические курсы. Работал в Ленинградском театре музыкальной комедии.

28

Владимир Яковлевич Хенкин (1883–1953) — актёр, конферансье. Народный артист РСФСР. Выступать начал в Феодосии. Работал в Ташкенте, Баку, Киеве, Ростове-на-Дону. Играл в драме, в комедии и оперетте. С 1934 года — в Московском театре сатиры. Выступал на эстраде, гастролировал по стране с концертами в составе концертной группы.

29

Илья Семёнович Набатов (Туровский) (1896–1977) — артист эстрады. Народный артист РСФСР (1975). Заслуженный артист УССР (1934). Лауреат Сталинской премии первой степени (1947). Родился в городе Александрии на Украине. Окончил юридический факультет Харьковского университета и театральную студию, класс М. Тарханова. Артистическую деятельность начал в 1920 году. Работал в театре «Сурма», одновременно выступал на эстраде как автор сатирических куплетов, песенок, фельетонов. С 1924 года работал только на эстраде. Награждён орденом Трудового Красного Знамени.

30

Максим Дормидонтович Михайлов (1893–1971) — певец, бас-профундо, актёр кино. Родился в деревне Кольцовке Ядринского уезда Казанской губернии. Окончил земскую школу, пел в школьном хоре. В 1914 году рукоположен во диакона в Уфимский собор. Служил протодиаконом в Омске и Казани. В 1924 году переведён в Москву, служил протодиаконом в церкви Василия Кесарийского. В 1930 году, не снимая сана, поступил в оперную группу Радио-центра. В 1932–1954 годах — солист Большого театра. Снялся в фильмах «Черевички», «Иван Грозный», «Борис Годунов». Народный артист СССР (1940). Лауреат двух Сталинских премий (1941, 1942). Награждён орденом Ленина (1951). В последние годы жизни был забыт. Перед смертью принял монашеский постриг. Отпет как протодиакон.

31

Леонид Васильевич Баратов (1895–1964) — актёр, режиссёр, педагог. Народный артист РСФСР (1958). Родился в Москве. Окончил юридический факультет Московского университета. С 1918 года — актёр московских театров. Главный режиссёр Свердловского академического театра оперы и балета им. А. В. Луначарского, Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова, Московского театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. С 1931 по 1956 год — режиссёр Большого театра. С 1947 года — профессор ГИТИСа. Лауреат пяти Сталинских премий. Три ордена.

32

Наталья Дмитриевна Шпиллер (1909–1995) — оперная певица, лирическое сопрано, педагог. Народная артистка РСФСР (1947), лауреат трёх Сталинских премий (1941, 1943, 1950). Родилась в Киеве в дворянской семье. Окончила Киевскую консерваторию. Пела в Куйбышевском театре оперы и балета, Большом театре. Выступала с концертами как певица. Премию 1943 года (100 тысяч рублей) передала в Фонд обороны. С 1950 года преподавала в Музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных, профессор. Брат певицы Всеволод Дмитриевич — офицер Добровольческой армии, воевал против большевиков, в 1920 году ушёл с генералом Врангелем. Жил в Константинополе, Галлиполи, в Болгарии. Получил богословское образование в Софии. В 1950 году благополучно вернулся на родину и до конца жизни служил настоятелем Николо-Кузнецкого храма в Москве.

33

Вера Александровна Давыдова (1906–1993) — оперная певица, меццо-сопрано, педагог. Народная артистка РСФСР (1951) и Грузинской ССР (1981). Лауреат трёх Сталинских премий (1946, 1950, 1951). Родилась в Нижнем Новгороде в семье землемера и народной учительницы. В 1930 году окончила Ленинградскую консерваторию. Дебютировала в Ленинградском академическом театре оперы и балета им. С. М. Кирова. В 1932–1956 годах — солистка Большого театра. С 1959 года преподавала в Тбилисской государственной консерватории. Награждена двумя орденами.

34

Фёдор Иванович Шаляпин (1873–1938) — оперный и камерный певец, высокий бас. Солист Большого и Мариинского театров, а также Метрополитен-опера. Первый народный артист Республики. Занимался также живописью, графикой и скульптурой. Сын крестьянина Вятской губернии. В 1889 году поступил в драматическую труппу на должность статиста. В 1890 году — первое сольное выступление, после которого начинается период бурного восхождения и успеха певца. В 1893 году приехал в Москву. В 1895 году вышел на сцену Мариинского театра в Санкт-Петербурге. Солист Русской частной оперы, созданной С. И. Мамонтовым. С 1899 года — в Большом театре. В 1921 году выехал на гастроли за границу и не вернулся. Умер в Париже от лейкоза. В 1984 году его сын Фёдор добился перенесения праха отца с парижского кладбища Батиньоль в Москву на Новодевичье кладбище. В 1991 году Совет министров РСФСР принял постановление об отмене постановления Совнаркома от 24 августа 1927 года «О лишении Ф. И. Шаляпина звания „Народный артист“» как необоснованное.

35

Александр Абрамович Менделевич (1886–1958) — артист эстрады, конферансье. Выступал в образе старого москвича, рассказывающего публике анекдоты, смешные зарисовки из жизни Москвы и московской богемы. В 1920-е годы выступал в театрах «Летучая мышь», «Эрмитаж», «Аквариум», руководил театром «Алькасар». В 1930-е годы служил в Московском театре миниатюр.

36

Михаил Васильевич Исаковский (1900–1973) — поэт. Автор стихов песен «В лесу прифронтовом», «И кто его знает…», «Вдоль деревни…», «Провожанье», «Огонёк», «Одинокая гармонь», «Катюша». Лауреат двух Сталинских премий (1943, 1949). Герой Социалистического Труда (1970). Родился в деревне Глотовке ныне Угранского района Смоленской области в бедной крестьянской семье. Самоучкой овладел грамотой. В 1913 году окончил начальную сельскую школу и поступил в гимназию, которую вскоре пришлось оставить по причине постоянной нужды в семье. В 1914 году в одной из смоленских газет опубликовал своё первое стихотворение «Просьба солдата». В 1920-е годы работал в смоленских газетах. В 1931 году переехал в Москву. В 1927 году вышел его первый поэтический сборник «Провода в соломе». Слава пришла, когда песни на его стихи запел хор им. Пятницкого. Занимался поэтическими переводами — переводил на русский язык поэтов Украины, Белоруссии. Награждён четырьмя орденами Ленина, двумя — Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта».

37

Матвей Исаакович Блантер (1903–1990) — композитор. Народный артист РСФСР. Герой Социалистического Труда (1983). Лауреат Сталинской премии (1946). Родился в городе Почепе, ныне Брянская область, в семье торговца и актрисы. Окончил реальное училище, затем Курское музыкальное училище и училище Московского филармонического общества (1919). Работал в эстрадной студии «Мастофор», Магнитогорском драматическом театре, театре обозрений Дома печати, передвижном театре «Крокодил», Горьковском театре миниатюр. В 1936 году был назначен художественным руководителем Государственного джаз-оркестра СССР. Писал музыку соцреализма. Член советского Антисионистского комитета. Автор нескольких оперетт, музыки к кинофильмам и почти двух тысяч песен. Его песни исполняли Леонид Утёсов, Владимир Нечаев, Георгий Виноградов, Сергей Лемешев, Марк Бернес, Булат Окуджава. Поют Иосиф Кобзон и Краснознамённый хор им. Александрова.

38

Алексей Григорьевич Алексеев (Лившиц) (1887–1985) — артист эстрады, режиссёр, конферансье, драматург. Родился в Санкт-Петербурге в семье еврейского писателя Григория Лифшица (Гершона бен-Гершона). В 1913 году окончил юридический факультет Киевского университета. В 1909 году начал выступать на эстраде. В 1915 году был художественным руководителем Одесского Малого театра. Работал в театрах Петрограда и провинции. С 1922 года жил в Москве. С 1928 года — режиссёр Московского театра оперетты. В 1933 году был арестован и осуждён. Отбывал срок в лагере под Медвежьегорском. До 1939 года руководил театром заключённых. В 1939 году снова вернулся в Москву. Работал в Московском театре миниатюр, в Московском театре оперетты. С 1942 года — в Иркутском театре оперетты. Выступал как конферансье. В октябре 1948 года снова арестован и приговорён к восьми годам ИТЛ по ст. 58–10 («антисоветская агитация»). Отбывал срок в Сиблаге. Организовал лагерный театр.

39

Валентина Алексеевна Батищева — эстрадная певица, в 1930-е годы выступавшая с джаз-оркестром на сцене и на эстраде крупнейшего столичного ресторана «Москва».

40

Георгий Павлович Виноградов (1908–1980) — певец, лирический тенор, педагог. Заслуженный артист РСФСР (1949). Певческую карьеру начал поздно. Вначале окончил военное училище и стал офицером. В 1931 году окончил Восточный музыкальный техникум в Казани. Занимался в Татарской оперной студии. В 1939 году стал солистом Госджаза. Танго «Счастье моё», записанное на пластинку и размноженное миллионными тиражами, принесло певцу всесоюзное признание и славу. Во время войны просился на фронт, но был направлен в оркестр Наркомата обороны, затем в ансамбль под руководством Б. Александрова. С 1963 года преподавал во Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства. Среди его учеников — эстрадные певцы Валерий Леонтьев и Геннадий Каменный.

41

Вера Николаевна (Израилевна) Красовицкая (1913–1982) — певица. Родилась в многодетной семье в Крыму. В 1929 году приехала в Москву на приём к наркому А. В. Луначарскому, спела ему гимн, и тот сразу же позвонил директору училища Гнесиных, чтобы девочку приняли на учёбу. Была солисткой Всесоюзного радиокомитета и джазового оркестра Цфасмана. Пела в оперетте. Известные песни, записанные ею на пластинки: «На крылечке твоём каждый вечер вдвоём…» и «Любовь никогда не бывает без грусти…».

42

Игорь Фёдорович Стравинский (1882–1971) — русский композитор, дирижёр, пианист. Родился в Ораниенбауме в семье русского певца польского происхождения. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Брал частные уроки у Н. А. Римского-Корсакова. Писал музыку к балетам. В 1914 году накануне Первой мировой войны уехал в Европу и не вернулся. Обосновался в Париже. Написал несколько опер, среди них «Весна священная» (1913) и «Царь Эдип» (1927). Работал вместе с Сергеем Дягилевым в рамках проекта «Русские сезоны». С 1924 года выступал как пианист. Гастролировал по Европе и США. В 1962 году был на гастролях в СССР. Похоронен на кладбище Сан-Микеле в Венеции (Италия).

43

Действительно, до Руслановой на концертах в воинских частях песню «Синий платочек» исполнял Михаил Гаркави. Он обладал хорошим голосом, пел куплеты, частушки. Но песня в исполнении Гаркави имела другие слова — сатирико-плакатного содержания. Как только Русланова запела свой вариант «Синего платочка», Гаркави перестал исполнять эту песню.

44

Рафаил Григорьевич Корф (1893–1941) — драматический актёр, режиссёр, исполнитель комических сцен и диалогов. Заслуженный артист РСФСР (1943). Окончил вокальное отделение Одесской консерватории. Выступать на сцене начал в 1913 году в Одессе. Играл в провинциальных театрах. С 1932 года работал в труппе Нового (Замоскворецкого) московского театра, затем в Театре Революции. С 1924 года — в Московском театре сатиры. В 1934 году поставил спектакль «Под куполом цирка» в Московском мюзик-холле.

45

Яков Михайлович Рудин (1900–1941) — драматический актёр, автор юмористических сцен, рассказов и фельетонов. В 1918 году окончил Высшее театральное училище в Петрограде. Затем выступал на сцене Государственного академического театра драмы в Петрограде, а также в Могилёвском театре. С 1924 года — актёр Московского театра сатиры. Его короткие сатирические рассказы печатались в журнале «Крокодил». Дуэт Рудин — Корф сложился в 1920-е годы. Их называли «королями смеха».

46

Русская национальная народная армия начала формироваться осенью-зимой 1941–1942 годов, когда немцы начали ощущать первые серьёзные трудности с пополнением, а также с давлением партизан на их тылы. Подразделения РННА формировали белогвардейские эмигранты, вернувшиеся в Россию с войсками вермахта, С. И. Иванов, К. Г. Кромиади и И. К. Сахаров. Формирование шло в поселке Осинторф близ города Орши. Боевое крещение первых подразделений состоялось в районах Вязьмы и Дорогобужа в боях с кавалеристами генерала П. А. Белова и местными партизанами. «Народники» начали целыми подразделениями переходить на сторону Красной армии и партизан. Вскоре немцы расформировали штаб РННА, а подразделения, верные германской армии, включили в восточные батальоны «Днепр», «Березина», «Припять», «Волга». Впоследствии опыт создания воинских формирований из коллаборационистов, а также кадры офицеров и инструкторов будут использованы при создании Российской освободительной армии (РОА) под руководством генерала А. А. Власова.

47

Валентина Георгиевна Токарская (1906–1996) — народная артистка России (1993). Родилась в Одессе в семье актёра. Окончила Киевскую балетную школу. На сцену вышла в 1919 году в оперной массовке. В 1920-е годы работала в Ташкентском театре танцовщицей. Вскоре переехала в Москву и работала в опере. В 1930-е годы была самой красивой и самой богатой актрисой довоенной Москвы. Работала в Мюзик-Холле. Главная роль в спектакле «Под куполом цирка». В 1934 году режиссёр Я. Протазанов пригласил её на съёмки фильма «Марионетки». С 1936 года работала в Московском театре сатиры. В октябре 1941 года попала в немецкий плен, работала на немецкой сцене. В 1944 году немцы, отступая на запад, забрали театральную труппу с собой. В ноябре 1945 года вернулась в Москву, была арестована и осуждена по ст. 58–3 — пособничество врагу — на четыре года лагерей (Печорлаг, Вологда, Лесосплав). Спасла её заявка, пришедшая из Воркутинского театра Воркутлага на вакансию в труппе театра. Здесь познакомилась с А. Я. Каплером и вышла за него замуж. Впоследствии с ним развелась. В 1949 году была освобождена и продолжала работать в театре Воркуты. В 1953 году вернулась в Москву в Театр сатиры. Снималась в кино. В 1996 году в связи с девяностолетием была награждена орденом Дружбы народов.

48

Александр Ильич Лизюков (1900–1942) — генерал-майор, Герой Советского Союза. Отличился в боях на Днепре (Смоленское сражение), в районе Наро-Фоминска (Битва под Москвой) и во время окружения немецкой группировки в районе Демянска и Холма (Демянский котёл). В 1938 году был арестован, в 1939 году — реабилитирован. Погиб в 1942 году, командуя 5-й танковой армией в ходе Воронежско-Ворошиловоградской операции. Место гибели и могила до сих пор доподлинно не установлены. Награждён медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, двумя орденами Ленина, орденом Красной Звезды, медалью «XX лет РККА».

49

5-я танковая армия входила в состав Брянского фронта и вела активные боевые действия, затем была переброшена южнее — в район Воронежа.

50

Надежда Александровна Ник-Калнышевская (1910–2000) — актриса, артистка эстрады. Праправнучка последнего кошевого атамана Запорожской Сечи Петра Калнышевского. Родилась в семье актрисы. Воспитывалась в семье офицера русской армии в городе Виннице. Окончила театральную студию в Киеве. Работала в передвижном театре. Окончила Театральный институт им. М. Лысенко. Работала в Киевском театре Красной армии, в Киевской филармонии. В годы Великой Отечественной войны работала в составе фронтовых концертных бригад.

51

Ольга Васильевна Ковалёва (1881–1962) — певица (контральто). Народная артистка РСФСР (1947). Родилась в деревне Любовка под Саратовом. В 1906 году окончила Музыкальные курсы Саратовского отделения Русского музыкального общества. В 1907–1909 годах занималась на оперных курсах И. П. Прянишникова в Петербурге. В составе Частной оперы гастролировала по России. Пела в оперных театрах провинции. Подготовила концертную программу русских народных песен и сразу покорила ими публику. После выступления в Москве гастролировала в Швеции, Норвегии, Финляндии, Франции, Германии. В 1924 году — солистка Всесоюзного радио. Автор текста и мелодий песен «Ой, цвети, кудрявая рябина…», «Волга-реченька глубока…» и др.

52

Вот и Маргарита Владимировна Крюкова считает, что Русланова развелась с Гаркави «перед началом войны».

53

Константин Фёдорович Телегин (1899–1981) — генерал-лейтенант. Родился в городе Татарске, ныне Новосибирской области. В Красной армии с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1931 году окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. С 1936 года служил в войсках НКВД. Участник боёв у озера Хасан. Участник советско-финляндской войны. Перед Великой Отечественной войной служил в центральном аппарате НКВД. Во время войны — член Военного совета Московского военного округа и ряда фронтов. Руководил правительственной комиссией в процедуре опознания останков Гитлера. После войны — заместитель командующего и член Военного совета Группы советских оккупационных войск в Германии. В 1947 году был арестован по «трофейному делу». В 1953 году полностью реабилитирован, восстановлен в Вооружённых силах. Награждён тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени.

54

Полина Семёновна Жемчужина (Перл Семёновна Карповская) (1897–1960) — государственный деятель. Родилась в селе Пологи Екатеринославской губернии в еврейской семье. Дочь портного. Окончила рабфак 2-го МГУ (1923) и 1-го МГК (1925). Училась на экономическом факультете Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Работала папиросницей на табачной фабрике, кассиром в аптеке. С 1918 года в Красной армии — политработник, завклубом. В 1919 году — на подпольной работе в Киеве. В 1920-е годы на партийной работе на Украине. В 1921 году вышла замуж за В. М. Молотова. Директор парфюмерной фабрики «Новая заря». В 1930-е годы — на партийной работе в Москве, в Наркомате пищевой промышленности СССР, заместитель наркома. Нарком рыбной промышленности СССР. С 1939 года — кандидат в члены ЦК ВКП(б). Затем работала в Наркомате лёгкой промышленности СССР. Начальник главка текстильно-галантерейной промышленности СССР. С 1942 года активно работала в Еврейском антифашистском комитете. 29 января 1949 года была арестована и обвинена в том, что «на протяжении ряда лет находилась в преступной связи с еврейскими националистами». Приговорена к пяти годам ссылки в Кустанайскую область. Освобождена сразу после смерти И. В. Сталина в 1953 году.

55

Екатерина Иоганновна Калинина (урождённая Лорберг) (1882–1960) — революционерка, домохозяйка, жена М. И. Калинина. Родилась в эстонской православной семье. Работала на ткацкой фабрике. Увлеклась революционными идеями. Родила М. И. Калинину троих детей. В семье было ещё двое приёмных. В 1938 году была арестована по обвинению «в антисоветской деятельности и в связях с троцкистами и правыми». Осуждена на 15 лет. Отбывала наказание в Акмолинском лагере жён изменников родины (Алжир). Работала в бане — счищала гнид с белья заключённых. Жила там же, в бельевой, что считалось большой привилегией. Досрочно освобождена в 1945 году — помилована.

56

Настя Полякова (1877–1947) — певица. Родилась в семье таборных цыган. В 12 лет выступала в семейном хоре в ресторане «Яр» в Москве. Музыке не обучалась. Гастролировала по России, пела в лучших залах страны и в провинции. Имела покровителей и покровительниц среди влиятельных особ. В 1920 году уехала из России в Константинополь. С 1923 года жила в Париже. Пела в престижных ресторанах и в концертных залах. Выступала в программах вместе с Юрием Морфесси, Надеждой Плевицкой, Александром Вертинским. В 1930-е годы перебралась в США. Её песни любил президент США Франклин Рузвельт. Скончалась в бедности.

57

Нина Викторовна Дулькевич (в девичестве Бабурина) (1891–1934) — певица (меццо-сопрано). Начала петь в 15 лет. Вышла замуж за руководителя цыганского хора Николая Дулькевича. С 18 лет гастролировала по России. Выступала в знаменитом петербургском саду «Аквариум». Исполняла старинные цыганские песни и русские романсы под аккомпанемент двух гитар. («В час роковой…», «Невечерняя».) Её называли певицей «дикой воли и тихой грусти». Её любили слушать А. Куприн и Л. Андреев. В 1920-е годы пела в театрах и на сценах Петрограда. Когда началась борьба с «цыганщиной», перешла на детские песенки, искусно подражая детскому голосу. Записывала грампластинки на фирме «Петэ». Романсы «Нет, не любил он…», «Ну же, ямщик…», русские народные песни «Вечор поздно из лесочка…», «Ах, кумушка…» и «Валенки».

58

Вера Васильевна Макарова-Шевченко (1892–1965) — певица (меццо-сопрано) и драматическая актриса. Заслуженная артистка РСФСР (1933). Родилась в крестьянской семье в Воронежской губернии. Образование получила в Воронежской женской гимназии. В 1911 году окончила Драматическую школу Малого театра. Играла на сценах театров Петербурга, Омска, Казани. С 1913 года пела в Частной опере С. Зимина. В 1920–1930-е годы работала в Большом театре. Выступала с концертами как певица. Награждена орденом «Знак Почёта».

59

Екатерина Николаевна Юровская (Панкратова) (1885–1949) — певица, исполнительница старинных русских и цыганских романсов. Исполняла также русские народные песни и песни современных композиторов. Родилась в Киеве. Вначале окончила железнодорожное училище. Потом гимназию, где увлеклась пением. Первые выступления состоялись в 1908 году в составе хора русской песни под руководством Н. Богданова. Гастролировала с хором по Сибири и Дальнему Востоку. С 1917 года выступала самостоятельно со своей сольной программой. В годы Великой Отечественной войны выступала в составе концертных бригад на фронте. Заслуженная артистка РСФСР.

60

Алексей Александрович Сурков (1899–1983) — поэт, журналист, общественный деятель. Герой Социалистического Труда (1968). Дважды лауреат Сталинской премии (1946, 1951). Родился в деревне Середнёво Ярославской губернии в крестьянской семье. Окончил сельскую школу. Первые стихи опубликовал в 1918 году. В том же году добровольцем ушёл в Красную армию. Участник Гражданской войны, Польского похода и военных действий против участников Тамбовского восстания под руководством Антонова. Пулемётчик, конный разведчик. После войны работал избачом, секретарём волисполкома, селькором уездной, а затем губернской молодёжной газеты. Делегат 1-го Всесоюзного съезда пролетарских писателей. В 1934 году окончил Институт красной профессуры, а затем защитил диссертацию. Преподавал в Литературном институте Союза писателей СССР. Участник советско-финляндской войны. До Великой Отечественной войны был редактором журнала «Новый мир». В годы войны — военный корреспондент газеты «Красноармейская правда», спецкор «Красной звезды». Участник обороны Москвы. После войны был редактором «Литературной газеты», журнала «Огонёк». Член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР. В 1953–1959 годах — первый секретарь Союза писателей СССР. Награждён четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почёта».

61

Вадим Алексеевич Козин (1905–1994) — певец (лирический тенор), композитор, поэт. Родился в Санкт-Петербурге в семье купца и цыганки. На эстраде — с 1920-х годов. Пел старинные цыганские и русские романсы, собственные песни. Во время Великой Отечественной войны ездил выступать на фронт в персональном вагоне. В 1943 году пел вместе с Морисом Шевалье, Марлен Дитрих и Изой Кремер для участников Тегеранской конференции. В 1944 году был осуждён по ст. 121-й — мужеложство и совращение малолетних. Срок отбывал на Колыме. В 1950 году был досрочно освобождён за примерное поведение и хорошую работу. Поступил в Магаданский музыкальный театр. Возобновил концертную деятельность. В 1959 году был осуждён по той же статье и до конца жизни прожил в Магадане. Репертуар его насчитывал три тысячи песен. Сочинил 300 песен, в том числе «Лишь чёрный бархат…» (Н. Гумилёв), «Не стращай меня горькой судьбой…» (А. Ахматова), «Не буди воспоминаний…» (К. Бальмонт).

62

Изабелла Даниловна Юьева (Ливикова) (1899–2000) — эстрадная певица (контральто). Народная артистка России (1992). Родилась в Ростове-на-Дону в еврейской семье. В 1920 году обучалась музыке в Петрограде. Выступать начала в 1922 году на сцене театра «Колизей». В репертуаре старинные русские и цыганские романсы. За своеобразное исполнение последних её называли «белой цыганкой». В годы войны выступала на Карельском и Калининском фронтах. Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени.

63

*Клавдия Ивановна Шульженко (*1906–1984) — эстрадная певица, актриса театра и кино. Народная артистка СССР (1971). Родилась в селе Гущёвке Чигиринского уезда Киевской губернии в семье бухгалтера. С 1920 года исполняла народные песни. С 1923 года — на сцене Харьковского украинского драматического театра. В 1928 году дебютировала на эстраде. Награждена медалью «За оборону Ленинграда», орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Ленина.

64

Степан Петрович Ярёмич (1869–1939) — художник. Родился в селе Галабки Киевской губернии. В 1880-е годы учился в иконописной школе Киево-Печерской лавры. Затем в Рисовальной школе в Киеве. Брал уроки у Н. Н. Ге. Помогал М. А. Врубелю расписывать Владимирский собор в Киеве. С 1900 года жил и работал в Санкт-Петербурге. Большой знаток и коллекционер западноевропейского рисунка. До революции работал в Париже в антрепризе С. Дягилева, писал декорации для Гранд-опера. С 1918 года — заведующий отделением рисунков Эрмитажа. С 1930 года — заведующий реставрационными мастерскими Эрмитажа.

65

Михаил Николаевич Туганов (1900–1974) — цирковой артист, наездник, режиссёр. Народный артист РСФСР (1958). Родился во Владикавказе. В 1925 году создал Донской казачий ансамбль. Выступал в Московском цирке. В 1941 году вместе со своим ансамблем добровольно пошёл на фронт. С 1963 года — на режиссёрской работе. Воспитал целую плеяду наездников, среди которых его дочь Дзерассу Туганова. Награждён орденом Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

На самом деле от Ковалёвки, Воронцова и Семирёва до хутора Михайловский и деревни Хатожи — 17–20 километров. Таким образом, марш авангардов 2-го кавалерийского корпуса был достаточно успешным, а продвижение существенным.

Корпус действовал на стыке 10-й и 50-й армий, и неясно, какие дивизии участвовали в совместной операции. Возможно, дивизии обеих армий.

68

Из стихотворения Николая Гумилёва «Та страна, что могла быть раем…».

69

Старинная немецкая марка аккордеона. Фирма «Хонер» начала производить музыкальные инструменты в 1857 году — специализировалась на выпуске аккордеонов и баянов (кнопочных аккордеонов). Затем наладила производство губных гармошек, с которыми вермахт пришёл в Россию в 1941 году. Производит аккордеоны и поныне. Качество высочайшее. Стоимость тоже — до 500 тысяч рублей.

70

Леонид Осипович Утёсов (Лейзер Иосифович Вайсбейн) (1895–1982) — певец, чтец, руководитель оркестра, киноактёр. Народный артист СССР (1965). Родился в Одессе в многодетной семье. Учился в одесском коммерческом училище. Выступал в бродячем цирке как акробат, затем в труппе Кременчугского театра миниатюр. В 1917 году приехал в Москву, выступал в саду «Эрмитаж». В 1919 году впервые снялся в кино. Работал в театрах Москвы, Петрограда, Риги. В 1920-е годы после поездки в Париж создал джаз-оркестр. В 1934 году на экраны вышел фильм «Весёлые ребята» с Утёсовым в главной роли, с его оркестром. Фильм принёс ему небывалый успех. В годы войны выступал с концертами в действующей армии. Выпустил множество грампластинок. Награждён орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени.

71

Елена Васильевна Аладова (в девичестве Пук) (1907–1986) — искусствовед, заслуженный деятель искусств Беларуси, директор Национального художественного музея Беларуси в 1944–1977 годах. Родилась в Пружанах в семье учителей. В 1930 году отца расстреляли в Орше по обвинению в контрреволюционной деятельности. Окончила педагогический факультет Белгосуниверситета, затем естественно-историческое отделение этого факультета. Работала экскурсоводом, публиковала статьи и исследования по искусствоведению. В 1928 году вышла замуж за композитора Н. И. Аладова. С 1937 года — научный сотрудник рабочей группы по созданию Государственной картинной галереи Беларуси. Училась в ИФЛИ в Москве. В 1941 году эвакуировалась в Саратов вместе с фондами Витебской и Минской картинных галерей. После возвращения в Минск в 1944 году собирала по всей стране для Национального художественного музея Беларуси картины известных художников. Награждена орденом Дружбы народов и двумя орденами «Знак Почёта».

72

Сырой окорок, предназначенный для приготовления ветчины или буженины. Название распространено среди русских уроженцев Литвы, Латвии и Западной Белоруссии.

73

Леонид Фёдорович Минюк (1900–1977) — генерал-лейтенант. В Красной армии — с 1918 года. С 1929 года — на штабной работе. В 1935–1937 годах — начальник штаба 4-й Донской казачьей дивизии, которой командовал Жуков. В начале Великой Отечественной войны — генерал-адъютант главкома войск Юго-Западного направления. С 1942 года — генерал-адъютант при Жукове. Затем начальник штаба 1-й ударной армии. С 1944 года — начальник штаба Закавказского фронта. После войны — начальник штаба Тбилисского военного округа. Старший преподаватель Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. 31 декабря 1947 года был арестован МГБ. Осуждён на десять лет. 28 июня 1953 года приговор был отменён. После реабилитации вернулся на преподавательскую работу в прежней должности.

74

Николай Фёдорович Погодин (Стукалов) (1900–1962) — писатель, сценарист, драматург. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1949). Лауреат Ленинской (1959) и двух Сталинских премий (1941, 1951). Родился в станице Гундоровская, ныне город Донецк Ростовской области. Добровольцем вступил в РККА. Работал репортёром в газетах, в том числе в «Правде». С 1925 года жил в Москве. В 1926 году опубликовал книги очерков «Кумачовое утро» и «Красные ростки». С 1951 по 1960 год — главный редактор журнала «Театр».

75

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР 6 июня 1945 года. К сожалению, нет сведений о том, кто и когда вручил эту награду Руслановой.

76

По всей вероятности, Русланова имела в виду *Степана Георгиевича Лианозова* (Лианосяна) (1873–1949) — русского промышленника, мецената и политического деятеля. Родился в Москве. Окончил Московский университет. В 1901 году переехал в Баку и занялся нефтяными делами. Достиг необычайных успехов и стал одним из богатейших людей России. После революции уехал в Финляндию, потом во Францию. В Париже в 1920 году вместе с П. П. Рябушинским создал Российский торгово-промышленный и финансовый союз. Масон. Член лож: «Астрея», «Гермес», «Друзья Любомудрия», «Лотос». Член Капитула Астрея (15–18) Верховного совета Франции. Возведён в 33-ю степень. Любопытно то, что Русланова произносит фамилию Лианозова через «о», как она первоначально и писалась.

77

Евгения Ивановна Збруева (Булахова) (1867–1936) — певица (контральто), педагог. Заслуженная артистка РСФСР (1922). Дочь композитора П. П. Булахова. Окончила Московскую консерваторию. Солистка Большого и Мариинского театров. Выступала с сольными концертами. Ей аккомпанировали С. И. Танеев, С. В. Рахманинов, А. И. Зилоти, А. С. Аренский. Гастролировала в Германии, Франции. С 1921 года — профессор Московской консерватории. По некоторым сведениям, Русланова брала у неё уроки пения.

78

Михаил Константинович Северский (Скородумов) (1882–1954) — певец (тенор), музыкант. Заслуженный артист РСФСР (1937). Родился в деревне. Рано осиротел. Бродил с гуслями по стране. Пел былины. Пел и играл в коллективе В. Андреева. Окончил курсы хорового пения при Московской консерватории. Пел в хоре Большого театра. Виртуозно владел бандурой, гитарой, цитрой. Работал на Всесоюзном радио. Исполнял русские народные песни, сопровождая их игрой на гуслях и других народных инструментах. В последние годы работал в московских домах культуры, руководил коллективами художественной самодеятельности.

79

Всероссийский союз кооперативных товариществ работников изобразительного искусства, действовавший с 1928 по 1953 год. Находился в ведении Всекопромсовета, затем Наркомпроса РСФСР. Впоследствии функции переданы Художественному фонду СССР.

80

Григорий Иванович Афонин (1894–1959) — художник, артист. Почти одновременно окончил Строгановское училище живописи, ваяния и зодчества и студию МХАТ. В 1918 году был мобилизован в Красную армию в качестве артиста и режиссёра в агитпоезд. Читал с эстрады фельетоны. Основатель жанра эстрадного монолога. Писал монологи для своих выступлений сам.

81

Александр Иванович Орлов (1873–1948) — дирижёр. Народный артист РСФСР. Первый руководитель Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио. Выпускник Петербургской консерватории, скрипка.

82

Любовь Петровна Орлова (1902–1975) — актриса театра и кино, пианистка, танцовщица. Лауреат двух Сталинских премий первой степени (1941, 1950). Народная артистка СССР (1950). Родилась в подмосковном Звенигороде в дворянской семье. Училась в Московской консерватории, на хореографическом отделении Московского техникума им. Луначарского (ГИТИС). Работала в Музыкальном театре. Славу принесло кино: «Весёлые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Весна» режиссёра Г. Александрова. Замужем за Г. Александровым. Награждена орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени.

83

Александр Иосифович Батурин (1904–1983) — оперный певец (бас-баритон). Народный артист РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943). Родился в городе Ошмяны Виленской губернии. Выступал в художественной самодеятельности. Окончил Петроградскую консерваторию. Учился в Музыкальной академии «Санта Чечилия» (Рим). С 1927 года — солист Большого театра. Помимо оперного пения, выступал с концертами, исполняя эстрадные и русские народные песни. Вёл класс оперного пения в Московской консерватории. Награждён орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почёта».

84

Клавдия Николаевна Еланская (1898–1972) — актриса театра и кино. Народная артистка СССР. Лауреат Сталинской премии первой степени (1952). Родилась в городе Енотаевске под Астраханью. Окончила Медицинские высшие женские курсы и театральную студию «Молодые мастера». В 1920 году поступила в студию МХТ. Замужем за актёром и режиссёром И. Я. Судаковым. С 1924 года — в труппе МХАТа. Награждена двумя орденами Трудового Красного Знамени.

85

Татьяна Кирилловна Окуневская (1914–2002) — актриса театра и кино. Заслуженная артистка РСФСР (1947). Родилась в дворянской семье. Отец Кирилл Титович Окуневский — офицер русской армии. Впоследствии воевал в белой армии против большевиков. В 1921 году поступила в трудовую школу, но была исключена из третьего класса как дочь белогвардейца. Окончила другую школу, которая находилась напротив Театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. В 17 лет начала сниматься в кино. В 1934 году снялась в фильме М. Ромма «Пышка». Затем сыграла главную роль в фильме «Горячие денёчки». Н. Охлопков пригласил её в свой Реалистический театр. В 1937 году вновь был арестован её отец, из лагерей он уже не вышел. Окуневскую уволили из театра как дочь «врага народа». В 1938 году вышла замуж за писателя Бориса Горбатова. Карьера её вновь складывалась успешно. Среди её поклонников были Иосип Броз Тито, Лаврентий Берия, Виктор Абакумов, посол Югославии в СССР Владо Попович. В ноябре 1948 года была арестована. В 1954 году освобождена из лагеря. После реабилитации работала в Театре им. Ленинского комсомола, снималась в кино в эпизодических ролях. В 1959–1979 годах — артистка Госконцерта и Москонцерта. Написала книгу мемуаров «Татьянин день». По словам её дочери Инги Дмитриевны Суходрев, многие страницы воспоминаний — искусная мистификация.

86

Лидия Александровна Баклина (1889—?) — оперная певица (меццо-сопрано), пианистка. В 1922 году окончила Московскую консерваторию. В том же году принята в труппу Большого театра и до 1944 года пела заглавные партии. Бессменная Ольга в «Евгении Онегине», Весна — в «Снегурочке».

Культурно-воспитательная часть.

88

Ольга Стефановна Будницкая, сценический псевдоним Михайлова (1883–1973) — оперная певица (контральто). Окончила Московскую консерваторию. Пела в Большом театре. Была арестована и осуждена по статье 58-й за то, что вместе с женой маршала Егорова часто посещала иностранные посольства. Во время допросов подвергалась насилию. В 1956 году вернулась в Москву морально и психически сломленной. Маршал Будённый, к тому времени уже женатый на другой, выхлопотал ей квартиру и всячески заботился о её устройстве и лечении.

89

Книга написана в 1979 году в соавторстве с Хэскелом Фрэнкелом.

90

По поводу срока Виктория Фёдорова ошибается. Такого срока — шесть лет — тогда не было. Русланова получила стандартную «десятку».

91

Нина Антоновна Ольшевская (1908–1991) — актриса, мать актёров Алексея Баталова и Бориса Ардова и писателя Михаила Ардова. Родилась во Владимире в семье главного лесничего Владимирской губернии и польской аристократки, графини Понятовской. Окончила театральную студию при Московском Художественном театре. Училась у К. С. Станиславского. Вышла замуж за актёра Владимира Петровича Баталова. Играла во МХАТе, в Театре Красной армии. Во время войны в эвакуации работала в Бугульминском театре. Занималась педагогической деятельностью.

92

Виктор Ефимович Ардов (Зигберман) (1900–1976) — писатель, драматург, сценарист, карикатурист. Родился в Воронеже. В 1918 году окончил гимназию в Москве. Работал актёром, конферансье. Затем окончил Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Публиковался в сатирических изданиях. Писал пьесы. В 1942 году ушёл добровольцем на фронт — служил в армейской газете.

По всей вероятности, первой из неволи вернулась в Москву всё же Русланова.

Ардов М. В. Вокруг Ордынки // Новый мир. М., 1994. № 4.

95

В Москве телевизионное вещание началось в 1940 году, но долго не имело широкого распространения.

96

Орест Михайлович Мальцев (1906–1972) — писатель, публицист. Лауреат Сталинской премии второй степени (1952). Родился в семье сельского дьякона под Белгородом. Окончил военно-пехотную школу и служил в РККА. Воевал на востоке с басмачами. Работал корректором в издательстве «Молодая гвардия». Корреспондент газеты «Красная звезда». В 1933 году окончил ВЛХИ им. В. Я. Брюсова. Участник похода в Западную Украину и Северную Буковину. Во время Великой Отечественной войны работал в дивизионной газете.

97

Амелита Галли-Курчи, урождённая Амелита Галли (1882–1963) — итальянская оперная певица, колоратурное сопрано. Пела в Метрополитен-опера, много концертировала.

98

Антураж — окружение, оправа, среда. В композиции произведения искусства — то, что сопутствует зрительному центру, главному элементу.